

INTERNATIONAL BESTSELLING AUTHOR
of the Book of the Ancestor and the Broken Empire Trilogies

"An excellent writer."
—George R. R. Martin

A new moon.
An old evil.

THE GIRL
AND THE
MOON

★ THE THIRD BOOK OF THE ICE ★

MARK
LAWRENCE

ПРЕДЫДУЩИЕ СОБЫТИЯ И ПЕРСОНАЖИ

Для тех из вас, кому пришлось немного подождать эту книгу, я приведу краткие примечания ко Второй книге, чтобы освежить ваши воспоминания и избежать неловкой ситуации, когда персонажи рассказывают друг другу для вас то, что они уже знают.

Здесь я привожу только то, что имеет значение для последующего рассказа.

Абет — это скованный льдом мир с тонкой полоской суши, известной как Коридор, опоясывающий его экватор; искусственная луна удерживает Коридор свободным от льда. Есть четыре старых крови, которые проявляются в небольшом количестве детей:

ГЕРАНТ, что означает, что ты вырастешь очень большим

ХУНСКА, которая делает тебя очень быстрым

МАРДЖАЛ, которая может уделить тебе кое-что от изобилия малых магий, таких как управление тенями, водой, воздухом, камнем, огнем и т. д. — порой и еще что-нибудь

КВАНТАЛ, которая может дать тебе главную магию, включая доступ к огромной силе Пути, и способность плести нити существования, чтобы добиться более тонких манипуляций людьми и предметами

Пропавшие — люди пятого племени, которые прибыли раньше этих четырех племен и, как считалось, исчезли ко времени появления четырех племен.

Важные персонажи из Второй книги:

ЯЗ: ~16 лет, член клана Икта. У Яз есть кровь Пропавших, и это дает ей особую способность управлять звездами. У нее также есть навыки квантала.

ТУРИН: ~18 лет, родился подо льдом, марджал, обладающий властью над водой и огнем.

ЭРРИС: ~5000 лет. Будучи молодым человеком, заблудился в подземном городе тысячелетия назад, до того, как солнце еще больше ослабело и лед покрыл планету. Город усыновил его. Неясно, действительно ли Эррис жив или просто воспоминание, хранящееся в городе. Теперь он обитает в искусственном теле, которое построил с помощью города.

КУИНА: ~15 лет; хунска; сообразительная, острая на язык девушка.

КВЕЛЛ: ~17 лет, один из клана Икта. Квелл собирался попросить Яз выйти за него замуж как раз перед тем, как она прыгнула в Яму Пропавших. Он остался на севере с ее братом и кланом, когда она отправилась на юг в поисках Коридора.

ТЕУС: возраст неизвестен, дух, созданный из большинства нежелательных черт одного из Пропавших. Его неповрежденная форма пришла на Абет с Земли в виде симуляции, которая была запечатлена на ребенке. В настоящее время он одержал железного пса, Зокса, и был оставлен в туннелях под монастырем.

СТЕРЖЕНЬ-КОРЕНЬ: возраст неизвестен, древняя симуляция человека по имени Элиас Стержень-корень, привезенная на Абет одним из четырех племен людей, которые вместе заселили планету. В настоящее время занимает пустую белую коробку, которую несла Яз, когда Эулар столкнулся с ней.

ЭУЛАР: возраст неизвестен; старый, безглазый человек, который является верховным жрецом Черной Скалы, но также, похоже, играет роль очень важного священнослужителя в другой вере, практикуемой в той части Коридора, в которую прибыла Яз. Ныне разрушенные Тумз-врата (также известные как туман-врата) в Черной Скале позволяли жрецам посещать Коридор.

ДЖЕККИС: пожилая женщина, которая является частью жречества Черной Скалы.

КРЕЙ: молодая женщина, которая является частью жречества Черной Скалы.

Яз, Эррис, Турин и Куина отправились на юг по льду и достигли Коридора. Последние несколько тысяч миль перехода были пройдены с помощью Тумз-врат, соединенных с другими такими же воротами под монастырем Сладкого Милосердия.

Во время путешествия стало ясно, что дух, известный как Теус, вселился в железного пса Зокса, которого они привезли с собой из Черной Скалы и который тащил их сани. Существо, называющее себя Теусом, создано из всех «нежелательных» частей одного из Пропавших, вырезанных из этого человека до того, как то, что от него осталось, поднялось на какой-то другой план/место вместе с остальными Пропавшими. Цель Теуса — воссоединиться с остальной частью себя и рассчитаться со своими товарищами Пропавшими, которые навязали ему это нежелательное очищение.

Пропавшие прибыли с Земли. Они были первой из пяти волн человечества, которые в конечном итоге оказались на Абете, когда звезды начали умирать. Считалось, что Пропавшие ушли до прибытия остальных четырех волн, хотя небольшое число отказавшихся вознестись спряталось на крайнем севере и позже смешалось с вновь прибывшими.

Последний приказ Пропавших своим городам: никто не должен следовать за ними — наставление,

предназначенное для разумных городов и их приспешников, с намерением подарить им мир. К сожалению, по прошествии тысячелетий и непредвиденного прибытия новых людей, города интерпретировали приказ как направленный против новых людей и решили подорвать их цивилизацию, чтобы у тех не было средств следовать за Пропавшими.

Предводитель разумов городов, Сеус, сейчас работает над тем, чтобы обрушить Луну, после чего лед должен сомкнуться над Коридором. Тем самым он хочет обречь человечество на еще более хрупкое выживание на льду.

Теус, как и многие из Пропавших, родился на Земле и был доставлен на Абет как машинный разум, хотя, как и в случае с Эррисом, неясно, действительно ли он жив или является копией человека, который сейчас мертв. Эррис в конце концов был загружен в физическое, хотя и механическое тело. Теус же был запечатлен на ребенке, которого мы видели в прологе к Первой книге, ребенке, которому ледяная ведьма Агатта предсказала величие и огонь. То, что Теус сумел «собраться» и способен так хорошо функционировать, является четким указанием: кем бы он ни был раньше, он был человеком исключительно сильной воли, а также тем, кому требовалось очистить большую часть своей личности, прежде чем его признали пригодным для вознесения.

На льду группа Яз приобрела нового товарища — Мали, послушницу из Сладкого Милосердия.

Почти сразу после их прибытия в монастырь Яз и ее друзья обнаружили, что Эулар, которого они знали как старейшину среди Сломанных подо льдом и как верховного жреца ордена, жившего в Черной Скале, в этой части Коридора играет роль могущественного священнослужителя веры в Предка. Эулар, похоже, стоит во главе этой веры. Он ложно обвинил их в убийстве и сказал Яз, что она проделала долгий путь, чтобы умереть.

ЯЗ ХОДИЛА ПО воде всю свою жизнь, и теперь в этом месте, где растаявшая вода падала с небес, ее собирались в этом веществе утопить.

Она стояла на коленях на камне, глядя вниз, в провал, на воду, находившуюся примерно в сорока футах внизу. Черная глубина ждала ее, не покрытая рябью от ветра, не тронутая солнечным светом, который достигал только половины провала. Дыра с отвесными стенами могла быть проделана в камне только пальцем бога. Дальняя стена находилась более чем в десяти ярдах, по ней шла вниз, в глубину, железная лестница, размечая камень ржавыми потеками.

Даже если бы лестница была на ее стороне, это мало помогло бы Яз. Ее руки прижимало к шее с обеих сторон тяжелое железное ярмо, которое уже ободрало ей запястья в кровь. Металл был горячим, пропитанным солнцем, которое, казалось, светило сильнее здесь, на поясе Абета. Слева от нее на коленях стояла Куина, точно так же закованная, ее лодыжки были связаны веревкой, в то время как лодыжки Яз оставались свободными. Справа от Яз Турин и Эррис носили то же железное ярмо и смотрели на те же темные воды.

Несмотря на все ее неприятности с тех пор, как она упала в Яму, ближе всего к смерти Яз была в тот день, когда рыбачила в Горячем Море и рыба-кинжал утащила ее брата под волны. Тогда она пошла ко дну вместе с ними, не в силах отпустить. И вот она снова здесь, лицом к лицу с тем же концом.

Аудитория на этот раз была гораздо большей и гораздо менее дружелюбной. Никто не стал бы грести к тому месту, где она тонула. Никто из них не попытался бы ее спасти.

Эулар, который был верховным жрецом Черной Скалы, каким-то образом стал важной фигурой совсем другой веры здесь, в зеленых землях. Теперь он стоял, повернув свое безглазое лицо в маску к Яз и остальным с дальней стороны провала. Рядом с ним стояли настоятельница и две старшие сестры: Госпожа Путь — или Сестра Сова, как она представилась сначала, — и Госпожа Тень. Монахини и послушницы окружили периметр. Никто из них не выглядел довольным происходящим.

Яз не сводила взгляда с Эулара. Она вспомнила обломки в потайной комнате за статуей Аргеса в храме Черной Скалы: разрушенные ворота. Теперь было ясно, что ворота были сломаны после того, как Эулар воспользовался ими, чтобы сбежать в Коридор, и что он, должно быть, использовал их много раз до того дня. Его двойная жизнь между пещерами Сломанных и Черной Скалой была тройной жизнью. Он поддерживал еще одну личность, перемещался во времени и пространстве, используя чудеса Пропавших, вел по крайней мере три отдельных существования. Каким-то образом он добился положения в зеленых землях среди людей, которые, как он утверждал, ослепили его. Его нить-работа не могла завести его так далеко — остальное, должно быть, зависело от внешней помощи. Сеус, должно быть, работал в этом месте уже много лет.

СО СВОЕГО МЕСТА на краю провала Стеклянная Вода Послушница Мали наблюдала за четырьмя членам лед-племени, стоящими на коленях в ожидании казни. В отличие от них, ей было позволено стоять, но, как и они, она носила ярмо. Устройство было разработано для удержания людей с двумя руками, и Мали было бы легко вытащить культю запястья, но Сестра Чашка привязала ее локоть к железной конструкции веревкой. В любом случае, Мали мало чего могла бы добиться, даже если бы эта рука была свободна. Культя все время болела, и боль превращалась в адскую при малейшем прикосновении.

Странно, но когда она не смотрела на культю, Мали могла себе представить, что у нее все еще есть кисть. Она могла даже помахать пальцами или сжать кулак, почти как если бы там была призрачная кисть и в каком-то параллельном Абете невредимая Мали занимала то же самое пространство. Она обнаружила, что, когда дело доходило до манипулирования невидимыми нитями, соединяющими каждую вещь друг с другом, именно ее отсутствующие пальцы были самыми ловкими — они буквально жонглировали нитями, в отличии от пальцев из плоти и крови.

Мали заставила себя посмотреть на четырех лед-людей, которые спасли ее. Сестра Сосна стояла позади них в белом одеянии палача. Яз и ее друзья выглядели такими потерянными в мире Мали, точно так же, как она выглядела потерянной в их. Она вспомнила их слезы удивления, когда она вывела их из пещеры, как будто деревья и кусты были горами золота и драгоценных камней. Их поражало все: цыплята, привычки монахинь, лошадь архонта... И теперь, через день после их прибытия, их всех должны убить. Сердце Мали болело сильнее запястья.

Суд в Зале Персуса был фарсом. Мали ответила на вопросы архонта, запротестовала, когда он назвал ее лгуньей, и опустила голову, когда он рассмеялся над ее разговорами о воротах, которые давали возможность пересечь тысячи миль в одно мгновение. Архонт Эулар вызвал на трибуну одного из своих церковь-стражей, женщину, которая, по его словам, пережила налет лед-племен, во время которого белая шкатулка, позже найденная на Яз, была украдена у священника по имени Патер, который, к сожалению, был убит, защищая ее.

Женщина указала на Мали и с непоколебимой убежденностью заявила перед судом и под вечным взглядом Предка, что Мали была с налетчиками, хотя, возможно, и была пленницей.

По словам архонта Эулара, племена захватили Мали на льду, убили ее друзей и заставили ее вести их через империю в поисках добычи. Убив отца Патера и похитив имущество Церкви, они пришли в Сладкое Милосердие в поисках новых вещей, которые можно было бы украсть. По его словам, похоже, что они использовали неизвестную магию или яды, чтобы сломить волю Мали. Это было единственным объяснением ее лжи, если, конечно, она добровольно не присоединилась к их делу. Эулар достал горсть звездной пыли, взятую у Яз, и заявил, что это пример испорченной магии льда, которую они использовали, чтобы исказить разум Мали. Он погасил его свет, заявив, что направил очищающую силу Предка, и позволил безжизненным зернам просочиться сквозь его пальцы на пол.

Яз и ее друзья ничего не сказали во время судебного процесса. На самом деле их никто и не спрашивал. Сестра Сова и архонт были единственными, кто мог говорить с ними, и Яз сказала Мали не показывать, что они двое могут понимать друг друга. Сестра Сова наблюдала за всем происходящим с каменным лицом, ничего не говоря, несмотря на свой интерес к Эррису. Очевидно, ее уважение к должности архонта помешало ей возразить ему в суде. И, честно говоря, что могла сказать пожилая женщина по этому вопросу, разве что перевести то, что исходило бы непосредственно из уст обвиняемых.

Так что теперь Мали стояла в ярме рядом со Стеклойной Водой. На ее ярме был сигил, который мешал ей выйти на Путь. Она знала, что не утонет, по крайней мере, не сегодня: сигил делал ярмо слишком ценным, и никто не стал бы рисковать потерять его в грязи на глубине нескольких фатомов на дне провала.

Хотя Настоятельница Коготь в основном хранила молчание во время судебного процесса, она настаивала на двух моментах. Во-первых, не было бы никакой спешки с суждением в случае послушницы Сладкого Милосердия. Если Послушница Мали находился под контролем, то средства этого контроля должны быть выявлены и нейтрализованы. Во-вторых, когда архонт Эулар приказал своим людям вывести лед-людей на площадь и обезглавить их, Настоятельница Коготь встала со своего стула.

— В Сладком Милосердии мы топим.

Архонт приподнял бровь при этих словах:

— Прощу прощения?

— Мы казним в провале.

Архонт Эулар покачал головой, белая маска скрывала выражение его лица:

— Я этому не доверяю. Я хочу, чтобы их кровь была на земле передо мной.

— Вы не доверяете провалу? — Звонкий смех настоятельницы Коготь звучал совершенно неправильно. Мали никогда раньше не слышала, чтобы настоятельница смеялась. — Вы считаете, что лед-люди наполовину рыбы, архонт? Я сомневаюсь, что они даже умеют плавать, хотя это несущественно; они будут утяжелены.

— Возможно, у них есть силы... — Раздражение окрасило голос архонта.

— Силы? — Настоятельница приподняла бровь.

— Почему вы спрашиваете? В этом месте, где половина ваших послушниц демонстрирует старую кровь?

Настоятельница Коготь поджала губы. Настолько близко к пожатию плечами, насколько Мали когда-либо видела:

— И мы прочесываем всю империю, чтобы их найти. И даже тогда ни одна из здешних девушек не может дышать водой.

— Я настаиваю...

— Архонт Эулар. — Коготь понизила голос, хотя весь Зал Персуса все еще мог ее слышать, его коллективное дыхание затаилось, когда они наблюдали, пораженные тем, что настоятельница бросила вызов архонту из-за такой мелочи, как способ смерти четырех иностранцев. — Архонт Эулар, вы новичок на своем посту и, возможно, менее знакомы, чем могли бы быть, с монастырями и храмами, за которыми вы сейчас надзираете от имени первосвященницы. В пределах этого монастыря самими главными являются законы, по которым мы живем уже более двух столетий. Церковный закон гласит, что эти четверо должны умереть. Закон монастыря гласит, что это произойдет через утопление. С нашей стороны было бы прискорбно подвергать испытанию ваш авторитет так рано на вашем новом посту из-за такой незначительной детали. Сестра Сова будет пристально следить за заключенными, и в том маловероятном случае, если они попытаются использовать магию, чтобы избежать падения, она будет противодействовать любым подобным попыткам.

Архонт набрал в грудь воздуха, чтобы ответить, но Настоятельница Коготь его опередила:

— И я буду следовать традиции.

— Прекрасно. — Эулар вскинул руки в воздух. — Значит, утопление. Я буду присутствовать на казни, так что давайте сделаем это как можно скорее.

— ТУРИН ЛЕД-КОПЬЕ! — крикнула настоятельница Коготь через провал. — У тебя есть...

— Не он. Пусть девушка будет первой, — прервал ее Архонт Эулар.

Настоятельница Коготь медленно повернула голову и пристально посмотрела на архонта:

— Куина из...

— Другая! С более темными волосами.

Несмотря на свое обещание Сестре Сосне, Мали начала пытаться пробиться к лед-людям. Она попыталась увидеть Путь, но вместо этого проклятый сигил заполнил ее зрение, раскалывая голову клином белой боли.

— Это убийство! Эти люди помогли мне!

Кто-то уперся коленом в позвоночник Мали, засунул ей в рот кляп и оттягивал назад, пока она не была вынуждена встать на колени. И все же она пыталась бороться с ними. Яз была могущественным кванталом, и, когда она высвободит свою силу, люди, которых Мали любила, могут умереть. Мали могла бы предупредить монахинь, но, даже если бы ей поверили, она не хотела лишить лед-людей последнего отдаленного шанса на спасение, какой бы обреченной ни была любая такая попытка. Еще хуже была мысль о том, что Яз потратила всю свою силу, спасая Мали и вытаскивая ее из смерти на льду через те далекие ворота: она не воспользовалась Путем, чтобы сразиться с Айдисом или его охранниками, даже когда трехголовый пес едва не убил их всех. И, хотя эти события казались такими же далекими во времени, как и в пространстве, на самом деле они произошли только накануне.

Настоятельница глубоко вздохнула, барабанила пальцами по своему посоху.

— Яз из Икта, церковный суд признал тебя виновной в убийстве. Приговор должен быть приведен в исполнение немедленно. Пусть Предок смилостивится и присоединит твою душу к великому дереву. — Настоятельница Коготь сотворила знак арбората, один палец начал опускаться, обводя стержень-корень, другой палец соединился, чтобы обвести ствол, затем все пальцы растопырились, поднимаясь, чтобы обвести ветви. — У тебя есть какие-нибудь последние слова?

Через пустые ярды между ними Яз нахмурилась, ее рот с трудом выговаривал незнакомые слова:

— Священник... Эулар... лжет.

Настоятельница коротко кивнула, и Сестра Сосна толкнула Яз вперед. Та упала без крика и ударилась о воду, исчезнув прежде, чем всплеск рассеялся. Куина завывала.

Мали на мгновение вырвалась на свободу, завывая сквозь кляп. Настоятельница смотрела в ее сторону с непроницаемым выражением лица, пока две монахини пытались поставить ее обратно на колени.

Настоятельница Коготь повысила голос, чтобы привести в исполнение второй приговор:

— Турин Л...

— Следующая — другая девушка, — перебил ее архонт Эулар. — Давайте не будем торопиться с этим молодым человеком.

Там, где Яз упала, рябь все еще распространялась к противоположной стене. Россыпь пузырьков лениво поднималась с того места, где она ушла под воду. Казалось, целую вечность все молча наблюдали, как исчезает рябь. Один одинокий пузырек вырвался на поверхность.

— Заставлять их ждать жестоко, архонт. — Настоятельница подняла руку, подавая знак Сестре Сосне. — Мы, Сладкое Милосердие, не жестоки. Мы справедливы.

Эулар поймал руку настоятельницы и опустил ее, хотя Мали понятия не имела, как он это увидел. Или как он узнал, что бронзовая кожа Яз темнее, чем бледная кожа Куины:

— Не откажите мне в удовольствии.

Настоятельница Коготь вздохнула и отступила назад.

На дальней стороне Эррис подался вперед, хотя его никто не толкал. Он упал в воду с громким всплеском.

— Остановите их! — взревел Эулар. — Не...

Но Турин уже падал, когда Эррис ударился о воду. Отчаянно закричав, Куина упала на бок и перекатилась через край воронки, визжа при падении.

— Остановить их? — Настоятельница повернулась и с любопытством посмотрела на архонта, склонив голову набок. — Вы сами приговорили их не жить.

Эулар стоял, уставившись на бурлящую воду и прижав кулаки к бокам, словно его пустые глазницы, закрытые керамической маской, могли видеть всю мутные глубины Стеклоанной Воды.

ЯЗ И РАНЬШЕ падала гораздо глубже и в более холодную воду, но никогда не носила железного ярма, которое весило лишь наполовину меньше ее и удерживало ее руки неподвижными. Она ударилась о воду достаточно сильно, чтобы в голове у нее зазвенело от удара. В следующее мгновение все вокруг превратилось в пузыри и вспенивающийся свет, ярмо быстро тянуло ее вниз. Ужас нахлынул на нее, пытаясь вырвать из легких последний вздох. Она погружалась в черные, недоступные дневному свету глубины, и понятия не имела, сколько времени ей потребуется, чтобы достичь дна. Вокруг уже нарастало давление, выдавливая воздух из груди, сжимая барабанные перепонки и обещая смять ее, как гнилой лед.

Турин должен был идти первым. *Турин должен был идти первым.* Эулар разгадал их план, и теперь она умрет.

Она ударилась о дно неожиданно, черная грязь закружилась, заменив слабый свет сверху непроглядной ночью. Грязь заключила ее в скользкие объятия. Она боролась с паникой. Она не могла сказать, была ли она полностью в грязи или лежала на какой-то податливой поверхности. Почему-то утонуть в грязи казалось хуже, чем утонуть в воде. Вес ярма, казалось, заставлял ее падать, и Яз не могла найти никакой опоры, чтобы выпрямиться. Вместо этого она заставила себя не двигаться. Воздух в легких испортится быстрее, если она будет сопротивляться.

Она лежала в прохладных объятиях слизи, зная, что кости других людей, убитых таким же образом, должны быть повсюду вокруг нее — скорее всего, черепа молодых девушек, наблюдающих за ней слепыми, забытыми грязью глазами. Она подумала об Эуларе наверху, в лучах солнца, и ей захотелось закричать, захотелось сражаться. Эулар вмешался в казнь в самый последний момент и разорвал их план в клочья. Задержка дыхания только слегка отдалит смерть. Она могла умереть сейчас или прожить еще несколько минут, пока Эулар наслаждается ее мучениями. Она была рада, что он не мог ее видеть. Когда-то он казался добрым стариком, мудрым, хотя и уязвимым, направляющей рукой. Он обманул ее тогда — и сейчас снова застал врасплох, в последний раз, смертельно.

Воздух уже хотел выйти из Яз. Дело было не только в тех фатомах воды, которые давили ей на грудь: тело взяло то, что ему было нужно, из того, что содержали легкие. Нужно было выдохнуть, чтобы сделать еще один вдох. Сердце бешено колотилось в груди, кровь стучала в ушах. Слепая и глухая, недостижимая как для друзей, так и для врагов, Яз вспомнила ощущение руки брата в своих руках и ее решимость не отпускать, когда рыба-кинжал затягивала их все глубже. Она не помнила, как набирала в легкие холодную воду, только борьбу, только сражение. Сам конец был милосердным забвением. На этот раз никакой икта не утащит ее в безопасное место, когда лодка всплывет на поверхность.

Так много всего может пойти не так. Яз была уверена, что так оно и произошло. Где Турин? Она умрет одна, в темноте. Убита тем, кого ненавидела. Воздух вырывался из уголков ее рта, пузырясь, несмотря на то, что ее зубы были сжаты так крепко, что у нее болела челюсть. Она умрет. Она...

Сильные руки сомкнулись вокруг ее ног. Мгновение спустя они были на ее ярме, поднимая ее. Она все еще не могла ни видеть, ни дышать. Эррис ее нашел. Только Эррис мог поднять ее и ярмо с такой легкостью. Она все еще может умереть, но, по крайней мере, она будет не одна. Ее тело начало биться в конвульсиях, воздух вырывался из нее порывами; ужас, который она так долго сдерживала, захлестнул ее, сметая разум со своего пути.

— Аррррггхх! — Яз выкрикнула несвежий воздух и втянула новый.

Каким-то образом он ее не задушил. Эррис держал ее, пока она тяжело дышала и хватала ртом воздух, не в силах ни говорить, ни даже поддерживать себя.

— Нееееееееееет! — внезапно донесся до них вопль Куины, за которым последовал громкий всплеск, полностью оборвавший вопль. Несколько мгновений спустя она была где-то рядом, кашля и отплевываясь, все еще пытаясь закричать. — Нет! Что? Урф! Что это за штука? Помо... — Грязь заглушила ее.

Вспыхнуло маленькое пламя. Яз все еще была слишком занята, тяжело дыша и хрипя, но теперь она смогла сориентироваться. Эррис поддерживал ее здоровой рукой, а в ладони другой руки он держал пламя, точно такое же, какое он добыл давным-давно в пещерах подо льдом. Железное ярмо все еще висело на его шее, вывернутое под странным углом, но он каким-то образом освободил обе руки.

— Вставай. — Турин тоже был там. Все еще закованный в ярмо, он не мог использовать свои руки, чтобы помочь Куине встать, но ему удалось выровнять ее с помощью своей лед-работы и поставить на ноги в грязи, которая покрывала их всех и доходила до пояса. Они находились внутри черного купола, очень похожего на тот, в котором они нашли Стержень-корня, но значительно меньшего — места хватало только для них четверых. И он был сделан не из того, из чего Стержень-корень построил свой — из мутной воды. Где-то, хотя Яз не могла этого видеть, должна была быть узкая вертикальная труба, соединяющая их с поверхностью. Чтобы впустить больше воздуха Турину пришлось немного отодвинуть воду назад.

— Нам пришлось броситься в воду. — Голос Турина был хриплым от напряжения. — Этот ублюдок Эулар хотел знать, что ты мертва, прежде чем отправить вниз всех нас. Вероятно, знает об Эррисе. Определенно знает обо мне.

— Он будет ждать наверху, пока не убедится, что мы мертвы. — Голос Куины звучал так же испуганно, как и тогда, когда ей объяснили план. Яз не винила ее. Куина была достаточно умна, чтобы бояться. Яз чувствовала, что, возможно, она сама не храбрая, а просто достаточно глупая, чтобы оптимистично обманывать себя. Турин, по крайней мере, мог контролировать стихию, в которой они должны были умереть, и Эррис, конечно, мог оставаться здесь в течение месяца без всяких проблем.

— Нам нужно подняться выше, — сказал Турин сквозь стиснутые зубы. — Чем меньше мы будем погружаться, тем легче сдерживать воду.

— И тем больше вероятность, что сверху нас заметят, — сказал Эррис.

— Мы должны это сделать, — возразил Турин, и мутная вода вокруг их талий начала подниматься.

— Мы не можем плыть! — Яз ахнула, когда вода достигла ее груди.

— Пришло время Эррису показать нам, насколько он силен! — Турин от усилия зарычал.

Эррис поджал губы:

— Это было бы легче с двумя здоровыми руками.

— Все это нелегко, — проворчал Турин.

Яз надеялась, что Турин сможет поднять их всех вместе с их ярами и поддерживать пузырь вокруг них, но, очевидно, она недооценила, насколько тяжело было работать против веса всех этих фатомов воды над ними. Им нужно снять ярмо с каждого — тогда они смогут выплыть с пузырем на меньшую глубину. Она повернулась лицом к Эррису:

— Как ты освободился?

— Ну, я не полностью освободился. — Эррис коснулся ярма, которое все еще удерживало его шею. — Но я могу сделать вот так... — Он извернул кисть, сильно сузив ее — человек так не может, — стало очевидно, как он ее вытащил. Но, даже если бы Яз смогла освободить руки, ей нужно было снять с себя ярмо, если она собиралась всплыть на глубину, где Турин мог поддерживать пузырь.

Эррис взялся за конец ярма Яз. Она подумала, что он попробует с противоположного конца, где эта штука была заперта. Когда они забивали стержень и ставили заклепки — уши болели от грохота железа о железо, зубы стучали, — она подумала, что удалить их будет труднее, чем вставить. Вместо этого он схватил шарнир, который позволял открывать устройство, а затем закрывать его вокруг запястий и шеи. Он сжал его в кулаке, согнув мизинец, и надавил на конец стержня шарнира.

— Хммм. — Эррис не выказывал никакого напряжения, но он был сложен не так, как другие мужчины. Он мог напрячь все свои силы и вести спокойную беседу. — Тугой. Ты уверена, что не можешь добраться до Пути, Яз? Это бы очень помогло...

Новая волна паники поднялась вокруг Яз быстрее, чем вода. Если Эррис не может снять ярма, а Турин не может достаточно долго сдерживать воду на такой глубине, то, как и задержка дыхания, все это просто обреченное на неудачу усилие, жестокое затягивание смерти. Она уже была очень близка к тому, чтобы набрать полные легкие жидкой грязью, и мысль о том, что ей придется пройти через все это снова, вызывала у нее желание разрыдаться. Путь, однако, оставался скрытым от нее. Она использовала его силу, чтобы превратить множество маленьких звезд в одну большую, а затем, очень скоро, вместе с Мали, когда вытаскивала ту изо льда через ворота. Она могла призвать его в третий раз за такой короткий промежуток времени не больше, чем дышать водой.

— Попробуй мой, — предложила Куина. — Что? — Она встретила обвиняющий взгляд Турина. — Мне кажется, его легче выбить. И если он освободит один стержень, он сможет использовать его, чтобы вытолкнуть остальные.

Эррис попробовал стержень Куины, потом Турина, потом свой собственный.

— Шарнирные стержни слишком тонкие, чтобы правильно нажимать, а фиксирующие заклепки слишком тугие, чтобы их можно было сдвинуть.

Турин выглядел бледным. В белках его глаз лопнули мелкие кровеносные сосуды.

— Нам нужно что-то маленькое и твердое, — сказала Яз. — Чтобы ты мог выдавить стержень.

Но у них забрали все: ножи, еду, даже звездную пыль, которую Яз собрала у миниатюрных демонов в Аидисе. Они стояли в черной грязи, которая могла скрывать кости предыдущих жертв, но мало что еще.

— К стене! — Куина начала пробираться к черной стене воды, которую сдерживал Турин. — Мы можем использовать камень.

— В другую сторону. — Турин споткнулся, пытаясь идти, и чуть не упал. На мгновение весь пузырь рухнул, стены воды обрушились на них. Каким-то образом, задыхаясь от боли, Турин выпрямился и отодвинул стены. Куина, которую на мгновение охватила вода, стояла, кашля и отплевываясь.

Через несколько шагов показалась скалистая стена провала, покрытая илом и водорослями. Эррис ухватился одной рукой за конец своего собственного ярма и с нечеловеческой силой забарабанил по стене. Куски, щепки и осколки камня отламывались под его ударами. Он подобрал полезный на вид кусок, прежде чем тот погрузился в грязь.

— Давай попробуем еще раз. — Эррис подвел Яз к стене и закрепил конец ее ярма в маленьком отверстии, которое проделал в камне. Затем, используя только здоровую руку, он выровнял свой осколок камня концом шарнирного стержня и нажал. Осколок разбился. Он попробовал еще раз с более толстым концом, вдавливая угол в конец стержня. — Не получается.

Куина подошла поближе:

— Попробуй мой.

Яз уступила свое место, думая, что Куина переполнена оптимизмом. Она посмотрела на стены воды, прижимающие их к камню. Свет маленького огонька, все еще мерцающего в ладони Эрриса, танцевал на черных волнистых поверхностях. *Скоро она снова утонет.*

Куина прижала конец своего ярма к стене, а Эррис прижал новый каменный осколок к стержню петли.

— Давай! Давай же! — В ее голосе звучало скорее отчаяние, чем оптимизм.

— Есть! — воскликнул Эррис. — Он двинулся! — Он потянул конец ярма на себя, поднимая пламя. Головка стержня больше не была плоской по отношению к стержню, под ней виднелась небольшая часть дюйма блестящего металла. — Не двигайся. — Эррис зажал головку стержня между большим и указательным пальцами. Медленно, очень медленно, с мучительным скрежетом металла о металл, он вытащил стержень. Мгновение спустя Куина уже пыталась освободиться от ярма. Оно со шлепком ударилось о грязь и почти сразу же скрылось из виду.

Эррис взял стержень и использовал его, чтобы вытолкнуть стержни ярма Яз, затем Турина и своего собственного.

— Нам повезло, что их не сделали получше.

Как только Турин оказался на свободе, он начал поднимать пузырь вверх, а Яз и Куина плыли, стараясь держаться на одном уровне с воздухом. Эррис — слишком тяжелый, чтобы плавать — крикнул, прежде чем вода поглотила его.

— Я вскарабкаюсь по стене. Это может занять некоторое время... — Вода накрыла его протянутую руку, погасив пламя и снова погрузив их во тьму. Внезапно Яз охватил ужас, она плескалась вслепую, боясь, что может наткнуться на край пузыря и захлебнуться.

Когда они поднялись, слабый свет начал проникать в чернильную тьму. Выражение лица Турина стало менее напряженным. Медленно проявился диск неба, обрамленный устьем провала.

— Не поднимайтесь слишком высоко, иначе они нас увидят, — сказала Яз.

— У них за спиной есть свет. Мы увидим их раньше, чем они увидят нас, — сказал Турин.

Однако он сократил их подъем до ползания, и вскоре, искаженные движением поверхности, мерцающие фигуры разошлись по всему краю круга.

— Как долго им нужно наблюдать? — прорычала Куина.

— Может быть, они бросят и Мали, — сказала Яз. — Она действительно говорила на суде за нас.

Яз плыла стоя вместе с остальными, выжидая. Она посмотрела, не продвигается ли Эррис под ними, но их ноги взбивали слишком много грязи, чтобы что-нибудь разглядеть. Время текло с мучительной медлительностью, а зрители наверху по-прежнему оставались на своих местах.

— Он держит их там, — сказала Яз.

— Он знает о моей лед-работе, — сказал Турин. — Он, наверняка, беспокоится, что некоторые из нас проживут гораздо дольше, чем ожидалось.

— Это не имеет смысла. Он должен был сказать им, что у нас есть способности марджал и квантал, — сказала Куина.

— Он считал, что может заставить их отрубить нам головы, — возразила Яз. — Так что это не имело значения. Если бы он сказал на суде, что мы можем делать все эти штуки, это могло бы вызвать неловкие вопросы. И если бы он сказал это потом, то могло быть еще хуже. Если мы так редки, то убийство нас могли бы счесть расточительством.

— Они что, собираются торчать там весь чертов день? — Яз могла сказать, что Турину было больно.

— Мы могли бы подняться немного выше, — предложила она.

— Они увидят нас, поймают и утопят как следует. — Турин покачал головой.

— Подними немного мутной воды, чтобы спрятать нас, — сказала Куина. — Я имею в виду, не только здесь, но и повсюду.

— Это может сработать. — Турин нахмурился, сосредотачиваясь. — Я сомневаюсь, что они делают это достаточно часто, и вряд ли знают, сколько ила поднимают четыре тела. Но... если я буду занят тем, чтобы не

утонуть, держать дыхательную трубку открытой и поднимать грязь с глубины... этот пузырь может лопнуть. Честно предупреждаю.

Яз подплыла к нему сзади и просунула руки под каждую из его рук, сомкнув их вокруг его груди.

— Я не дам тебе утонуть. Сосредоточься на других вещах.

— Но, в основном, на пузыре, — настойчиво сказала Куина.

НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ СПУСТЯ голова Эрриса пробила поверхность пузыря. Яз показалось, что прошел меньшей мере час. Он потянулся к другой опоре, вбивая шарнирный стержень в мягкий камень до того, как упасть назад.

— Привет. — Он поднял глаза, смаргивая воду. — Они все еще там?

— Ага. — Яз с трудом удержалась от рычания. Она не имела доказательств того, что небольшая кучка фигур, все еще стоявших на страже у края провала, были Эулар и его охранники, но была в этом уверена.

— Как ты, Турин? — спросил Эррис.

Турин издал страдальческий стон.

— Становится темнее, — сказала Куина, стуча зубами. — Уже хорошо. Они же не останутся на всю ночь, правда?

Яз не знала, как долго старик будет стоять там только для того, чтобы убедиться в их смерти. Вода не была холодной. Холодная вода называется льдом. Икта могли плавать в почти ледяной воде весь день, но Турин и Куина уже начали замерзать, и даже Яз, к своему стыду, почувствовала озноб после столь долгого пребывания в Стеклоанной Воде.

— Не думаю, что мы можем сделать что-то еще, — сказал Эррис. — Разве что подняться выше, когда окончательно стемнеет. Я мог бы дойти до лестницы, а затем попытаться взобраться наверх и убить их, но сделать это одной рукой без оружия будет сложно. — В его голосе не было энтузиазма. Эррис не любил убивать. Кроме того, провал находился всего в паре сотен ярдов от начала монастырских зданий, и, если он быстро не заставит наблюдателей замолчать, на них набросятся все монахини и послушницы.

Они ждали. Эррис начал медленно двигаться вокруг провала к лестнице, так как не мог плыть. Когда он покинул воздушный пузырь, Яз внезапно почувствовала себя одинокой. Именно Турин не давал ей утонуть, но Эррис, почему-то, больше всех ассоциировался у нее с безопасностью. Она спросила себя, чувствовал ли кто-нибудь из них то же самое по отношению к ней. Она уже спасала их обоих раньше. Но едва ли сохранила их в безопасности.

Время от времени, когда небо темнело, Турин поднимался немного ближе к поверхности, чтобы уменьшить нагрузку на свою лед-работу. Яз плыла за ним, замыслив убийство Эулара. Она обдумывала множество всевозможных вариантов появления в зеленых землях, но ей даже в голову не приходило, что здесь их встретит Эулар и приговорит к смерти в воде. Турин, дрожащий от холода, начал задыхаться от напряжения.

— Нам придется сражаться! — пробормотала Куина, стуча зубами.

— Подожди. — Яз указала вверх. — Они уходят.

Последняя группа медленно удалилась. Одна фигура задержалась дольше остальных, едва различимая на фоне темнеющего неба, затем, наконец, исчезла и она.

Турин немедленно начал подниматься на поверхность, но оставался под ней еще несколько минут. Наконец он поднял пузырь в воздух. Сначала ночное небо было маленьким кругом в верхней части их разбитого пузыря, затем, несколько мгновений спустя, они плавали на дне глубокой чашеобразной вмятины на поверхности воды; постепенно, поверхность выровнялась, и они просто плавали. Небо над ними было совершенно темным, в воде отражались багровые звезды.

Медленно, стараясь производить как можно меньше шума, они поплыли туда, где железная лестница поднималась на поверхность. Яз выбралась первой, так как Эррис еще не появился, а Турин и Куина так замерзли, что едва могли держаться за перекладины. Она помогла двум другим забраться на лестницу, где они некоторое время висели, позволяя воде капать с их мехов и надеясь, что это не слишком шумно.

— Пошли. — Яз начала подниматься. Она добралась примерно до середины лестницы, когда ее осенило, что становится светлее, а не темнее. Она остановилась и посмотрела на небо позади себя. Красное свечение быстро нарастало, как будто солнце всходило, но в десять раз быстрее своей обычной скорости, прогоняя звезды с неба.

— Что проис... — Свет проник в провал, окрашивая стену, мчась вниз по ней быстрее, чем могла бы спускаться Яз. Яркая звезда, в тысячу раз большая, чем любая, которую она когда-либо видела, появилась над противоположным краем Стеклоанной Воды.

— Это, должно быть, луна, — выдохнула Куина в нескольких ярдах под ней.

Лунный свет оказался теплее солнечного, и его интенсивность продолжала нарастать. Стены и лестница начали скрипеть, нагреваясь. От немногих оставшихся мехов Яз пошел пар.

— Продолжайте карабкаться! — крикнул Турин, поднимавшийся последним, в его голосе звучали панические нотки.

Жар ударил по Яз: кожу словно обожгло огнем. Ниже Турина, где свет падал на поверхность воды, почти сразу же начал подниматься пар.

— Вернемся, может быть? — спросила Куина.

Внезапно прохлада воды показалась манящей, но Яз быстро полезла дальше. Луна была тем, что Стержень-корень хотел спасти, тем, что удерживало эти земли свободными ото льда. Это может быть жарко, но, конечно, это не их убьет? Может показаться, что она сгорит, но, если бы действительно стало так жарко, наверняка не было бы деревьев и травы.

Как бы она ни была быстра, туман, поднимающийся из воронки, едва ее не опередил. Она споткнулась на ровном месте только для того, чтобы быть настигнутой белой волной тумана, которая уменьшила видимость всего до пары футов.

Окутанная туманом и защищенная от самой сильной жары, Яз помогла выйти Куине, а затем и Турину. Несколько мгновений спустя ветер переменился и унес с собой туман, оставив их беззащитными перед ярким светом полной луны. И Яз, только что едва не утонувшая, сейчас ударенная ночной свирепой луной, горевшей в десять раз ярче летнего солнца, свернулась калачиком на скале, обхватив голову руками.

ЯЗ ЛЕЖАЛА, СВЕРНУВШИЕСЬ калачиком, на горячем камне, уверенная, что ее шкуры не только дымятся, но вот-вот вспыхнут под раскаленным лунным светом. Она никогда не чувствовала ничего подобного. Воздух, казалось, сжигал легкие с каждым вдохом.

Звук тяжелых шагов на лестнице сказал Яз, что скоро к ним присоединится Эррис. Она попыталась поднять голову и прищуриться, но даже сквозь закрытые веки свет был слишком ярким, и она вернула руку, снова закрыв лицо. Мгновение спустя его рука, уже сухая, сомкнулась на ее запястье.

Яз не могла сказать, как долго длились жар и свет. Как и сегодня вечером, когда она чуть не утонула, ей показалось, что прошла вечность, хотя, почти наверняка, меньше.

Наконец свет побледнел и умер, исчезнув так же быстро, как и появился. Яз открыла глаза и увидела, как остатки тумана клочьями покидают провал, окрашенный красным светом звезд. Камень вокруг нее был горячим на ощупь, кожа казалась обожженной. Отголоски лунного света все еще ослепляли ее, не позволяя взгляду проникнуть сквозь ночь на окружающее плато.

— Ничего себе. — Куина, тоже лежавшая калачиком, развернулась и села, моргая. — Интересно, как часто это происходит.

Турин присел на корточки рядом с ней, массируя лоб:

— Мне было бы достаточно одного раза в год.

— Каждую ночь. — Из темноты раздался новый голос. — Без этого лед взялся бы за руки по всему Коридору, и не осталось бы никого, кроме лед-племен. — Сестра Сова подошла ближе, свет звезд неуверенно очертил ее фигуру. — Когда я была ребенком, от скал южного льда до скал северного надо было проехать сто пятьдесят миль. Сейчас их едва ли сотня. Без луны нас давно бы поглотили льды.

Яз встала, внезапно разозлившись.

— Да, мы выжили. Спасибо за вашу заботу. — Она чуть не утонула. Испытание Турина было намного тяжелее. — Вы не могли увести Эулара побыстрее?

Сестра Сова развела руки.

— Ты сама сказала мне: он знал, что юный Турин вода-проклятый. Предоставленный самому себе, я полагаю, архонт простоял бы на страже до рассвета. В конце концов Настоятельница Коготь пришлось организовать требование его присутствия в соборе в Верити. К счастью, долгое отсутствие архонта в городе разозлило первосвященницу, и, узнав о близости Эулара, она поспешила настоять, чтобы он немедленно явился. Если повезет, она может даже отказаться подтвердить его назначение. Как-никак архонты редко выбирают своих преемников, и в случаях внезапной смерти эти переходы власти подвергаются более пристальному изучению. — Монахиня моргнула и широко раскрыла глаза. — Простите меня, я говорю бессвязно. Боюсь, это проклятие старости. Следуйте за мной. Мы должны убрать вас с глаз долой. Архонт оставил трех церковь-стражей следить за Стеклой Водой, и чем дольше я держу их в замешательстве, тем труднее манипулировать нитями, не оставляя никаких воспоминаний о провале в памяти. Действительно... — Она плотно сжала высохшие губы, сердясь на слишком далеко зашедший язык, и повернулась, чтобы увести их прочь.

Яз последовала за ней. Мали сказала ей, что пожилая женщина была учительницей, привыкшей выступать перед классом послушниц. Очевидно, краткость не была ее сильной стороной. Тем не менее, у Яз возникло внезапное желание посидеть среди группы таких девушек и послушать болтовню Сестры Сова. Она была уверена, что у Сестры Сова в голове хранится огромное количество знаний, и Яз отчаянно нуждалась в них, если хотела выжить в этой странной, лишенной льда стране пылающих лун и неизвестных верований.

СЕСТРА СОВА ПРОВЕЛА их через темный, пустынный монастырь. Яз никого не видела, огни не горели, и она чувствовала, что за ней наблюдают. Яз и ее друзья, как объяснила сестра Сова, балансировали на тонкой ниточке посреди скрытого конфликта. Конфликта, который определит судьбу Церкви и, следовательно, империи.

Яз вспомнила, как Сестра Сова подошла к заключенным во время их краткого заключения перед судом и заговорила с ними, уверенная, что ни один из церковь-стражей, которых Эулар оставил присматривать за ними, не знает языка севера.

Старуха доковыляла до ворот их подземной тюрьмы и заглянула сквозь железные прутья туда, где Яз и остальные сидели в цепях.

— Предок — это множество, которое говорит одним голосом, — сказала она. — В то время как Церковь — это единое целое, которое говорит многими голосами. — Она обхватила скрюченной рукой перекладину и придвинулась поближе. — Я не собираюсь смывать церковную грязь. — Она с трудом подбирала правильные слова на языке севера. — Эта грязь прячется перед незнакомцами, которых я только что встретила, но достаточно сказать, что я была вовлечена в тайную войну за сердце нашей веры с тех пор, как Настоятельница Коготь была зудом в животе ее матери. Там есть силы, — она махнула рукой в сторону каменных стен, — силы, которые уже давно

стремятся проникнуть как в Церковь, так и в королевскую семью, стремятся ниспровергнуть и то, и другое в целях, которые я еще не до конца понимаю, но, безусловно, не в интересах нашего народа. Я не доверяю мотивам Архонта Эулара, независимо от того, какой уровень поддержки он может иметь в высших кругах. Давным-давно Сестра Облако предсказала пришествие сотворенного человека — пророчество, сказанное только для моих ушей. Она не оставила никаких инструкций, но она, наверняка, не думала, что я буду бездействовать, когда его и его товарищей соберутся казнить.

— Тогда освободите нас, — сказала Яз. — Вы должны понимать, что эти решетки нас не удержат. Мы стараемся не начинать битву. И вообще мы не хотим с вами сражаться. Но Эулар — наш враг со льда, и мы не позволим ему нас убить.

Сестра Сова поджала губы и нахмурилась:

— Все довольно сложно. Вера проста, но религия... это может запутать. Настоятельница Коготь руководит этим монастырем и подчиняется первосвященнице. Наши законы должны соблюдаться, иначе их заменит хаос, и начнется гораздо более масштабная битва, чем та, о которой вы беспокоитесь. Однако наша настоятельница — умная женщина. Вы можете подумать, что она выбрала свое имя из-за вреда, который может нанести коготь. Но, на самом деле, ее вдохновляла способность когтя цепляться за невозможные грани и карабкаться, несмотря ни на что.

Яз подумала о хуле, который однажды напал на них на высоком горном хребте, передвигаясь по почти вертикальному льду, как по ровной земле, благодаря своим устрашающим когтям.

— И как ваша настоятельница надеется подчиниться закону, не убивая нас?

Сестра Сова улыбнулась:

— Закон гласит, что вас нужно заковать в железные ярма и бросить в провал Стеклянная Вода. И закон...

— Этого не произойдет, — прорычал Турин из глубины пещеры. — Я предпочту умереть, сражаясь.

— И закон, — неустрасимо продолжала сестра Сова, — должен соблюдаться. Я полагаю, созданный человек не будет испытывать неудобств от погружения в воду? — Она посмотрела на Эрриса.

— Да, не будет, — кивнул Эррис.

— А ты, молодой человек, который так рвешься в бой, ты разделяешь мой собственный талант марджала к манипулированию водой, не так ли?

— Да. — Голос Турина все еще звучал сердито.

— В детстве я плавала в Стеклянной Воде со своими подругами-послушницами в тех редких случаях, когда мы чувствовали себя достаточно храбрыми, чтобы бросить вызов холоду. Во время одного такого погружения я поразила и встревожила других послушниц, исчезнув под водой и оставшись там гораздо дольше, чем мог кто-либо из них, даже задержав дыхание. Если подумать, это было жестоко, и, вернувшись на поверхность, я пожалела о своем трюке...

— Вы принесли с собой воздух, — неуверенно сказал Турин. — Я тоже мог бы это сделать.

— Закон требует, чтобы на вас надели в ярма и бросили туда, — сказала Сестра Сова. — В формулировке прямо не указано, что вы будете убиты. Если вы выйдете невредимыми, тогда настоятельница сочтет, что правосудие восторжествовало и на вас снизошла милость Предка. Однако будет разумно некоторое время держать это чудесное спасение в секрете.

ПОСЛЕ ТОГО, КАК они отошли из Стеклянной Воды, Сестра Сова быстро повела их в самое сердце монастыря. Они спустились по короткому пролету каменных ступеней под землю и через дверной проем вошли в длинную, высеченную в камне комнату с тремя окнами в дальнем конце, пронизывающими толстую стену. Настоятельница Коготь ждала, сидя за столом, на котором горела единственная свеча. Рядом с ней стояла Госпожа Тень, которая учила послушниц убивать. В долгую ночь перед казнью Мали рассказала Яз кое-что о Сладком Милосердии. В дополнение к наставлениям Сестры Совы об искусстве Пути, Госпожа Меч обучала искусству боя. В Классе Теней юных послушниц обучали искусству убивать и обманывать. Госпожа Тень была на удивление молодой женщиной, которая выглядела совершенно неподходящей для того, чтобы прятаться в тени, ожидая возможности нанести кому-нибудь удар в спину. Ее бледная кожа, казалось, светилась, там, где ее очень светлые волосы выбивались из-под головного убора — они ловили и возвращали каждый луч света, и она была маленькой, едва ли выше Куины. Несмотря на это, Яз чувствовала в монахине что-то опасное.

Она спросила себя, была ли эта комната местом, где обучали послушниц. Здесь пахло многими странными предметами, и лишь немногие из них были естественными.

Настоятельница указала Яз и остальным занять места за небольшими столами, обращенными к ней. Яз протиснулась внутрь, Куина взяла стул из-за соседнего стола. Когда Турин и Эррис нашли места, настоятельница заговорила, а сестра Сова переводила.

— Она просит вас рассказать нам все, что вы знаете об Архонте Эуларе.

Так что в течение некоторого времени сначала Турин, а затем Яз рассказывали о приключениях, которые привели их с далекого севера в зеленый центр. Истории, для которых не было ни времени, ни уединения после того,

как Эулар выдвинул свои обвинения. Настоятельница Коготь наблюдала и слушала без всякого выражения. Она даже бровью не повела, слушая самые диковинные элементы истории Яз об Эуларе, вроде его способности проводить десятилетия во вневременном сне или перешагивать через огромные участки льда, используя оставленные Пропадшими врата. Ее впечатляющее самообладание подверглось испытанию, когда Яз заговорила о Стержень-корне, человеке, родившимся до появления на Абете четырех племен, человеке без тела, существовавшего фрагментами и частичными копиями, человеке, за которым охотились умы больших городов. Но на лице Коготь ничего не дрогнуло.

Наконец, когда история была рассказана, Настоятельница Коготь немного поговорила с Сестрой Совой и Госпожой Тень. Яз ничего не поняла из их слов, и у нее не было причин ожидать этого, но, к ее удивлению, их разговор оказался мучительно близким к тому, чтобы иметь смысл. Яз задумалась о связи, которая была у нее с Мали, связи, которая позволяла ей понимать послушницу, не зная, что на самом деле означают какие-либо слова. Возможно, это был дополнительный эффект, вызванный этой связью. Или, возможно, это было просто принятие желаемого за действительное, и другие тоже сидели там, полагая, что находятся на грани понимания.

Закончив разговор, Сова подняла глаза на Яз.

— Если этот твой древний, этот Стержень-корень... — Она нахмурилась, произнося имя. — Если он говорит, что ты и только ты можешь открыть ковчег, используя четыре корабль-сердца, тогда почему Эулар хотел видеть тебя мертвой?

Яз моргнула. Она не до конца понимала это. Эулар был зол на нее, как и Сеус. Это казалось достаточной причиной. Но их гнев был мелочью по сравнению с масштабом и продолжительностью намного больших амбиций Сеуса.

— Я могу только строить догадки: Сеус не знает, что ковчег можно открыть таким образом. Эулар хотел заполучить меня, когда считал, что я могу помочь его армии захватить ковчег — тогда Сеус мог бы проникнуть в него при помощи грубой силы. Сколько бы времени это ни заняло. Теперь, когда эта мечта исчезла, они хотят просто меня убить.

Сова задумчиво кивнула, затем вернулась к своему разговору с настоятельницей и Госпожой Тень.

Наконец Сова повернулась к ним.

— Многое из того, что вы нам рассказали, очень странно и удивительно. Однако кажется очевидным, что в некоторых направлениях наши интересы совпадают. Мы хотим узнать как можно больше об Архонте Эуларе и разоблачить любую враждебную силу, которая стоит за его продвижением в церкви. Это, по-видимому, та самая сила, которую вы называете Сеус, творение Пропадших, сошедшее с ума после их ухода. Похоже, что этот Стержень-корень-в-ящичке жизненно важен для срыва усилий Сеуса по захвату контроля над ковчегом, верно?

— Верно. — Яз кивнула. Она не была уверена, насколько монахини верили, но было очевидно, что кое-что из их рассказа соответствовало результатам собственных расследований настоятельницы.

— Итак, ящичек, который забрал Эулар, должен быть возвращен прежде, чем он сможет передать его Сеусу.

— Да, — согласилась Яз. Хотя не знала, нужно ли будет физически помещать коробку в руку какого-нибудь металлического тела, сделанного Сеусом. Она также не знала, где может находиться город Сеуса, но Эулару нужно было только добраться до одних из ворот, которые он использовал, и тогда расстояние внезапно переставало что-то значить.

— Судя по словам настоятельницы, я ее убедила: воля Предка состоит в том, чтобы мы помогли вам и приютили вас, насколько позволяют наши законы. Очевидно, вы не можете бродить по Коридору, не зная языка или того, как функционирует наше общество. Ты и Куина можете остаться с нами под видом послушниц, и мы научим вас достаточно, чтобы вас не арестовали сразу же, как только вы сойдете со Скалы Веры. Эррис и Турин представляют бóльшую проблему, поскольку их присутствие в монастыре более одного дня для чего-либо, кроме официальных визитов, запрещено.

— *Тарриска энтра Эулар*, — сказал Эррис.

Настоятельница и обе монахини резко посмотрели на него.

— Ты говоришь на их языке? — Яз ахнула, одновременно удивленная и слегка раздраженная.

— Да. — Эррис кивнул. — Их язык связан с одним из основных языков марджалов. Обновление моей базы данных заняло некоторое время. Тысячелетия лингвистического развития может быть трудно компенсировать...

— Я даже не знаю, на каком языке ты говоришь *сейчас*, — перебила его Куина. — Что ты им сказал?

— Я сказал, — ответил Эррис, — что Турин и я пойдем за Эуларом. Я говорю на этом языке, и у меня гораздо больше шансов ориентироваться в городах и поселках, чем у любого члена лед-племени, без обид. Турин может мне помочь. Его трюки могут очень пригодиться.

— Ты не пойдешь один! — сказала Яз.

— Я буду не один. — Эррис улыбнулся. — Со мной будет Турин.

Яз покачала головой, странная паника поднялась в ее груди.

— Это не то, что я имею в виду, и ты это знаешь! Мы проделали весь этот путь вместе не для того, чтобы разделиться, как только придем.

— Вам с Куиной нужно побольше узнать об этой империи, — возразил Эррис. — Ты не можешь ходить и глазеть на все подряд. И монахиням явно есть чему научить вас обоих.

— Что? Вам с Турином тоже не нужно этому учиться? — Яз понимала, что повышает голос, но, похоже, ничего не могла с собой поделать.

— Мальчикам вход воспрещен. Помнишь? — Эррис ухмыльнулся с раздражающей самоуверенностью. — И я уже говорю на этом языке. Позже ты сможешь научить нас остальному.

— Вам понадобится наша помощь, чтобы найти архонта, — сказала Сестра Сова, пытаясь увести разговор от развивающейся ссоры. — Он собирается встретиться с первосвященницей, но после этого...

— Как вы называете город, который мы видим из вашего монастыря? — спросил Эррис.

— Верити, — ответила монахиня.

— Он пойдет туда, — сказал Эррис. — Даже если бы я не установил связь с ящичком Стержень-корня до того, как его забрали, я бы это знал.

— Откуда ты мог знать? — Яз повернулась и уставилась на него.

— В Коридоре есть всего несколько ковчегов. Каждый из них находится в центре большого города Пропавших. Они были построены над землей, хотя с тех пор она их накрыла. Похоже, человечество разрушает города так же эффективно, как и лед. Но другие города с ковчегами — когда-то их было более тысячи — все находятся подо льдом, соскобленные с поверхности вместе с ковчегами. Вы знаете, что в моем городе, Весте, том, который грабят Сломанные, раньше был ковчег? Он находился там в мое время. И город, который мы видели, когда поднимались к монастырю, это их Верити. Он должен стоять на руинах города Веритас, внутри которого был ковчег Пропавших. В нашем исходном мире...

— Исходный мир! — Сестра Сова расширила глаза и сотворила знак дерева, но в обратном порядке, ее пальцы прошлись вдоль ветвей, затем она провела одним пальцем вниз вдоль стержень-корня. — Эррис, сотворенный человек! Воистину Сестра Облако видела твое прибытие сто лет назад. Предок стоит на исходном мире. Стержень-корень тянется сквозь неисчислимую тьму лет к семени, которое было посажено там.

Эррис нахмурился, явно недовольный тем, что его включили в веру монахини:

— Я уже говорил, что, когда дело доходило до названия некоторых из их городов, Пропавшие использовали одну из древних мифологий ранних цивилизаций исходного мира, миф, разработанный греками и принятый римлянами. Не все умы городов переименовали себя в честь украденной мифологии — некоторые уже были названы так Пропавшими, считавшими себя наследниками этой культуры. Ваш город Верити стоит на руинах Веритас. Римляне говорили, что Веритас была богиней истины и дочерью Зевса. Дочь или нет, правда в том, что Сеус хочет открыть ковчег Верити и управлять им.

Эулар явно направляется в город, на аудиенцию к первосвященнице. Но когда она отпустит его, ему больше не придется никуда идти, чтобы передать Стержень-корня. Ему останется только добраться до подземного города, и Стержень-корень можно будет высосать из этого ящичка в сеть Сеуса. Поэтому очень важно остановить его, и быстро.

Заговорила настоятельница, которой коротко переводили, пока Эррис произносил свою речь. Сестра Сова перевела обратно для лед-людей:

— Вы ничего не добьетесь, не зная планировки города и работы Церкви. Настоятельница не может поручить Серой Сестре помогать вам, не ставя под угрозу монастырь. Она говорит, что послушницу Малиайю уже обвинили в том, что она была очарована вашей магией, и поэтому она будет идеальным гидом. Если вас поймают, мы можем воспользоваться этим предлогом и приступить к ее «лечению». Кроме того, мы можем сказать, что ее отправили одну навестить целителей в городе, потому что потеря руки требует большего ухода, чем может быть предложено в нашем санатории после смерти Сестры Очаг.

— Если Мали идет, то мы с Куиной тоже идем, — твердо сказала Яз.

Турин выглядел измученным, но все же сумел криво улыбнуться:

— Яз, то, что нам нужна Мали, — лучший аргумент в пользу того, чтобы ты осталась здесь. Мы не можем продолжать заставлять Мали сопровождать нас повсюду. Нам нужно, чтобы вы с Куиной воспользовались этим местом и научились всему в дружеской атмосфере, где ошибка не приведет к тому, что мы все погибнем.

Яз открыла рот, чтобы опровергнуть его своим контраргументом. И обнаружила, что у нее нет идей. Вместо этого она скрестила руки на груди и бросила на него яростный взгляд, прежде чем взглянуть на Эрриса, у которого, по крайней мере, хватило такта отвести взгляд.

ГОСПОЖА ТЕНЬ НЕНАДОЛГО покинула комнату и вернулась с Мали. В отличие от старших монахинь, Мали не была посвящена в планы относительно провала — отчасти для того, чтобы ее искреннее страдание могло помочь убедить Эулара в том, что казнь прошла успешно. Новости обрушились на нее вскоре после того, как ее оттащили от провала, и, когда Мали вошла в комнату, Яз практически могла видеть искры, летящие из глаз послушницы. Яз подумала, что, честно говоря, ей пришлось разделить муки ампутации и прижигания руки Мали. Таким образом, совместное страдание от утопления просто уравнило счет. И, конечно, без всяких разговоров Мали знала, что Яз жива. Ей просто нужно было время, чтобы расслабиться и проверить их связь.

Под строгим взглядом Настоятельницы Коготь Мали не стала никого упрекать — и к ней вернулось хорошее настроение, когда она узнала, что должна вести Эрриса и Турина в Верити. Она даже улыбнулась, когда Настоятельница Коготь вышла из комнаты с Сестрой Совой, а Госпожа Тень объяснила, что цель их экспедиции — Эулар. Самое главное — вернуть ящичек, который он конфисковал у Яз.

— *Тайно* вернуть, — предупредила Госпожа Тень. — Архонт не должен знать, кто взял ящичек. Как и никто другой. Если ты снимешь ящичек с дымящегося трупа, Послушница Мали, ты не закончишь мой класс. И, что еще более важно, ты ввергнешь этот монастырь в большие неприятности, из которых он не выйдет невредимым.

— Да, Госпожа Тень. — Мали продолжала держать голову опущенной.

Кем бы ни была эта женщина, Яз могла сказать, что эта комната — ее владение и она правит здесь железной рукой.

— Он заподозрит нас, как только кража будет замечена, а она будет замечена быстро, — сказал Эррис. — Единственный способ отсрочить это — взять Стержень-корня и оставить ящичек.

— Но нам нужен ящичек. В этом и был весь смысл поездки в Аидис! — Яз удивила Эрриса, поняв его.

— У нас все еще есть это. — Эррис протянул руку и коснулся иглы, которая каким-то образом не была извлечена из шкур Яз во время их плена и попытки казни.

— Но Стержень-корень, который нам нужен, в нее не поместится. — Яз вытащила иглу.

— Нам придется что-нибудь придумать. — Эррис взял иглу из пальцев Яз.

Госпожа Тень выгнула бровь в ответ на этот обмен репликами, а затем продолжила:

— Если бы у меня были развязаны руки, я бы послала Сестру Благоразумия, но никто не поверит, что Серая Сестра настолько плохо дисциплинирована, что будет действовать независимо в таком вопросе. Ты понимаешь, послушница, что, если дела пойдут плохо, я буду отрицать все, что знаю о тебе, и поддержу любое наказание, которое твои похитители сочтут подходящим.

Мали кивнула:

— Да, Госпожа Тень.

— Хорошо. По крайней мере, я научила тебя кое-чему за годы, проведенные в моем классе. Иди туда с этими лед-людьми, Малиайя, и сделай так, чтобы Сладкое Милосердие гордилась тобой.

Последовало молчание, в течение которого, казалось, никто не знал, чья очередь говорить.

— Вы имеете в виду прямо сейчас? — спросила Мали.

Монахиня протянула руку к двери:

— Я считаю, что это был третий урок благоразумия — есть время колебаться и время действовать.

— Но... — Яз попыталась придумать причину задержки.

— С нами все будет в порядке, — сказал Эррис.

— Возможно. — Турин казался менее уверенным в себе.

— Возможно, — согласился Эррис. — Но мы идем по острию ножа... ну, с тех пор, как я надел это тело, если честно. Что изменилось?

— Что изменилось? — переспросила Куина. — Если мы останемся здесь, то нас не будет рядом, чтобы вас спасти.

— Ты всегда собираешься оставаться со мной? — Эррис поднял бровь, смягчая слова улыбкой.

— Я просто не хочу, чтобы вы уходили. — У Куины хватило смелости высказать вслух то, о чем думала Яз. Теперь она смотрела на Турина. Но это был Эррис, который подошел и обнял Куину. Отец Яз использовал то же самое объятие, чтобы положить конец подобным спорам.

Мали, поняв намек, обняла Яз, стараясь быть осторожной со своей культей, которая, хотя и покрытая сладко пахнущими припарками монахинь, явно ее беспокоила. Это второе объятие привело — Госпожа Тень закатила глаза — к всеобщему объятию, когда Яз оказалась зажатой в объятиях сначала Эрриса, а затем и Турина. Одета только в скудные меха, она впервые смогла почувствовать на себе настоящее тело каждого из них, одновременно стройное и твердое — Эррис был шире в плечах, Турин узкобедный и ближе к ее росту.

— Останься в живых, — сказала она ему.

В ответ Турин прижался губами к ее скуле, чуть ниже уголка глаза. Потом он отстранился, не глядя на нее, и это место так сильно кололо, что Яз пришлось приложить сознательное усилие, чтобы не прикоснуться к нему.

— Присматривай за ними. — Яз не была уверена, к кому она обращается. Любой из троих обладал силой спасти двух других от множества бед. Но точно так же все они были уязвимы для неожиданностей. А у Эулара их было много.

Яз наблюдала, как Мали вывела Эрриса и Турина в коридор за дверью, и они отправились выполнять свою миссию. Чувство, что она больше не увидит их всех, отказывалось ее покидать. Только уперев кулаки в бедра, она смогла удержаться от того, чтобы не закричать им вслед.

— Я ПОСЕЛЮ ВАС с послушницами, — сказала Сестра Сова. — С завтрашнего дня вы присоединитесь моему Классу Пути. Во время уроков Меча, Духа, Тени и Академии я или одна из других монахинь будем учить вас нашему языку.

Они последовали за старой монахиней обратно вверх по каменной лестнице на поверхность и через тихий, залитый звездным светом монастырь. Когда они проходили по узкому проходу между двумя длинными низкими зданиями, Яз заметила маленькую послушницу со свирепыми глазами, наблюдавшею за ними из арки. Мгновение спустя она исчезла, поглощенная тенью, которая словно расцвела вокруг нее. Девушка так резко напомнила Яз о Майе и о том, как сильно ей понравилось бы это место, что Яз оступилась. Майя быстро бы научилась сражаться, как эти девушки зеленых земель. Яз остановилась, ее сердце болело, дыхание перехватило из-за какой-то болезненной преграды в горле, глаза затуманились.

— Яз? — Куина подошла к ней и положила руку на локоть.

Яз покачала головой, не решаясь заговорить, потом пошла дальше вслед за Сестрой Совой.

Они подошли к дверям трехэтажного здания и поднялись по короткой лестнице. Сова протиснулась в коридор, освещенный единственным низко опущенным фонарем. По обе стороны были двери и ступеньки, ведущие наверх.

— Вы обе присоединитесь к Серому Классу. Вы слишком взрослые, но уроки принесут вам много пользы. Я бы поместила вас в Красный Класс, но боюсь, это было бы насмешкой. Некоторым из наших девочек надо еще научиться скромности. — Сестра Сова повернула направо и открыла дверь в еще более тускло освещенную комнату, длинный коридор с примерно двадцатью кроватями, расставленными вдоль обеих стен. Монахиня указала на три пустых в дальнем конце комнаты: — Я разбужу Венну и скажу ей, чтобы она руководила вами завтра.

Пока Яз и Куина пробирались между рядами спящих девочек, Сестра Сова потрясла за плечо светловолосую послушницу на одной из ближайших к двери кроватей и наклонилась, чтобы заговорить с ней.

Яз в качестве эксперимента ткнула пальцем в одну из пустых кроватей. Поразительно мягкая! Там было что-то вроде длинного тонкого мешка размером с кровать, набитого чем-то податливым. И, протянув руку под ним, она обнаружила опору из перекрещивающихся веревок. Одежда, которые были не мехами или шкурами, а мягкими, толстыми и гибкими, лежали поверх послушниц, а те — поверх мешков. Удивительно, но перед сном послушницы разделись и остались только в тонких рубашках.

— Здесь так жарко! — прошептала Куина, отрываясь от аналогичного осмотра собственной кровати.

— Я знаю! — Яз пришлось напомнить себе, что они находятся над землей, а не прячутся в подземных пещерах. Она легла поверх одеял, стянув с себя все оставшиеся шкуры и меха, пока на ней не остались только шкуры крот-рыбы. Там был даже набитый чем-то мягким мешок поменьше, на который можно было положить голову.

Яз легла на спину, ее голова погрузилась в мягкость. Несмотря на то, что она была практически обнажена, она чувствовала, как с нее капает пот. Все равно что пытаться заснуть в высыхающей пещере Сломанных. И здесь не было ни звезд, ни костров, ни какого-нибудь другого источника жара, кроме тел спящих девушек и всепроникающего тепла юга. Она полагала, что ей придется перестать называть это место югом: это был центр.

— Мы можем открыть... — Куина указала на ряд высоких окон. Они уже выглядели открытыми, но Яз разглядела металлическую решетку и, закрепленные в ромбовидных промежутках, маленькие панели чего-то, что мерцало в свете звезд. Стекло!

Она покачала головой. Послушница на ближайшей кровати свернулась калачиком под несколькими слоями одеял, как будто ей было холодно. Куина откинулась на спину, медленно выдыхая воздух сквозь губы. Яз знала, что она чувствовала — как они могли спать во всем этом?

ЯЗ РАЗБУДИЛ КОЛОКОЛЬНЫЙ звон. Долгое время она понятия не имела, где находится, и знала только то что ей было комфортно сверх всякой разумной причины и так тепло, как никогда, если не считать времени, когда она свернулась калачиком под фокусом луны.

Она открыла глаза и моргнула — мир стал четким. Вокруг нее послушницы с трудом влезали во множество слоев незнакомой одежды, некоторые натягивали поверх рубашку, который они называли рясой, в качестве последнего предмета. Почти все они бросали взгляды в ее сторону. На соседней кровати Куина, почему-то совершенно голая, со стоном перевернулась.

— Это место... Если бы мне не нужно было есть, я мог бы просто лежать здесь весь день. — Она моргнула и

заметила, что у нее есть аудитория. Вместо того, чтобы немедленно попытаться прикрыться, как сделала бы Яз, она скатилась с кровати и встала на кончики пальцев ног, роскошно потягиваясь. Лишения долгого похода на юг сократили ее до чего-то слишком узкого для северных льдов, оставив ее тонкой, как хлыст, и крепкой, как окружающие их зеленоземельцы. — Полюбуйтесь на меня, иностранцы, потому что я довольно хороша!

— Куина! — Яз ахнула, шокированная. Она обхватила себя руками, понимая, что ней нет ничего, кроме плотно сшитых шкур крот-рыбы.

— Что? Они не могут меня понять. — Куина томно наклонилась, чтобы поднять свою нижнюю рубашку из шкуры. — И будь я проклята, если позволю им смотреть на меня свысока.

Одна из послушниц, маленькая, полуодетая девушка с каштановыми волосами, топорщащимися на недавно выбритой голове, сказала что-то, что привлекло внимание остальных. Теперь все они смотрели на Яз и Куину широко раскрытыми глазами. Девушка что-то крикнула Яз и подняла руки по обе стороны от плеч, имитируя положение, в котором их удерживали ярма.

Блондинка с суровым лицом, полностью одетая, протиснулась мимо невысокой девушки, повалив ту на кровать. Она остановилась в ногах кровати Яз и, повернувшись лицом к остальным, что-то объявила резким, властным тоном. Среди непонятого лепета Яз уловила имя Сестры Совы. Объявление закончилось тем, что девушка указала на Куину и сказала: «Ят». Затем на Яз: «Квимма».

— Яз, — сказала Яз, хлопнув себя по груди. Вероятно, это была та самая девушка, которую Сова разбудила прошлой ночью. Видя, что они с Куиной были одними из немногих, кто еще не оделся, Яз одарила девушку извиняющейся улыбкой и с трудом влезла в бриджи, затягивая завязки на талии. Она надела нижнюю рубашку, оставив руки обнаженными, за исключением плеч и предплечий от запястья до локтя. Ей хотелось надеть еще меньше, но и так она чувствовала себя некомфортно.

— Что она хочет? — Куина подошла и встала рядом с Яз, когда та заканчивала одеваться. Оба они были выше светловолосой девушки. На самом деле Яз была выше всех девочек, за исключением одной рыжеволосой герант в дальнем конце общежития и еще одной темноволосой в противоположном конце. Она поняла, что большинство из них были ровесниками Куины или младше. Светловолосая девушка многозначительно смотрела на шкуры и меха, все еще лежащие на кровати.

— Я думаю, она хочет, чтобы я все это надела, — сказала Яз. Она повернулась лицом к девушке и медленно покачала головой. — Слишком. Жарко. — Она сделала паузу, а затем сказала: — *Тслата*.

— Что это значит? — спросила Куина.

— «Жарко», мне кажется. — Яз не была уверена, откуда знает это слово.

Блондинка озадаченно посмотрела на нее, в то время как другие поблизости захихикали. Она пожала плечами и повернулась к двери, поманив Яз и Куину за собой.

В коридоре толпа послушниц направлялась к главным дверям, девушки поменьше с противоположной стороны, девушки постарше, некоторые из которых выглядели взрослыми молодыми женщинами, спускались по лестнице. Все они болтали, смеялись и толкались. Подавляющее большинство оказалось слишком сосредоточено на своих делах, чтобы заметить Яз и Куину, но некоторые бросали в их сторону острые взгляды, и, когда они подошли к главным дверям, высокая молодая женщина с длинными черными волосами и кожей цвета снега быстро подошла к ним сзади и железной хваткой схватила их обоих за шеи.

— *Вачта сени хиэ?*

— Не надо, — прошипела Яз, когда Куина попыталась вырваться.

Светловолосая девушка еще раз объяснила их присутствие, ее тон сменился с командного на что-то гораздо более уважительное. Старшая послушница фыркнула и ослабила хватку, сказав что-то короткое и резкое, прежде чем пройти мимо них на дневной свет.

Яз и Куина последовали за ней, наслаждаясь облегчением от жары в дормитории, легкий ветерок заиграл на их обнаженной коже. Они пошли за своей проводницей, которая вела их в общем потоке. Теперь их замечали и другие послушницы, некоторые явно узнавали в них девушек, утопленных накануне. Шепот пробежал взад и вперед, ответ конкурировал с вопросом.

Яз чувствовала себя неловко, входя в переполненный зал, — на нее смотрело так много глаз, — но все ее смущение исчезло, как только она вдохнула.

— Боги во Льду! — пробормотала Куина.

— Это так вкусно пахнет. — Яз с благоговением смотрела на четыре длинных стола, на послушниц, усаживающихся на стулья вокруг них, и на еду, громоздящуюся на тарелках по всей длине каждого стола.

Они с Куиной одновременно бросились к ближайшему столу. Блондинка что-то говорила им, но ее настойчивость казалась далекой и неважной на фоне дразнящих ароматов, наполнявших комнату. У Яз не было названий продуктов, которые она могла видеть, но нос уверял ее, что они определенно съедобны. Она села перед миской, наполненной желтым... чем-то. На другом блюде лежали сморщенные ломтики коричнево-розового

цвета. На еще одном — множество маленьких зеленых шариков. На столе перед ней стояла тарелка, по обе стороны от нее стояли металлические приборы. Она могла видеть, что послушницы, уже сидевшие за столом, положили еду на свои тарелки и использовали тупой нож и крошечное раздвоенное устройство, чтобы отправить ее в рот. Яз повернулась к Куине: «Должны ли мы...» Но девушка уже взяла горсть желтых и горсть ломтиков. Бросив то и другое на тарелку, она потянулась за зелеными шариками.

Слишком голодная, чтобы остановиться, Яз сделала то же самое. Они обе склонились над своими тарелками, запихивая еду во рты.

— О боги, — выдавила Куина с набитым ртом.

— Я... — Яз яростно жевал. — Я знаю! — Джезел, девушка-икта, на два года старше Яз, однажды сказала ей с большим чувством собственного достоинства, что удовольствие, большее, чем все, что она знала за свою короткую жизнь, ждет ее, когда она приведет мужчину в свои свадебные меха. Яз, с полным ртом хрустящих сочных ломтиков, была совершенно уверена, что Джезел вышвырнула бы любого мужчину из своей палатки, если бы ей дали шанс обменять его на то, что ели зеленоземельцы.

Яз и Куина продолжали жадно есть, время от времени обмениваясь одобрительными возгласами. Яз жевала до тех пор, пока у нее не заболела челюсть, а затем прожевала еще немного. Она потянулась за второй, третьей и четвертой порциями.

— Яз? — сказала Куина, звуча немного растерянно.

— У?

— Я... — Куина потянулась к миске, в которой все еще оставалось немного зеленых шариков. — Мой желудок... Он больше не хочет?

— Это... — Яз собирался сказать, что это безумие. На столе еще оставалась еда. Икта ловили рыбу, которой иногда было много, но они никогда не наедались. Они ели именно столько, сколько требовалось для поддержания их жизни. Холод гарантировал, что ни одна рыба никогда не пропадет впустую, а благоразумие гарантировало, что они едят минимум, необходимый для выживания, так что, когда одно море закрывалось и им приходилось отправляться в путь в поисках следующего, у них было больше шансов избежать голода. Пока она не оказалась среди Сломленных, Яз всю жизнь ела все, что было. Теперь она неожиданно обнаружила, что человек может съесть так много, что ему больше не захочется есть. — Мне кажется, внутри нас больше нет места.

— Мы полны? — спросила Куина с явным огорчением.

Яз подняла голову и отодвинула тарелку:

— Да, мне кажется.

Раздались аплодисменты, и Яз с ужасом поняла, что все смотрят. Среди аплодирующей публики было несколько насмешливых улыбок и взглядов, полных отвращения, но большинство, особенно младшие девочки, которые пришли постоять и поглазеть, казалось, были искренне впечатлены нападением двух лед-людей на еду, которая теперь почти вся исчезла.

Она встала, вытирая руки о ноги, и огляделась в поисках блондинки. «Венна?» Она запоздало вспомнила имя девушки.

— Здесь! — Венна сердито помахала рукой с порога, явно готовая уйти.

— Пошли. — Яз подняла Куину на ноги, и они вместе поспешили за Венной, причем Куина держалась за живот.

СТОЯЛ ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР. В наступившей темноте Мали повела Турина и Эрриса через лес колонн. Н большей части плато ветер обдувал голые скалы со свирепостью, которая потрясла бы Турина, только что вынырнувшего из Ямы Пропавших. Однако после нескольких месяцев похода по льду ветер казался нерешительным усилием Богов в Небе. Однако Мали, сгорбившаяся в своей толстой рясе, продвигалась вперед так, словно сражалась с каким-то огромным зверем.

— Мы выйдем через Виноградную Лестницу, — сказала она, а Эррис перевел. — Путь Безмятежности слишком опасен в темноте. Особенно ночью, во время ледяного ветра.

Виноградная Лестница оказалась широкой тропой, которая змеилась вдоль скал плато гораздо более полого, чем та, по которой они поднимались. Часть Турина хотела, чтобы солнце вернулось на небо и снова показала ему зеленые земли. Другая его часть была благодарна, что сейчас все это скрыто. После жизни, проведенной в пещерах, он был потрясен просторами льда и далекими горизонтами. Теперь мир снова изменился, сохранив широкое небо и расстояние, но заполнив все это белое пространство зеленым, и не просто зеленым, а десятками тысяч любопытных предметов.

— Как мы собираемся это сделать? — спросил Турин, когда они приблизились к основанию плато.

— Понятия не имею. — Эррис покачал головой и перевел вопрос для Мали. — Она тоже не знает, — перевел он ответ.

Турин издал короткий лающий смешок:

— В точности как тогда, когда я подошел к Черной Скале.

— И это отлично сработало.

— Ну, если ты называешь отличным то, что меня чуть не съела Хетта, и то, что я едва не утонул... — Он оборвал свою жалобу, как только увидел по ухмылке Эрриса, что тот пошутил.

Мали хотела еще что-то сказать.

— Она думает, что наш лучший шанс может быть, пока Эулар разговаривает с первосвященницей, — перевел Эррис. — Мали считает, что они не позволят даже архонту приблизиться к первосвященнице без обыска на предмет оружия, а ящичек достаточно необычен и его заберут у архонта, пока тот не уйдет. Так что это будет самое лучшее время для удара.

— Внутри их храма? Под носом у церковь-стражей? Вы же видели, как здесь многолюдно. Это будет не похоже на блуждание по Черной Скале. — Словно в подтверждение слов Турина, впереди, там, где их тропа соединялась с более широкой дорогой, проскрипели сани на колесах, которые тащило животное, похожее на лошадь. Он остановился как вкопанный: — Что это, черт возьми, такое?

— Это тележка, которую тянет осел, — сказал Эррис. — Материал на нем — сено, разновидность сухой травы. А эти большие круглые штуки — колеса...

— Я знаю, что такое колеса! — рявкнул Турин, все еще оправляясь от потрясения, вызванного ослиными ушами.

— Извини, — сказал Эррис. — И да, это звучит как безумный план. Мы даже одеты не как местные. Все взгляды будут обращены в нашу сторону. — Он заговорил с Мали на ее языке и получил довольно горячий ответ.

— Она согласна, что это безумный план. И, по-видимому, настоятельница считает, что уже помогла нам, не убив по прибытии. Сестра Сова убеждена, что мы во всем разберемся, но Мали говорит, что старуха слишком верит в пророчество Сестры Облако. Мали уверена, что в пророчестве говорилось только о том, что Сова встретит мужчину, который был создан, а не рожден. Это сильно отличается от заявления, что я буду им полезен, а оно сильно отличается от заявления, что этот конкретный план сработает.

Они вышли на большую дорогу и двинулись по ней в направлении далекого городского зарева. По обе стороны дороги шли стены, но, подойдя поближе, Турин понял, что они были сделаны не из камня или льда, а из живых существ, похожих на небольшое дерево. Они все были покрыты листьями, черными в свете звезд, и шелестели, когда сквозь них пробивался ветер. У Турина создалось впечатление открытых пространств за этими стенами, бурлящих движением, поскольку все, что там росло, возможно сено, танцевало под дудку ветра. Что-то ухнуло в ночи; где-то еще что-то коротко взвизгнуло и затихло. Казалось, что темнота была полна жизни, и Турин почувствовал, что за ним наблюдают, словно в этом месте между льдами человек не может быть в одиночестве.

— Мы должны вернуться и снова объяснить последствия, — предложил Турин. — Дать им знать, что будет поставлено на карту, если Сеус получит Стержень-корня. Луна упадет. Все это, — он махнул рукой в нескольких направлениях, — все это исчезнет подо льдом. Им нужно послать армию из своих лучших людей. Людей, которые знают, что делать!

Эррис пожал плечами.

— Настоятельница — умная женщина, действующая в условиях многих ограничений. Очевидно, это лучшее, что она может сделать, учитывая обстоятельства. Крики не заставят ее поверить в нашу историю больше, чем она верит сейчас. И, честно говоря, это довольно трудная для восприятия история. — Он немного поговорил с Мали, затем продолжил: — Мы попадем в город и посмотрим, как обстоят дела, а затем попытаемся придумать план.

Они пошли дальше по дороге, которая шла более или менее прямо к городу, огибая невысокий холм, пересекая мост через реку, минуя несколько фермерских домов. Турин шел как в тумане, очарованный проблесками жизни в зеленых землях, освещенных косым светом огня, проникающим сквозь ставни. Он чувствовал каждое пламя, мерцающее в каждом очаге, и ему пришлось обуздать свою магию огня, которая накопилась за время их долгого путешествия и теперь жаждала быть использованной. Он чувствовал, что без особых усилий может превратить один из этих проблесков пламени в пожар, который поглотит целый дом.

Из каждой трубы по ветру струился дым, и Турин гадал, для чего это нужно. Они готовят? Конечно, им не нужно отапливать свои дома. Если бы в любой из пещер Сломанных было так тепло, их потолки рухнули бы в течение часа.

Ветер приносил всевозможные запахи, но Турин узнал только дым. Местами изгороди уступали место деревянным заборам, и в свете звезд виднелись поля с посевами высотой по пояс, колышущиеся, как морские воды, которые показывала ему Яз. Проходя мимо одного фермерского дома, Турин внезапно остановился, увидев множество лиц, уставившихся на него из-за соседнего забора.

— Э...это лошади? — Он попытался говорить спокойным голосом.

— Коровы. — Эррис улыбнулся. — Прошло много времени с тех пор, как я их видел.

Несколько животных издали низкие стонущие звуки, и Турин попятился к дальней стороне дороги, прежде чем продолжить путь мимо них:

— Жители зеленых земель ездят на них верхом?

— Едят их, — сказал Эррис. — Пьют их молоко. Делают обувь из их шкур.

Турин оглянулся на шеренгу черно-белых лиц, повернувшихся, чтобы посмотреть на него огромными глазами. Сломанные, конечно, ели рыбу и крыс. Но эти существа были такими же большими, как люди, и их лица, если и не выражали большого ума, были полны любопытства, желания понять. Часть его хотела извиниться перед ними за то, что они не открыли ворота и не освободили их.

— Когда их съедят?

— Через несколько месяцев. Им еще предстоит немного подрасти.

— Так это дети? — потрясенно спросил Турин. Тем не менее, мысль о том, что им осталось жить месяцы, по сравнению с его вероятной кончиной в ближайшие несколько часов, по крайней мере, немного успокоила его совесть. Кажется, они заключили более выгодную сделку.

ПО МЕРЕ ТОГО, как они приближались к городу, дорога становилась все более многолюдной. Повозки, фургоны, люди пешком и верхом, большинство направлялось внутрь. Турин обнаружил, что пристально смотрит на каждого нового человека, нервно вздрагивая всякий раз, когда кто-то подходил сзади. Но, вопреки предсказанию Эрриса, все взгляды были устремлены не на них. На самом деле большинство людей даже не бросали на них первый взгляд, не говоря уже о втором.

— Что? — Турин посмотрел вверх, и крупная капля воды опять попала ему прямо в глаз. Затем еще один удар пришелся в подбородок. — Что происходит? — Теперь вокруг него грохотали капли, словно ночное небо сменилось крышей пещеры, и они снова оказались среди Сломанных, на которых капала тающая вода.

— Дождь, — сказал Эррис. — Это то, что происходит, когда снег хочет выпасть, но недостаточно холодно.

Турин вытер глаз, затем моргнул:

— Я никогда об этом не думал. — Мгновение спустя дождь удвоил свои усилия, но ни одна капля не достигла Турина или его спутников. Почти всю свою жизнь он провел в пещерах Сломанных, и, когда его лед-работа достигла достаточного высокого уровня, он тут же научился создавать невидимый зонтик. Он попытался представить, откуда идет дождь, и спросил себя, действительно ли небесный купол может быть далеким ледяным потолком. Но воображение подвело его, и постоянный парад наземных чудес вскоре вернул его мысли на уровень земли.

Замаячили городские стены, дома начали тесниться вдоль дороги все плотнее, прежде чем полностью остановиться на последней четверти мили. Многие из этих последних домов были большими и просторными, из открытых ставней их окон лился теплый свет. Большие окна были сделаны из свинцовых стеклянных ромбов, а маленькие — из одного куска, толстого и мутного, который искажал внутренний вид до неузнавания. Повозки и фургоны заполняли дворы этих заведений, и каждый раз, когда открывались двери, в ночь вырывался шум голосов и обрывки песен. Ветер принес восхитительную, сбивающую с толку какофонию запахов, и желудок Турина заурчал в ответ.

— Таверны, — сказал Эррис. — Пиво, виски, эль, грог... Тебе еще многому предстоит научиться, мой друг. Жареная курица, ростбиф, кусочки бекона... Внезапно мне захотелось есть. Все эти месяцы, наблюдая, как вы давитесь мороженой рыбой и грибами, я радовался, что у меня нет желудка. Но последним буду смеяться не я.

Трое мужчин, которые спустились на дорогу из одного такого здания, спотыкаясь, шли прямо перед Турином и его друзьями. Казалось, у них были проблемы с ходьбой по прямой, и им часто приходилось поддерживать друг друга, прежде чем разразиться хриплой песней. Когда Турин проходил мимо них, он почувствовал сильный аромат вокруг них, резкий, но не неприятный.

— Пьяные, — сказал Эррис, как только они оказались вне пределов слышимости. — Пиво и другие напитки, о которых я упоминал, оказывают опьяняющее действие.

Турин не совсем понял, но предположил, что это было что-то вроде популярных грибов с золотыми шляпками — те, как давным-давно обнаружили Сломанные, можно было высушить и превратить в порошок, который давал дикие сны наяву и приносил в их пещеры всевозможные чудеса. Увы, чудеса исчезали через несколько часов, оставляя только сухой рот и плохое настроение.

Турин окинул последнюю таверну долгим взглядом, прежде чем отправиться по темному отрезку дороги к большим, освещенным факелами городским воротам. Если бы их миссия была хоть на волосок менее срочной, он позволил бы этим ароматам провести себя через двери таверны и посчитал бы это таким же значительным приключением, как пробиться сквозь лед, чтобы впервые увидеть солнце.

— Почему они не строят их ближе к городу?

— А, ну, это признак обратной стороны всего этого изобилия. По той же причине они окружили город огромной стеной. Во время войны здания рядом со стенами использовались бы врагом для укрытия, и у меня такое чувство, что это место часто видит войну. В конце концов, мы только что приехали из места, где маленьких девочек учат убивать голыми руками.

Турин приблизился к давке у ворот, и его чувство удивления снова начало окрашиваться ощущением неминуемой опасности. Это был сжимающийся мир. За сто лет жизни Сестра Сова видела, как Коридор потерял треть своей ширины. У Сломанных никогда по-настоящему не было проблем с перенаселенностью, в отличие от Запятнанных. Но, прожив свою жизнь в месте с очень определенными ограничениями на доступное пространство, он мог понять ужасы, которые последуют, если это пространство начнет сжиматься.

У открытых ворот стояли стражники, контролируя движение и бросая подозрительные взгляды на любого, кто выглядел слишком бедным или слишком пьяным. Здесь Турин впервые оказался в центре внимания: двое гвардейцев локтями прокладывали себе путь сквозь поток путешественников, чтобы перехватить его. Один держал фонарь, который ярко вспыхнул — магия огня Турина непрощено потянулась и заразила его. Турин быстро отозвал силу.

Эрриса, по какой-то причине, они не заметили, но, когда оказались рядом, схватили и его, заметив его шкуры. В то время как зеленоземельцы демонстрировали ошеломляющее разнообразие одежды, у всех у них была одна общая черта: они носили ее много. Когда охранник положил руку ему на плечо, Турин решил, что, если в будущем они должны будут пройти незамеченными, им придется закутаться в одежду так, словно это лед, и оставаться в тепле — вопрос жизни и смерти.

Гвардеец начал оттащить Турина, задавая непонятные вопросы или, возможно, угрожая. Прежде чем Турин успел ответить, Мали оказалась рядом, протиснувшись между ними и что-то забормотала мужчине на том же языке.

— Она сказала им, что настоятельница послала ее проводить нас в собор, — сказал Эррис, позволяя другому охраннику грубо обращаться с ним. — Это полезно и верно!

Мужчины выглядели смущенными, но меньше, чем были должны: никто из власть имущих не любит уступать ребенку. Несмотря на это, они освободили Турина и Эрриса и разрешили последовать за Мали в город.

Повсюду горели огни, и ни один из них не был звездой. Казалось, что тысячи языков пламени танцуют за стеклом, освещая прилавки, дверные проемы и окна. Все казалось приглашением; жители зеленой земли толпились на улицах и в зданиях. Воздух наполняли крики торговцев, ругательства людей, пытающихся управлять своими животными, взрывы громкого смеха, лошадиное ржание — Турин сразу почувствовал прилив энергии и ухватился за него. Река звуков и запахов текла вокруг него, над ним, сквозь него. Одна часть его хотела заткнуть уши и искать уединения, другая жаждала нырнуть в один из этих освещенных огнем дверных проемов и погрузиться в то веселье, которое разворачивалось в комнатах за ними.

Из одного дверного проема полилась музыка, более насыщенная, более сложная, чем все, что он когда-либо слышал раньше. Песня разбитого сердца подняла его и почти унесла прочь; ему не нужно было понимать слова, чтобы перенестись в нее — его глаза наполнились слезами. Он не знал, на каких инструментах они могли играть, но, несомненно, этот сложный, вибрирующий поток нот производило что-то чудесное. У Сломанных в их пещерах не было ничего, с чем можно было бы сравнить эту музыку, ни одного музыканта, обладающего хотя бы десятой частью такого мастерства. Когда ноги понесли его прочь, из окон, выходящих на улицу впереди, на них обрушилась

еще одна волна мелодии. Турин оборачивался на ходу, впитывая ее всеми своими чувствами, осознавая по боли в щеках, что он ухмыляется как сумасшедший, не обращая внимания на толчки толпы и то, что он кого-то толкает.

— Есть многое, что нужно принять и понять. — Эррис, сочувственно улыбаясь, схватил его за плечо. — У тебя было очень узкое существование. Это место... оно другое. Замечательное, да, но будь осторожен: оно съест тебя живо, если ты не будешь осторожным. Наивность — это то, чем питаются такие города, как этот, а этот питался веками. И он находится над землей. Город, который лежит под ним, намного старше и намного опаснее!

Турин попытался сосредоточиться на спине Мали, на том, чтобы следовать за ней и не сбиться с пути. Они прошли мимо стольких людей. Буквально тысяч. Мужчин и женщин, молодых и старых, более разнообразных, чем Сломанные, во всех отношениях: оттенки кожи от белого до черного, через розовый и коричневый, волосы в любом стиле, глаза любого цвета.

Молодая блондинка с лицом в форме сердечка и полными губами протиснулась мимо него, наполнив воздух ароматом... чего-то хорошего. Турин никогда особо не задумывался о богах, но он предполагал, что Боги во Льду улыбнулись ему в тот день, когда привели Яз в его жизнь. Он всегда считал удивительным, как каждый человек находит того единственного другого, который каким-то образом подходит ему, словно находит кусочек головоломки — этот и никакой другой. И когда Яз оказалась среди них, он почувствовал этот щелчок, словно две части, каждая из которых нуждалась в чем-то определенном от другой, встретились и соединились. За эту веру было легко цепляться, когда в его мире людей насчитывалось несколько сотен, а девушек примерно его возраста — несколько десятков. Внезапно, однако, один шаг через врата Пропавших и несколько дней пути привели его, возможно, к миллиону душ. Мог ли он все еще цепляться за веру в то, что Яз была создана для него, а он для нее? Даже когда альтернативы над и подо льдом можно было исчислять в десятках, он чувствовал, что она может отказаться от него в пользу Квелла или Эрриса. Но сейчас? Каждый новый поворот открывал дома, в которых жило в десять раз больше людей, чем ютилось в ледяных пещерах. Это пугало его. Он не хотел никого другого, но что, если захочет *она*?

— Турин? — Эррис щелкнул пальцами перед лицом Турина.

— Э-э?

Эррис указал вверх крыш туда, где шпили какого-то огромного здания бросали вызов небу.

— Собор Сент-Аллам. Именно там Эулар завтра встретится с первосвященницей — если он еще этого не сделал. Хорошая новость заключается в том, что ящичек находится в этом направлении. — Он указал на боковую улочку, ведущую в противоположную сторону. — Так что нам не придется осквернять самое святое место этих людей. По крайней мере, не сегодня.

— И плохая новость в том, что он, возможно, уже видел первосвященницу и находится на пути к Сеусу? — спросил Турин.

— Попал в точку. — Эррис пошел прочь, окликая Мали.

— Так где же это, в точности? — спросил Турин, используя свою лед-работу, чтобы отклонить еще одного зеленоземельца, который, казалось, намеревался врезаться в него.

— Ну, это непростая задача, — сказал Эррис. — Было время, когда я мог бы узнать это с точностью до дюйма, но системы, которые я использую, пришли в упадок. Большинство элементов буквально свалились с неба. Но он определенно в городе. И в том направлении. Почти уверен.

— Мали, что лежит в том направлении? — спросил Турин.

Эррис передал вопрос:

— Она не знает.

— Не знает? — Турин посмотрел на девушку. — Как она может не знать?

— Это большой город. Вероятно, она нечасто выходит из монастыря. Это не пещеры. Здесь почти все незнакомы почти со всеми остальными. Скорее всего, большинство людей, которые здесь живут, могут заблудиться в своем собственном городе, если несколько раз свернут не туда.

Они свернули за еще один угол, следуя по более узкой, грязной улочке. Дома здесь все еще были высокими, но выглядели так, словно их разделили на множество секций. Белье свисало с давно не чищенных каменных балконов. Еще один поворот привел их в район, где теснились односкатные лачуги, скопление крыш прерывалось случайными разрушенными колоннами или рухнувшими арками. Турин сразу почувствовал себя как дома. Он прожил почти всю свою жизнь в лачуге, подобной этим, построенной на руинах чего-то гораздо большего. Но он не знал, почему этот район должен существовать здесь, среди такого изобилия.

— Сюда. — Эррис резко повернул налево. — Возможно.

Он повел их по черному как смоль переулку между двумя высокими зданиями, в которых, казалось, не было окон. Над крышами, в дальнем конце, мерцал в свете звезд купол. Мали указала на него и что-то сказала.

— Она думает, что это часть церковного дома отдыха, — сказал Эррис. Он продолжил переводить: — У каждого архонта есть место в центре комплекса — частный дом, где они останавливаются во время визитов в

столицу.

— Вот где должен быть Эулар. — Чем ближе они подходили к Эулару, тем менее уверенным в своей миссии чувствовал себя Турин. Эулар был одним из Сломанных, доверенным и надежным, который оказался кем-то совершенно другим. Одна мысль о нем заставляла Турина беспокоиться обо всем остальном, во что он верил. Он стряхнул с себя это чувство и последовал за Эррисом.

Впереди горел единственный фонарь, висевший над дверным проемом, его фитиль был низко обрезан. Мужчина с бритой головой вышел, чтобы преградить путь. На нем была туника с поясом, он двигался быстро и грациозно.

— Кто он такой? Почему ничего не говорит? — Что-то в этом человеке заставило Турина нервничать.

— Он Боевой Брат, монах из Церкви Предка, — перевел Эррис. Он что-то сказал мужчине, и монах в ответ изменил позу и поднял оба кулака. Одежда мужчины сдвинулась, когда он встал в позицию, и Турин увидел меч на его поясе. Как и те, что носили Красные Сестры, меч был короче и тоньше тех, которые делали Сломанные, но все равно выглядел способным оторвать руку или голову.

— Не думаю, что он здесь, чтобы арестовать нас. — Эррис вздохнул и шагнул вперед. Рука, которую повредил трехголовый пес, двигалась лучше, чем раньше, но все еще не слишком хорошо.

— Если бы он хотел нас убить, то вытащил бы свой меч... — В этом пункте Турин не был полностью уверен. От этого человека исходила аура компетентности. Монах не был похож на человека, который совершает ошибки.

— Мали говорит, что не убьет монаха. — Эррис встал лицом к лицу с Красным Братом: — И я тоже не хочу его убивать...

Мужчина развернулся, чтобы атаковать, и взмахнул ногой в попытке выбить ногу Эрриса из-под него. Оба они превратились в размытое пятно, движущееся слишком быстро, чтобы Турин мог за ним уследить. Красный Брат сражался в манере, похожей на ту, которой Эррис поразил Сломанных, но они не были одинаковыми. Движения монаха были каким-то образом более плавными, каждая атака или защита перетекали в другую таким образом, что все это казалось одним заранее определенным действием.

Хотя Турин не мог уследить за всем, были моменты, особенно в конце длинной комбинации атак и контратак, когда он видел нанесенный удар — кулак, попадающий в плоть, удар ногой по бедру, бросок, отбрасывающий противника. Казалось, что Эррису доставалось больше, возможно, он получал по три сильных удара ногами или кулаками за каждый скользкий удар, который наносил. С другой стороны, его скользкие удары заставляли монаха кружиться, в то время как нападение монаха имело гораздо меньший эффект. Красный Брат выглядел так, словно его кулак мог пройти сквозь лицо человека, но, казалось, он мог скорее повредить дереву, чем Эррису.

После первого мгновения удивления монах быстро приспособился к неожиданной силе и весу Эрриса, максимально увеличив свою скорость, чтобы избежать хватки Эрриса. Эррису удалось схватить одежду своего противника, но сверкнула сталь, и Красный Брат освободился. Прошло всего несколько ударов сердца, прежде чем пара рассталась, нанеся десятки ударов ногами и кулаками.

Красный Брат выхватил свой меч слишком быстро, чтобы Турин успел это заметить. Только что он был в ножнах, а в следующее мгновение был направлен на Эрриса, воздух все еще звенел от вибрации клинка.

— Это может стать проблемой. — Эррис снова попытался к Турину и Мали.

Несмотря на удивительную способность Эрриса быстро исцелять себя, Турин знал, что с мечом в руке Красный Брат, скорее всего, выведет из строя «сделанного человека». После этого одного удара будет достаточно, чтобы отправить Мали, а затем и Турина к богам. Поэтому он потянулся, сосредоточив свою волю. Мгновение спустя Красный Брат повис, ногами вниз, в яре над землей.

— Что мне теперь с ним делать?

— Что-нибудь еще! — Быстрее мысли Эррис бросился перед Туриним как раз в тот момент, когда несколько серебряных вспышек вылетели из левой руки монаха. Мали что-то закричала, когда снаряды с грохотом вонзились в Эрриса.

Потрясенный и напуганный, Турин чуть не потерял контроль над Красным Братом. Прежде чем монах успел достать еще несколько снарядов из-под своей рясы — на груди у него висела лента с кармашками, — Турин резко махнул рукой вправо, и мужчина врезался в стену. К ужасу Турина, удара оказалось недостаточно, чтобы лишить монаха чувств. Он отбросил мужчину к противоположной стене, но каким-то образом тому удалось развернуться в воздухе и упереться ногами. Тогда Турин швырнул его на улицу, и смена направления, казалось, застала Брата врасплох. На мгновение монах попытался подняться, но затем рухнул на грязные каменные плиты.

— Берегись! — На этот раз даже Эррис был слишком медлителен. Турин почувствовал укол в затылке и, обернувшись, увидел монаха в сером, который спрыгнул на улицу позади них, грациозно приземлившись, несмотря на то, что крыша была на три этажа выше них. Турин вытащил из своей шеи маленький дротик. Острие иглы блестело от его крови, но потребовалась бы тысяча таких, чтобы убить его. Еще несколько вонзились в руку Эрриса, когда он пытался помешать им попасть в Турина. Турин неуверенно моргнул, глядя на дротик, и выпустил его из

онемевших пальцев.

Темнота расцвела вокруг Серого Брата, как будто он приземлился в черную пыль глубиной в несколько дюймов. Тень-работник, как и Майя. Спустя удар сердца Турин уже ничего не мог видеть.

— Черт... — Ноги Турина ушли из-под него, не отброшенные, а просто подвели его, как будто кто-то заменил его мышцы водой.

Турин неуклюже рухнул на мостовую, не в силах ничего сделать, кроме как ждать неизбежного удара ножом между ребер. Серый Брат, должно быть, наблюдал за их схваткой с Красным Братом, чтобы оценить опасность. Яд на дротике быстро погрузил Турина во внутреннюю тьму, такую же черную, как и снаружи — он попытался поднять руку и потерпел неудачу. Он надеялся, что Яз будет в безопасности в монастыре. Он надеялся, что она не будет слишком опечалена, узнав о его смерти. Он надеялся, что она поймет — он старался изо всех сил. Куина тоже, понял он, погружаясь все глубже. Он будет скучать по ней больше, чем думал.

Сияние, разорвавшее ночь на части, было столь же болезненным, сколь и неожиданным. Яд в крови Турина парализовал радужную оболочку его глаз, а также большинство других мышц, и его зрачки не могли сокращаться от света. Один вид слепоты быстро сменил другой, оставив лишь краткое впечатление от очертаний девушки, наполненной белым жаром. *Мали!* Мали, должно быть, снова использовала Путь. Она сказала, что не причинит вреда монахам, но, возможно, даст шанс Эррису.

Сияние несколько потускнело, и сквозь остаточные изображения Турин смог разглядеть размытые очертания. Одно, казалось, цеплялось за спину другого. Когда он быстро заморгал, ему показалось, что он увидел Серого Брата, оба колена которого были зажаты между лопатками все еще стоящего Эрриса, и что монах удерживал себя в этом положении, держа тонкую, но прочную проволоку, натянутую на шею Эрриса.

Турин знал, что Эрриса нельзя задушить, но как только монах тоже обнаружит это, он, скорее всего, воткнет нож в одно из ушей Эрриса, и это будет еще большей проблемой. Борясь за то, чтобы остаться в сознании, Турин схватил ассасина своей лед-работой и попытался швырнуть его в ближайшую стену. К сожалению, поскольку тот был привязан к Эррису, который весил по крайней мере в три раза больше, чем должен был весить мужчина, так что он только встряхнул Эрриса и заставить его пошатнуться.

Несмотря на свет, льющийся от кожи Мали, сцена с каждым мгновением становилась все более тусклой. Турин знал, что у него осталось мало времени, прежде чем яд лишит его сознания. С последним усилием, вместо того, чтобы тащить монаха, Турин бросил свое собственное безвольное тело, как дротик.

Если и был удар, он его не почувствовал. Вместо этого он провалился в мягкую темноту, которая поглотила его целиком.

ИХ ПЕРВЫЙ УРОК состоялся на вершине каменной башни. Четыре двери в основании вели в комнату занимавшую весь цокольный этаж и увешанную странными портретами монахинь. Икта украшали свои шкуры подпалинами, которые делали, нагревая проволоку в пламени лампы. Аксит создавали изображения, в основном своих собак, некоторые из них были довольно реалистичными. Так что Яз была знакома с концепцией репрезентативного искусства. Но мысль о том, что такие чудеса можно сотворить с помощью красок и умения, была для нее таким же откровением, как цыплята или деревья. Какое-то время она стояла и с благоговением смотрела на портреты:

— Я решила, они настоящие...

— Я тоже... — Куина протянула руку, чтобы коснуться поверхности ближайшей картины, но Венна шлепнула ее по руке.

— Нет. — Белокурая девушка медленно покачала головой, как будто разговаривала с ребенком.

Куина засопела, но у нее хватило ума не затевать драку.

Венна повела их по центральной винтовой лестнице в комнату наверху, где большая часть класса уже сидела на узких стульях. Свет и краски проникали внутрь через высокие окна, стекла в которых были разных оттенков и образовывали геометрические узоры. Сестра Сова тоже была там, она выглядела очень уютно в широком мягком кресле с высокой спинкой.

— Яз, Куина, — обратилась она к ним на их родном языке. — Присаживайтесь.

Старая монахиня некоторое время обращалась к остальным ученикам класса — Яз слышала, как упоминались их имена. Очевидно, послушницы получили официальную версию, и их предупредили, чтобы они держали ее при себе. Яз сомневалась, что это продлится долго, но, возможно, Эулар уедет до того, как новость достигнет города. В любом случае Яз предположила, что Настоятельница Коготь должна знать, насколько надежны ее подопечные, и спланировала все соответствующим образом.

Сестра Сова дала послушницам различные задания, причем большинство начало пялиться в никуда и тихо бормотать. Закончив, она подошла к Куине и задала ей ряд странных вопросов о снах, линиях и путях, которые могут проходить через них. Однако Куина прервала ее:

— Меня проверяли в Черной Скале. Я не та, кого вы ищете.

— Кто это сделал, дорогая? — Сова изучала ее своими темными и чересчур большими глазами.

— Наши жрецы. Я имею в виду, они служили ложному богу и все такое, и они собирали...

— Куина! — рявкнула Яз. Ей нравилась сестра Сова, но были пределы тому, как много можно было рассказать ей без веской причины.

— Неважно, — заключила Куина, выглядя слегка смущенной. — У меня нет крови квантала или марджала. Они проверяли меня.

— Хммм. — Сестра Сова кивнула. — Вероятно, они были правы. Давай начнем с основ транса безмятежности. Ты производишь на меня впечатление молодой женщины, которой не помешало бы немного умения сосредотачиваться и успокаиваться.

— Сегодня я чувствую себя довольно сосредоточенной. — Куина положила обе руки на живот.

Сестра Сова продолжила объяснять транс безмятежности и то, как его можно достичь, повторяя различные мантры или посредством визуализации. Куина начала с одной из простых мантр, и монахиня похвалила ее усилия.

— У тебя получается гораздо лучше, чем я себе представляла.

Куина просто безмятежно кивнула:

— Когда ее читаешь, сосредотачиваешься на себе.

Вместо того, чтобы попросить Яз попробовать войти в транс, Сестра Сова отвела ее в угол комнаты, где собирался цветной свет из окон. Старая женщина внимательно изучила ее. Радужные оболочки ее глаз были такими черными, что казались частью одного огромного зрачка, и Яз стало не по себе. Она собиралась что-то сказать, что угодно, лишь бы нарушить молчание, когда, наконец, заговорила монахиня.

— Судя по тому, что вы нам рассказали, ты много раз вступала на Путь, хотя и чуждым мне способом.

— Я прикасаюсь к нему, — сказала Яз. — Мне не нужно пытаться удержаться на нем, чтобы сохранить равновесие, как это описывает Мали.

— Замечательно. Я думала, все кванталы одинаковы. — Сестра Сова взглядела еще пристальнее, но теперь, казалось, изучала воздух вокруг Яз. — И я видела много кванталов на своем веку. Но никого вроде тебя, моя дорогая.

Яз подозревала, что она прикасалась к Пути так же, как и Пропавшие. Однако сейчас она чувствовала, что

более безопасно сохранить это чувство при себе.

— Не было никого, кто мог бы меня научить.

— Это еще более замечательно. Девочек-кванталов, которые проходят через мой класс, обучают многим различным техникам, которые помогают им пережить контакт. Но даже тогда у нас случаются несчастные случаи. Когда ты принимаешь силу в себя, ты должна овладеть ею. Чем больше сила, тем труднее ею овладеть. Каждая часть тебя хочет двигаться в своем собственном направлении, и конечный результат может разорвать тебя на части. Это верно и в других сферах жизни. Церковь, например, с годами забирала себе все больше и больше власти и ей всегда приходилось бороться за то, чтобы сохранить единство. Власть развращает, она требует, чтобы ее использовали. Каждый архонт, каждая настоятельница и каждый аббат, не говоря уже об обычных священниках, изо всех сил стараются не сбиться с пути истинного. Первосвященник изо всех сил пытается овладеть этой силой и дать вере единое направление, не позволить ей быть раздробленной на множество фракций. Ересь Скифроула происходит от одного архонта, который почувствовал, что ему нужно идти своим собственным путем...

— Скифроул? — Яз не знала и слово «ересь», но не хотела сразу показывать слишком большое невежество.

— Не обращай на меня внимания, дорогая, я снова несу чушь. Мой разум стар и полон силы. Он тоже хочет идти собственными путями. Но вернемся к сути дела. Прикасайся к Пути опасно любым способом. Надо брать только то, что тебе абсолютно необходимо. Возьми слишком много, и сила уничтожит тебя и всех вокруг.

Яз сглотнула. Она точно знала, о чем говорила Сестра Сова, и несколько раз оказывалась на грани взрыва после того, как касалась Пути.

— Может быть, вам стоит научить этим трансам и меня.

ПЕРВЫЕ ШАГИ К более лучшему контролю оказались одинаковыми как для Куины, так и для Яз. Сестра Сов начала обучать их хитрому делу достижения транс безмятежности, транс ясности и транс терпения. Яз решила, что транс терпения — это то, что ей определенно понадобится, потому что, хотя Сестра Сова казалась удивленной прогрессом Яз в течение следующих нескольких часов, было также ясно, что послушницы изучали их годами и было невозможно научиться им в течение нескольких утренних часов.

— Аааааа! — Куина спустилась по лестнице башни, держась за спину. — Не думаю, что когда-нибудь сидела так долго, ничего не делая... никогда!

Яз ухмыльнулась. Куина также получила похвалу за свои способности. Видимо, жизнь на льду выработала у ней необходимые черты характера. Без терпения невозможны долгие походы по льду, и как можно заметить хоть что-либо в мире белого-на-белом без ясности? Безмятежность оказалась самым трудным, но, как сказала Куина, новое ощущение переполненного желудка безусловно способствовало безмятежности.

Девушки потоком прошли через комнату на цокольном этаже, увешанную портретами, и вышли в день через четыре двери. Яз и Куина снова задержались, загипнотизированные картинами. Две из них показывали свой предмет настолько реально, что можно было представить, будто эти монахини действительно смотрят на тебя через окно, одновременно погружая тебя в царство грез. На одной из картин волосы женщины превращались в бабочек!

— Можно изобразить что угодно... существа и места, которых даже не существует! — Эта идея никогда раньше не приходила Яз в голову. Она предположила, что статуэтки-кеттаны также можно вырезать так, чтобы они казались плодом фантазии. Но никто из икта никогда этого не делал. Она хотела поделиться этими картинами с Квеллом. Она...

— Идем! — Белокурая Венна вернулась, чтобы поторопить их.

— Какой следующий урок? — спросила Куина. — Надеюсь, что сражения. Я хочу научиться бить ногами, как это делает Мали.

Венна провела их через монастырь, мимо различных зданий, о назначении которых Яз могла только догадываться. В одном из них вкусно пахло, и дородная монахиня работала с деревом и металлом в передней части помещения, заполненного большими контейнерами, сделанными из досок, удерживаемых в изогнутой форме железными обручами. У другого был совершенно другой, но не неприятный аромат, и Яз увидела, как появилась монахиня, неся большой прямоугольник, обтянутый кожей, но с куском беловатого... вещества... между двумя... крышками.

Глядя вслед уходящей монахине, Яз заметила двух послушниц, которые наблюдали за ней из соседнего дверного проема и смеялись над ней. Ей показалось, что они из ее класса, Серого Класса, и были в комнате в Башне Пути. Одна была маленькой и темноволосой, возможно, хунска, с такой же бледной кожей, как и у ее рыжеволосой спутницы, которая была на голову выше Яз — вероятно, герант. У этой высокой были широкие плечи и грубоватое веснушчатое лицо, которое, по мнению Яз, было довольно симпатичным. Ее волосы топорщились на голове, тогда как волосы ее подруги падали той на плечи.

— Пойдем. — Венна потянула Яз за руку, что предупредило Яз о том, что она перестала двигаться. Над ней уже давно никто не смеялся. Возможно, никогда. И открытие того, насколько сильно ей это не нравилось, стало для нее чем-то вроде шока.

— Яз! — Куина обернулась. — Пошли.

— Они смеялись надо мной. — Яз обнаружила, что ее зубы стиснуты. Она не была уверена, откуда взялся этот гнев, но она потратила месяцы, переходя лед, не для того, чтобы над ней смеялись.

Куина взглянула на пару.

— Значит, в зеленых землях тоже есть идиоты. — Она схватила Яз за руку и потащила ее дальше. — Я никогда не рассказывала тебе о моем кузене, Квенте. И вот этот идиот...

Когда Яз отвернулась, рыжеволосая подняла руки к шее и пронзительно фальшиво закричала, изображая, очевидно, Куину, скатывающуюся в Стекланную Воду.

Настала очередь Куины остановиться и обернуться.

— Не надо. — Теперь, когда Куине грозило избиение, внезапное желание Яз к насилию схлынуло, как волна, рассеивая ее силу. — Ты же видела, как они дерутся. Сначала нам нужно научиться.

Но другие послушницы остановились, чтобы посмотреть на зрелище, и темноволосая девушка тоже начала корчить гримасы, бормоча слова, которые не имели смысла ни на одном из языков, но должны были принадлежать льду.

Куина направилась к ним. Яз расфокусировала взгляд и увидела нить-пейзаж, полупрозрачную путаницу взаимосвязей между каждой вещью и каждой другой. Нити связывали одну послушницу с другой, нити показывали центр их внимания, нити изгибались от их веселья, от гнева Куины и от воспоминаний, которые две послушницы использовали для инсценировки своего представления. Эти нити памяти тянулись к Яз и Куине и были особенно четкими. Чистые и гибкие, они были связаны с все еще свежим опытом Яз о другой стороне тех событий.

Яз протянула руку и зажала между большим и указательным пальцами каждой руки нить памяти рыжей и ее спутницы. Она не знала трюков, которые должна была знать Сестра Сова, тех, которые использовал Эулар, чтобы изменить мнения и воспоминания, но у нее было какое-то представление о том, что нужно делать, какой-то инстинкт, возможно, проистекающий из ее крови Пропавших. Соответствующие нити памяти, казалось, светились активностью, взывая к ней. Она не попыталась что-то изменить, только добавила к воспоминаниям о падении Куины свое собственное воспоминание о том, как она тонула в черноте далеко под поверхностью Стекланной Воды. Она добавила все: неотфильтрованный ужас, грохот ее сердца, когда легкие требовали, чтобы она открыла рот и вдохнула жидкую грязь, холод, ужасное давление, слепую темноту и жестокое отчаяние. И толчками передала им по нитям памяти.

Глаза обеих девушек расширились от ужаса, и мгновение спустя они упали на землю, брыкаясь, как рыбы на дне лодки. Почему-то их молчание было более пугающим, чем если бы они кричали. Обе были заперты в памяти Яз и боролись с невозможностью сделать вдох, в котором так отчаянно нуждались.

— Что ты сделала? — Куина с ужасом посмотрела на нее.

— Показала им, на что это было похоже. — Яз повернулась и пошла прочь, одновременно убирая нити и освобождая пару; она с облегчением услышала, как они вздохнули у нее за спиной. Последствия ее действий оказались более эффективными, чем она предполагала. Возможно, память была ее специальностью.

Куина и Венна поспешили за ней.

— Я просто хотела дать им пощечину, — прошипела Куина.

Но Венна удивила Яз, сказав что-то короткое и неразборчивое — она поняла только одно слово, которое суммировало все другие слова: «хорошо».

— В какие неприятности мы вляпались? — спросила Куина.

— Я... — Яз взглянула на Венну. — Я думаю, у нас все хорошо, — сказала она. В конце концов, это было место, где зеленоземельцы учили детей сражаться. И хотя икта не воевали, они знали достаточно, чтобы понять: часто лучший способ предотвратить начало войны — нанести ответный удар сильнее.

Венна повела их дальше, оставив «утонувших» девушек позади, и остановилась в конце очереди послушниц, входивших в зал, где они наелись этим утром.

— Мы делаем это снова? — Куина ахнула.

Яз коснулась плеча Венны и подняла два пальца:

— Мы едим дважды?

Венна казалась смущенной. Она подняла три пальца:

— Завтрак, обед, ужин.

Каким-то образом связь Яз с Мали придала этим словам смысл. Яз в изумлении повернулась к Куине:

— Они едят три раза в день!

— Боги во Льду... — Куина схватилась за живот. — Я люблю это место.

— ПРОСНИСЬ! — ЕЩЕ ОДНА пощечина. — Турин! Проснись!

Турин моргнул и потер рукой онемевшую щеку, пощечина не вызвала обычной боли. Улица снова погрузилась во тьму, нарушаемую только светом звезд и слабым пламенем ближайшего фонаря. Кое-что, однако, изменилось. Все углы и расстояния выглядели неправильными. В поле зрения появилась рука Эрриса.

— Подожди. Перестань бить меня. — Турин почувствовал, что рот набит шерстью, а язык стал слишком ленивым и не может правильно произносить слова. Он решил, что лежит на спине и видит улицу, а пятна света, кружащиеся перед глазами, — настоящие звезды.

— Что случилось с монахами?

Эррис повернул голову Турина. В слабом свете было трудно что-либо разглядеть, но у основания стены лежали два тела. Эррис выпустил пламя из указательного пальца. Оба Брата, Красный и Серый, связанные тонкими веревками, один из них слабо сопротивлялся, другой был неподвижен.

— Я воткнул в них дротики, которые попали в меня, а не в тебя. К счастью, они захватили с собой немного веревки.

— Я вырубил того, кто душил тебя? — Турин не помнил столкновения, но он двигался быстро, и, казалось, он никак не мог промахнуться.

— Нет, для этого он двигался слишком быстро. Но ты стряхнул его с моей спины и дал мне шанс, в котором я нуждался. Если бы он был менее уверен в своих ядах и вместо этого использовал бы меч... это была бы другая история.

Мали помогла Турину сесть, в то время как Эррис отвернулся, чтобы что-то рассмотреть.

— Все плохо, верно? — сказал Турин. — Они пытались убить нас. И если мы их убьем — ну, я не хочу никого убивать; к тому же тогда за нами начнут охотиться монахини, а они могут утопить Яз и Куину по-настоящему.

— Достаточно плохо. — Эррис со щелчком открыл что-то в своих руках. — Если мы их отпустим, Эулар узнает гораздо больше, чем мы хотим. — Он отложил ящичек, который открыл, и вытащил из пальца крошечную иглу.

Мали заворчала на него.

— Она говорит, что я должен быть более осторожным. Это стандартный набор Серого Брата для миссий. Тут полно ядов, лекарств и противоядий. — Он выбрал пузырек и показал ей. — Этот?

— Что ты ищешь? — Турин надеялся, что Эррис разыскивает противоядие, которое заставит мышцы слушаться. Сейчас только рот и легкие, казалось, обращали внимание на его приказы.

— Мали говорит, что здесь может быть наркотик, который стирает недавние воспоминания и оставляет жертву в замешательстве на несколько дней. По-видимому, это часть стандартного набора Серых Братьев, но трава очень редкая, потому что болота, где она растет, покрыты льдом. Так что у него ее может и не быть. — Он показал ей другой флакон.

— Ты должен дать ей самой посмотреть, — сказал Турин.

— Я уже накололся на две скрытые иглы, и у меня на пальцах, вероятно, токсичное вещество. Весь набор полон ловушек. — Он показал ей флакон из черного стекла, помеченный двумя символами. Она покачала головой. — Вот почему я не дал тебе противоядие от бескостного яда. Мали знает маркировку, но говорит, что это все равно может быть яд. — Он протянул блестящий стальной флакон. Мали кивнула.

— А если это тоже ловушка? — спросил Турин.

Эррис пожал плечами:

— Они действительно пытались нас убить.

Турин нахмурился:

— Я чувствую себя прекрасно. Просто немного... вялым.

— Мали говорит, что они часто сначала используют этот токсин, потому что он очень быстро действует. Но потом тебя будет легко убить. — Эррис провел пальцем по своему горлу. — Если бы они опасались, что ты можешь сбежать или они не смогут подобраться к тебе близко, то сразу же ударили бы тебя чем-нибудь смертоносным.

Эррис подошел к двум мужчинам и влил несколько капель жидкости из флакона в горло каждому из них. Проснувшийся попытался плевать и кричать, но, очевидно, Эррис дал им значительно большую дозу бескостного, чем та, что была у Турина, и у монаха остались силы только на шепот.

— А теперь? — Турин поднялся на ноги, удивив Мали.

— А теперь мы идем в дом Мали. — Эррис развязал монахов и вернул Серому Брату снаряжение вместе с брошенными им дротиками. — Эти двое не должны нас запомнить. Скорее всего, они будут сбиты с толку день или два. Если повезет, они пойдут бродить до того, как их найдут, и какое-то время не появятся.

— Подожди. Дом Мали? — Турин повернулся к девушке, используя не свои вялые мышцы, а двигаясь с помощью лед-работы. — Разве мы пришли не оттуда?

— Не монастырь. — Эррис жестом показал Мали, чтобы она та впереди. — Очевидно, у нее есть семья в городе. И, если мы хотим проникнуть в церковный дом отдыха, нам нужно выглядеть как жители города.

МАЛИ ПОВЕЛА ЭРРИСА и Турина в запутанное путешествие по темным и пустынным улицам, через перекрестки, освещенными уличными фонарями и светом из украшенных колоннами входов в обнесенные стенами дома. Казалось, они поднимались, и воздух, густой от дыма многих труб, становился чище по мере того, как маршрут вел их к наветренной стороне города.

Мали остановилась перед высокой стеной на широкой пустой улице, вымощенной брусчаткой. Освещенная звездами дорога была пуста, за стенами не было видно никаких зданий, только редкие деревья шелестели в темноте.

— Она говорит, что мы должны перелезть. — Эррис указал на железные шипы, венчающие стену высотой примерно в человеческий рост над их головами.

— Здесь живет ее семья? — Турин спросил себя, разрешают ли жителям этого района выходить на улицу по ночам. Это объяснило бы нехватку людей. Возможно, самые бедные были спрятаны за стенами, втиснутые в еще худшие условия, чем в трущобах, через которые они проходили ранее.

Эррис сложил ладони чашечкой для ноги Турина, но Турин, все еще шатающийся от яда Серого Брата, просто взлетел на вершину. Мали позволила Эррису поднять ее, и Турин протащил ее оставшееся расстояние, снова используя свой разум. Наконец Эррис выполнил замечательный прыжок с места, зацепился за верхушку стены и перепрыгнул через нее, быстро скрывшись из виду в зарослях растительности.

Турин с подозрением посмотрел вниз, в темноту. Зеленое вещество пугало его, когда он не мог разглядеть его как следует. Пространство за стеной, казалось, было полно деревьев и... деревьев поменьше? Все это колыхалось на ветру, шептало самому себе, поскрипывало, как странный лед.

— Это не опасно?

Мали сказала что-то не более разборчивое, чем шелест деревьев, и легонько толкнула его, но Турин решил не прыгать.

— Она говорит «Не опасно». — Бестелесный голос Эрриса донесся из бурлящей массы внизу.

— Откуда она знает, о чем я спрашивал? — Турин застыл.

— Она говорила мне, что связь, которую она установила с Яз, похоже, дает ей какую-то интуицию в отношении твоего языка. Она учится, слушая. — Эррис помолчал. — Так что прыгай.

Упоминание о Яз укрепило пошатнувшуюся решимость Турина, и, содрогнувшись, он позволил себе медленно опуститься в скрытую зелень, сжавшись перед ее острыми, ищущими пальцами и влажным трепетом.

— Это не... естественно.

Мали упала рядом с ним, предположительно сначала повиснув на своей оставшейся руке.

— Пошли. — Эррис подтолкнул Турина вперед, положив одну руку ему на плечо, направляя его вслед за уходящей девушкой. Глаза Эрриса видели в темноте гораздо лучше, чем Турина, и помогали ему преодолевать препятствия. В Мали, должно быть, текла кровь марджал — как и квантал, — и среди ее навыков была тень-работа, но, возможно, она просто исключительно хорошо знала местность.

Турин, чувствуя себя инвалидом группы, слепо спотыкался, шатаясь на ватных ногах и запинаясь на каждом шагу. Несмотря на предыдущие заверения в том, что деревья не обладают разумом и ни в малейшей степени не злы, они, казалось, получали удовольствие, хлеща его по лицу ветками, полными холодных, мокрых листьев. Он все еще моргал и выплевывал зелень от одного особенно восторженного шлепка, когда они прорвались через зелень и он почувствовал хруст мелких камней под ногами.

Перед ними, на широком пространстве, вымощенном гравием и усеянном скульптурами, возвышалась еще одна огромная стена, на этот раз пронизанная множеством окон — из одних падал свет, другие были темными. Черепичная крыша наклонно отходила от верха стены, а множество дымоходов тянулись к небу. Все это напоминало более ранние улицы в этом районе, где один дом плавно примыкал к другому, хотя казалось гораздо более величественным, поскольку было построено из огромных и впечатляюще правильных каменных блоков.

— Который из них твой? — прошипел Турин.

Но Мали проигнорировала его, а Эррис не стал переводить. Турин попытался подойти ближе, но Мали оттащила его обратно в листву. Прошло мгновение молчания, затем несколько более долгих. Вдалеке он услышал слабое *хруст, хруст, хруст*, присел на корточки рядом с Мали и Эррисом и увидел, как мимо прошли двое вооруженных охранников, один из которых нес фонарь на длинном шесте, перекинутом через плечо. Когда звук их шагов по гравию снова затих, Мали поспешила к ближайшему окну, не обращая внимания на то, что казалось единственной дверью.

Она потянулась к подоконнику отсутствующей рукой — должно быть, все еще считая, что рука принадлежит ей, — и больно ударилась кулечей о стену. Выругавшись, она что-то сказала Эррису, и тот поднял ее. Мгновение

возни с ножом, и нижняя половина оконной рамы приподнялась, скользнув по верхней половине и увлекая за собой плоские, тяжелые стекла. Мали протиснулась внутрь и исчезла в темной комнате. Эррис скользнул вслед, Турин последовал за ними с гораздо меньшей грацией.

Турин, спотыкаясь, прошел через комнату, натываясь на то, что казалось тяжелыми стульями, покрытыми мягким... чем-то. Мали приоткрыла дальнюю дверь, впусив достаточно света, чтобы Турин мог передвигаться, а не преодолевать препятствия. Он обнаружил, что вспотел: в помещении было так же тепло, как в сушилке, тепло исходило от камина, в котором все еще тлели слабые угольки от прежнего пламени.

Мали высунула голову в коридор, посмотрела в обе стороны, а затем вышла, поманив остальных следовать за собой.

— Мы, что, грабим это место? — прошипел Турин. Свечи в нишах хорошо освещали коридор, мягкие узорчатые ковры покрывали пол.

Мали повела их направо, потом налево, через маленькую дверь, вниз по каменной лестнице и в комнату, где пахло как в раю. Большой камин был черным и пустым, но все еще отдавал жар. Очевидно, здесь готовили еду — как на металлических вертелах перед огнем, так и на большой железной плите. В комнате стояли два чистых рабочих стола и скамья у дальней стены, с потолка свисали металлические крюки, на которых висели разнообразные предметы, названий которых у Турина не было. Мали открыла дверь в соседнюю комнату поменьше, стены которой были уставлены полками, заваленными... вещами. Вещами, которые пахли так, как будто их следовало немедленно съесть.

— Что это? — выдохнул Турин.

— Кухня для слуг и их кладовая, — сказал Эррис.

— Слуг?

— Людей, которые работают на великую семью, владеющую этим местом.

Турин моргнул:

— Это все один дом?

Эррис кивнул.

Мали тем временем зашла в кладовую и стала брать с полок один предмет за другим. Если члены ее семьи работали здесь слугами, тогда было понятно, почему она так хорошо знала это место.

— А это что такое? — Турин протянул руку и снял с одного из крюков длинную цепочку соединенных цилиндров. Они были темными, с белыми и розовыми крапинками, и достаточно толстыми, чтобы он мог просто обхватить их рукой.

— Судя по виду, колбаса с пряностями, — улыбнулся Эррис.

— Но что это такое?

— Попробуй.

Турин поднес первый ко рту и посмотрел на Эрриса, чтобы понять, не шутит ли он. Он принялся. От аромата цилиндра у него потекли слюнки. Он откусил кусочек. Вещество было твердым, более крепким, чем любой из грибов, которыми он питался всю жизнь.

— О... Боги во Льду! — Он говорил с набитым ртом, с трудом пережевывая. — Это даже лучше, чем рыба!

Турин был слишком поглощен взрывом вкуса во рту и не замечал, что дверь открылась, пока в комнату не вошел высокий пожилой мужчина и не начал выкрикивать вопросы на тарабарщине зеленоземельцев. На нем была простая черная одежда, которая свисала с узкого тела, резко контрастируя с его бледной кожей. Два свирепых глаза сверкали по обеим сторонам носа, а его седые волосы, казалось, встали дыбом от шока или возмущения.

Турин поднял руку, намереваясь использовать лед-работу, чтобы обездвигить мужчину, но Мали прошла мимо, потянув запястье его руки вниз.

— Малиайя? — изумленно выдохнул старик. Он хотел еще что-то сказать, но потом заметил ее культю и упал на колени, потянувшись к ней. — Малиайя...

И, к великому удивлению Турина, Мали бросилась в объятия мужчины. Ее бабушка?

После мгновения крепких объятий старик мягко отстранился и встал, с поразительной быстротой взяв себя в руки, смагивая яркие слезы с глаз. Он поклонился Мали и сказал что-то, что прозвучало одновременно нейтрально и официально.

— Что происходит? — Турин посмотрел на Эрриса.

— Мали, похоже, не хотела, чтобы мы знали, но, по-видимому, это дом ее семьи. Наш новый друг, вероятно, один из слуг. Похоже, что Глосис — важное имя в этом городе, а это значит, что Малиайя Глосис, вероятно, связана с императором, который правит всем этим городом — и многими другими.

ЯЗ И КУИНА вышли из трапезной, двигаясь медленно и стараясь не хвататься за животы. Их усилия за обеденным столом были менее героическими, чем утром. И у той, и у другой осталось не так много свободного места. Кроме того обе понимали, что это не одноразовый пир, и слегка сдерживали себя. Тем не менее, Яз держалась бы за Куину для поддержки, если бы они не находились под пристальным вниманием толпы послушниц, выходящих вместе с ними.

Сестра Сова ждала их снаружи.

— Ваш класс идет на урок Меча. Вашими приоритетами должны быть Путь и изучение языка, поэтому я извиню вас и дам вам частные уроки в скриптории. Но, может быть, вы хотели посмотреть начало урока, чтобы иметь представление о том, что мы здесь делаем?

— Давай посмотрим, как они дерутся! — сразу же сказала Куина. Она быстро взглянула на Яз, яростно ожидая, что та согласится, и прошипела: — Учить языки — это тяжело!

Яз находила это довольно легким, но она также хотела посмотреть, как дерутся послушницы, и поэтому кивнула:

— Спасибо, с радостью.

— Это скрипторий. — Сестра Сова указала на небольшое здание с арочным дверным проемом и остроконечной крышей. — Встретимся там, когда ваше любопытство будет удовлетворено.

Монахиня перевела их разговор Венне, которая последовала за ними из трапезной. Яз обнаружила, что слова Совы на зеленом языке мучительно близки к понятным. Она спросила себя, испытывает ли Мали то же самое с Туринном.

— О! — Внезапно почувствовав себя виноватой, Яз поняла, что, со всеми этими чудесами и суматохой, она ни разу не подумала о том, как Турин и Эррис провели ночь. Неужели они все это время бродили по улицам города в поисках Эулара? Нашли ли они его? Были ли они ранены?

— Яз? — Сестра Сова обеспокоенно поглядела на нее.

— Простите. — Яз покачала головой. — Я просто подумала о других.

Куина выглядела виноватой:

— Я должна была пойти с ними вместо того, чтобы оставаться здесь и набивать себе живот. Я могла бы помочь!

Сестра Сова пожала плечами:

— Никто из нас сейчас не находится в особой безопасности. И, если вы хотите добиться успеха, вам обоим нужно подучиться. Особенно Яз, но и тебе тоже, Куина. Ваши друзья в надежных руках. Мали — выдающийся талант. И ни созданный человек, ни ваш... другой мальчик не кажутся хрупкими.

Яз вынуждена была согласиться с тем, что Турин и Эррис оба пережили многие ужасы Черной Скалы в одиночку. Даже если бы она отправилась за ними, она понятия не имела, как найти их среди тысяч людей в городе.

— Мы понаблюдаем за боем, а затем придем к вам в... скрипторий.

ВЕННА ПРИВЕЛА ИХ в большое каменное здание с высокой остроконечной крышей. Оно было построено прямо на краю утеса, что, на взгляд Яз, привыкшей к обрушивающимся ледяным скалам горячего моря, казалось большой глупостью. Они прошли через высокие двойные деревянные двери, обитые железом. Все двери в монастыре были деревянными, как и стулья и столы. Железо, напротив, казалось более ценным и редким. После Черной Скалы, где железо было повсюду, а бусина Куины являлась единственным драгоценным кусочком дерева на много тысяч миль вокруг, к этому все еще требовалось привыкнуть.

За дверью находился огромный зал, примерно половина которого представляла собой открытое пространство со странным желтоватым полом, где уже собрались остальные ученицы класса. У задней стены возвышались многоярусные деревянные сиденья, на которых мог бы сидеть и смотреть весь монастырь. Коридор разделял сидения напополам и вел во вторую половину зала, отгороженную стеной.

Одиннадцать послушниц Серого Класа выстроились перед широкоплечей монахиней в красной рясе, все они теперь носили туники, более подходящие для боя. Венна поспешно направилась к группе, но Яз и Куина прошли всего ярд или около того, прежде чем обе остановились и опустились на колени, чтобы пощупать пол. С первого же шага Яз поняла, что происходит что-то странное. Пол не был ни твердым, ни мягким. Он был покрыт веществом, похожим на... глубокий снег. Оно было податливым и теплым и текло между ее пальцами, как вода, но она видела, что оно похоже на безжизненную звездную пыль, только в гораздо больших количествах.

Яз встала, позволяя материалу стечь с ее руки, и растерла остатки между большим и указательным пальцами.

— Это действительно крошечные камни! — сказала Куина.

— Тот же самый камень, из которого сделано это здание, — добавила Яз. — И тот же самый камень, на котором оно стоит.

Они с Куиной осознали, что находятся в центре внимания. Некоторые послушницы изо всех сил пытались скрыть свое веселье. Другие казались обеспокоенными, бросая нервные взгляды в сторону монахини.

Яз подошла к Венне, которая объясняла монахине, что Сестра Сова задержала их после колокола:

— Сестра Сова сказала, что лед-люди могут присоединиться к ней в скриптории после того, как понаблюдают за некоторыми нашими тренировками.

Вздвигнув, Яз поняла, что слова девушки почти перестали казаться бессмысленными и начали действительно что-то значить. Однако она ничего не сказала, предпочитая держать свое новообретенное понимание при себе.

Монахиня — Госпожа Меч, как ее называла Венна, — подошла, чтобы оглядеть Яз и Куину с ног до головы. Она была на голову выше Яз, и у нее были самые светлые глаза, которые Яз видел у зеленоземельцев. Она выглядела сильной и энергичной, но старой, лет пятидесяти, и имела шрамы на всех открытых частях тела: на лице, руках и запястьях.

— Встаньте вон там. — Она указала на место поближе к сиденьям. Повернувшись к классу, она сжала правую руку в кулак и ударила им по ладони левой. — Лед-люди хотят увидеть, как вы сражаетесь. Так что разбейтесь на пары и покажите им, как мы это делаем в Сладком Милосердии. Венна, ты можешь драться в своей одежде. Меч-кулак, полный контакт. Вперед.

Через несколько мгновений каждая послушница нашла себе партнершу и встала боевую стойку лицом к ней. Девушка-хунска и большая рыжая, с которыми Яз вместе тонула, встали напротив друг друга, обе бросали на нее ядовитые взгляды. Венна встала напротив другой светловолосой послушницы, у которой на щеке красовался багровый синяк. Госпожа Меч развела руки, и послушницы бросились друг на друга. Все они сражались с быстрой и смертоносной эффективностью, но их противницы блокировали атаки так же хорошо, как и атаковали. Рыжая компенсировала скорость своей противницы силой и выносливостью, находясь полностью в обороне, как бы поощряя более маленькую девушку устать и замедлиться, чтобы позже нанести ответный удар. Яз видела хунск среди Сломанных, и поэтому не слишком поразилась их скоростью. И еще она видела, как сражается Эррис, а позже и Мали, так что не слишком поразилась их мастерству, хотя все равно видеть дюжину девушек, так прекрасно обученных, было замечательно. Но ее действительно поразила явная свирепость, с которой они сражались. В течение короткого промежутка времени — между тем, как Госпожа Меч развела руки, и те, как снова соединила их с громким хлопком, — казалось, что каждая послушница искренне намеревается убить девушку перед собой. И все это без малейшего рычания или гримасы, каждая из них сражалась с жестоким совершенством посреди безмятежности, которому Сестра Сова обучала их на вершине Башни Пути.

По хлопку монахини дюжина послушниц разделились, даже не тяжело дыша. У Венны из уголка рта текла тонкая струйка крови, у другой девушки один глаз покраснел и сузился до щелочки, но никто из них не сделал ни малейшей попытки залечить свои раны.

— Не хотите ли показать нам, чему вас учат на льду? — Госпожа Меч жестом предложила Яз и Куине выбрать противников.

Куина, которая ничего не поняла, кроме взмаха руки женщины, тем не менее шагнула вперед.

— Не надо! — сказала Яз.

— Не волнуйся. — улыбнулась в ответ Куина. — Я возьму самую медленную.

Она подошла к рыжей, которая насмеялась над ними ранее, и приготовилась так же, как это делала Мали.

— Не... — Яз хотела сказать: *Не эта... она все время сражается с хунской*, но момент был упущен.

Большая девушка повернула голову, с громким хрустом размяла шею, улыбнулась узкой улыбкой и подняла кулаки.

— Будь с ней помягче, Кола, — сказала Госпожа Меч. — Никаких сломанных костей. — Она свела руки вместе, и по сигналу Куина сорвалась с места. Она превратилась в размытое пятно, нанося дюжину ударов в мгновение ока.

Кола защищала свою голову и шею двумя сжатыми кулаками, ее руки поглощали удары. Там, где удары приходились на ее тело, она, казалось, просто впитывала их. Куина наносила удары не так сосредоточенно и мощно, как послушницы: она теряла силу из-за широких замахов, которые заранее объявляли о каждом движении.

Наконец Кола выбила ноги Куины из-под нее, но не потому, что Куина была недостаточно быстра, чтобы избежать этого: она просто не предвидела движения послушницы, потому что слишком увлеклась своими ударами. Кола не воспользовалась преимуществом, просто отошла в сторону и позволила Куине подняться.

Следующей атаке Куины не хватало захватывающей дух скорости первой. Долгий переход по льду укрепил ее выносливость и она могла долго и медленно работать. Но сейчас, когда надо было постоянно двигаться очень быстро, она устала. На этот раз она увидела приближающийся взмах ноги Колы, но слишком поздно, и в итоге упала, приземлившись на четвереньки.

Следующей ошибкой Куины было предположение, что Кола позволит ей вернуться, как это было в первый раз. Удар пришелся ей в живот, когда она все еще стояла на четвереньках, и она растянулась на полу.

— Достаточно. — Госпожа Меч встала между ними.

Куина встала, схватившись за ребра и тяжело дыша, все еще готовая к бою, хотя и безнадежному. Она снова начала наступать на Колу.

— Достаточно. — Яз взяла Куину за плечо. — Ты хорошо сражалась. Они тренируются в этом годами. Пусть они выйдут на лед, если хотят настоящего боя.

Кола вытянула руки и подняла бровь, глядя на Яз, как бы приглашая ее попробовать свои силы. Госпожа Меч повторила свой предыдущий жест, предлагая Яз выбрать противника.

— Возьми рыжую, — прохрипела Куина. — Я смягчила ее для тебя.

Вместо этого Яз медленно прошла между двумя рядами девушек, стоявших лицом к лицу, мимо Колы и ее партнерши хунски, мимо Венны и ее светловолосой соперницы и продолжала идти, пока не остановилась перед другой девушкой-герант, последней в шеренге. Эта послушница, самая крупная из них, была добрых шесть с половиной футов ростом и более чем на голову выше Яз. Ее мощное тело натягивало боевую тунику, мышцы на руках выпирали. У нее были грубые черты лица с тяжелыми бровями, как и у всех герантов, но открытая улыбка и спокойные карие глаза, обрамленные короткими, слегка вьющимися каштановыми волосами.

Яз встала напротив нее. Где-то в конце шеренги друга послушница презрительно фыркнула.

— Нежно, Послушница Хеллма, — предупредила Госпожа Меч. — Но не слишком нежно. — Она свела руки вместе.

В то же мгновение девушка-герант бросилась вперед, как и предполагала Яз. Инстинкт Као всегда заключался в том, чтобы использовать свою силу напрямую, чтобы доминировать над врагом. Геранты среди Сломанных были настроены точно так же — они стремились использовать свое преимущество в силе.

Яз схватила Хеллму за толстое запястье. Перемены, произошедшие за последние месяцы, лишили Яз большей части ее силы икты, но осталось достаточно, чтобы удивленно приподнять брови герант и заставить ее напрячься. Она потянулась другой рукой, но Яз поймала и эту и продолжала удерживать, пока Хеллма пыталась схватить ее.

Хеллма рванулась вперед, — другие послушницы попятились, — и Яз отбросило назад, ее ноги оставляли борозды в песке. Внезапным движением Хеллма притянула Яз к себе и, подставив мускулистое бедро, опрокинула на спину.

Яз перекатилась, втягивая воздух в болящие легкие, и поднялась на ноги. Она двинулась на Хеллму. На этот раз герант стала наносить удары — медленнее, чем другие девушки, но все равно быстро, не менее прямолинейно и с еще большей силой. Яз удалось заблокировать один удар, увернуться от другого, но третий заставил ее пошатнуться. Четвертый попал ей в голову сбоку, пятый вонзился в живот. Яз замахнулась, но Хеллма отбила ее руку в сторону и ударила снова. Даже с приливом крови в жилах и нарастающим гневом в животе, боль от удара потрясла ее.

— Падай. — Хеллма ударила Яз предплечьем в лицо, из носа потекла кровь.

Яз стряхнула с себя боль и снова замахнулась, на этот раз попав и получив ворчание от Хеллмы. Герант нанесла серию точных ударов, еще раз подставила Яз бедро и опрокинула ее на спину.

Госпожа Меч хлопнула в ладоши, когда Яз перекатилась и поднялась на ноги:

— Стоп!

Яз вытерла тыльной стороной ладони верхнюю губу и стряхнула кровь на песок. «Нет». Она пошла к Хеллме, которая беспомощно посмотрела через плечо Яз на монахиню.

— Тогда заканчивай с ней. Если это то, чего она хочет.

Хеллма вернулась в боевую стойку и стала ждать. Яз бросилась вперед, но большой кулак отбросил ее назад. Хеллма последовала за ним, нанося удар за ударом:

— Падай! Падай, черт тебя побери, и оставайся лежать.

— Это всего лишь боль, — пробормотала Яз распухшими губами. Она стряхнула кровь и пот со своих волос, замахнулась и попала кулаком в живот Хеллмы, удар застал герант врасплох. Яз нанесла скользкий удар в челюсть Хеллмы и еще один более сильный удар по ребрам. Хеллма, потеряв спокойствие, рычала и отбивалась, беспорядочно нанося Яз множество ударов.

— Падай, мать твою! — прорычала она и еще раз ударила Яз в лицо.

— Нет. — Яз отшатнулась, стряхнула головокружение и подняла оба кулака. — Икта умирают на ногах.

Хеллма нахмурилась, ее густые брови сошлись на переносице. В следующее мгновение ее лицо расплылось в ухмылке, обнажив окровавленные зубы. Она громко рассмеялась.

— Икта умирают на ногах! Ха! Мне это нравится! — И она вышла вперед с распростертыми объятиями. — Тогда будем считать, что никто не победил, маленькая лед-девушка.

И прежде чем Яз успела опомниться, ее обняли, а затем отпустили. С обеих сторон раздались аплодисменты, и Куина оказалась рядом, поддерживая ее:

— Что ты делала, ты, дура? Ты могла погибнуть! О, и теперь ты знаешь их язык? Как долго ты собиралась держать это в секрете? А что случилось с «достаточно»? Меня ты остановила...

Куина продолжила бы свой поток болтовни, но, когда хлопки и смех стихли, медленные, уверенные хлопки одного человека продолжались. Все головы повернулись к многоярусным рядам скамеек, где теперь сидела одна зрительница.

Женщина, оказавшаяся в центре их внимания, остановила свои шишковатые пальцы как раз перед тем, как они встретились в очередном хлопке, и медленно развела их, поднимаясь на ноги. На ней были черные одежды, похожие на монашеские, но ее серо-стальные волосы были непокрыты, а на шее на цепочке висел большой серебряный кулон в виде дерева.

Укол узнавания пробежал по Яз, хотя Куина никак не отреагировала. Холодный палец продолжал бегать по позвоночнику: она уже видела эту женщину раньше. И, поскольку она почти нигде не была, кроме льда, это означало...

— Мать Джеккис, для нас это большая честь. — Госпожа Меч сотворила знак дерева. Яз видела, как делали Мали и другие. — Чему мы обязаны таким удовольствием?

— Я слышала, что произошло чудо! Поэтому я пришла, чтобы увидеть доказательство.

— Джеккис! — прошипела Яз. Вот откуда она знала эту женщину: Черная Скала. Там было две женщины-жрицы, и ни одну из них не удалось найти после восстания. Джеккис и Крей. Должно быть, они сбежали с Эуларом через ворота в храме, сломав их за собой. Учитывая легкость, с которой Джеккис говорила на этом языке, это был не первый ее визит. Как и Эулар, она была священником сразу двух конфессий.

— Мы должны уйти, — сказал Яз Куине. — Эта женщина из Черной Скалы.

Куина кивнула:

— Ты можешь идти?

— Конечно. — Яз повернулась и споткнулась. Куина быстро поддержала ее. Яз оглянулась на Госпожу Меч, но фигура расплывалась, потому что один из глаз Яз сильно распух. — Спасибо. Мы уходим прямо сейчас.

И они направились к двойным дверям, изумленные послушницы наблюдали за ними. Мать Джеккис не пыталась их остановить. Она наблюдала за ними со своего возвышения, ее темные глаза были прикованы к Яз, когда та закрывала за ними двери.

— Из Черной Скалы? — Куина повернулась к Яз, когда двери закрылись. — Чего она хочет? Я не позволю им снова утопить нас! Ты должна пообещать, Яз. Только не это! Ты принесешь свой огонь и взорвешь нас обоих, если это будет единственный способ!

Яз кивнула и направилась к скрипторию. Сейчас вся ее боль и сражение с Хеллмой начали казаться очень глупой идеей.

— Я не позволю им снова заковать нас в цепи. Ни за что. Клянусь. — Она оперлась на Куину. — Если они попытаются, на месте монастыря будет большая дымящаяся дыра.

И она имела в виду именно это.

ТЯЖЕЛАЯ ДВЕРЬ СКРИПТОРИЯ вела в ярко освещенную комнату, где на нескольких столах были разбросаны вещи, названия которых Яз не знала. Позже она их узнает: пергамент, перья, бутылочки с чернилами, промокашки, обрезные ножи, кисти и краски для иллюстраций и myriad других инструментов, с помощью которых мысли, кристаллизованные в слова, могут быть навсегда привязаны к миру, скопированы и скопированы опять, распространены за пределы досягаемости любого огня и поставлены на полки среди миллиона других мыслей — все они ждут, когда их освободят ищущая рука и пытливым глаз.

За двумя столами сидели монахини. Одна — высокая, худощавая женщина с пером в руке, шурящая на текст перед ней. Другая, Сестра Сова, спокойно смотрела в никуда, глубоко погружившись в один из трансов, которым обучала послушниц.

Сестра Сова медленно моргнула и повернула голову в сторону приближающихся лед-девушек.

— Ни одна новая послушница не проводит много времени в Сладком Милосердии, прежде чем быть жестоко избитой. Это один из самых суровых уроков, которые мы здесь преподаем. Мир не будет снисходителен к вам, и, если вы хотите вернуться в него в красном или сером, вы должны научиться принимать его удары и отвечать на них. — Она сделала паузу и пробежала взглядом по Яз. — Тем не менее, я не припомню, чтобы когда-либо видела послушницу, столь стремящуюся учиться, как ты, дорогая.

— Мне нужно было преподать свой урок, — ответила Яз на зеленом языке. — Я надеюсь, что послушницы и Госпожа Меч узнали кое-что о тех, кто со льда.

— Замечательно! — Сестра Сова поднялась со стула и подошла, чтобы получше рассмотреть Яз, ее и без того широко раскрытые глаза стали почти как блюдца. — У тебя образовалась связь с Малиайей. Это единственное объяснение. В тебе есть отголосок ее, а в ней — тебя. Ничто другое не могло бы объяснить твоё мастерство в нашем языке. — Она задумалась. — Если только ты не знала его с самого начала. Тебя учили на льду?

Яз покачала головой. Ей все еще было странно слышать, как незнакомые слова слетают с ее языка. Она знала, что произносит их не совсем так, как это делали зеленоземельцы, но мышцы, которые она использовала для придания им формы, еще не привыкли к ним.

— Возможно, у тебя будут такие же способности к чтению и письму. — Сестра Сова махнула им, чтобы они встали по обе стороны от нее за столом. Она указала на лежащий перед ней пергамент, бледно-желтая поверхность которого была покрыта чернильными символами.

— Там была священница, наблюдавшая за нашим сражением, — сказал Яз. — Мать Джеккис.

Сестра Сова скривила губы:

— Джеккис... Я встречала ее раньше.

— Она пришла со льда. Она была с Эуларом на Черной Скале и служила Скрытому Богу.

Сестра Сова медленно моргнула, размышляя:

— Что ж, это тревожные новости. Интересно, сколько наших священников вели двойную жизнь на этой вашей горе.

— Больше никто, кроме еще одной, — сказала Яз. — Матери Крей.

— Тогда, по крайней мере, мы не в меньшинстве! — Монахиня подперла подбородок морщинистой рукой. — Жаль, что у вас нет доказательств, которые вы могли бы предъявить первосвященнице. Но слово двух лед-людей не пойдет далеко против слова архонта и священницы. Я предполагаю, что Эулар послал ее проверить вашу кончину. Она может доставить вам неприятности, но в Сладком Милосердии вы все равно в большей безопасности, чем где-либо еще. Лучшее, что мы можем сделать, — продолжать, как и планировалось, и надеяться, что ваши друзья вернутся со своей миссии с этим вашим Стержень-корнем. — Она вновь перенесла внимание на стол и указала пальцем на пергамент.

— Это похоже на письма Пропавших, — сказала Куина. — На стенах! — Она протянула руку, чтобы прикоснуться к пергаменту, но Сестра Сова отвела ее руку в сторону.

— Мы не прикасаемся. — Монахиня взяла длинное перо и обмакнула его в чернильницу. Она ловко добавила на пергамент еще одно слово, написанное четкими, хорошо очерченными символами. — Каждый символ — буква. Там, где они группируются вместе, — слово. Это слово «Предок». — Она указала на свое дополнение, все еще блестящее.

Яз обнаружила, что ей трудно сосредоточиться, зная, что Мать Джеккис бродит по монастырю, стремясь причинить им вред. Она уставилась на собрание букв. Они были менее сложными, чем письма Пропавших, но в них была определенная элегантность. Ничто в собрании линий не кричало «Предок», но, со временем, так оно и будет. Краешки разума Мали, которые все еще касались ее, несмотря на расстояние между ними, помогут ей открыть код. И, возможно, если Мали снова потеряется на льду, она лучше справится со стихией, вооружившись некоторыми инстинктами Яз.

Сестра Сова достала грифельные доски и мелки и отвела лед-девушек их в дальнюю часть комнаты к столам у двери, которая, по ее словам, вела в комнату, полностью заполненную письменами, хранящимися в «книгах». Очевидно, пергамент был слишком дорог, чтобы практиковаться на нем, и поэтому Сова заставила их копировать буквы на грифельные доски. Яз с облегчением обнаружила, что есть вещи, которые эти зеленоземельцы считали драгоценными, и не все здесь в таком изобилии, чтобы им можно было пользоваться без раздумий.

Куина наслаждалась этой работой, как и Яз. Ни у кого из них раньше не было возможности чертить, исправлять все ошибки, а затем начинать все сначала. Но Яз наслаждалась бы больше, если бы она могла видеть двумя глазами, а не одним, и если бы ее челюсть не болела от эха ударов Хеллмы.

— Эта девушка бьет сильно, — пробормотала она, образуя изгибы буквы «а». Буква казалась удручающе близкой к кругу, но, по-видимому, есть еще одна буква, которая просто круг, и поэтому небольшие различия были важны.

Тем не менее, время пролетело быстрее, чем Яз себе представляла. Ей нравился запах скриптория и тишина, где не было слышно ни звука, кроме скрежета перьев, и затрудненное дыхание Куины, когда она пыталась переписать буквы, зажав язык между зубами. Сестра Сова ходила между ними с ободряющими словами, обращаясь к ним на обоих языках и заставляя Куину повторять ее слова.

Когда звон колокола послушниц, Брея, разорвал тишину, Яз, вздрогнув, оторвалась от работы и тут же пожалела об этом. Казалось, она потянула шею в одном из тех случаев, когда ее швырнули на спину.

— Вам повезло, — сказала Сестра Сова. — Воду в бане греют раз в неделю, на пятый день. То есть сегодня! В остальные дни температура едва поднимается выше нуля.

— Баня? — Яз повторила незнакомое слово. Очевидно, у Икта не было эквивалента.

Сестра Сова провела их к выходу, подождала, пока две другие сестры, которые работали за столами, придавили свои бумаги и открыла дверь навстречу ветерку. Она указала на низкий зал со множеством маленьких высоких окон, из которых валил пар, как будто внутри скрывалось горячее море:

— Баня. Все ваши одноклассники отправятся туда после урока Меча. Если вы поторопитесь, то их обгоните.

Куина взглянула на Яз, пожалала плечами и поспешила в баню. На глазах у Яз из входной двери появились две послушницы постарше, с мокрыми волосами. Она оглянулась на скрипторий, но Сестра Сова только махнула ей рукой. Вздохнув, Яз заковыляла за подругой.

Ступеньки и тяжелая дверь вели в окутанную паром комнату, где три старшие послушницы завязывали веревки на поясах, застегивали пряжки на ботинках или расчесывали волосы, и все это явно в спешке. Пол был мокрым, а в некоторых каменных плитах было проделано множество отверстий, чтобы вода стекала.

Куина уже снимала свои немногие меха. Яз подошла к двери в задней части раздевалки и заглянула в длинный прямоугольный бассейн с узкой дорожкой вокруг:

— Они здесь плавают? Зачем?

— Плевать! Разве ты не чувствуешь, какая она теплая? — Куина вылезла из своих штанов и держала их перед собой, из скромности, пока старшие девушки уходили, обмениваясь взглядами и ухмыляясь.

— Они плавают голыми? — ошеломленно спросила Яз.

— Их одежда была сухой, — сказала Куина, обнажив зубы в белозубой улыбке. Без мехов она выглядела болезненно худой. Бросив шкуры на скамью, она хунска-быстро проскользнула мимо Яз, черная линия ее волос там, где они доходили до лопаток, резко контрастировала с белизной кожи.

Яз поспешно разделась до своих шкур крот-рыбы, не желая, чтобы ее поймали за этим занятием, когда придут остальные. Она открывала дверь в комнату с бассейном, когда услышала плеск Куины. Она вошла, неуверенно ступая по мокрому камню, прищурившись, чтобы разглядеть Куину сквозь пар. Она не беспокоилась о ней. Все лед-племена получали пищу из горячих морей, и все лед-люди рано учились плавать. Лодки постоянно переворачивались, иногда из-за китов и других крупных обитателей глубин, но чаще всего из-за льда, который, падая со скал, вызывал огромные волны, катившиеся от одного берега к другому.

Куина перевернулась на спину и издала долгий, чувственный стон:

— Иди сюда! Это... это... мmmm.

Яз осталась там, где была.

— Они будут насмехаться над тобой, — сказала Куина нейтральным тоном.

Яз почувствовала, как ее щеки вспыхнули. Она отвернулась, срывая с себя шкуры крот-рыбы. В любом случае, они были слишком теплыми, чтобы носить их в южную жару. Ей не нужно будет зашиваться обратно в них, пока она не вернется на лед. Яз медленно попятилась к краю и начала опускаться в воду.

Как только она почувствовала жар, что-то растаяло внутри нее, и она просто соскользнула вниз, мгновенно поняв вздох удовольствия Куины. Она погрузилась, затем вынырнула, плавая лицом вниз в воде, как мертвое существо. Она никогда не чувствовала себя такой восхитительно, роскошно теплой. Именно это, подумала она, чувствуют младенцы в утробе матери, и именно поэтому их так трудно извлечь.

— Как будто мы умерли, и боги забрали нас, — сказала Куина.

Яз сумела что-то проворчать.

— Рада, что пришла? — спросила Куина.

— Ради этого я бы прошла вдвое больше. — И опять она имела в виду именно это.

ПОСЛУШНИЦЫ СЕРОГО КЛАССА появились с чередой брызг, громким смехом и болтовней. Вскоре они успокоились и принялись плавать в дымящейся воде, позволяя теплу смыть боль и страдания от тренировки. Венна вынырнула рядом с Яз, а мгновение спустя, разбрызгивая воду, то же самое сделала Хеллма, герант, которая использовала Яз в качестве мешка для битья.

Большая девушка поморщилась, изучая израненное лицо Яз:

— Ты была храброй. Глупой, может быть. Но храброй. Подруги называют меня Ад.

— Ты должна была сказать мне, что говоришь на нашем языке. — Голос Венны звучал сердито.

— Мне очень жаль. — Яз старательно произносила незнакомые слова. Она не хотела раскрывать истинную причину своего внезапного понимания. — Мали учила меня, но только недавно я начала его понимать.

— И она? — Венна посмотрела на окутанный туманом стусток, который, вероятно, был Куиной.

— Куина очень быстра в некоторых вещах, — сымпровизировала Яз, — но в этом она медленнее.

— Или, может быть, Малиайя — твой особенный друг? — ухмыльнулась Хеллма.

Яз нахмурилась, сбита с толку. *Знает ли девушка об их нить-связи?*

Ухмылка Хеллмы стала шире.

— Неважно. С Мали хорошо дружить. Ее семья очень богата, ты знаешь? Конечно, не так богата, как Таксисы. — Тут она взглянула на Венну, которая посмотрела на нее в ответ, прищурив глаза. — Но достаточно богата. А как насчет вас двоих? Вы принцессы на льду, живущие в ледяных замках? Или крестьяне, живущие в ледяных хижинах?

Яз непонимающе посмотрела на Хеллму здоровым глазом, сбита с толку этими словами и понятиями. Хеллма рассмеялась и сменила тему:

— Ты можешь принять удар, девочка! Никто из этого класса не давал мне ударить себя. На самом деле я не создана для сражений.

— Не создана? — Яз приподняла бровь и пробежала взглядом по мышцам Хеллмы, видимым над водой.

Герант пожала плечами:

— Я собираюсь стать Святой Сестрой.

— Молиться и переписывать книги? — Яз не видела в этом ничего привлекательного.

Хеллма ухмыльнулась.

— Да, будут какие-то молитвы. И я не очень хорошо разбираюсь в буквах. Но в монастыре есть нечто большее. Это семья. Я хочу работать на винограднике, выращивать виноград, делать вино. Быть с моими сестрами. Даже с Венной, если она останется! — Она рассмеялась и плеснула в Венну, которая попыталась нахмуриться, но не смогла этого сделать перед лицом хорошего настроения Хеллмы и плеснула ей в ответ.

Яз снова легла в воду. Что-то в желаниях Хеллмы напомнило ей Джеррига, огромного собирателя Сломанных, который посвятил свои дни уходу за урожаем:

— Я надеюсь, что ты сможешь выращивать виноград, Ад — чем бы это ни было. Это лучше, чем быть убийцей.

Выход из бассейна и смелый поход в раздевалку гольшом проверили мужество Яз больше, чем сражение с Хеллмой. Но никто из послушниц не обратил на нее и Куину особого внимания, за исключением Венны, которая встала, взяв стопку одежды со скамьи рядом с ней.

— Сестра Сова прислала это для вас. — Она сунула свою ношу в мокрые руки Яз.

Куина взвизгнула от возбуждения и взяла у Яз верхнюю половину стопки:

— Одежда монахини!

Яз положила свою половину на чистую скамейку и попыталась разобраться в странных предметах. Мали говорила ей, что они сделаны из меха существа, называемого овцой — его удалили со шкуры и хитро сплели вместе, образовав гибкие слои. Другие предметы изготавливались путем сплетения растительных волокон вместе, подобно тому, как Икта заплетали свои волосы. Это было технически интересно, но не слишком помогло, когда дело дошло до работы с отдельными элементами одежды.

— Вот эти надо надеть первыми. — Хеллма кивнула на сверток тонкой белой ткани в левой руке Яз. — Нижнее белье. Не волнуйся. Я никогда не видела и половины этого, когда попала сюда. Меня купили в какой-то безымянной деревне. Даже обуви не видала. Мы завертывали ноги в шкуры.

С советами Хеллмы Яз и Куина с трудом влезли в свои различные слои одежды и зашнуровали ботинки, прежде чем надеть рясу послушницы. Куина финишировала последней, несмотря на свои быстрые пальцы — в этом случае требовалось больше аккуратности и меньше скорости. Она выпрямилась, посмотрела на Яз и захихикала:

— Ты выглядишь как одна из них!

— И ты!

— Да, но ты действительно выглядишь как одна из них!

Яз покачала головой и огляделась. С ними остались только Хеллма и Венна. Остальная часть класса потекла к выходу, предположительно направляясь на другой урок или, возможно, на очередную трапезу.

— Куда теперь? — спросила Яз.

— У нас перерыв в аркаде послушниц, а затем Класс Духа, — ответила Венна. — Сестра Сова сказала, что у нее есть другие дела, так что вы обе свободны до завтра. Только не опаздывайте в дормиторий после восьмого колокола.

Яз и Куина последовали за двумя другими и пошли с ними в аркаду.

— Эта священница, Мать Джеккис, — сказала Яз. — Она часто бывает в монастыре?

Венна покачала головой:

— Никогда не видела ее раньше.

— Священницы приходят и уходят, — добавила Хеллма. — Возможно, они хотят обратиться в библиотеку, поговорить с конкретными монахинями или попросить помощи у одного из сестринств.

Венна повела их под арку, ведущую на огороженную площадь. Яз повернулась и оглядела здания монастыря, наполовину ожидая увидеть Мать Джеккис, наблюдающую за ней из какого-нибудь темного угла. Однако она ничего не увидела, только нескольких младших послушниц, спешащих взад и вперед, и цыпленка, дико машущего крылышками, чтобы убраться с их пути. Яз повернулась обратно, у нее вырвался вздох, и она прошла под аркой.

В центре площади росло дерево, и Куина остановилась, уставившись на него. Яз споткнулась и тоже остановилась:

— Оно такое большое.

Оно не было большим по масштабам лед-города, где башни поднимались в небо на милю. Но те башни превосходили ее способность понимать. Дерево было большим в масштабе, который она могла понять.

— На самом деле нет, — сказала Хеллма. — Это всего лишь молодой дуб. Через сто лет он будет намного больше. Тогда ты не сможешь обхватить его руками.

Яз посмотрела на трепещущие на ветру листья. Бесчисленная орда, как рыба в косяке. Куина прошла мимо нее, уже вытянув руку, чтобы дотронуться, хотя все еще была в нескольких ярдах от предмета своего восхищения.

— И все эти столы, стулья и двери... вы все это делаете из деревьев? — Яз не могла понять, как это возможно.

— Да, — сказала Хеллма без тени насмешки.

Яз оставила Хеллму и подошла к Куине, стоявшей, положив руки на ствол большого дерева. Несмотря на постоянное движение над ними — танец листьев, покачивание ветвей, — Яз не почувствовала никакого движения там, где ее руки прижались к грубой коре.

— Мы добились своего. — Куина повернула к ней сияющие глаза. — Мы коснулись дерева. Что бы они сказали на льду, если бы мы вернулись к ним? Они назвали бы нас лжецами. Сказали бы, что мы сошли с ума или полны дьяволов из черного льда.

— Да. И они могли бы коснуться, — кивнула Яз. Она попыталась представить реакцию Квелла; она хотела, чтобы он был здесь, увидел дерево, увидел ее.

— Это не так, как я себе представляла. Ничто из этого, ни деревья, ни люди. — Куина покачала головой. — Не лучше и не хуже, просто по-другому.

Яз пожала плечами. Она никогда не могла нарисовать в своем воображении какую-либо картину того, что их может ожидать, пока Эррис ей не показал. Она оглядела аркаду. Крытая дорожка тянулась по всему периметру площади, соединяясь с окружающими зданиями. Большинство послушниц сидели на скамейках под крышей, покрытой черепицей.

— Я никогда не думала, что жизнь здесь может быть такой легкой. — Она и представить себе не могла, что в результате их главной заботой станет ведение войны и обучение убийству. — Или настолько опасной. — Казалось, что когда мир перестал так усердно пытаться убить человечество, люди сами предприняли усилия, чтобы заполнить пустоту. Это опечалило ее так, что у нее не было слов, чтобы выразить это чувство ни на одном из языков.

КОГДА ЯЗ И КУИНА наконец отошли от дуба в центре площади, другие послушницы уже уходили на следующие уроки. Ожидаемый колокол прозвучал, когда Яз добралась до Венны и Хеллмы.

— Мы отправляемся на урок Духа. — Венна произнесла это со страхом, как будто собиралась выйти из палатки голой в полярную ночь.

— Сестра Булава не так уж плоха. — Хеллма пожала плечами.

— Ты можешь так говорить, потому что Ад планирует стать Святой! — Венна покачала головой. — Мы встретимся с вами в трапезной за ужином после седьмого колокола. Не попадайте в беду.

— Мы будем вести себя хорошо, — пообещала Яз. Зеленый язык все еще чувствовал себя неловко в ее рту. Она перевела для Куины, которая рассмеялась с неподдельным весельем, заставив Венну обернуться и хмуро посмотреть

на них, когда та выходила.

Наконец-то аркада была в их полном распоряжении. День клонился к закату, и тени поглотили площадь от края до края.

— Теперь? — спросила Куина.

Яз взгляделась в сгущающуюся темноту. Чем меньше она могла видеть под сводами прохода, тем больше ей казалось, что Мать Джеккис стоит там и наблюдает за ними.

— Нам нужно проникнуть в Зал Персуса, — сказала Яз.

— Куда?

— Место, где они приговорили нас к смерти.

— Нет, черт возьми! — Куина покачала головой. — Я имела в виду: теперь мы будем спать или плавать перед третьим приемом пищи? Они называют это «ужин», верно?

— Эулар оставил там на полу мою звездную пыль, — продолжила Яз, игнорируя слова Куины. — И, поскольку священница из Черной Скалы делит с нами монастырь, мне действительно нужна звезда, чтобы направлять нас.

— ВЕСЬ ЕЕ КЛАН живет здесь, верно? — Турин торопился по пятам за Эррисом — они последовали за Мал и пожилым слугой из кухни. Турин сжимал в каждой руке по связке сосисок и, жуя, пытался прошипеть свой вопрос.

— Ее ближайшие родственники. Семь человек, как я понимаю, — ответил Эррис. — Но большинство из них живут в большом доме в семейном поместье. А это просто городской дом, где они останавливаются во время приездов в столицу.

— Невероятно. — Они уже миновали слишком много дверей, и Турин действительно считал, что все Сломанные могли бы жить в этом здании и не толкаться локтями. Разница между семьей Мали и теми, кто жил в пачугах, которые они видели ранее, заставила Турина вспомнить о разнице между жизнью священников Черной Скалы и жизнью Сломанных, хотя даже это различие казалось менее выраженным, чем то, что было перед ним.

— Где же эта одежда? — Казалось, они уже прошли целую милю. Идея Мали одеть их как местных жителей была хороша. То, что ты здесь носил, передавало всю информацию о твоём социальном статусе. В пещерах Сломанных все сводилось к тому, чтобы согреться, и казалось намного проще. — Нам нужно торопиться! — Слуга шел невыносимо медленно. — Мы уже потратили впустую несколько часов. Эулар может передать Стержень-корня, пока мы разговариваем.

— Мы идем окольным путем, — сказал Эррис. — Мали очень хочет не встречаться ни с кем из своей семьи. Она сказала Йохану, что это может поставить их под угрозу.

— Но? — Турин расслышал «но» в голосе Эрриса.

— Но возможно также, что нам будет трудно объяснить, кто мы такие. — Эррис криво улыбнулся. — В любом случае, мы не можем войти в этот дом отдыха до утра, если хотим, чтобы нас приняли как посетителей, а не атаквали как злоумышленников. У Эулара нет особых причин ставить Стержень-корня выше встречи с первосвященницей. Очевидно, что в некоторых кругах Церкви ему не доверяют, поэтому он не захочет подвергать опасности свои отношения со своим единственным начальником. И даже если он что-то подозревает, то должен удостовериться, что мы мертвы. В любом случае, нам придется надеяться, что он отложит любой визит в подземный город до аудиенции у первосвященницы. Так что мы вполне можем сделать все не торопясь — одеться как два лорда, а потом немного поспать.

Слуга, Йохан, привел их в маленькую комнату с единственным узким окном. Еще одна комната для прислуги. На столе в беспорядке были сложены несколько стопок ткани, а также коллекция маленьких блестящих стальных приспособлений, названий которых у Турина не было.

— Шкуры... починены... здесь, — сказала Мали.

Турин моргнул:

— Ты... ты только что говорила на моем языке?

Мали быстро ухмыльнулась:

— Да.

Йохан открыл сундук и начал доставать одежду, такую же сложную и яркую, как та, что носили на самой большой из улиц, по которым Мали провела их ранее.

— Одежда принадлежит братьям Мали, — перевел Эррис. — Она здесь для мелкого ремонта, переделки по соображениям моды или просто потому, что от нее отказались в пользу более новой. Он говорит, что, если это поможет Мали, мы вольны брать все, что нам нужно.

— Хорошо. — Турин протянул руку, чтобы взять одежду, которую предлагал ему Йохан. Она выглядела излишне сложной, но он, по крайней мере, мог видеть, что там есть рукава.

Эррис начал снимать ботинки, и Мали быстро отвернулась, оказавшись такой же застенчивой, как икта, когда дело касалось обнаженной плоти. Турин с усмешкой сбросил куртку и позволил мехам упасть на землю. Он вспомнил, как была потрясена Яз во время своего первого визита в сушилку, когда поняла, что ей придется раздеться. Он предполагал, что Мали, запертая в своем монастыре в обществе одних женщин, могла бы проявить больше интереса к теме мужчин, но она стояла, решительно устремив взгляд на главный вход в комнату.

— Как мне?.. — Турин застыл на полпути в процессе борьбы с предметом, который ему дали. Одна рука уже находилась в узком рукаве, но у него не было возможности продеть вторую руку в другой рукав.

Мали дернулась и полуобернулась, прежде чем снова уставиться на вход. На помощь Турину пришел Йохан, направляя его через необходимые движения. К тому времени, когда Турин был прикреплен с помощью ряда маленьких кольшкочков, которые, по-видимому, назывались «пуговицы», к предмету одежды, который Йохан назвал «рубашка», Эррис был почти полностью одет. Он, по-видимому, был гораздо лучше знаком с тонкими,

облегающими предметами и множеством сложных застежек, необходимых чтобы удержать их на месте.

— Позволь мне! — Мали наконец повернулась и наклонилась, чтобы помочь Турину с завязками, которыми была закреплена его новая обувь. — Я... — Она снова обнаружила, что у нее нет руки.

— Все в порядке. — Турин постарался, чтобы его голос прозвучал уверенно. — Я могу это сделать. — Он нащупал узел. — Почти.

Йохан вернулся от сундука с чем-то новым и необъяснимым в руках.

— Что это, черт его возьми? — Турин закончил с ботинком и выпрямился.

— Я полагаю, — сказал Эррис, — это какая-то шляпа. Довольно глупо выглядящая, откровенно говоря.

— Дорогая, — сказала Мали. — И это все, что важно.

Эррис поджал губы и кивнул.

— Мне кажется, она права. Цель всего этого — выглядеть богатым. Деньги открывают двери. Деньги отвращают подозрения. — Он протянул руку и водрузил шляпу себе на голову.

Мали рассмеялась, подняла палец и покрутила его.

— В другую сторону? — Эррис закатил глаза и повернул шляпу полукругом. — Это еще хуже!

Мали перевернула ладонь.

— Серьезно? — Эррис перевернул шляпу вверх дном.

Мали серьезно кивнула.

— Ты выглядишь так, как будто у тебя на голове дерутся четыре крысы. — Турина поразила мысль о том, что, с точки зрения жителей Верити, такая вещь может улучшить их внешний вид.

Эррис нахмурился:

— Лишь одно может мне скомпенсировать подобное.

— Что именно?

Эррис кивнул в сторону Йохана, который теперь доставал из огромного сундука что-то еще:

— Твоя еще хуже.

ОНИ СПАЛИ В незанятой комнате для слуг. Турин решил, что это с некоторым запасом самая роскошная комната, в которой он когда-либо спал. Стены и пол были более плоскими и гладкими, чем в любой другой части Черной Скалы, и совсем не походили на самодельные хижины Сломанных: добытые мусорщиками доски, установленные на сырой скале под капающим льдом. Кровать оказалась мягкой, и на ней красовались одеяла из какой-то плетеной шерсти, удивительно теплые. Турин натянул их на себя, несмотря на то, что ему было бы удобно в такую жару спать голым. Он просто хотел почувствовать их вес и толщину.

Некоторое время он лежал на спине и смотрел в темноту, прислушиваясь к дыханию Мали в кровати слева от него и тишине Эрриса в кровати справа. Он подумал о своем народе, влачащем жалкое существование на залитом звездным светом льду, и о множестве людей здесь, живущих в тепле и сытости, и могущих странствовать так, как ни Сломанные подо льдом, ни кланы на его вершине никогда не могли себе представить. Он сбросил одеяла и подумал о Яз и Куине. Неужели они обе сейчас спят? А если нет, то какие мысли могут проноситься у них в голове?

Долгое время сон отказывался прийти. Темнота давила на него, как черные воды, в которых его пытались утопить, и, казалось, он должен отодвинуть ее назад, или она поглотит его. В конце концов, однако, именно воспоминание об изнеможении, о том, как он выползал из провала и лежал под всеохватывающим сиянием луны, потянуло его вниз. Он погрузился в личное забвение и вообще не видел снов.

ПАЛЬЦЫ РАССВЕТА ПРОСКОЛЬЗНУЛИ через ставни и застали их троих снова одевающимися: Мали — одежду монахини, Эррис и Турин — в непривычные роскошные наряды.

— Не в ту сторону. — Мали говорила на лед-языке более бегло, чем прошлой ночью, словно разум Яз снабдил ее большим количеством слов, пока они спали.

Турин вздохнул и начал выпутываться из рубашки. Он почувствовал укол ревности при мысли о том, что Мали разделяет сны Яз. Это казалось незаслуженной близостью. Он прошел с ней тысячу миль по льду, а Мали присоединилась к ним всего несколько дней назад, сорванная с картинки.

Он зашнуровал ботинки, изо всех сил пытаясь воссоздать банты, которые Эррис без особых усилий завязал самостоятельно. Эти шпуквины были немного маловаты и давили ему на пальцы ног. Они казались слишком тонкими, чтобы быть полезными. Приглашение к потере пальцев на ногах. Это не лед, напомнил он себе. Здесь, казалось, ничто не замерзло, и все пеклось при лунном свете.

— Как я выгляжу? — Он встал и развел руки.

— Симпатичный, — сказала Мали.

Турин почувствовал, как к его щекам прилила краска, хотя девушка была всего лишь ребенком:

— Я имел в виду, сойду ли я за одного из вас?

— До тех пор, пока не откроешь рот, — сказал Эррис.

Йохан вернулся, чтобы вывести их из дома. Они пошли за ним по освещенных фонарями коридорам, проходя

мимо суетящихся туда-сюда слуг, несущих серебряные подносы, постельное белье, уголь в ведрах — все они выполняли отдельные и сложные задачи. Турин старался не пялиться.

Даже предназначенные для слуг части дома выглядели чудесными — хотя, конечно, здесь не бывало членов семьи, которой были посвящены все эти усилия. У зеленоземельцев, по крайней мере в этом огромном городе, было время привнести артистизм во все уголки своей жизни. Гипсовая лепнина, спрятанная в углах потолка, на который мало кто глядел, была вылеплена в виде завитков и узоров, завораживавших глаз. Металлические конструкции вокруг каминов украшали завитые железные листья; даже кочерга была изогнута и заканчивалась причудливой ручкой, которая выглядела так, словно могла открыться в какое-то новое чудо.

— Быстро. — Мали махнула им рукой, пропуская через дверь в ослепительный дневной свет, в то время как Йохан наблюдал за ними из-за полок кладовой, скрестив руки на груди, с суровым взглядом, как будто поручая Турину и Эррису защищать этого заблудшего представителя клана Глосис.

Турин, спотыкаясь, вышел на тепло и свет дня, шурясь от яркого света. Мали торопливо повела их по гравию в зелень. Днем цвета были потрясающе яркими, движение и сложность кустов одновременно пугали и завораживали Турина. Вокруг него вздымались толстые стволы деревьев, разветвляясь над его головой на бесчисленные части, каждая из которых поддерживала зеленую массу листьев.

Когда они подошли к невидимой из дома внешней стене, Турин обнаружил, что зеленый был не единственным цветом.

— Что это такое? — Он осторожно провел рукой по длинному и заостренному предмету, растущему из зеленого стебля, но ярко-красного цвета. Это выглядело почти как одно из плодовых тел грибов, выращиваемых Сломанными, хотя их цвета были приглушенными по сравнению с этим.

— Цветок. — Мали настойчиво махнула ему рукой.

— Биоинженерия. — Эррис прошел мимо него. — Эволюция и искусственные спутники по разному отмеряют время.

Турин спросил себя, изучил ли Эррис зеленый язык так же быстро, как Мали изучила лед-язык, потому что Эррис явно говорил не на его языке, хотя он и узнал пару слов. Турин двинулся дальше, увидев еще больше закрытых цветов разных размеров и цветов. Достигнув стены, он поклялся вернуться однажды ночью и увидеть, как они расцветают во время фокуса луны.

С помощью Эрриса всем им удалось перебраться через стену, так что Турину не пришлось напрягать свою лед-работу. Та часть его разума, которая обращалась к источнику этой силы, все еще немного болела от ночных усилий, но сон помог. Будь его воля, он бы какое-то время воздерживался от использования этого таланта. Скорее всего, он не добьется своего. Напротив, та часть разума, которая опиралась на источник его огонь-работы, чувствовала себя переполненной и болела не от использования, а от пренебрежения. Турину часто казалось, что эти два таланта обитают в разных половинках его мозга, постоянно участвуя в низкоуровневой войне за контроль. Мало чем отличаясь от войны между Сломанными и Запятнанными, многие поколения сражавшихся за единоличное владение ледяными пещерами.

Перед ними открылся Верити, огромное красное солнце, казалось, поглотило половину неба и почти касалось крыш. Тени наклонялись к ним, окрашивая широкую улицу полосами.

Днем город поразил Турина еще больше. Ночь сосредотачивала его внимание на одной ошеломляющей вещи за раз. Дневной свет открывал далекие виды и наполнял каждый взгляд тысячью вопросов. Настолько, что вместо того, чтобы искать ответы, Турин не отрывал взгляда от вымощенной камнем дороги и следовал за Мали ближе, чем раньше.

— Так лучше, — сказал Эррис. — Люди нашего положения не должны ходить по городу, глаза на все так, словно видят это в первый раз. Богатые держатся отчужденно. Они не обращают внимание на обычных людей. Но я подозреваю, что и земля перед ними их не завораживает. Попробуй ходить так, как будто ты здесь хозяин. Иначе нас могут заметить.

— Ты думаешь, этих монахов будет больше? — спросил Турин.

— Возможно. Мали говорит, что их не так много в городе одновременно, и даже архонт не может просто сказать им бросить то, что они делают, и выполнять его приказы. Но, в зависимости от того, насколько сильно влияние Эулара, их может быть больше, да. И даже если ты сможешь не выглядеть крестьянином в одежде, стоящей дорожке твоей деревни, Серые Братья — мастера маскировки, а это значит, что они могут довольно хорошо видеть сквозь нее. Позвольте мне руководить и идти впереди.

Гнев Турина усилился, принося с собой старую обиду на этого совершенного, древнего и нестареющего человека, которого Яз каким-то образом выудила из гулких пустых руин. Он остановился на улице и повернулся к Эррису:

— Ты думаешь, что у тебя гораздо меньше шансов быть замеченным?

— Ну. — Древний человек улыбнулся, казалось, ничуть не обидевшись. — Я подумал, что незнание языка

рекомендовало тебе оставаться в арьергарде. Но, так уж получилось, что я могу сделать и это... — Он вытянул перед собой руку, и, пока Турин смотрел, открыв рот, кожа начала светлеть, медленно, но заметно, отступая от своего обычного темно-коричневого цвета. — Кроме того, я могу изменить положение челюсти, скул и даже согнуть череп, если это будет необходимо. Хотя это займет немного больше времени.

Турин попытался скрыть ухмылку на лице:

— Хорошо. Ты победил. Ты поведешь нас навстречу опасности.

ЦЕРКОВНЫЙ ДОМ ОТДЫХА не был домом. Он был намного больше особняка, в котором жила маленькая семья Мали. Турин расположил его где-то между дворцом и городским районом. Как и весь город, он имел свою собственную окружающую стену, а внутри которой располагались самые разнообразные здания.

Войти оказалось на удивление легко: рекомендательным письмом стала одежда и послушница в рясе. От Турина не потребовалось говорить, и Эррис тоже мог бы пройти мимо, не открывая рта, хотя и произнес несколько неразборчивых слов после того, как Мали рассказала о своем деле церковь-стражам у ворот.

Даже в этот ранний час на территории комплекса было многолюдно. Повсюду расхаживали церковь-стражи, одетые в яркие доспехи и церемониальные плюмажи. И снова Турину приходилось отрывать взгляд от бесчисленных хитросплетений отделки, которые наводили на мысль, что у рук этих людей было слишком много свободного времени. Несмотря на все свои усилия, он все равно поймал себя на том, что пялится, как мимо ковыляет пожилой священник в рясе, которая оттопыривалась до такой степени, что, казалось, под ней могли спрятаться несколько низкорослых людей.

— Турин! — прошипел Эррис.

— Что с ним не так? — прошипел в ответ Турин.

— Он просто толстый.

— Толстый? — Турин не понял слова.

Эррис, который сейчас был гораздо меньше похож на Эрриса, чем когда они покидали дом Мали, поднял бровь:

— Это то, что происходит, когда в течение длительного времени ты ешь намного больше, чем тебе нужно.

— А... — Турин не был уверен, шутит ли Эррис или нет. Но церковь-страж, прислонившийся в тени высокого здания, с любопытством наблюдал за ним через Y-образную прорезь чересчур богато украшенного шлема, поэтому Турин решил оставить эту тему и двигаться дальше.

Мали шла впереди. Они обошли здание, которое служило резиденцией для приходящих Святых Братьев. Дважды. Она что-то пробормотала Эррису.

— Где находится резиденция этого архонта? — прошипел Турин.

— Она не знает. Но самое главное — продолжай идти так, словно у тебя есть цель. Если ты будешь выглядеть заблудившимся, это привлечет внимание. И подозрения.

Мали выбрала новое направление, и они пошли к широкой, обсаженной деревьями площади с огромной статуей в центре. Турин рискнул бросить взгляд, когда они проходили мимо. Гладкая, без признаков личности статуя изображала мужчину — или женщину. Она резко контрастировала с детальным орнаментом, который можно было найти повсюду — даже на водосточных желобах зданий, где каменные животные, такие же странные, как лошадь, ждали с открытыми ртами, чтобы извергнуть дождевую воду со стен.

— Предок, — пробормотала Мали. — Не пялься.

Турин ускорил шаг, стремясь увеличить расстояние между собой и этим Предком. Сломанные и лед-кланы не имели статуй своих богов, но, как и жрецы Черной Скалы с их Скрытым Богом, Аргесом, зеленоземельцы, казалось любили мастерить свое божество из камня. Турин надеялся, что этот Предок не был злым духом, охотящимся в своем храме, но, исходя из опыта, не собирался заранее считать, что это не так.

Мали остановилась, чтобы задать вопрос двум монахам в черных одеждах, занятым обсуждением чего-то, что показалось Турину квадратом странной белой ткани, покрытой черными закорючками. Один из них посмотрел на нее из-под кустистых седых бровей и пренебрежительно махнул рукой в дальний угол.

— Архонт Эулар должен быть там. — Мали направилась к обсаженной деревьями аллее, которая вела от площади между двумя высокими зданиями.

Прежде чем она добралась туда, на ее пути встала крепко сложенная женщина. Как и многие в комплексе, она носила черную рясу, но ее волосы не были ни покрыты, как у монахини, ни выбриты, как у монаха, а на шее висел серебряный амулет в форме дерева. Она задала Мали резкий вопрос.

Эррис наклонился к Турину и пробормотал:

— Одна из друзей Эулара. С Черной Скалы.

Мали, запинаясь, ответила, и женщина рывкнула еще один вопрос. Мали держала обе руки, вернее, одну руку и кулю, под скрещенными руками, крепко обнимая себя, как будто замерзла, и священница не раз подозрительно поглядывала на нее, словно пытаясь разглядеть скрытую рану.

Женщина, казалось, собиралась выдвинуть еще одно требование, когда Эррис прервал ее, возможно, опасаясь, что она прикажет Мали разжать руки. Священница взглянула на него, и Турин заметил, что у нее один глаз карий, другой — бледно-голубой, и ни один из них не был дружелюбным. Несогласованные глаза посмотрели на Турина из-под густых бровей, прежде чем вернуться к Эррису. Ее лицо было убедительным аргументом в пользу крови

герант — грубое и жестокое, — но Турин спокойно выдержал ее взгляд.

Что бы ни сказал Эррис, казалось, это выбило священницу из колеи. Он говорил со спокойной властью, а теперь смахнул воображаемую грязь с богатой ткани своего рукава, прежде чем уйти, не спрашивая разрешения. Мали последовала за ними, и Турин, выдавив из себя улыбку, поспешил следом.

— Это, — сказал Эррис, когда они проходили между первыми деревьями, — Мать Крей, жрица Скрытого Бога и, по-видимому, священница этого Предка, которому поклоняется народ Мали. Она была одной из тех, кто проверял нас, когда мы прибыли в Черную Скалу.

— Разве не было еще одной, кто сбежал в конце? — спросил Турин.

— Мать Джеккис. Пожилая женщина. Мы должны помнить и о ней.

Турин вздрогнул. Он не хотел никаких напоминаний о времени, проведенном в Черной Скале, или о борьбе за то, чтобы найти свой собственный путь в нее, в то время как ветер пытался его убить. Сейчас их спасла удача. Эррис изменил свое лицо, и Турин не встретил там ни одного из жрецов, кроме регулятора, чья долгая и порочная жизнь закончилась в горе.

— Нужно беспокоиться о том, что она последует за нами? — спросил Турин.

— Да. — Мали ускорила шаг.

Турин оглянулся и увидел, что Крей стоит там, где они ее оставили, все еще глядя им вслед. Он напрягся и, используя лед-работу, остановил ноги крупного мужчины, проходившего мимо священницы. Небольшого толчка оказалось достаточно, чтобы тот упал прямо на Мать Крей, повалив ее на землю и немедленно заставив полдюжины других людей столпиться вокруг, предлагая помощь.

— Быстрее! Давайте двигаться! — Турин поспешил мимо Мали.

ВОРОТА РЕЗИДЕНЦИЙ ВСЕХ четырех архонтов выходили на широкую площадь, в центре которой красовал замысловатый фонтан. Мали привела их посмотреть на каменную затейливую скульптуру, где вода хлестала из ртов выглядящих удивленными рыб. Дом отдыха, помимо того, что был местом, где останавливались духовные лица, приезжающие в столицу, оказался местом, куда приходили пожилые священники, писцы, слишком древние, чтобы держать перо, и другие церковные сановники, ослабевшие от возраста, чтобы скоротать свои сумеречные годы. Старики и старухи сновали туда-сюда по большой площади, как будто у них не было определенного места назначения, время от времени бросая взгляды на Турина и остальных, полные того особого неодобрения, которое старики часто приберегают для тех, кто все еще дерзко держится за молодость.

Каждая резиденция имела внешнюю стену, предположительно, для обеспечения уединения архонтов, чтобы какой-нибудь мелкий священнослужитель не захотел заглянуть без предупреждения — хотя эти стены могли остановить небольшие армии, если только те не были оснащены длинными лестницами.

— Вот эти. — Мали кивнула в сторону восточных ворот. Не имело значения, на какие ворота она указала: все они были волнистыми сооружениями из кованого железа в несколько раз выше человеческого роста, и каждые охраняли четыре стражника в доспехах, чьи плюмажи развевались на ветру.

— Давай сделаем то, что делали у твоего дома прошлой ночью, — предложил Турин.

Двое других кивнули, и Мали повела их между резиденцией Эулара и ее соседом слева. Они шли вдоль стены, где это было возможно, держась в ее тени. Территория дома отдыха была более многолюдной, чем предрассветные улицы в аристократическом квартале, и давала меньше возможностей преодолеть стену незамеченными. Они направлялись к строениям, которые, по словам Мали, принадлежали той или иной части Церкви: зал писцов, особняк настоятелей и, ближе всего, казармы личной охраны. Ветер принес из казарм запах животных, напомнив Турину о лошади Эулара, но никаких четвероногих видно не было, только низкое корыто с грязной водой, из которого они могли пить.

Турин продолжал оглядываться, уверенный, что в любой момент Мать Крей снова обнаружит их или зазвонит тревожный колокол, как это было в монастыре, возвещая о прибытии Эулара. Он посмотрел на нависшую над ними стену:

— Мы должны поторопиться!

— Сейчас? — спросила Мали.

— Нет. — Эррис покачал головой. — Слишком много глаз.

Однако, похоже, лучшей альтернативы не было.

— Нам нужно отвлечение... — Турин попытался что-нибудь придумать.

— Ты можешь начать пожар? — предположил Эррис, кивая на дымящиеся трубы особняка аббатов.

— Нет! — Мали выглядела потрясенной.

Турин пожал плечами. Он мог ее понять. Это был ее народ, даже если кто-то из них был шпионом со льда.

— Может быть, я мог бы обрушить часть здания?

Эррис покачал головой:

— Они сделаны не из льда, ты же знаешь...

— Смотрите! — Турин ухмыльнулся, радуясь, что в кои-то веки придумал то, до чего не додумался Эррис. Он нахмурил брови, и тонкая струйка воды выползла из корыта для лошадей. Он держал ее на земле, заставляя течь через каменные плиты и следовать по стыкам, чтобы быть менее заметной. Это требовало усилий, таких же, как подъем в сотни раз большего веса. Он сосредоточил весь свой мозг на сложной задаче — заставить разные части змеи двигаться в разных направлениях, пока она петляла по дороге к особняку аббатов. Хвост змеи покинул корыто для лошадей, — уровень воды стал на несколько дюймов ниже, — в то время как голова была еще только на полпути к особняку.

Мали и Эррис намеренно избегали наблюдать за ее продвижением, чтобы не привлекать внимания проходящих мимо священнослужителей к движущейся воде, хотя он мог сказать, что оба очень хотели посмотреть.

Змея поспешила вверх по стене здания в том месте, где должна была стекать вода от дождя. Достигнув наклонных плиток крыши, она проложила более прямую линию к ближайшему дымоходу, спиралью взобралась по нему и, ярд за ярдом, исчезла в дымящемся отверстии.

— Ты собираешься заблокировать дымоход? — прошипел Эррис.

— Нет. — Турину эта мысль не приходила в голову, но он предположил, что это тоже может сработать — наполнить комнату внизу дымом и, в конечном счете, заставить всех настоятелей, находящихся внутри, закашляться и выбежать на улицу со слезящимися глазами. — Это.

Он протянул руку, сжал кулак и быстро потянул его к груди. Это действие помогло его разуму сосредоточиться. Вода, которую он сформировал в шар внутри дымовой трубы наверху, теперь рванулась к нему, часть ее брызнула в небо. Он потянул сильнее, кряхтя от усилия, и сначала медленно, почти незаметно, труба наклонилась к нему, а затем с громким треском освободилась. Тяжелый цилиндр тяжело упал на черепичную крышу, с грохотом покатился к водосточному желобу и стал падать вместе с дождем из сломанной черепицы. Гром, с которым он ударился о землю и разлетелся на тысячу осколков, доставил Турину настоящее удовольствие.

Все головы повернулись в сторону падения. Большинство из полудюжины людей, находившихся в поле зрения, побежали к тому месту, где приземлился дымоход, как будто сообща могли собрать осколки и исправить ущерб.

— Быстрее! Сделай это сейчас! — сказал Эррис.

Резкая боль расцвела за глазами Турина, когда он забросил себя на вершину стены. Эррис практически швырнул в него Мали, и он едва поймал ее своей лед-работой. Они оба начали падать в противоположную сторону, когда Турин физически схватил девушку и смягчил их удар о каменные плиты внизу.

Между стеной и той стороной особняка, которую она окружала, было около десяти ярдов. Все голые и незащищенные. Без предупреждения два существа выскочили из-за угла со смертельной скоростью, их когти царапали каменный пол, пока они делали поворот. Турину потребовалось мгновение, чтобы понять, кто это такие. Сломанные принесли с поверхности рассказы о собаках, но Турин никогда не видел этих существ до своей короткой встречи с эйдолоном в лед-городе над Аидисом. Эти не были похожи на ездовых собак, которых эйдолон разорвал на части ради их плоти. Они были такими же крупными, но вместо длинного серебристо-белого меха у них были гладкие черные шкуры, а их головы казались больше, тупее и полнее наполнены зубами.

Их молчание одновременно пугало и завораживало. Наверху Турин услышал, как Эррис ударился о дальнюю сторону стены, не сумел зацепиться за верх и с приглушенным проклятием упал обратно. Мали встала в боевую стойку, но что она могла сделать против двух таких масс пенящейся свирепости, Турин и представить себе не мог. По-прежнему даже не воя, обе собаки взмыли в воздух в последнем большом прыжке, после которого оба живых снаряда — гладкие массы мышц и зубов — должны были врезаться в Мали и Турина.

У СОБАКИ, НАЦЕЛИВШЕЙСЯ на горло Турина, были покрытые пеной челюсти, ряды сверкающих белых зубов и дикий, маниакальный взгляд. Со времени нападения хулы Турин еще не чувствовал себя беспомощной добычей. Ужас грозил парализовать его. И какой бы ужасный конец не ожидал его, то же самое, несомненно, случится и с Мали.

В последнее мгновение Турин пришел в себя. Он схватил обеих собак лед-работой и перебросил их через стену, пожелав им мягкого приземления. Они обе пролетели над Эррисом, когда он со второй попытки достиг вершины стены. Мгновение спустя он перевернулся в воздухе и приземлился рядом с Мали.

— Летающие собаки? — Эррис повернулся к Турину и вопросительно посмотрел на него.

Турин пожал плечами:

— Упавшая труба не отвлечет их надолго.

— Как и собаки, — сказала Мали.

— Она права. — Эррис подошел к зданию и взялся за ставни одного из многочисленных окон. — Нам нужно действовать быстро.

Турин посмотрел направо и налево. Десятки окон усеивали стену, как на уровне земли, так и на втором этаже. План, который в голове Турина несколько раз колебался между «безумный» и «может сработать», твердо вернулся к «безумный»:

— Это большой дом и маленький ящикек. К тому же, если Эулар все еще здесь, ящикек, вероятно, будет при нем.

— Я лучше пойму, где он находится, когда мы будем к нему поближе. — Эррис медленно тянул, пока петли ставня не поддались его силе. Из-за стены до них доносились слабые крики.

— Я тоже, — пробормотал Турин. — Когда я его увижу, то точно буду знать, где он находится.

Эррис протянул руку к окну, которое, как и в самых богатых домах, состояло из десятков маленьких стеклянных ромбов, соединенных вместе в прямоугольной деревянной раме. Мали отбросила его руку в сторону и подошла ближе, держа свой нож:

— Верни ставень на место. Скрытность! Никто не должен знать.

Пока слегка пристыженный Эррис вставлял металлические петли обратно в каменную кладку, Мали ловко обрабатывала окно тонким лезвием. Турин нервно оглянулся в поисках других гончих и спросил себя, не использовали ли зеленоземельцы еще более страшных животных для охраны своих домов. Хулы, может быть? Он уже собирался спросить о хулах, когда Мали отступила назад, и окно чудесным образом распахнулось. Мали наклонилась, проверила комнату за дверью и пролезла внутрь без посторонней помощи.

— Давайте же! — Она поманила их своей культей.

Турин вскарабкался за ней, за ним последовал Эррис, который закрыл ставни, вернув комнату во мрак, нарушаемый только тем светом, который пробивался сквозь щели. Затем он полностью закрыл окно, заперев его на задвижку, которую Мали каким-то образом отодвинула. Дом архонта ничем не отличался от грандиозного семейного дома Мали, но стены по обе стороны комнаты были уставлены стеллажами, заполненными... чем-то... что совсем не походило на сверкающие сокровища, которые Глосис выставляли напоказ при каждом удобном случае.

— Книги, — загадочно сказал Эррис и быстро направился к двери.

Турин последовал за ним, удивляясь мягкости под ногами. Весь пол был покрыт какой-то плотной тканью с рисунком. Он спросил себя, как справятся те, кто вырос в такой роскоши, защищенные от всех невзгод мира, если они когда-нибудь окажутся в таких неприятностях, которые были характерны для его собственной жизни в последнее время.

Присоединившись к Эррису у двери, Турин услышал слабый, но неземной вой:

— Что это?

Эррис приложил палец к губам, пока Мали слушала, прижав ухо к двери, Они дали ей несколько минут тишины.

— Это не тот звук, который я ожидал услышать где-либо над землей, — пробормотал Эррис. — Это работает механизм из гораздо более ранней эпохи. Мое время, может быть. Или даже раньше. — Он подергал дверную ручку. — Заперта.

— Не ломай замок. — Мали опустилась на колени и приблизила глаза к замочной скважине.

Турин ожидал, что она достанет какой-нибудь инструмент из внутренних карманов своей одежды, а затем начнет ковыряться в скрытом механизме внутри замка. Вместо этого она пристально смотрела на него настолько долго, что Турин уже собирался прервать ее вопросом, когда она внезапно потянулась вперед, как будто выхватывая что-то из воздуха, и замок сдался с мягким щелчком.

Они осторожно продвигались по тускло освещенному особняку. Дом выглядел заброшенным, словно сюда давно никто не заглядывал. Очевидно, что Эулар, лишенный глаз, не требовал, чтобы помещение сверкало или в нем горело множество ламп и свечей, поэтому слуги свели освещение к минимуму, необходимому, чтобы не спотыкаться о предметы в темноте.

Эррис вел их в направлении странного воя. Турин потянулся своим лед-чувством, пытаясь нащупать кого-нибудь поблизости, как он это делал, избегая встречи со стражниками внутри Черной Скалы. Особняк был практически пуст. Только однажды ему пришлось оттащить Эрриса назад, чтобы позволить кому-то пройти мимо, не заметив их. Он мельком увидел человека, когда они достигли конца коридора — молодая женщина, несущая серебряный поднос. Запах еды в накрытых тарелках достиг его ноздрей, и пахло там даже лучше, чем в кладовой дома Мали. Его желудок заурчал.

— Два человека впереди слева, — предупредил Турин, когда они достигли другого коридора. Вой стал громче. — Не двигаются. Просто стоят.

— Может быть, что-то охраняют. — Мали подошла к углу и опустилась на колени в тени у края. Она осторожно заглянула в более ярко освещенный коридор, затем отступила. — Двое мужчин. Вооруженные. Стоят перед дверью.

— Может быть, Эулар там? — спросил Турин.

Эррис поджал губы:

— У меня такое чувство, что ящичек Стержень-корня определенно там. На самом деле, именно он, скорее всего, производит этот ужасный шум.

— Зачем это Стержень-корню? — Турин вынужден был признать, что звук резал ему уши. Очень быстро его будет невозможно выносить.

— Чтобы Эулар не таскал с собой ящичек, куда бы ни шел. Чтобы заставить Эулара поставить его под охрану где-нибудь вне пределов слышимости. — Эррис направился к углу, сжимая кулаки.

— Подожди. — Мали схватила его за руку.

— Она права, — прошептал Турин. — Она права, — повторил он громче, поняв, что охранники, стоящие ближе к воющему ящичку, не смогут его услышать. — Как быстро ты сможешь заставить их замолчать? Особенно не убивая? Если у кого-то из них есть кровь хунска, вполне возможно, что они поднимут тревогу до того, как ты до них доберешься.

— Ты думаешь, что сможешь стукнуть их головами отсюда? — спросил Эррис.

Турин нахмурился. Предыдущие усилия уже напрягли ту часть его разума, которая стояла за лед-работой. Чтобы столкнуть двух мужчин вместе таким образом, чтобы они потеряли сознание, а не просто пострадали или умерли, потребовалось бы более тонкое прикосновение и больше опыта, чем у него было.

— Может быть?

Мали выпустила воздух через губы и покачала головой, как будто двое мужчин, возвышавшихся перед ней, были капризными детьми.

— Скрытность! Не насилие. — Она протиснулась между ними и вернулась в угол, еще раз оглядевшись.

Турин и Эррис обменялись взглядами. Это правда, оба их метода оставили бы след, который невозможно было бы стереть. Мали по-прежнему явно намеревалась уйти так, чтобы никто никогда не узнал, что они вообще здесь были.

Она уставилась в конец коридора так же напряженно как и тогда, когда изучала замок. Как будто эти двое мужчин были головоломками, которые она могла разгадать. На этот раз это заняло больше времени. Очень долго, и Турин уже решил заткнуть уши пальцами, чтобы заглушить все более раздражающую сирену коробки. На этот раз, когда она протянула руку, чтобы потянуть за невидимую нить, Мали использовала свою отсутствующую руку, и Турин представил себе призрак ее пальцев, хватающих воздух. Щелчка не последовало, только восклицание одного из невидимых охранников и быстрый обмен репликами, за которым последовали звуки бегущих ног.

Мали отодвинулась, выпрямилась и помассировала виски.

— Что случилось? — спросил Турин.

— Ему пришлось уйти, — сказала она, пряча усмешку.

— Уйти?

— В уборную. — Мали прикусила губу и повернулась обратно к углу. — Теперь второй.

Второму охраннику потребовалось меньше времени, чтобы внезапно решить, что ему тоже срочно нужно быть в другом месте. Он побежал за своим товарищем, а Мали вышла в теперь уже пустой коридор, поманив за собой Турина и Эрриса.

— Нам придется работать быстро, — сказала Мали, а затем опять провела чрезмерно долгое время, уставившись на замок на двери. В конце концов механизм сдался ее нить-искусству, но не раньше, чем Турин убедил себя, что стражники вернутся через несколько ударов сердца.

В комнате за дверью не было окон, и в ней было темно. Эррис взял одну из ламп из коридора, и свет осветил комнату, где все было укрыто белым полотном. Однако найти ящичек не составило труда: сирена выдала его местонахождение. Они выкопали железный сундук из-под груды ковров и подушек, которые использовались, чтобы заглушить вой.

— Они услышат! — крикнул Турин.

— Что? — Эррис приложил ладонь к уху.

— Они услышат!

Мали проигнорировала их обоих и опустилась на колени, чтобы применить свою нить-работу к третьему за день замку.

Турин ожидал, что это займет много времени, поскольку сундук явно был спроектирован так, чтобы быть безопасным, но каким-то образом Мали открыла его чуть ли не вдвое быстрее, чем дверь. И там, освещая внутренность сундука собственным сиянием, стоял призрачный ящичек Яз. Мир людей — возможно, миры, — были заключены в белый куб, каждая грань которого была шириной в два пальца.

Эррис схватил куб, открыл его и крикнул внутрь:

— Уменьши громкость!

Сразу же звук сирены превратился из воя в жалобу, став ближе к тому, который возникал, когда сундук был заперт и накрыт. Мгновение спустя над кажущейся пустым ящичком возник Стержень-корень.

— Это заняло достаточно много времени! — Стержень-корень оглядел их. — Где Яз?

— Не здесь, — ответил Эррис. — И мы тоже не можем остаться надолго. Нам нужно оставить ящичек здесь. Если Эулар обнаружит, что ящичек пропал, он поймет, что мы не мертвы, и все станет намного сложнее. Не то чтобы с самого начала это было несложно!

— И как ты предлагаешь мне покинуть ящичек, молодой человек? — Стержень-корень выгнул бровь.

Эррис зажал между большим и указательным пальцами сверкающую иглу, которую Стержень-корень впервые дал Яз глубоко в подземном городе Веста. Ее хватило, чтобы доставить уменьшенную версию Стержень-корня в Аидис, где они спасли более полную копию этого человека.

— Я не могу в нее влезть! — Стержень-корень пренебрежительно отмахнулся от иглы. — В этом и был весь смысл ящичка.

— Скоро мы будем не одни. — Турин почувствовал, что кто-то приближается, прямо на границе его вода-чувства.

— Дело в том, — Эррис ткнул иглой в призрачный живот Стержень-корня, — что у нас нет времени на споры. Нам нужна любая часть тебя, необходимая для защиты ковчега от Сеуса. Нам она нужна в этой игле. И нам она нужна сейчас!

Стержень-корень обмяк, побежденный:

— В этой форме очень много информации. А в игле не хватит много места для большей части меня.

— Тебе просто придется оставить свое обаяние и индивидуальность в поле зрения Сеуса, — сказал Эррис, которому, по мнению Турина, не хватало некоторой доли сочувствия к судьбе этого человека. — Быстрее!

Турин положил руку на плечо Мали и наклонился, чтобы она могла расслышать его сквозь вой сирены:

— Кто-то приближается к углу, где мы были. Ты можешь заставить их уйти?

— Я могу попытаться. — Она поспешила к двери.

Эррис посмотрел ей вслед, затем снова перевел взгляд на вернул свое внимание к Стержень-корня:

— Ну?

— Я делаю это, пока мы говорим. Я думаю, будет лучше, если ты возьмешь ящичек и просто позволишь...

— Мы не можем допустить, чтобы Эулар узнал, что у нас есть то, что нам нужно. Тогда у нас могут быть дни без Эулара или Сеуса на нашем пути, — настойчиво сказал Эррис. — Чтобы открыть ковчег, Яз не только придется иметь дело с четырьмя полными корабль-сердцами — звездами, более крупными, чем все, что она держала раньше, — ей также придется где-то их найти. Она не сможет это сделать, пока эти двое пытаются ее убить.

Стержень-корень драматически вздохнул:

— Дело сделано. Игла содержит то, что вам нужно. Теперь...

Эррис захлопнул коробку и вернул ее в сундук.

— Увеличь громкость до прежней. — Он закрыл сундук и начал собирать ковры, чтобы снова накрыть его. — Мали, мне нужно, чтобы ты снова заперла его!

Мали вернулась с порога. Турин почувствовал, что тот, кто приближался, остановился. Турин не мог сказать, что сделала Мали. Человек мог внезапно увлечься своими собственными руками, вытаскивать воображаемый камешек из ботинка или даже крепко заснуть на ногах. Турин также не мог сказать, мог ли этот человек видеть дверь в комнату с ящичком с того места, где он стоял. Вполне возможно, что мог.

Мали положила руку на замок, и тот щелкнул:

— Во второй раз легче.

— Приятно знать. — Эррис накрыл сундук последним покрывалом. — Сделай то же самое с дверью из комнаты. — Он повернулся к Турину, протягивая иглу. — Сохрани ее.

— Почему я? — Турин заколебался, боясь прикоснуться к этой штуке.

— Потому что сейчас это лучшая надежда для человечества, — сказал Эррис, сжимая губы.

И все же Турин не протянул руку.

— И ты ближе к этим людям, чем я, даже если ты не говоришь на их языке. — Эррис вздохнул. — Кроме того, ты можешь летать. У тебя больше всего шансов сбежать.

Наконец Турин взял иглу. Она почти ничего не весила. Трудно было поверить, как много в ней было. Он засунул ее за лацкан рубашки, где материал был толще всего.

С воющим ящичком за спиной все трое добрались до двери, и, выглянув наружу, Мали махнула им рукой. Мгновение спустя они нашли новый путь через особняк, уклоняясь от вернувшегося охранника — тот остановился на последнем углу и, казалось, сосредоточенно соскребал что-то со своего рукава.

— Нам нужно окно, и мы выйдем незамеченными, — пробормотал Эррис.

Турин спросил себя, был ли Эулар вообще в здании. Возможно, он уже отправился на аудиенцию к первосвященнице. Турину нравилось думать, что они украли ящичек из-под носа старика — хоть раз его переиграли. По словам Яз, Эулар был не просто старым. Используя магию Пропавших, он проскакивал сквозь годы, спал десятилетия, прыгал со льда на зеленые земли и поддерживал несколько личностей, используя силу своей нить-работы. Он обманывал Сломанных и лед-племена в течение нескольких поколений. Но не в этот раз.

— Сюда. — Мали толкнула дверь в конце длинного коридора, по которому они шли. Та привела их в комнату, заставленную мебелью в чехлах и освещенную двумя большими окнами с закрытыми ставнями.

Они выбрались из окна обратно на дневной свет, и Турин обнаружил, что дезориентирован, не уверенный, была ли стена напротив него той, по которой они карабкались, чтобы попасть внутрь. Выбор наилучшего маршрута, по которому можно было бы незаметно покинуть территорию комплекса, был непростым решением.

— Они уже забрали собак? И выяснили, откуда они взялись?

— Может быть. — Эррис нахмурился. — Хаос может быть довольно хаотичным.

— Мы пришли оттуда. — Мали указала пальцем.

Турин быстро напряг вода-чувство, выскивая неприятности.

— За стеной поблизости никого нет. И... люди идут сюда из-за того угла. — Он указал на фасад дома.

Поскольку возможности резко сузились, их решение оказалось легким. Они поспешили к стене прямо перед ними, и Турин быстро поднял себя и Мали, стиснув зубы от напряжения, от которого у него заболел череп.

На этот раз Эррис лучше справился с прыжком, и они все вместе приземлились на дальней стороне стены, причем Эррис ударился о землю так сильно, что каменная плита треснула у него под ногами. Он выпрямился и оказался лицом к лицу с двумя старыми монахинями, такими же морщинистыми, как Сестра Сова, с всклокоченными прядями седых волос, выбивающимися из-под платков. В спешке Турин каким-то образом их не заметил.

Эррис вежливо поклонился им обоим и направился к Турину, который приземлился более мягко, Мали — позади пары. К счастью, пожилые женщины, казалось, впали в смятение, которое иногда захлестывает пожилых людей в последние годы их жизни. Они просто улыбнулись и кивнули, прежде чем неуверенными шагами двинуться дальше.

Мали повела их обратно через территорию. Очень быстро тихие особняки архонтов остались позади, и они оказались посреди всевозможных путешествующих священнослужителей на главной артерии комплекса. Народ тут казался поактивней, в их сторону летело все больше взглядов, но непонятно, из-за стигнувших собак или просто наступала середина дня.

— Не могу поверить, что нам это удалось! — Турин покачал головой. — Я имею в виду, каковы были шансы, что удастся?

— Что ж, давайте не споткнемся на последнем препятствии, — пробормотал Эррис, кивая вперед, туда, где по улице двигались пять церковь-стражей в доспехах, их церемониальные плюмажи реяли над толпящимися священнослужителями. Пять плюмажей: четыре белых пучка перьев и один более длинный красный.

Турин не отрывал глаз от земли, следуя за Мали, пока не вспомнил слова Эрриса о том, что это выглядит подозрительно. Он поднял взгляд как раз вовремя, чтобы встретиться взглядом со старшим стражником с красным плюмажем. Мужчина прошел дальше без комментариев, по-видимому, направляясь с какой-то срочной миссией.

Впереди замаячили открытые главные ворота.

Когда Мать Крей возникла на пути Мали, это выглядело так, словно она вышла из одной из волшебных дверей Эулара — хотя, скорее всего, это был просто эффект отделения от толпы, уплотняющейся к воротам. Священница держала в руке посох, которого раньше не носила, — черный кусок дерева, опущенный, чтобы преградить дорогу

послушнице.

Турин не смог понять вопрос женщины, но она задала его достаточно мягким голосом. Он был уверен, что она обращается к Мали, но ее несогласованные глаза остановились на нем, блестя из-под густых бровей.

Эррис ответил вместо Мали, в его голосе была та же смесь слегка скучающего высокомерия и командирского тона, которым он говорил раньше. Опять же, это действовало так же волшебным образом, как если бы обладание большим домом и красивой одеждой поднимало человека выше подозрений. Мать Крей наклонила голову и жестом пригласила их пройти. Турин чувствовал на себе ее взгляд на каждом шагу. Он выпрямил спину и пошел целеустремленным шагом, полный решимости сыграть свою роль.

— Наслаждайся городом, — сказала Мать Крей ему в спину.

— Обязательно, спасибо, — ответил Турин, не поворачивая головы.

Сердце ударило один раз, прежде чем Мали и Эррис в ужасе посмотрели на него. Еще один удар, прежде чем Турин понял, что он сделал. Она заговорила на лед-языке, и он на нем ответил.

— Не слишком ли поздно бежать?

Но Эррис и Мали уже стояли лицом к лицу со священницей. Мали протянула руку вперед, как будто выдергивала невидимые волоски из воздуха перед собой. Однако все жрецы Черной Скалы были кванталами, и Эулар обучил их таким искусствам. Когда Турин повернулся, он увидел презрительную улыбку на губах Матери Крей. Протянув к ней свою лед-работу, он схватил ее и высвободил достаточно силы, чтобы перебросить ее через ближайшую крышу. Вместо этого она просто покачнулась. Какой бы контроль ни мешал Мали дергать за нити Крей, он также удерживал ее плоть вне досягаемости разума Турина. Она оскалилась, как бы спрашивая, все ли это, что у них было.

Эррис сжал кулаки и шагнул к женщине, но Турин схватил его за плечо. Он хорошо помнил рассказ Квелла о жреце Валаке и о силе, которую тот призвал под Черной Скалой.

— Она как Яз. Она может разорвать тебя на куски.

— Она совсем не как Яз, — прорычал Эррис. Но все равно заколебался.

— Бежим? — предположил Турин.

— Бежим! — Эррис повернулся к воротам.

Мали уже бежала.

Предвкушающая улыбка Матери Крей исчезла, когда Турин тоже повернулся, чтобы убежать. Он не понял, что она прокричала, но можно было поспорить, что это было:

— Остановите их!

ПОПАСТЬ В ЗАЛ Персуса оказалось несложно. Место, где Яз и ее спутники предстали перед судом двумя днями ранее, было безлюдно. Только потянувшись к ручке главной двери и увидев чуть ниже замок, Яз испугалась, что ей может понадобиться ключ. Однако монастырь, по-видимому, не видел необходимости использовать замки. Дверь бесшумно распахнулась на смазанных петлях.

Куина последовала за Яз в мрачные внутренности:

— Мне здесь не нравится.

Яз тоже не была в восторге от этого места. Сидение в величественных креслах в окружении знаний, записанных в книгах, по ее мнению, не делало убийство менее жестоким, чем то, которое замыслили Запятнанные, когда они с воем набрасывались на тебя. А необходимость стоять там и слушать, как другие обсуждают твою судьбу, была своеобразной формой пытки, независимо от того, понимаешь ты их язык или нет.

Эхо от их шагов побежало по огромному залу суда. Яз вспомнила, как Эулар встал со судейского кресла и достал звездную пыль, взятую из ее кармана. Он протянул светящуюся пригоршню, как будто это было доказательством какого-то греха, и погасил ее свет, произнес слова какой-то молитвы, чтобы монахини поверили, будто действует сила Предка, а не его собственная. Серая пыль безжизненно осыпалась с его пальцев и упала на пол.

— Она должна быть где-то здесь... — Яз опустила на колени перед большим деревянным возвышением, на которой сидели судьи.

— Может быть, он ее забрал. — Рядом с ней остановилась Куина.

— Для него пыль ничто. Он, должно быть, взял все нужные ему звезды, прежде чем сбежать с Черной Скалы. А после суда он думал, что мы все умрем на следующий день по его приказу. Зачем ему беспокоиться об остатках?

Она провела руками по вымощенному каменными плитами полу, пытаясь вслушаться в пение крошечных звезд. Эулар погрузил их в глубочайший сон — такой, какой знают камень и скала, — но они все еще были живы, все еще звезды, и их песня все еще дрожала в тишине.

— Что ты... — Куина прикусила язык, когда Яз подняла руку, чтобы заставить ее помолчать.

Яз сделала долгий, медленный вдох и попыталась найти в себе тот центр спокойствия, о котором рассказывала им Сестра Сова на уроке Пути. Она выдохнула еще медленнее, и, когда воздух покинул легкие, по краям нескольких каменных плит начало проступать слабое свечение. Еще один вдох, затем выдох, и звездная пыль проснулась. Яз провела ладонью по стыкам, где в трещинах между плитами скопилась пыль. Та поднялась тонкой сверкающей струйкой и собралась под ее рукой.

Когда она повернула ладонь вверх, в ней оказался маленький светящийся шарик, полный приглушенного океанского синего, ледяного зеленого и небесного белого.

— Теперь мы можем идти? — Куина огляделась.

— Мы можем идти.

ПОСЛЕ ЭТОГО ОНИ отправились в дормиторий и обнаружили, что комната Серого Класа пуста. Яз села на свою кровать и уставилась на горсть звездной пыли, которую подобрала. Она и раньше строила звезды. Это просто вопрос концентрации... Куина немного понаблюдала за ней, а затем принялась ходить по комнате от кровати к кровати, стараясь не касаться пола.

— Скучно!

— Что? — пробормотала Яз.

— Скучно! Ты смотришь на пыль уже несколько часов.

— Часов? — Яз удивленно подняла глаза.

— Ну, во всяком случае, долго. — Куина подпрыгнула и села на кровать, из-за чего Яз чуть не уронила свою пригоршню пыли. — Тебе лучше не позволять никому из других видеть тебя с этой штукой.

— Да, — согласилась Яз, и ее глаза вернулись к сияющей пыли.

Прошло некоторое время, прежде чем Яз снова осознала слова Куины:

— Это колокол к третьему приему пищи. Они называют это ужином. Я пойду. Тебе тоже стоит пойти.

— Хммм. — Яз нахмурилась, все еще слушая песню звезд.

— Остальные вернутся со мной. Так что спрячь пыль подальше.

— Хммм. — Яз подняла глаза.

— Я серьезно. — Куина пошла. И остановилась у двери. — Не могу поверить, что ты пропускаешь еду. У них будет больше бекона!

Только сейчас до Яз дошло: у нее потекли слюнки:

— Скоро. Я приду очень скоро.

Яз моргнула и пропустила ужин. Когда Куина вернулась с другими девушками, Яз все еще сидела, скрестив ноги, на своей кровати, сосредоточенная на пыли в своей руке, все еще сортируя зерна, находя пары, песня которых подходила друг другу в наиболее близкой гармонии. Пылинки соединялись в маленькие скопления, где десять становились шестью, две становились одной. Звезды, слишком маленькие, чтобы их можно было разглядеть, соединялись друг с другом, как делают капли воды, когда их поверхности соприкасаются.

Увидев свет в ее руках, другие послушницы начали толпиться вокруг, задавая вопросы. Сбитая с толку Яз подняла голову, ища Куину:

— Где ты была?

— Я же говорила тебе! — Куина покачала головой. — Третья еда! — Она прижала обе руки к животу. — Третья! — Она упала на кровать, скрывшись за послушницами, окружившими Яз. — Тебе следовало убрать звезды, когда ты слышала, что мы приближаемся. Ты можешь поработать над ними завтра. — Она широко зевнула.

Яз, внезапно почувствовав себя виноватой, сунула руку под подушку и снова вытащила — на руке не осталось даже крупинки звездной пыли. Слишком поздно. Все зрители остались.

— Что это за штука? — повторила Хеллма, нахмурив свой широкий лоб.

— Разве архонт не забрал это у тебя? — требовательно спросила Венна.

— Я спрятала пыль, — крикнула Яз Куине на лед-языке. — Но как мне заставить послушниц перестать говорить о ней?

— Я отвлеку их, — крикнула в ответ Куина. — Но ты будешь должна переводить мои слова.

— Договорились.

— Все, что я скажу. Обещаешь?

— Обещаю, — сказала Яз, намереваясь сдержать свое слово, несмотря на то, что Куина не знала, будет ли Яз правильно переводить или нет.

Куина встала на своей кровати и хлопнула в ладоши, перекрывая болтовню послушниц.

— Послушайте меня, зеленые девочки! Я собираюсь рассказать вам о... — Она на мгновение замолчала. — Ты должна перевести это, Яз.

Яз повторила слова Куины на зеленом языке.

— О мальчиках!

Яз почувствовала, что ее щеки пылают, но в то же время боролась с желанием рассмеяться:

— Что ты знаешь о...

— Просто переведи. — Куина скрестила руки на груди. — Мужчины севера не так уж сильно отличаются от ваших.

Яз перевела.

— Просто больше и сильнее, — продолжала Куина. — Но потом у нас есть зимняя ночь, которая длится месяц, и все это время мы остаемся в наших палатках. Так что, очевидно, нашим мужчинам нужно много выносливости.

— Куина!

— Просто скажи им.

Яз перевела.

То, что последовало за этим, заставило Яз ужасаться и заикаться, в то время как послушницы, перестав притворяться, что идут спать, сидели с широко раскрытыми глазами и отвисшими челюстями. Очень мало что из яркой наглядной картины, созданной Куиной, соответствовало тому, что мать Яз рассказала ей о механизме зачатия. Яз хотела бы возразить против некоторых пунктов, но была слишком занята, выискивая в словаре Мали подходящие слова. Кроме того, Куина властно отмахнулась от любых попыток усомниться в ее мудрости. Мали не знала многих правильных слов, и Яз тоже не знала, когда дело касалось зеленого языка. Иногда ей приходилось прибегать к использованию названий овощей или предметов домашнего обихода вместо оригинальных, но было ясно, что послушницы улавливают суть.

Хеллма покачала головой:

— Это кажется невозможным...

— Шшш! — сказала другая девушка, желая услышать больше.

— Встает? — Венна обеими руками вцепилась в кончики своих светлых волос, нервно дергая их.

Яз продолжала переводить, как могла. По крайней мере, никто из послушниц, казалось, больше не проявлял ни малейшего интереса к ее горсти светящейся пыли.

Наконец, став громче и откровеннее, Куина дала еще одно энергичное объяснение, а затем упала навзничь на свою кровать, раскинув руки.

— И это все... — заключила Яз извиняющимся тоном.

Последовало ошеломленное молчание, а затем медленное отступление, когда послушницы направились к

своим кроватям, обсуждая услышанное яростным шепотом.

Яз придвинулась к Куине.

— Было ли... что-нибудь из этого правдой? — Она постаралась, чтобы в ее голосе не прозвучал ужас.

Куина фыркнула.

— Ну?

Куина начала избавляться от своей рясы.

— Может быть. Я видела, как это делают ездовые собаки.

— Но *ты* не...

— Не делала. — Куина бросила свое нижнее белье на пол и забралась под одеяло.

Яз почувствовала некоторое облегчение:

— Тогда зачем ты все это рассказала?

— Я устала от того, что не говорю на их языке. — Куина пожала плечами. — И все еще не могу. Но, по крайней мере, теперь они слушают то, что я говорю. К тому же тебе нужно было отвлечение. Не нужно меня благодарить. — Она еще раз широко зевнула. — И я оказала настоятельнице услугу.

— Неужели?

— Конечно. Все эти девушки. Настоятельница хочет, чтобы они остались и стали монахинями. После того, что я им рассказала, не думаю, что кто-то из них захочет уйти и найти мужчину.

ЯЗ ПРОСНУЛАСЬ ОТ болтовни послушниц, которые одевались для первого занятия. Многие из них все еще обсуждали урок, который Куина преподавала накануне вечером. Некоторые сомневались, что при этом надо так сильно кричать, как настаивала Куина.

Яз попыталась подняться и обнаружила, что от ударов Хеллмы ее тело болит сильнее, чем когда бы то ни было, и левый глаз не хочет открываться. Со стоном она начала вставать с кровати.

— Не надо, — зевнула Куина с соседней кровати. — У них там еще один урок о том, как бить друг друга, пока враг не упадет. Мы можем спать дальше.

— Сегодня ножи! — Венна изобразила удар ножом, проходя мимо изножья кровати Яз.

— Оставайся в постели, — посоветовала Хеллма, возвышавшая рядом с Венной.

— После урока мы делаем меч-путь, — сказала другая девушка.

Хеллма застонала:

— Ты должна прийти и посмотреть на это, Яз. На это забавно смотреть. Много падений. Не забавно пытаться. Зал Меча, после колокола, через арену и под трибуны.

Яз кивнула, а затем перевела для Куины, которая восторженно захлопала в ладоши:

— Мы пойдем с вами, если нам позволит Сестра Сова.

Яз зевнула. Она лежала и смотрела, как послушницы выходят. Через какое-то время она сообразила, что Куина трясет ее, чтобы разбудить.

— Ты снова заснула. Это место делает тебя мягкой. — Куина нахмурилась. — Кроме того, твое лицо выглядит ужасно. Тебе следовало больше уворачиваться. — Она быстро раскачивалась из стороны в сторону, показывая, что нужно было делать.

Яз приподнялась на локтях, широко зевая:

— Я устала. Не спала большую часть ночи.

— Делая что? — Куина подозрительно подняла бровь.

Из-под одеяла между Яз и Куиной всплыла сине-зеленая звезда размером с ноготь большого пальца:

— Вот это.

Куина поджала губы:

— Это только начало. Но разве Стержень-корень не говорил, что нам понадобятся звезды в натуральную величину, чтобы открыть ковчег? Хотя я не знаю, что значит *в натуральную величину*. Четыре звезды?

От одной мысли об этом у Яз заболела голова. Она сосредоточилась на чем-то более понятном:

— Мы пропустили завтрак!

Куина выглядела удрученной:

— Остались еще обед и ужин...

Яз кивнула. Потребуется некоторое время, чтобы привыкнуть к этому избытку:

— Мы должны найти Сестру Сова. Возможно, она захочет дать нам еще несколько уроков.

Куина скорчила недовольную гримасу.

— Я никогда не выучу их слов. Тебе-то легко. Эта Мали постоянно крутится в твоём мозгу. — Она замолчала, задумавшись. — Ты уверена, что не можешь просто положить руки мне на голову с обеих сторон и сжимать, пока я тоже не узнаю все это?

Яз усмехнулась, подумав о Мали и ее острых темных глазах. На мгновение ей показалось, что она действительно видит девушку прямо перед собой, как во сне наяву. А в следующее мгновение что-то схватило Яз с неумолимой силой, потащило ее прочь, прочь от кровати, из комнаты, из монастыря, из самой ее кожи. На один удар сердца она могла видеть только свет.

— Синий. — Слово слетело с ее губ, и она судорожно вдохнула, как будто только что снова тонула в Стеклованной Воде.

— Яз? Яз! — Лицо Куины было очень близко к ее лицу, ее голос был слишком громким.

— Да? — Яз моргнула. У нее кружилась голова, как будто она какое-то время вращалась вокруг себя, хотя комната оставалась неподвижной. Она оттолкнула Куину назад.

— Что случилось? — спросила Куина, выглядя обеспокоенной.

— Случилось?

— Ты сидела так, словно превратилась в камень. Я не могла сдвинуть тебя с места. Будто ты замерзла без холода. Даже не...

— Даже что? — Теперь Яз встревожилась по-настоящему.

— Я не могла прикоснуться к тебе.

— Звучит глупо. В любом случае, это было всего лишь мгновение. Я кое-что видела. Синий свет.

— Это было не просто мгновение. Казалось, прошла целая вечность. Намного дольше, чем я могла бы задержать дыхание, это точно. И еще: как будто что-то, чего я не могла видеть, покрывало твою кожу, поэтому мои пальцы соскользнули с тебя. — Куина говорила совершенно серьезно, но Яз слышала, как она много и уверенно врала прошлой ночью.

— Я спрошу об этом Сестру Сову. Может быть нам стоит пойти и посмотреть, в скриптории ли она?

Куина нахмурилась. Несмотря на свой интеллект и разочарование из-за непонимания языка, она, казалось, не спешила учиться. Вдалеке колокол послушниц, Брей, возвестил об окончании одного периода и начале другого:

— Пойдем посмотрим на этот меч-путь, о которой говорила Хеллма!

— Хм? — Яз все еще боролась с мыслью, что проспала все первые уроки послушниц.

— Давай! Я хочу увидеть, как они падают! — Теперь Куина держала Яз за руку и с удивительной силой стаскивала с кровати.

Яз с трудом влезла в свою одежду, и ей потребовалось в два раза больше времени, чтобы надеть рясу из-за того, что она пыталась сделать это слишком быстро. Наконец она, прихрамывая, спустилась по ступенькам dormitorio, пытаясь не отстать от нетерпеливой Куины, которая, казалось, забыла о синяках Яз.

Даже замечательный расплавленный снег, падающий с неба, не замедлил Куину. Яз открыла двойные двери Зала Меча и обнаружила, что Куина ждет ее на песке, подпрыгивая, поскольку ее энтузиазм редко позволял ей оставаться неподвижной.

— Я предпочитаю снег. — Яз провела обеими руками по мокрым волосам и стряхнула с них воду.

— Пошли! — Куина повернулась и помчалась по темному туннелю, который вел под многоярусными трибунами.

Яз последовала за ней, слепая, пока впереди не открылась дверь. К тому времени, как она добралась до двери, та снова закрылась, но Яз на ощупь нашла ручку.

Куина остановилась сразу за дверью. Они находились в большой квадратной комнате, освещенной сверху. Необычной комнате — высота намного больше ширины. В результате получилась широкая шахта, идущая от пола до стропил остроконечной крыши зала. Взгляд вверх вызвал у Яз странный озноб, и на мгновение свет показался окрашенным в синее. Она стряхнула с себя это чувство.

Огромная сеть была подвешена чуть выше уровня головы и покрывала все пространство, за исключением небольшого зазора у стены и двери, через которую они вошли. Над сетью змеилось и извивалось... что-то. Яз потребовалось некоторое время, чтобы понять, что это такое.

В пространстве между крышей и сеткой находился большой кусок скрученного металла, стержень толщиной с руку Яз, который много раз изгибался и поворачивал. Конструкцию поддерживали дюжины тросов, прикрепленные к стене или стропилам. Ничто из этого не выглядело стабильным. Стержень мягко покачивался взад и вперед, пока Яз на него смотрела. А высоко над Яз, рядом со стропилами, находилась небольшая платформа, где можно было увидеть двух или трех послушниц, болтающих голыми ногами над пустотой. Еще одна присоединилась к ним, выйдя из двери, открывавшейся на платформу. Девушка была очень похожа на Хеллму. Она поглядела вниз, помахала рукой и крикнула:

— Привееееет!

Куина помахала в ответ и крикнула:

— Ты сейчас упадешь?

Словно в ответ на ее вопрос другая девушка, Венна, сошла с платформы на металлический стержень, верхушка которого, как теперь видела Яз, доходила как раз до того места, где сидели девушки. Яз предположила, что стержень должен быть полым — Мали назвала бы его трубой, — иначе он весил бы слишком много, чтобы тросы могли его выдержать.

— Боги! — благоговейно воскликнула Куина, когда труба начала раскачиваться. Очевидно, она была тонко сбалансирована, и даже вес Венны привел ее в движение.

Девушка раскачивалась вместе с трубой, раскинув руки в стороны и упершись ногами в металл. Если она упадет, то будет падать долго. Эта штука была устроена так, чтобы сделать попадание в нижние секции трубы по пути маловероятным, но это не выглядело невозможным.

Венна обрела равновесие и медленно пошла вперед. Яз была уверена, что там, где труба резко опускалась, босые ноги девушки соскользнут, но каким-то образом ей удалось не упасть. Она продвинулась еще на несколько ярдов, и тут вся секция конструкции неожиданно сдвинулась с места. Труба была составлена из нескольких соединенных секций, что позволяло ей изгибаться подобно змее при изменении веса.

— Она упадет! — ахнула Яз. — Несомненно. — Послушницы на платформе свистели и кричали.

Но Венна не упала. Она замахала руками, изогнулась всем телом и снова уравнивала трубу, прежде чем двинуться дальше к месту, где та образовывала три больших витка, преодолеть которые, казалось, было совершенно невозможно. И Яз вздрогнула, когда к ней вернулся прежний озноб. Свет снова стал синим, и что-то, казалось,

потянуло ее за собой. *Нет.* Она сосредоточилась и посмотрела на Венну.

— Ты в порядке? — Куина оглянулась. Яз отмахнулся от вопроса.

Еще одна девушка вышла, чтобы присоединиться к ожидающим послушницам, заполнившим небольшую платформу. Хеллма, все еще стоя, крикнула Венне:

— Поторопись и падай. Ты знаешь, что собираешься это сделать, и здесь тебя ждут другие!

Венна прошипела в ответ какую-то резкую реплику, но каким-то образом, словно насмешка Хеллмы была толчком, она снова начала раскачиваться, все ускоряясь, не в состоянии остановить трубу. Она переминалась с ноги на ногу, махала руками и, наконец, не выдержав, с отчаянным проклятием упала, как камень.

Пыль взметнулась из сетки, когда Венна ударилась об нее. Послушница подскочила на добрых два ярда и приземлилась на живот рядом с краем. Быстрым скользящим движением она аккуратно перелетела через край и приземлилась рядом с Куиной. Очевидно, она падала и раньше. Много раз.

У Яз было много вопросов, но сначала она задала самый главный:

— Почему?

— Хеллма, — мрачно пробормотала Венна. — Просто ждет, когда придет ее очередь. Она никогда не делает больше четырех шагов.

— Нет, я не имела в виду, почему ты упала. Я имела в виду... *почему?*

— О, это. — Венна направилась к двери. — Ну, это игра, в основном. Сестра Сова говорит, что это помогает идти по Пути, но это только для кванталов, и даже они на самом деле не понимают, как это помогает. И Госпожа Меч говорит, что это полезно для равновесия. И Госпожа Тень говорит, что мы должны привыкнуть падать. И Госпожа Дух говорит, что это закаляет характер. Так что все это вместе. — Дверь за ней закрылась.

Хеллма ударилась о сетку. Яз даже не видела, как она сошла с платформы. Она выбралась наружу не так элегантно, как Венна, и тяжело приземлилась.

— Ух. Обычно я иду дальше. По крайней мере, все было кончено до того, как Венна вернется на платформу.

— А это что? — спросила Куина, указывая на странное устройство высоко на стене. Металлический диск, под которым что-то висело.

— Он измеряет время, которое ты тратишь, — ответила Хеллма, угадав вопрос. — Мы не используем его, потому что никто из нас никогда не доходил до конца. Но как только ты сможешь дойти до конца, тогда будет соревнование: кто сделает это быстрее. — Она подошла к двери. — Хочешь попробовать?

Яз не хотела, но она перевела для Куины, которая, проявив неожиданный здравый смысл, ответила:

— Почему?

Какой бы маловероятный ответ ни был у Хеллмы для Куины, Яз его не услышала. То тянущее ощущение, которое она испытывала несколько раз с момента пробуждения, теперь вернулось с удвоенной силой. Один яростный рывок оторвал ее от тела. На какой-то дезориентирующий момент Яз почувствовала себя точкой сознания в какой-то бескрайней тьме, одинокой звездой на каком-то древнем небе, где даже красные угольки галактики превратились в пепел. Следующий вдох принес с собой еще больше странностей, а также полные легкие странно затхлого воздуха. Казалось, она больше не была собой. Ее запястье болело, а по обе стороны от нее маячили две огромные фигуры, высокие, как геранты, но более стройные. Все это было вторично по отношению к источнику света. Синего света, в центре которого сияла синяя звезда, более крупная и странная, чем любая, когда-либо виденная Яз.

Далекий голос пронесся волнами через ее сознание: *Время — огонь, в котором мы сгораем, но само время горит здесь, и вот как это выглядит.*

Яз обнаружила, что ее глаза очарованы светом. Она не могла отвести взгляд. Она не могла беспокоиться о том, почему ее тело не принадлежит ей, где она находится, когда или почему. Она ушла, и в игру вступила вечность.

ТУРИН ПОБЕЖАЛ К воротам, на каждом шагу ожидая, что обжигающий взрыв силы Матери Крей пронзит его насквозь. Он видел, как Яз призывала Путь и разбивала камни. Он видел тела, разорванные на части ослепляющей энергией, которую высвободила Яз, и все еще искренне жалел, что видел.

Эррис, несомненно, мог бежать намного быстрее, чем Турин или Мали, но, даже если бы он собирался их бросить, он не смог воспользоваться своей скоростью. Ворота были чуть более чем в тридцати ярдах впереди, но путь им преградила толпа церковных путешественников, по большей части медленно направлявшихся к выходу.

Эррис прорывался так быстро, как только мог, не ломая людям кости, и Турин сосредоточился на той же задаче, расталкивая пожилых священников направо и налево.

Ожидаемое уничтожение еще не наступило к тому времени, когда они втроем достигли линии церковно-стражей, стоявшей поперек потока. Турин решил, что Мать Крей предпочла бы, чтобы их схватили стражники и ей не пришлось бы объяснять, почему улица завалена трупами, не говоря уже о необходимости показывать собственную силу, возможно, доселе неизвестную Церкви.

Неудивительно, что шестеро охранников в доспехах посчитали, что смогут одолеть двух мужчин и одну девушку, не обнажая мечей на переполненной улице. Они быстро перестали так считать. Эррис небрежно перебросил самого крупного охранника через плечо на расчищенное пространство позади себя. Турин оттолкнул троих приближающихся к нему и заставил их растянуться на земле, по пути сбив на землю нескольких священников. Единственный охранник, который попытался схватить Мали, обнаружил, что уклонился в сторону и споткнулся.

Эррис первым проскочил через ворота, сбив с ног капитана стражи ударом в голову. Поднялись крики, и толпа, узнав о схватке, начала редеть.

— Они будут стрелять из... — Мали произнесла слово на зеленом языке.

— Штук, которые называются арбалетами, — объяснил Эррис, отпихивая с дороги другого мужчину. — Это оружие, которое метает маленькие копья на большие расстояния. Точное и опасное! — Он свернул на улицу, которая проходила вдоль периметра дома отдыха, и побежал. — Они скоро отправят за нами городскую стражу. Нам нужно где-нибудь спрятаться.

Турин повернулся и выдернул землю из-под ног нескольких преследующих их церковно-стражей. Он не привык бегать, и его легкие работали с трудом, пока он старался не отстать от Эрриса и Мали. Казалось, не было никакого безопасного места, где можно было бы остановиться. Повсюду были люди, которые бросали свои дела, стояли и смотрели, как они втроем пробегают мимо. Должно быть, необычное зрелище — послушница и два аристократа, несущиеся по улицам. Крики позади них стали очень далекими, но множилось по мере того, как другие их подхватывали.

Эррис оглянулся и увидел, что Турин бежит все с большим трудом. Он свернул с улицы в более узкий проход, который вел между высокими домами. Люди наблюдали за ними из окон и с порогов. Мали крикнула что-то неразборчивое Эррису и еще раз свернула, на другую улицу. Впереди две маленькие лошадки были привязаны у корыта с водой перед зданием с открытым дверным проемом, над которым висела ярко раскрашенная доска. Мали повела их внутрь, перейдя на шаг, когда дошла до входа.

Внутри было сумрачно и заставлено стульями и столами, большинство стульев были незаняты, большинство столов — пусты. Сильно пахло много чем, но только один запах Турин смог идентифицировать: основной аромат человечества. Несколько стариков с кружками какой-то пенящейся жидкости удивленно подняли головы, когда Мали быстро прошла мимо них. Их глаза расширились еще больше, когда за ней последовали Эррис и Турин, по-прежнему одетые в нарядную одежду, вспотевший Турин тяжело дышал.

— Через заднюю дверь. — Мали повела их дальше, и вонь усилилась до такой степени, что у Турина начали слезиться глаза. Она толкнула покореженную дверь, и они снова оказались на дневном свете, в маленьком дворике, который больше походил на колодец — со всех сторон возвышались трехэтажные здания, превращая небо в неправильный синий прямоугольник. Пространство над их головами пересекали веревки, увешанные одеждой; в самом широком из четырех углов в горшке стояло маленькое деревце, мертвое и безлистное. Турин не видел никаких других дверей, только несколько закрытых ставнями окон выше.

— Мы в ловушке, — сказал Эррис.

— Если мы выберемся туда, — возразила Мали, указывая в небо, — они не будут знать, в каком направлении мы пошли.

— Давайте сначала отдохнем. — Эррис присел на корточки, как будто ему нужно было время, чтобы прийти в себя после бега.

Турин тоже присел на корточки, не желая подвергать тонкую ткань своих брюк воздействию грязных каменных плит. Он старался дышать не так глубоко, позволяя своему бешено бившемуся сердцу немного замедлиться. Мали нахмурилась и стала обходить крошечный дворик, глядя на стены так, словно там мог быть маршрут, по которому она взобралась бы при помощи одной руки.

— По крайней мере, никто не последовал за нами, — сказал Эррис. — Чем больше у тебя денег, тем более эксцентричным тебе позволено быть. Так было в мое время, во всяком случае.

— Что это за шум? — Турин склонил голову набок. Его дыхание успокоилось, и он обратил внимание на раздражающий высокий вой, пронесившийся по верхним диапазонам его слуха.

Мали, закончившая обход, посмотрела на него, моргая, а затем отвернулась, словно этот вопрос был ей неинтересен. Турин посмотрел на свои руки и грудь, с тревогой гадая, не одно ли это из тех крошечных существ, о которых говорила Яз, — насекомых, как она их называла. Некоторые из них были слишком малы, чтобы их можно было разглядеть, а некоторые могли ранить, хотя Турин не был уверен в механизме. Конечно, укус такого маленького существа останется незамеченным...

Он склонил голову набок, потом в другую сторону, и пронзительный вой стал громче. Он похлопал себя по руке там, где, по его мнению, шум был громче всего, и в шоке отдернул ее — его не укусили, но укололи:

— Игла!

Эррис встал, когда Турин вскочил.

— Она трясется! — Турин вытащил иглу из лацкана.

— Яз использовала ее, чтобы выбрать направление. — Эррис выдернул нитку из своей рубашки. — Повесь ее на нитку.

— В этом нет необходимости. — Турин держал иглу на ладони, борясь с желанием закрыть ладонь от ощущения щекотки. Иголка завертелась, потом остановилась. Он повернул руку, удерживая ее горизонтально, и стрелка задрожала еще немного, пока не указала в том же направлении, что и раньше.

— Кто-то идет, — сказала Мали. Звуки голосов и топот тяжелых ботинок по деревянным доскам доносились до них через единственную дверь во внутренний двор.

— Ты сможешь Мали. — Эррис направился к двери. — Я задержу их, а потом присоединюсь к вам наверху. — Он уперся обеими руками в дверь как раз перед тем, как она содрогнулась от удара чьего-то плеча. — Вам лучше поторопиться!

ВМЕСТО ТОГО, ЧТОБЫ чрезмерно напрягать свою лед-работу, Турин выбрал стратегию подъема поддержкой, позволив Мали цепляться ему за спину. Там, где стена не могла предложить ему подоконник или верх ставни, Турин использовал свою магию, поддерживавшую их обоих. И он столько раз карабкался по подземному городу Веста, что научился неплохо подниматься, даже с пассажиркой, которая, казалось, пыталась его задушить.

У самого карниза черепичной крыши Турин посмотрел вниз, и как раз вовремя, чтобы увидеть, как из двери, которую держал Эррис, высунулся целый ярд стали. Лезвие меча вышло чуть выше уровня плеча, и Эррис дернул головой в сторону, избежав удара, за исключением царапины на левом ухе. Он отступил назад и пнул дверь с достаточной силой, чтобы сорвать ее с петель и расплющить стражников за ней.

С поразительной ловкостью Эррис пробежал через небольшое пространство, подпрыгнул, поставил одну ногу там, где выпал незакрепленный кирпич, и бросился обратно, чтобы зацепиться за подоконник. Сделав еще три прыжка, он ухватился за край крыши примерно в то же время, когда Турин поднялся на нее вместе с Мали.

Эррис, достаточно хорошо зацепившись, пробил одним кулаком другой рукой плитки и смахнул их в дверной проем, где уже начали появляться охранники, вставшие с пола рядом с уборной.

Мали ослабила мертвую хватку на Турине, и тот вскарабкался на конек крыши, где, вне поля зрения тех, кто был внизу, почувствовал себя в безопасности и осмотрелся. С вершины крыши городской пейзаж выглядел совсем иначе. Узкие, многолюдные улицы сменились наклонными плоскостями из терракоты и шифера. Их перемежали дымоходы, великое множество дымоходов, они извергали дым, уносимый ветром. Он мог видеть величественные здания Верити, возвышающиеся над морем крыш, их шпили тянулись к небу, и — хотя размеры города поразили его — Турин мог даже видеть за внешними стенами зеленые просторы лесов и полей. Где-то зелень должна была уступить место замерзшим пустошам, но он не смог их рассмотреть. Он втянул в себя воздух, пораженный тем, что оказался в месте, где взгляд мог простираться так далеко и не видеть ни намек на лед, который держал его всю жизнь.

— Быстро! — Мали присоединилась к нему.

— Куда мы идем? — спросил Эррис, уже стоявший рядом с ней.

Турин похлопал себя по рубашке. На мгновение у него остановилось сердце, он не помнил, что сделал с иглой, и представил, что, возможно, даже уронил ее, забытую и выброшенную вновь занятыми пальцами. Но потом он нашел ее, просунутую обратно сквозь ткань над ключицей.

Он слегка зажал тупой конец иглы между большим и указательным пальцами, поворачивая ее под углом, пока

щекочущее жужжание не стихло. «Туда». Несколько излишне он указал, повторяя направление иглы.

— Мы должны держаться крыш, — сказал Эррис.

— Хммм. — Турин неуклюже спустился по дальней стороне к острому краю, где заканчивались плитки и начинался пустой воздух. Лед-работа могла поддержать его, но она не избавляла от страха высоты, и каким-то образом здесь каждый полет вниз выглядел более долгим и смертельным, чем на льду, где белизна под ним редко казалась особенно далекой.

Он подозвал Мали:

— Я попытаюсь сделать из нас акр...

Эррис побежал вниз по скату и перепрыгнул через пропасть. Хотя улицы вокруг них были относительно узкими, это все равно был не тот прыжок, на который Турин когда-либо сделал бы ставку. Особенно высокую.

Взлет Эрриса сорвался, его вес и сила объединились, чтобы разбить черепицу и расколоть дерево, уменьшив силу прыжка. Если бы он приземлился всего на пару футов ниже, то врезался бы в стену под карнизом противоположной крыши. Вместо этого он ударился о скат плечом вперед и исчез в пространстве под ним через дыру, которую сам же и проделал, дыру, окаймленную расколотыми стропилами и осколками черепицы.

— Ну... — Турин осторожно встал, надеясь, что стражники еще не добрались до улицы внизу, а если и добрались, то у них не было тех арбалетов, о которых упоминал Эррис. — Что ж, хуже этого мы сделать не можем. — Он протянул руку Мали. — Идем?

ПОБЕГ ПО КРЫШАМ в какой-то мере удался, хотя, скорее, благодаря скорости, а не скрытности. Турин и его друзья смогли проложить курс через весь город, за которым тем, кто следил по улицам, было трудно следовать. Игла сохраняла направление, и череда поврежденных крыш и улиц, усыпанных черепицей, со временем приведет любого, кто захочет их найти, по тому же пути.

— Ну? — Эррис склонил голову набок. Он сидел на корточках вместе с Мали под прикрытием трех дымоходов, которые поднимались из последней из многих крыш, принявших их.

— Она повернулась обратно. Должно быть, мы прошли мимо того, на что она указывала. — Турин поднял иглу, чтобы показать остальным.

— Между этой крышей и той? — Эррис указал на крышу, с которой они только что прыгнули.

— Должно быть, на улице... — Мали даже не попыталась посмотреть.

— Под ней, скорее всего, — сказал Эррис. — Стержень-корень ведет нас в подземный город.

Турин покачал головой:

— Мы к нему не готовы. У нас нет Яз. И у нее еще нет звезд, которые нам нужны.

— Что нам сейчас нужно, так это сбежать.

Турин не мог с этим поспорить, и, если подземный город Верити был чем-то похож на тот, который Сломанные использовали для сбора мусора, это идеальное место, чтобы оторваться от преследования. Он наклонился вперед, чтобы видеть улицу, опираясь на невидимую подушку своей лед-работы:

— Она похожа на все другие улицы.

Горстка горожан, встревоженных грохотом, с которым Эррис появился на крыше, вытянула шеи, чтобы посмотреть на него, на их лицах было написано удивление.

— Нам нужно попасть в подвалы. — Эррис подался вперед, лежа на спине. — Лучше сделать это быстро, пока сюда не добралась стражники.

Случайно или нет, медленное движение Эрриса вперед превратилось в быстрое скольжение вперед, и он упал с ливнем расшатанных плиток, прежде чем Турин успел среагировать.

— Неужели он...

— С ним все в порядке. — Турин потянулся к руке Мали. Эррис приземлился на корточки, разбив каменную плиту под ногами, и встал, разбросав обломки.

Турин собрался с духом, преодолел страх падения, сделал мысленное усилие, чтобы остановить их падение, и шагнул с края крыши, потянув за собой Мали. Через несколько ударов сердца они приземлились среди сбитых с толку местных жителей. Эррис уже протиснулся через большие двойные двери здания напротив них — Турин не понял, были ли они заперты или нет.

Мали прокричала что-то растущей толпе — настолько властно, насколько это было возможно для молодой девушки, — а затем последовала за Эррисом внутрь. Турин еще мгновение извиняющимся взглядом оглядывался по сторонам, затем поспешил за ней.

Двери, которые Эррис оставил приоткрытыми, были действительно огромными — настолько большими, что через них могла бы проехать повозка и еще осталось бы место. Пространство за ними оказалось чем-то похожим на пещеру и заваленным всякой всячиной. Что-то вроде хранилища: в одних местах предметы возвышались до потолка, в других — голый пол; множество мешков, ящиков и бочек, давших Турину мало подсказок относительно их содержимого. В помещении пахло плесенью, пылью и еще чем-то, более дразнящим.

— Ищите люк! — крикнул Эррис.

Турин и Мали проигнорировали его. Послушница прижалась плечом к дверям и начала закрывать их от любопытных лиц снаружи. Турин обратил свое внимание на иглу, все еще зажатую в его руке. Эррис как-то упомянул поговорку своего народа о том, что иголку в стоге сена трудно найти. У Турина была идея, что наличие иглы среди всех этих ящиков и мешков может *облегчить* поиск того, что им нужно.

Пока Мали одной рукой пытался закрепить запор на дверях, Турин, медленно прогуливаясь между горами товаров, позволял игле дрожать между большим и указательным пальцами.

— Где-то там. — Он указал. — Под этими мешками, может быть.

Эррис бросил на него взгляд, затем принялся за работу, отбрасывая в сторону мешки, которые, казалось, весили больше человека каждый.

Мали нашла метлу и встала позади Эрриса, сметая пыль и рассыпанные зерна.

— Здесь что-то есть. — Она более сосредоточенно очистила пол и выявила очертания большого блока, установленного среди более мелких плит.

Турин опустился на колени и выкопал землю из углубления в центре, в котором, возможно, когда-то находилось железное кольцо.

— Ты можешь сдвинуть его?

Эррис оценил ситуацию:

— Будет трудно надавить на него. Для этого действительно нужен якорь, веревка и что-то вроде подъемника. От удара главные двери содрогнулись, мужской голос что-то прокричал командирским тоном.

— Нам нужно что-то более быстрое... — предположил Турин. — Может быть, ты мог бы пробить пол?

Эррис посмотрел на свой кулак, а затем, с сомнением, на каменную плиту перед ними, более ярда с каждой стороны.

— А ты не можешь использовать... — Он помахал пальцами, — ...немного магии воды?

— На чем? — Турин огляделся.

— Ну, тут есть бочки с... чем-то.

Турин чувствовал, что некоторые из ближайших бочек содержали в основном воду, но что он будет с ней делать, он не мог себе представить.

Двери снова содрогнулись, и сверкающее лезвие меча скользнуло между створками, чтобы поднять засов.

Турин направился к входу:

— Мы не можем просто стоять здесь и спо...

Взрыв унес его слова прочь: Мали быстро опустилась на колени рядом с плитой и ударила ее кулаком, искрящимся силой. Камень раскололся, куски упали в черную плотку, которую он прикрывал. Рука Мали сохранила достаточно света, чтобы осветить верх шахты, выложенный кирпичом и бледный от селитры ниже:

— Вниз?

Турин взглянул на открывающиеся двери, через которые уже ломались стражники, силуэты их оружия вырисовывались на фоне дневного света:

— Вниз.

Он потянулся к руке Мали, но потом передумал и вместо этого потянулся к ней мысленно. Его лед-работа не нашла ничего, за что можно было бы зацепиться; с силой Пути, все еще звучащей в ней, Мали была для него пустой, его талант соскользнул с нее, как пальцы, пытающиеся схватить тающий лед.

— Быстрее! — Эррис развернулся, поднял мешок и бросил его в первых трех стражников, протиснувшихся через двери.

Мали протянула Турину свою покалеченную руку, и он крепко сжал ее, прежде чем шагнуть в дыру. Сила тяжести овладела им, но он смягчил свое падение, потянув Мали за собой и запутав другую руку в ее рясе, чтобы не потерять девушку при падении. Они уже не видели, как мешок попал в цель и люди с грохотом и стонами повалились на землю.

Мали бросила последнюю энергию вниз, чтобы открыть потрясающе глубокую шахту и, наконец, далекое дно. Звуки сражения растаяли.

— С Эррисом все будет в порядке? — Мали вытянула шею, чтобы посмотреть. Шахта была слишком широкой, чтобы упереться руками в ее обе стороны, как мог бы попытаться Турин, но можно было спускаться горизонтально, упираясь руками и ногами. Турин понадеялся, что Эррис сможет что-нибудь придумать, потому что сделанный человек никогда не прыгал с такой высоты.

— Я больше беспокоюсь о нас. Что будет, если мы все еще будем у него на пути, когда он упадет? — Турин позволил им падать быстрее, а затем смягчил последние десять ярдов, приземлившись с толчком в холодную воду по щиколотку. Он оттащил Мали в сторону.

— Я не слышу... — Но затем они оба услышали: стремительная, дребезжащая последовательность звуков, которые, казалось, указывали на опасно быстрый и плохо контролируемый спуск.

Эррис приземлился лицом вниз, опираясь только на колени и локти. Удар прозвучал как сокрушительный, смертельный, и внутренности Турина скрутило при мысли о возможных ранах. Однако, вопреки ожиданиям, Эррис без единого стога откатился в сторону, как раз в тот момент, когда тяжелый мешок врезался в то место, где он только что лежал, обдав их всех водой и зерном в равной мере.

— Ух. — Эррис лежал на спине в черной воде, освещенный последними проблесками силы Мали.

Турин потерял виски. Никогда со времени своего побега из Ямы Пропавших он так не напрягал свою лед-работу. — Ух.

Мали перевела взгляд со своей ладони, по которой все еще ползли слабые струйки силы, на культу, перевязанную грязной тканью. Потом посмотрела на Турина и Эрриса, ничего не сказала, но ее сообщение было достаточно ясным. *Пора с этим кончать.*

— ИТАК... В КАКУЮ сторону? — Турин слепо уставился в темноту. — И, может быть, у нас будет немного света?

— Как? — спросила Мали. Путь казался чем-то вроде «все или ничего», доставляющим энергию большими, опасными кусками, подходящими для разрушения стен, но менее пригодными для освещения темноты.

— Эррис может создать пламя, которое ничего не сжигает. — Пока Турин говорил, Эррис щелкнул пальцами, и в середине его ладони вспыхнуло пламя, показывая, что он еще не встал после падения и сидит в воде.

— Любое пламя что-то сжигает. — Мали нахмурилась, наклонившись, чтобы посмотреть на крошечный огонь. — Этому учит Госпожа Тень.

— Она не ошибается, — признался Эррис. — Это — он поднял ладонь, — сжигает меня. Поэтому я бы предпочел не освещать наш путь таким образом в течение длительного времени.

— Ну, здесь не так уж много того, что можно сжечь. — Турин перевел взгляд с одной стены на противоположную. Они упали в круглый, выложенный кирпичом туннель, высота которого едва позволяла им стоять прямо, и только посередине.

— Вы удивитесь, что будет гореть, если вы приложите к этому достаточно усилий. — Эррис зачерпнул пригоршню воды, а затем медленно встал, с него капало. — Все, что угодно, вплоть до железа.

Турин покачал головой:

— Ты не можешь жечь металл.

— А. — Эррис сжал руку с водой в кулак, пролив на удивление мало воды. — Есть разные виды горения. Химическое и ядерное. — Над его сжатым кулаком вспыхнуло пламя, более яркое и яростное, чем пламя в его ладони, которое он сейчас погасил. — Здесь я разбиваю воду на составляющие, а затем соединяю их в пламени. Но энергия исходит в первую очередь от меня — наши предки могли сжигать воду гораздо эффективнее. Водород, по крайней мере. Синтез, так они это называли. Так горят звезды!

— Ты сжигаешь воду! — Турин уцепился за фрагмент того, что сказал Эррис, фрагмент, который он понял. Он пристально вглядывался, напрягая свое чувство воды, чтобы понять, что происходит. Каким-то образом Эррис разбивал воду на части, а затем сжигал осколки. — Ты не можешь жечь воду!

— Я вроде как... — И Эррис пошел прочь, шлепая по туннелю.

Турин поспешил за ним:

— Мы пытаемся найти выход, верно?

— Да. Я не знаю, спустится ли Крей за нами, но, независимо от того, придет ли она сама или нет, здесь, внизу нам определенно будет не слишком хорошо, как только Сеус узнает о нашем присутствии. Или Яз там, наверху, как только Эулар узнает, что мы не утонули. Так что сейчас самое главное — выбраться отсюда. В любом случае, мы мало что можем сделать в подземном городе без Яз. Конечно, нам нужно найти ковчег, но мы не сможем открыть его без нее и звезд.

Затопленная территория закончилась примерно через сотню ярдов, вода утекала в какой-то подземный ручей, который, как чувствовал Турин, пробивался сквозь трещины в скале. Он усилием воли стряхнул воду со своей одежды, и даже его ботинки почти высохли к тому времени, как они достигли первой развилки.

— Налево или направо?

— Попробуй иглу, — предложила Мали, стряхивая зерно с волос.

— Нам следовало сделать это там, где мы спустились. — Эррис снял ботинок и выплил грязную воду.

Турин сделал, как было предложено. Игла решительно указала на стык, где сходились два маршрута.

— Возможно, эти туннели были проложены достаточно недавно, и Стержень-корень о них не помнит, — предположил Эррис.

— Он знал, как попасть внутрь, — сказала Мали.

Эррис пожал плечами:

— У него могут быть другие способы узнать, как попасть внутрь. Из подземного города все еще просачивается материал. Материал, который можно обнаружить и триангулировать...

— Мы даже не знаем, указывает ли он нам на ковчег, на выход или на что-то совершенно другое, во что он хочет нас вовлечь. — Турин заглянул в оба туннеля. — Давайте пойдем налево.

ПРОШЛО СОВСЕМ НЕМНОГО времени, прежде чем забытые канализационные трубы более ранней инкарнаций города, превратившиеся за много поколений в какой-то огромный неразрешимый узел, привели в более глубокий и прочный подземный город. Подземный город, который, в свою очередь, когда-то был не более чем надстройкой над великим городом Пропавших, тянувшимся к небесам с этого места.

Надстройка или нет, подземный город Верити затмевал более позднюю инкарнацию, занимающую землю над ним, современный город, который император называл своей столицей, и жители которого обычно считали его величайшим городом, который можно найти где-либо в Коридоре.

— Я заметил, что мы все еще спускаемся. — В течение последних нескольких часов Турин, с помощью своего вода-чувства, искал потенциальную опасность, а также любую воду, из которой Эррис мог бы взять больше топлива.

— Иногда дальнейшее спуск — единственный выход. — Эррис пожал плечами и поднял кулак, чтобы осветить боковую комнату.

— Почему здесь так пусто? — спросила Мали.

— Мне кажется, наши предки взяли все, что могли, тысячелетия назад, когда четыре племени впервые пришли сюда. — Турин пробежал пальцами по борозде в стене, где, казалось, была пробита какая-то древняя жила. — Может быть, другие, более отчаянные, возвращались на протяжении веков, охотясь за вещами, которые считались бесполезными в более богатые, более просвещенные времена. Но в конце концов либо подземный город истощился, либо он просто стал слишком глубоким и опасным, чтобы стоило рисковать. Мой собственный народ потратил на это поколения... — Он сделал паузу, пораженный мыслью, что Сломанные, должно быть, все еще копаются в Весте, каменном городе подо льдом. Каждый раз он поражался, когда вспоминал об этом. Хотя его жизнь полностью изменилась за последние полгода, жизнь друзей и большой семьи, с которой он вырос, должно быть, даже сейчас движется по той же колее, управляется теми же потребностями и желаниями, которые ими владели на протяжении многих поколений.

— Мне кажется, мы заблудились. — Мали прошла по периметру помещения, в которое они вошли, по очереди осматривая каждый из четырех выходов.

— Мы не заблудились. Эррис никогда ничего не забывает. Он может вернуть нас к тому, с чего мы начали, в любое время, когда захочет. — Турин прислонился спиной к одной из стен и сползал вниз, пока не сел на каменный пол. Он не был уверен, что сможет снова встать. День был... сложным. — И Эррис никогда не устает.

Эррис наклонил голову.

— Не физически. Но мне действительно нужно поспать. Если бы я этого не делал, то был бы уверен, что являюсь просто копией самого себя. Игрушкой, которую Веста сделала для развлечения. — Он пнул ногой разбросанные по полу камни.

— Я думал, ты не спишь. — Турин не привык слышать от Эрриса ничего, кроме уверенности. — Ты просто лежишь ночью, не двигаясь, с открытыми глазами...

— Мне не нужно закрывать глаза, чтобы видеть сны. — Эррис пожал плечами. — Нам нужно немного отдохнуть. Если завтра мы не найдем другого выхода отсюда, то, может быть, нам удастся забраться обратно на тот склад. Они не собираются наблюдать за ним вечно.

— Да, я полагаю. — Турин уставился в землю. Камень был ничуть не тверже, чем лед. В комнате было тепло. Он спал и в худших местах. — Всего несколько часов.

— Я буду нести первую вахту, — сказала Мали.

— Не на что смотреть. — Эррис погасил свое пламя.

— Можно слушать.

Эррис что-то ответил, но Турин уже погрузился под эти слова в бездну своего изнеможения.

Время, которое могло бы быть ночью, прошло, нарушенное странными снами. Когда Эррис, наконец, зажег новое пламя и встал, чтобы идти, Турин чувствовал боль во всех конечностях, но не между ушами. Каменный пол наказал его тело, но сон успокоил боль, которая, казалось, поселилась в нем навсегда после усилий под поверхностью Стеклойной Воды.

Эррис провел их через еще больше пыльных залов, через еще больше галерей и дважды через естественные пещеры, которые Пропавшие, казалось, включили в свой узор. Место было пустынным, даже более пустынным, чем два других подземных города, которые видел Турин. В этом было мало признаков какой-либо деятельности, которая могла бы датировать первоначальные занятия его жителей. Никаких из веревок и лестниц Сломанных. Никаких разрушений Аидиса. Только пыль и тишина. Возможно, городу было нечего предложить, или, возможно, этот квартал подземного города был заброшен по своей собственной уважительной причине.

— Мы не видели ни одной надписи Пропавших, — отметил Турин.

— Да.

— Может быть, городскому разуму больше нечего скрывать, поэтому он не беспокоится о том, чтобы никого не впускать, — предположил Турин. Это было единственное существенное отличие от подземного города, который он много раз исследовал раньше, находясь подо льдом. Турин знал, что трезвое сравнение привело бы к выводу, что подземные города Веста и Верити очень похожи, несмотря на тысячи миль, разделявших их. Однако ему они казались совершенно разными. Возможно просто потому, что он видел это место в мерцающем свете пламени, а не в ровном сиянии звезд. Пустота другого рода. Приход и уход Сломанных каким-то образом приносил в гулкую пустоту Весты намек на жизнь, которого не было здесь. Тишина, казалось, дрожала от потребности заговорить, как будто ее держали слишком долго, растянули до предела, и она желала малейшего повода нарушить и выпустить наружу тысячелетний крик.

— Турин?

Турин подпрыгнул и едва удержался от крика.

— Да? — Он показался немногословным даже самому себе, когда повернулся к Мали.

— Лестница. — Она указала. — Поднимается.

Возвращение в канализационные туннели было облегчением. Они чувствовали себя менее преследуемыми. Они

шли недолго, прежде чем Мали снова остановилась.

— Там свет. — Она указала на яркую точку, которая могла быть пылинкой в десяти ярдах от них или пылающим огнем вдалеке.

— Дневной свет? — Турин не ожидал ответа.

— Давайте выясним. — Эррис направился туда. Они шли по длинному туннелю, круглому в поперечном сечении и выложенному кирпичом. Он простирался вдаль, навстречу свету.

Не было никаких сомнений в том, будут ли они проводить расследование. Свет мог быть аватаром, посланным Сеусом, чтобы разорвать их в клочья, или просто одинокой звездой, покоящейся в нише. Но что-то в свете в совершенно темном месте притягивает к себе, и это оказалось непреодолимым. В свете была синева, которая очаровывала глаз Турина, изменчивая синева, и, вместо того чтобы думать об опасности, его разум заполнился вопросом, является ли этот глубокий темно-синий — или ярко-синий — глазом новорожденного или безоблачным небом Коридора.

— Впереди кто-то есть. — Голос Эрриса, глубокий и медленный.

Турин попытался заглянуть за его спину. Казалось, что там может быть больше одного человека, но из-за света было трудно что-либо разглядеть и еще труднее сосредоточиться. Он прищурился. Вроде бы, два человека стояли дальше впереди, лицом к свету. По правде говоря, они не просто стояли — это больше походило на то, как если бы они шли, но просто остановились на полушаге, застыли на месте.

— Мне это не нравится. — Голос Мали раздался из-за спины Турина и оказался более пронзительным чем обычно, возможно, из-за страха.

— Должны ли мы... позвать их? Понаблюдать за ними? — Турин сделал паузу и попытался прогнать синеву из своего сознания. Он потянулся к игле Стержень-корня, и голос заколебался в его сознании, завибрировал в кончиках пальцев: *Время — огонь, в котором мы сгораем, но само время горит здесь, и вот как это выглядит.* Свет исходил от звезды. Он был уверен в этом. Непохожая на звезды, которыми управляла Яз, но все же звезда, и ее странность окутала его.

— Что-то здесь не так. — Голос Мали прозвучал слишком высоко даже для нее. — Что-то не так со временем.

В СКАЗКАХ О Зине и Мокке, которые Икта хранили на протяжении неисчислимого количества зим, Яз больше всего очаровывало не присутствие богов, а то, что Зин и Мокка каким-то образом жили вне времени, не изменяясь с годами. Зин стал отцом великих племен, и Мокка родила их. И все же в свой последний день Зин пришел к своим сыновьям Икта и дочерям Икта, обнаружив, что они, единственные из всех его детей, все еще его помнят. Прошли поколения. Но, с другой стороны, Зин был человеком, который однажды потратил пятьдесят лет, пытаясь передать грацию прыгающего нарфина в одной кеттане. Пятьдесят лет он точил зуб левиафана, сняв с него костяную шелуху весом больше человека. Пятьдесят лет превратили этот зуб из чего-то более высокого, чем он сам, в нечто, что поместилось бы у него на ладони, и, в конечном счете, в пятнышко, слишком маленькое, чтобы его можно было разглядеть. Полвека спустя он встал, сдул с руки последнюю пыль от своих усилий и пошел стоять на ледяных утесах и смотреть на море, ожидая еще раз увидеть, как нарфин вырвется из волн.

Терпение Мокки было еще больше, хотя она никогда не стала бы тратить свое время на такое глупое занятие, как попытка заключить в статичную кость то, что живет только в текучести мгновения.

Оковы времени мало что значили для Зин и Мокки, и все же Яз редко удавалось забыть, что ее годы сочтены, что детство вытолкнет ее в короткую зрелость, в потом в свои права вступит старость.

Однако сейчас... Сейчас было навсегда... идеальный кристально-синий цвет удерживал ее и, удерживая в своей безупречной тюрьме... освободил.

— Яз.

Это было первое слово за целую эпоху. Может быть, первое слово в ее жизни.

— Яз!

Повторенное слово исчезло, как рябь на море, затерялось среди множества бессмысленных и забытых.

— Яз. Тебе нужно отвести взгляд. Свет опасен.

Яз не поняла слов. Свет был везде и во всем. Отводить взгляд не имело смысла.

— Мои глаза. Сосредоточься на моих глазах.

Яз узнала этот голос. Голос старой женщины. Она хорошо говорила на ледяном языке, но без каких-либо интонаций, которые могли бы выдать в ней Икта, Квинкс, Аксит или... Яз вспомнила, что — до того, как чем ее забрал синий, — существовало время.

— Мои глаза.

Она увидела глаза — лица не было, только два темных глаза, почти потерявшихся в ослепительном свете.

— Яз!

Яз прищурилась, пытаясь встретиться с темным взглядом женщины.

— Яз!

За женщиной была комната. Комната с единственным узким окном. Дневной свет, затем звездная ночь, затем дневной свет и красная вспышка, когда солнце проплыло по узкой полоске неба.

— Яз. — Глаза женщины удерживали ее.

Две руки сжали руку Яз, две древние руки, кости и кожа, но все равно теплые. Сестра Сова, ее широко раскрытые глаза сосредоточились на Яз.

— Почему... почему я в постели? — Яз села.

Когда она это сделала, послушница, которая дремала на стуле у двери, с испуганным криком вскочила на ноги и выбежала из комнаты, зовя Сестру Солнце.

Сестра Сова моргнула и сделала глубокий, судорожный вдох, словно вынырнула из-под спокойной воды после долгого погружения. Она посмотрела на дверь, которая теперь медленно закрывалась за послушницей, затем снова перевела взгляд на Яз:

— Ты была... недееспособной.

Яз вырвала свои руки из рук монахини и встала:

— Я чувствую себя отлично.

Сестра Сова осталась сидеть на своем стуле с противоположной стороны кровати.

— Это не было болезнью или раной. Это было...

— Я помню синий свет. — Яз потерла глаза, пытаясь избавиться от ослепления или воспоминания о нем. — Мали! Это было как-то связано с Мали. Я видела ее глазами. Я была в ней!

Сестра Сова кивнула:

— Когда два человека нить-связаны, один может вызвать другого в свой разум. Один может отдать свое тело под контроль другого. Случаи обмена были задокументированы.

— Но я ничего не делала... — Яз замолчала, вспоминая странное ощущение перед тем, как свет заполнил разум. Ее вытащили из собственного тела.

— Вам обоим нужно научиться контролировать себя. На начальной стадии одна может вытащить другую в моменты паники или отчаяния.

Яз посмотрела на узкое окно и нахмурилась, глядя на кусочек вечернего неба:

— Ну, что-то не так. Я не разделяла разум Мали, не контролировала ее тело и даже не ощущала его. Может быть, только на мгновение, но потом был этот...

— Синий свет, — подсказала сестра Сова.

— Да. — Яз попыталась вспомнить что-нибудь еще, что произошло, но память сохранила только свет. — Мали в беде. Я в этом уверена. Это значит, что Эррис и Турин тоже. Мне нужно найти их! — Она повернулась к двери.

Сестра Сова подняла руку:

— Послушница Мали, мне кажется, попала в беду. Но какой бы еще ни была ее опасность, она не является непосредственной. Скорее всего, в точности наоборот.

— Как долго я... — Яз посмотрела вниз и поняла, что одета в ночную рубашку. Как бы долго она ни смотрела глазами Мали на эту звезду — почему-то теперь она была уверена, что это звезда, — этого времени монахиням хватило, чтобы отнести ее сюда и переодеть. Небо тоже потемнело. Часы, по крайней мере.

— Восемнадцать дней. — В голосе старухи прозвучала усталость.

— Восемнадцать... *дней*? — Яз покачала головой. — Этого не может быть!

— Действительно, не может. — Высокая светлокочая монахиня вошла в комнату, склонив голову, чтобы не касаться дверного косяка. Вернувшаяся послушница следовала за ней по пятам. — Правильная цифра — три недели. Сестра Сова присоединилась к твоему неподвижному состоянию и сидела так несколько дней, пытаясь тебя освободить. Ни у кого из вас не было измеримого сердцебиения.

— Сестра Солнце. — Сова наклонила голову. — Приношу свои извинения за причиненные неудобства. Немногим целителям приходится иметь дело с такими странными пациентами, как Яз и я.

— Но что случилось со мной? — Яз хотела знать. — Находится ли Мали в опасности? Где она? Почему вы оставили меня так надолго? Почему...

— Опасно прыгать, не глядя. — Сова устало улыбнулась. — Без моей подготовки и чтения мы обе могли бы застрять гораздо дольше, чем те три дня, которые мы провели вместе. Что касается судьбы Послушницы Мали... я считаю, что сейчас ее жизни не угрожает никакая опасность, в отличие от практически всех остальных людей на Абете, и так будет еще тысячи лет, если мы ее не спасем. Так что поверь мне, Яз, спешить некуда.

— Но что случилось? — Яз огляделась в поисках каких-либо признаков своей одежды.

— Скорее всего, Мали столкнулась с артефактом Пропавших, известным как время-звезда. Было высказано предположение, что они возникают в результате инцидентов, когда корабль-сердце перегружено. В записях говорится, что само время замедляется или ускоряется по мере приближения к ним. Жертвы этого не замечают, но при взгляде издали кажется, что они замедляются до такой степени, что их движение становится незаметным. Если бы они обернулись, то могли бы увидеть, как мир пронесется сквозь годы, и, прежде чем они смогли бы убежать обратно из зоны действия звезды, мир, который они знали, перешел бы в новую эпоху.

— Мы должны помочь ей! Эррис и Турин тоже с ней!

— Мы поможем, — кивнула сестра Сова. — Но перед этим мы должны помочь тебе и Куине. У вас обоих есть более насущные проблемы. Кстати, об этом... — Она повернулась к высокой монахине. — Были ли за последние три дня какие-либо события, о которых мне следует знать, Солнце?

Яз подтянула колени, не слушая шепота монахинь. Три недели? Воспоминание о синем свете преследовало ее разум, настолько соблазнительное, что даже сейчас ее мысли хотели вернуться к нему и снова затеряться в безвременном моменте:

— Куина! Мне нужно увидеть Куину!

Яз подняла глаза и обнаружила, что в комнате темно, если не считать света единственной свечи. Куина, которая дремала на стуле рядом с кроватью, вскочила на ноги.

— Что! Что это? — Затем, увидев Яз, она заключила ее в крепкие объятия, хунска-быстро. — Ты снова вернулась!

— Я... я вернулась... — Яз моргнула и высвободилась из объятий Куины. — Сова была здесь мгновение назад.

— Ты снова застыла, — сказала Куина. — Сестра Сова сказала, что это может случиться несколько раз. Эхо, так она это называла. Но не недели, а часы или минуты, потом мгновения, а потом — ничего.

— Ну, это... беспокойно. — Яз посмотрела на Куину. В свете свечи она казалась совсем другой. Ее волосы стали длиннее, лицо менее костлявым, и у нее был глубокий синяк через всю левую скулу.

Куина на мгновение нахмурилась и пошевелила губами, словно пытаясь что-то выплюнуть.

— Не... беспокойся. — Два слова на зеленом языке.

— Ты учишься! — Яз ухмыльнулась, затем нахмурилась. — Но что случилось с твоим лицом?

Рука Куины потянулась к синяку.

— Я тоже учусь драться! Это сделала Ад, но я вернула ее удар дюжину раз! — Она повторила хмурый взгляд Яз. — Не то, чтобы она заметила. Эта девушка как стена.

Яз сползла с кровати и встала. После три недели без движения она чувствовала себя немного одеревеневшей, но не слишком. Тело все еще болело от избиения, которое устроила ей Хеллма. Она обеими руками сжала живот:

— Я даже не голодна.

— Ну, мы набили свои животы. — Куина ухмыльнулась. — Несколько недель назад!

— Давай выбираться отсюда. — Яз направилась к двери.

— В ночной рубашке? — Куина кивнула в самый темный угол, куда, как Яз могла поклясться, она уже заглядывала. Ее одежда висела там, под ней — ботинки.

— Что я пропустила? — Яз начала одеваться, все еще незнакомая с нижним бельем и различными завязками.

— Эулар знает, что мы живы. Обе его ведьмы находятся в монастыре, чтобы следить за происходящим. И настоятельница Коготь ведет какую-то большую битву из-за всего этого. Но пока ты была без сознания, инквизитор мало что мог сделать.

— Инквизитор?

— Инквизиторы и наблюдатели работают на Церковь, охотясь за всеми, кто нуждается в наказании. — Куина вздрогнула. — Они пришли за нами в тот день, когда ты застыла. Но на самом деле они интересовались только тобой. Они почти ничего не делали, просто задавали вопросы. Венна сказала, что будет хуже, как только ты очнешься. Но недзья утопить того, кто не дышит. Монахиням удалось вывести тебя из комнаты с меч-путем только потому, что сестра Сова сотворила какую-то магию. Тем не менее, ты стояла там целую неделю, пугая нас всех. Ты, должно быть, сотни раз видела, как я падала!

— Ты пробовала пройти по меч-пути? — Яз была поражена.

— Конечно. Венна бросила мне вызов. Это легко.

— Легко? — Это казалось невозможным.

— Легко упасть, я имею в виду. Чтобы продвинуться далеко вперед, требуются годы практики. Одна из девочек нашего класса может пройти половину пути... Большинство послушниц становятся монахинями, ни разу не дойдя до конца.

— А Эулар был здесь? — Кровь Яз стыла в жилах при воспоминание о Стеклойной Воде, но мысль о том, что Эулар мог тыкать в нее пальцами, пока она была заморожена во времени, вызвала у нее озноб, который был еще хуже.

— Нет, насколько я знаю. Только Крей и Джеккис. Они достаточно плохие. Но они не единственные, кто пришел сюда из-за нас. Есть еще инквизитор, его наблюдатели и некоторые люди, которых называют академиками. Все они ужасно назойливы. Теперь, когда ты проснулась, они станут еще более назойливыми. Конечно, на меня им наплевать. Крей и Джеккис хотят тебя и только тебя. Наверное, нам лучше уйти. Не думаю, что у нас здесь все пойдет хорошо.

Яз поджала губы и завязала веревку, которая закрепляла ее одежду вокруг талии:

— Нам придется подумать о том, что делать. Нам нужно спасти Турина, Мали и Эрриса. Если понадобится, мы могли бы сбежать сегодня вечером, пока они думают, что я все еще заморожена.

Она подошла к двери, приоткрыла ее и выглянула в коридор.

— Нам нужно вести себя тихо, — прошипела Куина. — Монахини повсюду. — Она подошла к Яз, снова закрыв дверь на случай, если кто-нибудь, ожидающий в темноте снаружи, может услышать их разговор. — Выбраться из монастыря незамеченными будет непросто. На прошлой неделе я тайком пробралась в пещеры, чтобы проверить, как там Теус. Он исчез, кстати...

— Исчез?

— Тебе нужно, чтобы я объясняла слово «исчез»? Он только выглядит как собака, помнишь? Он не будет сидеть на одном месте целый месяц только потому, что ты ему так говоришь. Не то чтобы собака тоже бы так поступила. Я имею в виду, если только ее задница не примерзла ко льду. Что случается... В любом случае одна из Серых Сестер последовала за мной. Сестра Луна — очень милая, она бы тебе понравилась — и звезды все еще там, где ты оставила их, но теперь все монахини тоже знают о них.

Яз проглотила любой острый ответ. Куина не знала, как долго она будет недееспособна, и у Теуса, возможно, есть ключ, чтобы освободить ее от время-звезды.

— С этим ничего не поделаешь. Хотя я должна принести эти звезды сюда. Они могут нам понадобиться. — Подумав о глазах Наблюдателя — она оставила их с Теусом, — она вспомнила звезду, которую сделала из пыли, найденной в зале суда. Она похлопала по карманам своей рясы. — Где моя звезда?

— Ее забрала Сестра Сова.

Яз пожала плечами, хотя потеря причинила ей боль — создание звезды из пыли было интимным процессом, и она чувствовала связь с ним:

— Давай возьмем большие!

ЯЗ ВЫШЛА В коридор прежде, чем поняла, что не знает, где находится, и что, хотя они с Куиной прибыли в монастырь вместе, у Куины теперь на несколько недель больше опыта в этом месте, чем у нее.

— Сначала я хочу пойти в dormitorio, — прошептала она, подталкивая Куину вперед, чтобы та показывала дорогу.

Куина кивнула:

— Пошли.

Куина направилась в более светлый конец коридора, где горел фонарь, пламя которого было приглушено настолько, что едва мерцало. Двери, подобные той, через которую они вышли, располагались по обе стороны прохода, дверь побольше находилась в конце. Куина двигалась тихо и быстро, не останавливаясь, пока не достигла последней двери. Они вышли в ветреную ночь, ясное небо усеивали красные звезды, в разных окнах монастыря горела дюжина огней. Впервые Яз заметила, что среди множества звезд ярко мерцает одна единственная белая звезда. Мгновение она стояла, уставившись на нее.

— Это Надежда. — Куина поняла удивление Яз и заговорила громче, чтобы ее было слышно сквозь шум ветра. — Эту звезду не видно ни на севере, ни на юге.

Яз покачала головой. В Коридоре даже звезды были другие. Она повернулась, чтобы посмотреть, где спала. Здание позади них было коротким, низким продолжением большого Купола Предка.

— Они держали тебя в монашеской келье.

— Пошли. — Яз была рада выйти на свежий, как ей казалось, достаточно легкий ветерок, но она чувствовала, что за ней наблюдают, словно несколько пар глаз смотрели на нее через ночь.

Монастырь казался пустынным. Яз не знала, сколько сейчас времени, как и Куина, которой сегодня разрешили поспать в келье после пробуждения Яз. Куина продолжала зевать, пока они приближались к зданию dormitorio. Они поспешно поднялись по ступенькам и через главную дверь вошли в холл.

Куина закрыла дверь за ними, отрезав от света звезд, который их вел:

— Скорее всего, за нами наблюдала Серая Сестра. Сестра Луна или какая-то другая. Я не думаю, что их здесь много, но они гуляют по ночам и мало что пропускают.

— Я просто проберусь внутрь и возьму то, что мне нужно. — Яз ощупью добралась до двери dormitorio Серого Класа и осторожно ее открыла. Слабый свет, просачивающийся из прикрытого фонаря у кровати Венны, освещал оба ряда кроватей, а их обитатели были едва заметны в темноте.

Одна из девушек перевернулась, когда Яз проходила мимо, бормоча что-то бессвязное. Яз подошла к изголовью своей кровати. Матрас и одеяла могли быть вытряхнуты или даже постираны, пока она была заморожена во времени, но, к счастью, это не имело значения. Яз подошла к стене и провела рукой по стыкам между большими каменными блоками. Тут и там отваливались маленькие комочки грязи, и остатки ее звездной пыли вытекали наружу, как снежные кристаллы, струящиеся по льду. Она сжала в кулаке маленькую массу, желая, чтобы она замолчала. Мгновение она стояла на месте, распределяя пыль между внутренними и внешними карманами. К счастью, сестры Сладкого Милосердия давшие обет бедности, по-прежнему придавали большое значение карманам, несмотря на то, что им не полагалось иметь много вещей, которые в них можно было бы хранить.

Удовлетворенная, Яз тихо вернулась к двери. Когда она проходила мимо кровати Венны, рука протянулась и схватила ее за одежду. Из-под одеяла высунулась светловолосая головка.

— Шшш. — Рука дернулась, показывая, что Яз должна наклониться.

— Венна? — Яз опустила на колени рядом с кроватью, понизив голос.

— Тебе нужно убираться отсюда. — Венна сразу перешла к делу. — Моя семья знает все. Они собираются казнить тебя, и на этот раз архонт добьется своего с топором. Так что, если ты не собираешься жить без головы, тебе нужно бежать. Сегодня ночью! Я сказала Куине, что скоро произойдет нечто подобное, но она не хочет уходить без тебя. Инквизиция здесь. Вы должны идти. Идти. Бежать. Не оглядывайтесь назад. Не попадайтесь. Несмотря ни на что. — Венна поймала запястье Яз и крепко сжала его, прежде чем отпустить ее. — Удачи.

Яз не знала, что сказать, поэтому молча ушла. На самом деле она не чувствовала, что хорошо знает Венну, и беспокойство девушки тронуло ее. Наверно не обязательно хорошо знать человека, чтобы беспокоиться о нем и надеяться, что он не умрет ужасной смертью.

Как только Яз вышла из спальни в вестибюль, Куина быстро начала спускаться по лестнице. Она направилась к главным дверям, но вместо того, чтобы открыть их, остановилась. Яз не могла видеть лицо своей подруги, только пятно более густой темноты там, где она стояла.

— Что?

— Может быть, нам стоит найти лучший способ уйти, — прошептала Куина. — Я ходила на их уроки Тени. Они относятся к этому очень серьезно. Мы не выберемся отсюда, если не будем умны. И это не только Серые

Сестры — те, возможно, отпустят нас, — но еще есть наблюдатели инквизиции...

— Венна упоминала о них. Она сказала, что ты должна была уехать несколько недель назад.

— Они охотятся не за мной...

— Они все равно убьют тебя. Монахини бросили тебя в Стекланную Воду. Не забывай об этом!

— Мы могли бы вылезть через одно из окон в задней части дома, — предложила Куина.

— Не уверена, что это сработает. — Окна были маленькими и высокими, и даже если бы Яз смогла пролезть в одно, казалось невозможным, что они справятся с этим, не разбудив весь dormitorio.

— Окна на верхнем этаже больше.

— Может быть, мы могли бы... — Наружная дверь прямо перед ними открылась, впуслав поток света фонаря и порывистый ветер, резкий и ледяной.

— Именно те послушницы, которых мы искали. — Голос старой женщины.

Яз прищурилась от яркого света, прикрывая глаза растопыренной ладонью. Две фигуры стояли на ступеньках, плащи развевались вокруг них, еще больше фигур толпилось сзади. Она моргнула и сосредоточилась. Две священницы: мать Джеккис и более крупная, молодая женщина, которая могла быть Крей, жрицей Черной Скалы, которую Яз не видела во время своего пребывания там.

Мать Джеккис полуобернулась, чтобы помахать рукой одному из людей, стоявших позади нее:

— Инквизитор Мелком, не могли бы вы приказать своим наблюдателям взять этих двух послушниц под стражу от имени архонта.

Что-то упало сверху на них всех, ядро черноты, тащащее за собой тьму, как облако дыма. Что-то размером с человека. Оно беззвучно приземлилось рядом со ступеньками. Фонарь инквизитора почти не освещал пелену тьмы, но через несколько ударов сердца темнота рассеялась, открыв худощавую женщину с обветренным молодым лицом, покрытым шрамами. Она изучала мир странно переливающимися глазами и носила одежду, похожую на одежду Яз, но серую и скроенную так, чтобы обеспечить бóльшую свободу движений.

— Сестра Луна! — В голосе Куины прозвучало облегчение, хотя Яз не была уверена, почему добавление обученного убийцы к силам, преграждающим им путь, должно ее радовать.

— Это Сладкое Милосердие. — Сестра Луна говорила мягким, непринужденным тоном. — Инквизиция и духовенство находятся здесь по приглашению Настоятельницы Коготь. Никакого официального расследования санкционировано не было.

— Настоятельница Коготь очень хорошо знает...

Сестра Луна подняла руку, заставив более младшую священницу замолчать:

— Мать Джеккис, я уверена, что вы понимаете закон Церкви. Вы можете потребовать, чтобы эти две послушницы были взяты под стражу, если у вас есть обвинение, которое вы можете предъявить им. И я, конечно, буду рада задержать их для вас. После этого их судьба будет в руках настоятельницы. Или — если будет достаточно весомое возражение — церковного суда.

Мать Крей сунула руку в карман своей рясы и достала туго свернутый свиток.

— Это, — она помахала документом перед Сестрой Луной так, словно это было оружие, — требование Архонта Эулара. Он требует, чтобы его первоначальный призыв к обезглавливанию был приведен в исполнение, поскольку традиционные методы казни в монастыре оказались ошибочными. На документе стоит его печать, и он назначил меня свидетелем обезглавливания от имени архонта. Хотя, как я понимаю, вам не удалось задержать двух преступниц, сбежавших из воды.

— Я буду рассматривать это как просьбу о том, чтобы послушницы Яз и Куина были помещены под монастырский арест, — сказала Сестра Луна. — И я уполномочена согласиться на эту просьбу. — Она поманила Яз. — Ты пойдешь со мной. Ты тоже, Послушница Куина.

— Я так не думаю. — Инквизитор, крупный лысый мужчина с удивительно глубоко посаженными глазами, шагнул вперед, чтобы вмешаться; трое наблюдателей встали у него за плечами, положив руки на рукояти невидимых до сих пор мечей. — Я уже двадцать лет выжигаю испорченность из Церкви. Я не позволю, чтобы мои полномочия подвергались сомнению какой-то монахиней с настолько новой рясой, что она еще ее не стирала.

Госпожа Тень просто появилась рядом с инквизитором, достаточно близко, чтобы коснуться его рукой. Не было никакой пелены тьмы, которая могла бы рассеяться, как это было с Сестрой Луной, не было быстрого спуска с небес. Ее там не было, а потом она появилась. Светлые волосы непокрыты, бледная кожа казалась красной в свете звезд. Инквизитор был карликом рядом с ней, но она казалась настолько равнодушной к нему, что ее отсутствие беспокойства каким-то образом превратилось в угрозу ему:

— Я сомневаюсь в ваших полномочиях, Мелком Лексус.

Инквизитор отпрянул, как будто оказался слишком близко к огню:

— Этот путь... неразумен... сестра.

— Пути — не мое дело, брат. Путь — забота Сестры Сова. Мой дело — это дело концов. И мне все равно, как я

туда доберусь.

Не взглянув больше на мужчину, Госпожа Тень жестом велела Сестре Луна идти впереди, а Яз и Куине — за ней. Сама она замкнула шествие.

— Будьте осторожны, госпожа, — пробормотала Крей, когда они уходили.

СЕСТРА ЛУНА ОТВЕЛА их в единственное место в монастыре, где естественная скала плато образовывал холм. В основании холма открывался низкий вход в пещеру, переходивший в лестницу — по этой лестнице Сестра Сова вела их после того, как они официально утонули в Стеклойной Воде. Яз последовала за убийцей вниз, в темноту.

— Мы ничего не видим, понимаешь? — крикнула Куина из-за спины Яз. — Похоже, половина послушниц обладают тень-работой — могут видеть в темноте, — добавила она, понизив голос.

— Подождите. — Шаги Сестры Луна затихли впереди них. Раздался резкий скрежет, а затем мгновение спустя вспыхнул свет, когда она подняла фонарь. — Вперед.

Монахиня ждала их у дверей класса Тени, где Госпожа Тень обучала послушниц ядам, манипулированию тенью и тому, как убивать проволокой или дротиком.

— Боюсь, мне придется снова поместить вас в карцер. — Госпожа Тень взяла инициативу на себя, пройдя мимо двери в класс и дальше по скалистому туннелю. — Мы не можем показаться слишком мягкими по отношению к вам. Будет какое-то судебное разбирательство.

Куина развернулась и бросилась бежать.

— *Не* так, как в прошлый раз, спешу добавить. — Госпожа Тень не сбавила шага. — Архонт Эулар покинул столицу, и первосвященница планирует наблюдать за ходом процесса. Она честная женщина. — Госпожа Тень сделала несколько бесшумных шагов. — Справедливая.

— Я не позволю им снова утопить меня! — прошипела Куина Яз на лед-языке.

— Я не думаю, что кто-то этого потребует, — ответила Яз. — Они хотят отрубить нам головы. Гораздо быстрее. Но, — она повысила голос, заглушая жалобы Куины, — я не собираюсь им этого позволять, что бы ни говорила их первосвященница. — Хотя Яз и пыталась успокоить страхи Куины, сама она была обеспокоена. И Крей, и Джекис обладали магией Пути, сравнимой с ее собственной, и даже Сестра Сова могла быть вынуждена работать против нее, если первосвященница примет решение в пользу Эулара. Вдобавок ко всему, природа ее силы заключалась в том, чтобы расходиться в экстравагантном порыве, который нельзя быстро повторить. Это не защитит ее от монастыря, полного ножей, мечей и отравленных дротиков. Правда в том, что она и Куина находятся во власти Церкви зеленых земель и ее внутренних баталий.

Они прошли некоторое расстояние по все более узкому туннелю, миновав три дверных проема. Там, где туннель разветвлялся, Госпожа Тень повернула налево и остановилась в двадцати ярдах дальше, указывая на решетчатые ворота, закрывавшие небольшую пещеру. Яз вздохнула и вошла. Куина заколебалась.

Яз взяла по пруту в каждую руку:

— Не они удерживают нас здесь, Куина. С моей стороны решетки мы в ловушке не меньше, чем с твоей. По крайней мере, так у настоятельницы все еще есть возможность оспорить наше дело.

Куина вошла с рычанием:

— Я люблю зеленые земли. Но почему, когда люди получают так много, они вдруг начинают убивать друг друга по взмаху руки?

Яз устроилась спиной к задней стене. На вопрос Куины у нее не было ответа. Такого ответа, по крайней мере, который не заставил бы ее грустить.

ОНИ ПРОВЕЛИ В карцере два дня. Монахини хорошо их кормили, Сестра Сова спускалась вниз и учила из Уроки избавляли от скуки. Куина принялась переписывать буквы на грифельной доске. Ей понравилась идея и практика письма, и Сестра Сова похвалила быстроту, с которой она училась, сказав, что легче всего приобрести такие навыки в раннем возрасте. Пока Куина чертила свои символы, Сова и Яз говорили о звездах.

— Сестра Луна рассказала мне о том, что обнаружила в подземельях.

— Она следила за Куиной, — сказала Яз, не сумев скрыть обвинение в своем голосе. — Тайно следила.

— Она — Сестра Благоразумия. Это в ее характере — подглядывать. Мы не можем знать, какие тайны представляют опасность для Церкви, пока не узнаем, в чем они заключаются.

Яз недовольно хмыкнула.

— Звезды у входа в пещеры намного больше, чем та, которую я нашла у тебя, когда ты была заморожена. Я убрала ее из опасения, что она может быть источником твоей болезни. — Старуха нахмурилась, и ее лицо, и без того покрытое множеством морщин, еще больше сморщилось. — Должна сказать, что эти звезды оказали на меня... тревожное воздействие. Я почувствовала себя не готовой взять их в руки. И не взяла. Но я понимаю, что корабль-сердце значительно больше. — Она подняла руки, изобразив воображаемую сферу размером с голову ребенка, затем вздрогнула. — Если недомогание, исходящее от звезд, увеличивается с размером звезды... тогда я не могу понять, как кто-то может даже находиться рядом с корабль-сердцем.

Яз поджала губы.

— Это будет нелегко. — По правде говоря, она была далеко не уверена, что сможет это сделать. — Но у никого из нас не будет возможности узнать ответ, пока мы его не найдем. — Она поколебалась, а потом решила поделиться секретом. В конце концов, если Эулар добьется своего и Церковь ее убьет, задача ляжет на Сестру Сову, Мали или кого-то другого, кого еще можно найти. Победа над Сеусом была битвой каждого, но в большей степени это была битва зеленоземельцев. Это был их зеленый Коридор, который Сеус закроет, когда получит контроль над ковчегом, а вместе с ним и над самой Луной. Она не знала, как быстро лед затопит эти земли без лунного тепла. Сестра Сова, конечно, не доживет до того, чтобы увидеть, как рухнет последнее дерево. Но, возможно, Мали так и сделала бы, если бы дожила до такого же возраста, как ее учительница. — Я сделала маленькую звезду из сотен крошечных звездочек. Я сломала и переделала звезду размером с те, которые спрятаны в устье туннеля. Эти звезды были глазами монстра, которого создал Эулар. Наблюдателя. Те, что у меня остались, я специально сохранила, потому что они кажутся очень похожими друг на друга, словно когда-то они были частями одной и той же большой звезды. Я могла бы сделать из них корабль-сердце...

Сестра Сова долго молча смотрела на Яз темным, оценивающим взглядом.

— Замечательно, дитя. Замечательно. Я никогда не слышала о таком. Что еще более важно, я не читала о таком, хотя эти старые глаза провели больше лет, следуя за линией пера по странице, чем прожило большинство моих сестер. У тебя, должно быть, действительно редкий талант. — Она снова нахмурилась, словно эта редкость скорее беспокоила ее, а не успокаивала.

Остальное время они обсуждали Путь и звезды. Яз делилась своим личным опытом, в то время как Сестра Сова делилась мудростью и наблюдениями тысяч ученых за многие столетия. Впервые Яз начала понимать, что предлагает письменность. Она может сделать слова и мысли бессмертными. Может столкнуть идеи друг с другом, и некоторые из них выйдут победителями из схватки, тогда как другие останутся на пыльных полках в ожидании момента, когда они снова смогут завоевать благосклонность читателя — или другого момента, когда проблема, ключом к которой они были, снова выйдет на первый план и выгачит их из неизвестности. Зеленоземельцы — по крайней мере в пределах империи, в которую она попала, — поклонялись своим предкам, и Яз спросила себя, не может ли это быть потому, что письменное слово давало этим давно умершим предкам такой сильный голос и иллюзию присутствия среди живых. Конечно, у Икта были свои истории, но они могли меняться от рассказа к рассказу, от поколения к поколению. И их было намного меньше книг, которые она видела в монастырской библиотеке, а ведь каждый манускрипт мог содержать много историй. Возможно, у Икта были свои боги именно потому, что голоса их предков оставались погребенными под годами, в то время как зеленоземельцам достаточно было протянуть руку, чтобы услышать голос отца какого-нибудь давно умершего отца, все еще сильный, чистый и прекрасно сохранившийся среди следов, оставленных царапинами из чернильного пера.

Не многое из того, что сказала Сестра Сова, имело смысл для Яз, даже когда она позволяла этому повертеться у нее в голове после того, как монахиня уходила. Но кое-что из этого имело. Некоторые фрагменты мудрости и знаний, которые Сова разбросала перед Яз, оказались ключами к ментальным замкам, каждый из которых запирали сокровищницу новых идей и возможностей. Однако для того, чтобы превратить возможности во что-то полезное, потребуется время.

Но пока время держало в плену трех ее друзей и полностью ускользало от нее.

— ВРЕМЯ. — СЕСТРА ЛУНА поспешно подошла к решетке, оторвав Яз от ее мыслей. — Они идут.

Мгновение спустя Яз услышала отдаленный стук ботинок по камню.

— Они собираются нас убить? — Куина вцепилась в прутья решетки. Первосвященница прибыла рано утром предыдущего дня, и заинтересованные стороны, по-видимому, спорили до поздней ночи.

— Не знаю. Но они это точно сделают, если вы не подчинитесь судебному правосудию. Все мы здесь должны повиноваться ему, как если бы говорил сам Предок. — Женщина выглядела печальной, но строгой. — Мы присягнули Предку и Церкви Предка. Это основа нашей веры. Точно так же, как Скала Веры является фундаментом нашего монастыря.

Яз не стала указывать на то, что в Скале Веры так много дыр, что не так давно она заблудилась среди них и боялась, что никогда не найдет выхода.

— Мы готовы, — соврала она. Любые слова ложного утешения, которые она могла бы сказать Куине, остались невысказанными, когда появился приближающийся эскорт с высоко поднятыми фонарями. Они заполнили узкий туннель: лысый инквизитор, трое его наблюдателей, а за ними несколько церковь-стражей. Госпожа Меч шла рядом с инквизителем впереди группы, одетая в темно-красную рясу, с мечом на бедре. Послушать Куину, так эта женщина могла бы победить их всех, даже если бы они напали на нее вместе. Она произвела на Куину сильное впечатление за те недели, что Яз была пойман в ловушку время-звездой.

ДО ЗАЛА ПЕРСУСА было одновременно слишком близко и слишком далеко. Непослушные ноги Язел расстояние кусок за куском. Наблюдатели инквизитора принесли с собой железные оковы, идентичные тем, которые использовались при первой попытке утопить лед-людей. Сестра Луна, то ли из сочувствия, то ли из опасения, что Яз может обрушить на них потолок, отказалась разрешить их использование.

— Ярмо предназначено для тех, кто обвиняется в тяжких преступлениях. Яз и Куина уже были обвинены, приговорены и казнены. Первосвященница здесь просто для того, чтобы расследовать заявление архонта Эулара о том, что их выживание не было чудом.

— Их все еще обвиняют в первоначальном нападении! — ошетинился Инквизитор.

— Они были признаны виновными в этом нападении и брошены в Стекланную Воду, — возразила Луна. — Ни один закон Церкви не требует, чтобы казненные преступники оставались в ярме после приведения приговора в исполнение.

Инквизитор указал на Яз и Куину:

— Они явно не были казнены!

— Это, — возразила Луна, — решать первосвященнице. Вы осмеливаетесь судить о деле раньше нее, Инквизитор Мелком?

Сестра Луна добилась своего. Яз была рада. Она не была уверена, что бы сделала, если бы они снова попытались надеть ярмо на ее шею и запястья.

ЯЗ УЖЕ ДВАЖДЫ в ходила в большой зал суда. Первый раз был запутанным и пугающим: Эулар командовал и весь монастырь собрался, чтобы посмотреть, как эти незнакомцы получают то, что заслужили. Во второй раз зал был гулко пуст, и она собрала звездную пыль, которую разбросал Эулар. На этот раз, третий, аудитория была поменьше, только взрослые. В левой части зала стояла горстка монахинь, в том числе сестры Солнце и Луна, а также госпожи Пути, Клинка, Тени и Духа. Эту последнюю, по словам Куины, звали Сестра Булава, когда не использовали ее титул преподавательницы. Справа Инквизитор Мелком присоединился к Матери Крей, которая стояла с другими наблюдателями и небольшим отрядом церковь-стражей. Кроме того с ними были три человека в длинных одеждах, мужчина в зеленом, женщина в фиолетовом и еще одна в синем, все поразительных оттенков, которые напомнили Язь о цветных стеклах в окне Сестры Сова в Башне Пути.

— Академики, — прошипела Куина. — Маги из города.

Настоятельница Коготь сидела на одном из четырех кресел поменьше, в нескольких шагах от кресла первосвященницы, которое во время первого суда занимал Эулар. Мать Джеккис сидела в другом, противоположном от настоятельницы конце. Первосвященница выглядела крошечной на огромном резном троне, спинка которого возвышалась высоко над ней и заканчивалась закрученными башенками. Дерево было почти черным, и ее одежда была такой же темной, из-за чего казалось, что ее лицо и руки плывут без тела, которое бы их поддерживало. Худая, похожая на птицу женщина с ярко-голубыми глазами, старая, но отнюдь не такая древняя, как Сестра Сова.

Яз наблюдала за первосвященницей, пока Настоятельница Коготь представляла всех важных гостей и приглашала мать Джеккис изложить жалобу архонта Эулара. Мать Джеккис встала, чтобы обратиться к суду, хотя ее слова предназначались женщине, сидевшей позади нее. Насколько Яз поняла, в отсутствие четырех архонтов Церкви здесь имело значение только мнение Первосвященницы Керры.

— На третий день восемнадцатой недели седьмого года правления нашего славного императора Эдиссата, второго по имени, архонт Эулара и...

— Давайте предположим, что я знакома с деталями судебного процесса, добрая мать. — Голос первосвященницы был почти комично высоким, похожим на птичье щебетание. — В чем суть вашей жалобы?

— Они преступники, — Мать Джеккис указала на Яз и Куину скрюченным пальцем, — как и те двое, что сбежали из монастыря. Яз из Икта, Куина дочь Хелланса, Лестал Эррис Кроу и Турин...

— Будет ли справедливо высказать суть вашей жалобы, — прошептала первосвященница, заставив лицо Джеккис потемнеть. — Выживание этих четверых после того, как их бросили в Стекланную Воду, *не* было чудом. Хотя Настоятельница Коготь утверждает противоположное.

— Да, первосвященница, — сказала Джеккис сквозь стиснутые зубы.

— И, Настоятельница Коготь, теперь, когда мы собрались в рамках священного суда справедливости: вы все еще верите, что это событие действительно было чудом Предка?

Настоятельница Коготь осталась сидеть:

— Я верю, что все чудеса — дело рук Предка, первосвященница.

— Это дело рук марджала вода-работника! — рявкнула Джеккис. — Половина ваших послушниц может проделывать подобные трюки.

— Ну... — Коготь наклонила голову. — Я сомневаюсь, что многие из них смогли бы совершить любой элемент такого впечатляющего подвига, но, — она подняла руку, чтобы помешать Джеккис прервать ее, — настоящий вопрос здесь в том, что такое чудо? Говорим ли мы, что Предок не может творить чудеса через своих детей? Или чудом считается только тот случай, когда магия возникает без видимого источника?

— Да! — снова рявкнула Джеккис.

Первосвященница поджала иссохшие губы.

— Было бы принижением ценности чудес, если бы мы называли каждое впечатляющее деяние марджала или квантала примером божественного вмешательства. — Она с легкой улыбкой посмотрела на академиков. — Не будут ли тогда наши светские друзья из Академии официально известны как чудо-работники?

— Это было бы неразумно, первосвященница. — Настоятельница Коготь медленно кивнула, как будто ее убедили.

Яз вцепилась в деревянные перила перед собой, радуясь, что Куина еще недостаточно хорошо владеет зеленым языком и не может следить за ходом дискуссии. Она надеялась, что Настоятельница Коготь придет, вооруженная хитроумной защитой, и убедит первосвященницу в своем образе мыслей. Вместо этого она, казалось, позволяла помощнице Эулара вытирать об себя ноги.

— Итак, выживание этих двух преступниц...

— Послушниц, — запротестовала Коготь.

— Выживание этих двух послушниц, — продолжила Джеккис, — это всего лишь работа талантливого *преступника*, который теперь сбежал, движимый собственным желанием выжить, и ничем не обязано божественному вмешательству.

— Это возможно, — признала Настоятельница Коготь. У Яз кровь застыла в жилах. Куина, стоявшая рядом с ней, казалось, понимала направление разговора и готовилась сражаться.

В голосе Матери Джеккис послышались нотки триумфа:

— Я предлагаю, чтобы они обе были немедленно казнены таким образом, чтобы на этот раз не оставалось никаких сомнений в том, что они мертвы.

Первосвященница потеряла подбородок:

— Настоятельница Коготь? У вас есть что добавить?

— Конечно. Я должна упомянуть о втором чуде. — Настоятельница поставила обе руки на посох, лежавший у нее на ногах.

— Какое второе чудо? — Джеккис усмехнулась. — Неужели Предок удобно спустился, чтобы сотворить чудо для этих лед-людей как раз перед тем, как их забрали из дормитория?

— Спустился, Мать Джеккис? — Настоятельница Коготь подняла бровь. — Предок всегда среди нас. И даже священнице нужно немного веры. За последние пять столетий Предок совершил бесчисленное множество документально подтвержденных чудес. Наши церковные библиотеки полны таких рассказов. Некоторые из них довольно длинные.

Джеккис скрестила руки на груди:

— И какова, скажите на милость, природа этого чуда?

— Вы, конечно, помните прибытие инквизитора Мелкома в монастырь?

— Вряд ли это чудо. Там, где есть инакомыслие, инквизиция выносит решение.

— Инквизитор Мелком прибыл, убежденный в виновности послушниц и готовый вынести приговор. И через несколько мгновений после его прибытия Яз, наблюдавшая за девушками на меч-пути, была удалена из самого времени. Она стала невосприимчивой ко всему вреду, физическому или магическому. Спасенная Предком. Никто

из нас никогда не был свидетелем подобного, даже Сестра Сова, которая видела пять императоров на троне. И в нашей библиотеке нет никаких упоминаний о таких случаях. Это было чудо, сотворенное не Яз, а извне, из другого источника, божественного источника. Чудо.

Мать Джеккис фыркнула:

— Если это было чудо, то какова была его цель? Чего оно достигло? Она просто стояла там, как идиотская статуя, и теперь она все еще стоит в суде, обвиняемая в своем преступлении. И другая девушка тоже. Над ней не творилось никакой магии, ни чудесной, ни какой-либо другой. Нет, аббатиса, вам придется постараться еще больше.

— Были изменены две важные вещи. Во-первых, незадолго до того, как Яз была возвращена нам, первосвященница проявила интерес к этому делу и сказала, что вынесет решение, когда обе обвиняемые будут готовы предстать перед судом. Во-вторых, первосвященнице было предоставлено на рассмотрение второе чудо.

Яз вдохнула воздух в свои изголодавшиеся легкие. Настоятельница ловко обходила Джеккис, пока старуха не связала себя своими собственными словами. Но все это не имело бы значения, если бы первосвященница не хотела, чтобы ее убедили.

Глаза первосвященницы, пугающе голубые даже на таком расстоянии, были прикованы к Яз. Долгое время она молчала. Она бросила взгляд на Куину:

— Меч-путь, вы сказали?

— Да, первосвященница. Я полагаю, другие послушницы впервые показывали его Яз и Куине.

— Я бы хотела пойти туда. — Первосвященница встала, складки одежды ниспадали и развевались вокруг ее миниатюрной фигурки. — Если там действительно свершилось чудо, я хочу постоять на этом месте. Может быть, это прояснит мой разум. И вряд ли я смогу стоять в грязи под толщей Стеклойной Воды.

И поэтому первосвященница, сопровождаемая Яз, Куиной, настоятельницей, обеими священницами, инквизитором, четверьмя из пяти наставниц монастыря и тремя магами, покинула Зал Персуса и, кланяясь ледяному ветру, неторопливо прошла через монастырь к Залу Меча, расположенному на самом краю Скалы Веры, над огромным утесом, у подножия которого шелестели деревья.

Маг в фиолетовой мантии, худощавая женщина с длинными седыми волосами, подошла ближе всех к Яз и, казалось, изучала ее с особой пристальностью, ее бледно-голубые глаза не отрывались от Яз на протяжении всего пути.

Инквизитор пожаловался на то, что оставил всех наблюдателей и стражников, но первосвященница сказала, что полностью верит в способность госпож Путь, Клинок и Тень справиться с любыми двумя послушницами в любом монастыре Абета. И далее указала, что, пусть зал с меч-путем и исключительно высок, на его пол приходилось немного места. Яз задумчиво прикусила губу. Первосвященница знала о меч-пути. Настоятельница Коготь, должно быть, знала, что та знакома с этой игрой.

Они последовали за настоятельницей Коготь через большие двери зала, по песку тренировочной площадки и по туннелю в зал меч-пути. Настоятельница принесла из коридора фонарь и зажгла несколько других в комнате, пока остальные входили.

Яз устала сквозь сеть на извивающуюся многосоставную трубу наверху, поддерживаемую десятками тросов, но все равно способную раскачиваться и наклоняться, когда по ней ходили послушницы. Начало трубы осталось в тени. В тот единственный раз, когда она была здесь, на платформе, на которой послушницы начинали свои попытки, горели фонари.

— Здесь произошло чудо. — Настоятельница Коготь указала на место, где была заморожена Яз.

— Вряд ли это чудо, — усмехнулся Инквизитор Мелком. — Доза правильного токсина будет иметь тот же эффект в течение нескольких мгновений. Жесткий паралич. Разве это не один из первых ядов, которых учат варить Серию Сестру?

— Так и есть, — сказала Госпожа Тень. — Но если бы я ткнула в вас этой булавкой, — она подняла руку, и Яз уловила блеск чего-то между большим и указательным пальцами монахини, — я могла бы перерезать вам горло, и вы бы умерли. Хотя, вероятно, еще какое-то время вы бы просто стояли.

— Яз была вне времени, — подала реплику Сестра Сова. — Невосприимчива к вреду. Здание могло упасть на нее, и она бы этого не заметила и не пострадала.

Первосвященница подошла и встала на том месте, где Яз установила свою связь с Мали и увидела время-звезду. Среди толпы монахинь, священниц и академиков, она была самой низкорослой и казалась почти комичной рядом с самым высоким из магов. Она быстро оглядела лица, повернутые в ее сторону, затем подняла глаза на изгибы и повороты пути-меча.

— Прошло много времени. — В голосе первосвященницы прозвучала тоска.

— Ты была очень хороша в этом, Керра, насколько я помню. — Сестра Сова подошла и встала рядом с первосвященницей, глядя вверх.

— Я падала тысячу раз, прежде чем прошла его. Но рекорд монастыря среди тогдашних послушниц принадлежал не мне — это был Джомма Джотсис, если я правильно помню.

— Джомма Джотсис... Что с ней стало? — спросила Сова.

— Вышла замуж за лорда Скифроула и сбежала, чтобы жить к востоку от гор. Всегда была необузданной.

Мать Джеккис скорчила кислую гримасу и выглядела так, словно хотела ее прервать, но Настоятельница Коготь протиснулась мимо нее, чтобы присоединиться к Сове и первосвященнице:

— Я так и не добралась до конца. Ты помнишь свой ре...

— Сто пятьдесят девять. — Первосвященница ответил прежде, чем вопрос был закончен. — Джомма прошла за ста пятьдесят семь. Я ненавидела ее за это в течение многих лет. Все то время, что я была здесь, она была рекордсменкой среди тогдашних послушниц.

Настоятельница Коготь опустила взгляд, потирая шею:

— На данный момент это сто двадцать. Послушница в Святом Класе. Должна получиться прекрасная Сераз Сестра.

— Конечно, — сказала первосвященница, оглядываясь на собравшихся вокруг нее, — рекордсменка всех времен сейчас с нами. Сестра Сова удостоилась этой особой чести. Это произошло за много лет до меня, но я хотела бы быть здесь тогда, чтобы это увидеть. Как кто-то мог закончить за двадцать шесть... нет, это не имеет никакого смысла. Вам пришлось просто бежать...

— Тогда я была довольно быстрой. — Древняя монахиня позволила себе слегка улыбнуться.

Инквизитор Мелком кашлянул, что на самом деле не было кашлем:

— И даже это не было чудом.

Первосвященница кивнула сама себе:

— Мелком прав. Мне действительно не следует предаваться воспоминаниям. Здесь на волоске жизни двух девушек. Вам не кажется, что на этот произошло чудо, Мать Джеккис?

— Нет, не кажется.

— Она была вне времени! — воскликнула Сова.

— Да, это необычно. — Мать Джеккис, прищурившись, посмотрела на Яз. — Но необычное или редкое — это не чудо.

— Так что же должно произойти, чтобы вы признали, что произошло чудо? — спросила Настоятельница Коготь. — Должен ли Предок явиться лично и сказать об этом? Сколько еще необъяснимых событий должно произойти? Еще одно? Десять? Тысяча? Хотели бы вы, чтобы Яз ходила по воде для вас? Что могло бы склонить чашу весов? Может быть, вы хотите, чтобы она прошла меч-путь из конца в конец с первой попытки?

Хмурое выражение лица Матери Джеккис, которое становилось все более мрачным с каждым вызовом Настоятельницы Коготь, теперь изменилось, уголки ее рта тронула жестокая улыбка. Она повернулась, чтобы посмотреть на первосвященницу.

— Да.

— Что?

— Я действительно хочу, чтобы она прошла весь меч-путь с первой попытки.

Аббатиса Коготь выглядела ошеломленной:

— И это было бы чудом, для вас?

— Особенно, если она сделает это с завязанными глазами. — Улыбке показала оскаленные зубы.

— Никто не может сделать это с завязанными глазами! — рявкнула Коготь.

— Если позволите? — К первосвященнице подошла седовласая академик в фиолетовом.

— Академик Йелна? — Первосвященница удивленно посмотрела на нее. — Вы хотите что-то добавить?

Йелна наклонила голову, ее бледно-голубые глаза изучали Яз:

— Я хочу сказать, что существует много видов магии, которые обвиняемая может использовать, чтобы создать видимость чуда, на самом деле не требуя, чтобы рука Предка протянулась, чтобы помочь ей. Возможно, доза гротона была бы уместна? — Она склонила голову и попятилась.

Мать Джеккис ухватилась за эту идею.

— Конечно, она должна принять гротон. Это единственный надежный способ гарантировать, что она не сможет использовать магию, чтобы помочь себе. — Священница повернулась к Инквизитору Мелкому. — Вы носите гротон с собой, не так ли?

Инквизитор кивнул:

— Нельзя допускать, чтобы квантал или марджал сочли возможной саму попытку обмануть нас.

— Но от гротона кружится голова, — вмешалась Госпожа Тень.

— Тогда это действительно будет чудом, не так ли? — Мать Джеккис усмехнулась.

Первосвященница поджала губы, глядя на Мать Джеккис:

— Это, конечно, будет чудом. Единственный вопрос: злоупотребляем ли мы нашей верой в Предка, игнорируя то, что уже было сделано, и требуя большего, как будто Предок служит нам, а не мы Предку?

— Три — священное число, первосвященница, — сказала Мать Крей позади нее.

— Разве святой Кербер не воззвал к Предку трижды у врат Голорота, прежде чем огонь поразил их? — нараспев произнес Инквизитор Мелком.

Первосвященница выглядела мрачной:

— Придя ко мне, Архонт Эулар очень ясно дал понять, что у него есть опасения. Он считал, что некоторые или все преступники, которых он приговорил к смерти, могут выжить благодаря обману. И еще он считал, что не все, кто занимал ответственное положение в Сладком Милосердии, уважают его решение. Как будет по-прежнему соблюдаться закон Церкви, если приговоренные к смерти будут избегать наказания благодаря уму или удаче?

— Справедливости ради, — сказала аббатиса, — их приговорили к тому, чтобы бросить в...

— Юридические формальности — это хорошо, если речь идет о чудесах, Коготь, но на моем посту я должна думать о том, как это выглядят для тех, кто находится за пределами этого монастыря. Как это видят народ и император. Как это видят священнослужители от Марна до гор. Я требую, чтобы соблюдались как дух, так и буква закона.

— Но Эулар лгал! — взорвалась Яз. — Он даже не верит в Предка! Он был жрецом Черной Скалы на протяжении веков...

— Хватит! — Несмотря на высокий голос и низкий рост, первосвященница смогла вложить в свои слова приказ. — Он архонт Церкви. Вы — странники со льда. Признаны виновными в этом монастыре в ограблении и убийстве. Настоятельница Коготь говорит, что чудо спасло вас от утопления. Еще одно спасет вас от смерти и навсегда очистит ваше имя. Ты можешь принять этот вызов вместо своих друзей, поскольку настоятельница, похоже, считает, что рука Предка лежит на твоём плече. — Она стиснула зубы. — Это мое решение.

Мать Джеккис кивнула, затем добавила:

— Либо произойдет чудо, либо девочка заслуживает смерти. Так что мы должны убрать сеть — в любом случае она бесполезна.

— КАК, ВО ИМЯ всех дьяволов ада, я должна это сделать? — прошипела Яз настоятельнице.

Ее отвели в дальний угол зала меч-пути, якобы для духовного наставления. Лицо настоятельницы Коготь было мрачным:

— Молиться.

— И это все? — Яз не ожидала настоящего духовного наставления.

— Я надеялась, что первосвященницу убедит то, что тебя защитили от инквизиции. Я надеялась, что в этом месте, вспомнив о прошлой славе и годах послушничества, она увидит в этом деле руку Предка или проявит милосердие, или и то, и другое.

— Надеюсь... — с горечью пробормотала Яз. Она вспомнила, что Коготь не смогла спасти ее и от приговора Эулара. Им пришлось найти свой собственный выход из этого положения.

— Я могу предложить только оно — ты должна использовать свои таланты.

— Мои таланты?

— И молиться о чуде.

— Еще одном чуде, — добавила Сестра Сова. — Два у нас уже было.

Самообладание покинуло Яз. Она махнула рукой на перекрученный металл, подвешенный во многих фатонах открытого воздуха над ними:

— Как я могу не упасть?

Единственным ответом было возвращение Госпожи Меч с крючковатым шестом, которым снимали сеть.

Инквизитор Мелком последовал за монахиней.

— Гротон. — Он держал маленький черный горшочек между большим и указательным пальцами. — Для заключенной, — добавил он без необходимости. Он снял крышку и окунул указательный палец в серую пасту внутри.

— Я могу сделать это сама. — Яз скривила губы при мысли о мужчине, который хотел ее накормить.

Мелком положил горшок обратно в карман халата и потянулся к ней:

— Это дается. Не берется.

Яз подавила желание откусить палец, приставленный к ее лицу, и вместо этого крепко закрыла рот. Момент выбора настал с неожиданной быстротой и теперь парил прямо перед ее лицом на кончике мужского пальца. Если она примет их яд, Путь для нее будет закрыт. Будет упущен шанс покинуть мир во внезапной вспышке и забрать с собой Куину. Когда она упадет с меч-пути и погибнет при падении, Куина будет брошена на произвол жестокого правосудия Церкви. Она могла принять яд, но это только ненадолго продлит их жизнь и обречет на еще большие страдания. Она расфокусировала взгляд, смотря мимо пальца, видя линию Пути, сверкающую трещину в реальности, достаточно близкую, чтобы ухватиться обеими руками. Она начала тянуться.

— Не делай этого, Яз. — Глаза Сестры Сова наполнились слезами. — Я чувствую, что ты делаешь. Я могу остановить тебя. И это будет опасно для нас обеих. Но в этой комнате полно моих сестер. Я не могу допустить разрушение, о котором ты думаешь.

— Что еще я могу сделать? — Яз чувствовала, как холодный огонь Пути колет прямо за кончиками ее пальцев.

— Имей веру. Это не обязательно должна быть *моя* вера. Имей веру в себя. Ты и раньше делала невозможное.

— Но я не знаю, как сделать *это!* — Яз взглянула на спиральную трубу над ней. — Несколько месяцев назад я даже ни на что не лазила. Это... штука... требует многих лет практики. Вы хотите, чтобы я сделала это отравленной и с завязанными глазами!

Иссохшие руки Сестры Сова сомкнулись вокруг руки Яз:

— Иногда все, что мы можем сделать, — пытаться. И ты не совсем лишена ресурсов... Не так ли?

Яз знала, что попала в ловушку. Она оскалила зубы на инквизитора:

— Сделай это.

Мелком размазал жирный токсин по ее губам. Она чувствовала, как дрожат его пальцы. Он знал, как близок был к смерти. Он отступил назад, чтобы посмотреть, как она закрыла рот и слизнула яд. У него был вкус рыбы. Если бы он был приготовлен из рыбы, то это было бы первое рыбное блюдо, которое она съела с тех пор, как оказалась в зеленых землях, — само по себе чудо в глазах ее народа.

— Как быстро он работает? — Внутри ее рта уже ощущалось покалывание.

Теперь Мелком казался более расслабленным:

— На дротике быстрее, но эта форма проще в хранении и дешевле в изготовлении. Он вступит в полную силу к тому времени, когда ты поднимешься на платформу.

— Тогда мне лучше идти сейчас. Ты же не хочешь, чтобы я потеряла равновесие на лестнице, — прорычала Яз.

Госпожа Меч и Госпожа Тень сопровождали Яз, когда она направилась к двери. Мать Джеккис последовала за

ними.

— У тебя есть план, верно? — спросила Куина, когда они проходили мимо нее.

Яз храбро улыбнулась.

Лестница, ведущая на платформу, где начинался меч-путь, представляла собой длинную узкую квадратную спираль, и движение теней по стене, когда маленькая группа поднималась, сбивало с толку. Дважды Яз спотыкалась.

— Если ты не можешь подняться по лестнице, ходить по трубе будет интересно, — прокомментировала Мать Джеккис.

— Это гротон, — сказала Госпожа Тень. — Я могу предложить только не торопиться и ждать мгновений ясности.

— Никакой помощи! — рявкнула Джеккис.

— Первосвященница сказала, что ей следует завязать глаза и отравить. Не то чтобы ей нельзя давать советов, — возразила Госпожа Тень.

Яз не пропустила ударения на слове «ясность». Это был один из трансов, которым Сестра Сова обучала послушниц в Башне Пути, но у Яз даже не было целого урока по этому предмету, и на освоение этого трансa у послушниц уходили месяцы, а, может быть, и годы.

На маленькой платформе едва хватило места для них четверых. Перед ними простиралась пропасть, далеко внизу виднелся пол, и головокружение потянулось к Яз, пытаясь стащить ее вниз. Она карабкалась по бесконечным тросам в подземном городе, спускалась в шахты глубже, чем была перед ней, но гротон искажал зрение, заставляя падение казаться невероятно долгим, наполняя беспричинным ужасом, лишая ноги силы.

Далеко внизу фонари первосвященницы и других казались такими же далекими, как звезды в небесах.

— Теперь я должна завязать тебе глаза. — Сожаление окрасило голос Госпожи Тень, когда она полезла в свою рясу и достала толстую полосу черного материала.

Яз сосредоточилась на противоположной стене, где висели большой циферблат и маятник, готовые отсчитывать время тех редких послушниц, которые могли пройти до конца. Ее желудок взбунтовался. Икта жили исключительно за счет плодов моря. Многие из существ, которых они вытаскивали из-под волн или ловили в западню под ледяной полкой на краю Горячего Моря, оказывались невкусными. Икта, в свою очередь, развили в себе способность противостоять их токсинам. Если выбор состоял в том, чтобы умереть с голоду или быть отравленным, икта выбирал последнее и учился с этим жить. Но, несмотря на врожденное сопротивление яду, гротон все же на нее подействовал. Она чувствовала себя неуверенно, тошнота скрутила желудок. Она с трудом могла расфокусировать взгляд, чтобы увидеть Путь, который теперь лежал далеко за пределами ее досягаемости — почти невидимая нить на самых границах ее восприятия.

— Девочки смазывают ноги смолой, чтобы они не скользили. — Госпожа Меч сунула что-то липкое в руку Яз, пока Госпожа Тень завязывала ей глаза.

— Вы не должны...

— Завершить меч-путь с первой попытки, с завязанными глазами и отравленной, — произнесла Госпожа Меч, глядя в упор на Джеккис. — Так сказала первосвященница. Она может иметь все, что есть у любой другой послушницы. Или мы должны смазать жиром трубу, отрезать ей ногу и метать в нее копьа?

Яз поспешно натерла смолой подошву одной ноги, затем другой. Стоя с завязанными глазами на одной ноге, она начала падать вперед, и только быстрые руки одной из женщин спасли ее от падения. Это не предвещало ничего хорошего.

— Ты готова, Яз? — спросила Госпожа Путь.

— Нет.

— Испытание начинается, — крикнула Мать Джеккис. — Никакая дальнейшая помощь не может быть оказана!

ЯЗ ВСТАЛА ТАК неподвижно, как только могла. Она чувствовала, что ее качает, но теперь, когда зрение перестало ее отвлекать, качать стало меньше. Она подумала о фонарях под ней, далеких, как городские огни, видимые из оконных прорезей главного зала.

Она сунула руки в карманы рясы. Спящая звездная пыль выстилала несколько из многочисленных карманов одежды.

— Проснись, — пробормотала она. — Проснись.

Они сказали, что гротон делают силы квантала или марджала бесполезными. Конечно, связь Яз с Путем была ослаблена. Но во время долгого путешествия с севера Теус сказал одну вещь, которая прозвучала правдиво среди его многочисленной лжи. Теус сказал, что в ней течет его кровь. Он сказал, что старая поговорка *Икта — другая порода*, чистая правда. Даже самые старые рассказы Икта о Зине и Мокке сходились в одном. Они были здесь до того, как четыре племени пересекли черное море и высадились на берегах Абета. Икта были Пропадшими. Клан изгоев, изгнавших самих себя, смешавшиеся друг с другом и с теми, кто пришел после, и, как у всех древних кровей,

в некоторых из них проявилась кровь Пропавших. И проявилась в ней.

Проснись.

И звездная пыль проснулась. Она видела ее сияние своим мысленным взором. Эта сила была даром крови Пропавших. Гротон, казалось, не оказал на это особого влияния. И все же... Чего можно добиться с помощью горсти пыли?

— Давай, девочка! — сказала Джеккис. — Пропасть ждет.

Яз стиснула зубы и надавила изо всех сил, разрывая швы на карманах. Она вытянула руки и опустилась на колени, чтобы нащупать начало трубы. Она обнаружила, что с конца труба открыта, вероятно, чтобы любая влага, проникшая через многочисленные сочленения, могла снова оказаться снаружи. Зловеще, но труба двигалось даже под давлением ее рук.

Она медленно встала и повысила голос:

— Я взываю ко всем моим предкам. Даруйте мне чудо вашей силы.

Говоря это, она усилием воли собрала светящуюся звездную пыль и направила ее маленькую струйку вниз по ноге, по внешней стороне ступни и в трубу. Мысленным взором она могла видеть ее сквозь металл, змеящуюся вдоль перекрученных секций, прорисовывающую меч-путь без необходимости в глазах. Эулар оценил бы этот трюк.

— Даруйте мне чудо. — Она направила основную часть пыли вверх по ребрам, вдоль рук и в ладони, почти всю дорогу под одеждой. Она сжала маленькие комочки звезда-пыли в кулаках.

Она поставила одну ногу на меч-путь. С закрытыми глазами она не видела бездну, головокружение исчезло. Она представила, что пол находится всего в нескольких дюймах под ней. Позади нее две монахини тихо молились. Яз широко раскинула руки, обрела равновесие и шагнула вперед, поставив другую ногу на трубу. Та тут же начала раскачиваться. Яз не сопротивлялась. Вместо этого она мысленно потянулась и удержала две массы звездной пыли там, где они были. В точности там, где они были.

В подземном городе она несла почти весь свой вес, мысленно цепляясь обеими руками за единственную поднимающуюся звезду. Звездная пыль не могла дать ей ничего подобного, но в этом и не было необходимости. На пределе досягаемости ей нужно было только обеспечить достаточную силу, которая скорректировала бы ее колебания.

Яз сделала еще один шаг. Могла ли пыль держать ее в равновесии, когда труба качалась под ней, она не могла сказать, но здесь и сейчас, медленным, уверенным шагом, видя трубу перед собой как тонкую, светящуюся линию, почти как сам Путь... она могла это сделать.

Еще один шаг. Еще. Она шла по меч-пути с завязанными глазами. Позади нее воцарилась тишина, поскольку монахини открыли рты и забыли о молитвах.

ПРОШЕЛ ДЕНЬ С момента чуда на меч-пути и заявления первосвященницы о том, что Яз благословлен Предком. Послушницы Серого Класа встретили ее возвращение в дормиторий с большим энтузиазмом. Девушки, которые сами были ближе всего к тому, чтобы дойти до конца, казались наиболее впечатленными этим чудом. Хеллма, которая никогда не делала больше нескольких шагов по трубе, по-настоящему не понимала трудностей, связанных с последующими секциями. Она считала намного более удивительным то, что у Яз все еще были синяки, которые та получила в их драке несколько недель назад на своем первом уроке Меча.

Куина с головой окунулась в совместную жизнь с другими послушницами, болтая на огромной скорости на смеси лед-языка и ломанного зеленого. Она стала очень популярной в дормитории, несмотря на то, — или, возможно, из-за того, — что ни она, ни девушки, с которыми она разговаривала, не понимали больше половины того, что говорила другая.

По словам Сестры Сова, получение благословения стирает все грехи и преступления — по крайней мере, в глазах Церкви. После него жизнь начинается заново, с чистого листа. Яз недостаточно знала о Предке, чтобы иметь собственное мнение, но она не была готова так легко простить себя. Обвинения Эулара против нее, конечно, были совершенно ложными, но в прошлом он был прав, когда назвал ее *агентом перемен*. Перемена, благотворная или нет в долгосрочной перспективе, стала причиной многих смертей как подо льдом, так и внутри Черной Скалы. Она сама забрала некоторые из этих жизней, когда высвободила силу Пути во время битвы с Запятнанными в руинах Весты. Благословение смыло эту кровь не больше, чем вода.

ПОСЛЕДОВАЛ НЕЛОВКИЙ ЗАВТРАК, во время которого Яз чувствовала себя еще более чужой, чем в день приезда. Каким-то образом благословение и украденные недели поставили барьер между ней и другими послушницами, хотя Куина, получившая то же благословение, чувствовала себя как дома. Ей даже удалось подружиться с парой, которая издевалась над тем, как она утонула — темноволосой хунксой Ниом и рыжеволосой герант Колой.

Яз время от времени посматривала на Куину и пыталась представить ее такой, какой та была меньше полгода назад: ходила по льду со своей семьей и кланом, изо дня в день не видела ничего, кроме замороженных пустошей, никогда не знала тепла, никогда не ела ничего, кроме рыбы, иногда горячей из моря, но чаще всего тоже замороженной. Она вспомнила, как Куина стояла впереди нее в очереди к регулятору, зная, что она сломанная, и сжимая украденную деревянную бусину — талисман от неизбежного падения.

Во всяком случае, одно хорошее дело Яз сделала. Она вытащила Куину из дыры во льду, полной тьмы и безумия, и доставила ее в изобилие Коридора. Они обе увидели мир, совершенно недоступный их воображению. Несколько миров, на самом деле, если считать Запятнанных и Сломанных, Черную Скалу и Аидис.

Куина выбрала это мгновение, чтобы перестать смеяться над какими-то словами Венны и взглянуть на Яз. Ее темные глаза наполнились каким-то новым чувством.

— Ты в порядке, Яз?

— Что? Да. Конечно. — Яз с неловкостью осознала, что смаргивает слезы.

— Мы вернем остальных, — сказала Куина, не заботясь о том, что остальные послушницы ее слушают. — Сестра Сова говорит, что они в безопасности. У нас есть время.

Яз кивнула и посмотрела на свою еду, пытаясь взять себя в руки. В последние дни время было ненадежным. Как и лед, который, как выяснилось, скрывал великие и неожиданные тайны, время тоже оказалось менее надежным, чем она всегда считала. С другой стороны, Куина была права. У них было время — то, чего у них не было целую вечность. Эррис сказал бы, что, с тех пор, как она упала в Яму Пропавших, часы всегда тикали. Она должна была спасти Зина до того, как Сломанные погубили бы его. Ей пришлось сбежать от Эулара, прежде чем он использовал нити, чтобы переубедить ее. Даже на бесконечном пути к Коридору их подстегивали истощающиеся запасы: ни один день не мог быть потрачен впустую, не было времени на отдых.

— Какой у нас следующий урок? — Яз оглядела трапезную, четыре длинные скамьи, послушниц, склонившихся над едой. Такова была их жизнь, день за днем: уроки, прогресс, обучение, тесты, испытания. Об их голоде позаботились, освободив их тела и умы, чтобы направить их на другие цели. Теперь это была ее жизнь, освобожденная от всепоглощающей задачи просто не умереть.

— Тень, — ответила Куина с набитым ртом.

ЯЗ СЧИТАЛА, ЧТО они должны посещать только уроки Пути, но энтузиазм Куины убедил ее отказаться от этой идеи, и она без жалоб пошла на урок Тени. Девушки вошли в комнату, где Сестра Сова и настоятельница разговаривали с Яз и ее друзьями после того, как они спаслись из Стеклойной Воды. Яз сидела там, пока Госпожа Тень говорила о каком-то растении зеленых земель, из которого можно было бы сварить яд. Она пыталась сосредоточиться, но ее мысли постоянно возвращались к синему свету, который удерживал Мали, Эрриса и Турина. За каждое мгновение их жизни проходили недели ее. Она могла бы быть седой и старой, когда Турин, наконец,

решил бы развернуться и уйти оттуда, оставшись тем же молодым человеком, которым был, когда вошел в ауру время-звезды.

— Ты все еще с нами, Яз?

Яз моргнула и обнаружила, что на столе перед ней разложена сложная масса зелени: стебли, листья и блестящие белые ягоды:

— Я...

Она испуганно огляделась и обнаружила, что другие послушницы сняли ягоды с растений, которые им дали, и делали что-то непонятное с черными семенами и бледной мякотью. Рассеянный смех прокатился по комнате, быстро смолкший под пристальным взглядом Госпожи Тень.

— Ты находишь это забавным, Послушница Гулли? — Монахиня повернулась к девушке с мышинными волосами, которая сидела позади нее.

— Н-нет! — В голосе послушницы прозвучал неподдельный страх.

Госпожа Тень щелкнула девушку по уху, заставив ее поморщиться.

— Ты можешь лгать, но, по крайней мере, делай это хорошо. Я учила тебя быть *более* убедительной. — Монахиня вернула свое внимание к Яз, прежде чем оглядеть класс. — Здесь есть урок. Смейся, Яз.

— Что?

— Только не говори мне, что ты так же быстро забыла наш язык, как овладела. Смейся! У тебя только что было полдюжины примеров. Они смеялись над тобой. Смейся в ответ. — Она хлопнула в ладоши. — Смейся!

— Э-э... — Яз смущенно огляделась. Она попыталась рассмеяться. Даже для ее ушей это звучало настолько неправильно, что казалось комичным. На другом конце комнаты Хеллма разразилась собственным смехом, прежде чем зажать рот обоими огромными ладонями.

Госпожа Тень подняла палец, призывая к молчанию.

— Это было *забавно*, — признала она. — Но и трудно. Убедительно изображать веселье — это навык, которым многие не могут овладеть даже после значительной практики. Смех честнее слез. Никогда не высмеивайте кого-то за его смех — даже Хеллму, которая ржет как лошадь, — потому что смех — такая же истинная часть человека, как нос на лице. Слезы можно подделать. И даже когда они истинные, они часто относятся к нам самим, представляя постигшую нас трагедию, а не к жертве ситуации. Смех, однако, подделать нельзя — когда он вырывается из нас и как. Он такой же истинный, как чих или маленькая смерть: эмоции ускользают от нас под давлением. — Она прошла между столами. — В Тени мы обучаем убийц, и для этого мы тратим больше времени на людей, чем на ножи, — она извлекла один из последних из ниоткуда и воткнула его в стол перед Куиной, — или яды. — Она щелкнула по листьям перед Яз. — Часто это наши инструменты, но гораздо важнее понимать материал, к которому мы применяем наши инструменты. Самый опасный человек в комнате — вовсе не самый быстрый клинок или самый смертоносный отравитель; это всегда тот, кто лучше всех понимает остальных. А понимание остальных начинается с понимания себя — вот почему уроки, которые я преподаю здесь, на самом деле начинаются в Башне Пути Сестры Сова. Трансы ясности, терпения и безмятежности — отличные ключи к познанию самого себя. Вы узнаете других, наблюдая, но все, что вы видите, рассматривается через призму себя. — Она приложила палец к центру своего лба. — Здесь мы впервые узнаем, что нам нужно, чтобы понимать других.

СЛЕДУЮЩИЙ УРОК БЫЛ с одной преподавательницей, с которой Яз еще не встречалась, Госпожо Академией, и он проходил в Башне Академии. Куина заверила ее, что этот предмет не следует путать с Академией в соседнем городе, откуда приехали академики, присутствовавшие на их втором суде. Маги называли себя академиками, но они изучали магию марджал, которой посвятили себя, а не историю и естественные науки, которым послушниц обучали на уроках Академии Сладкого Милосердия.

Яз с некоторым трепетом последовала за послушницами вверх по винтовой лестнице. Она была менее напугана магией Сестры Сова и Госпожи Тень, потому что у нее была собственная магия, и ей несколько раз говорили, что ей дали большую порцию такого таланта. Боевые навыки монахинь, конечно, впечатляли, но Яз было трудно придавать большое значение способности человека убивать других. Убийства и войны, по ее мнению, являлись своего рода болезнью, которая овладевала умами людей, когда у них было слишком много еды и слишком много досуга. Как будто этот вид живых существ был не способен радоваться жизни, и, когда ветер и лед переставали мучить их, они сами искали способы мучить друг друга или даже самих себя.

Госпожа Академия, однако, обладала способностями, которые вызвали у Яз одновременно восхищение и благоговейный трепет. Она распоряжалась записанными словами — как буквально так и фигурально, — открывая широкое окно в обширное наследие знаний и истории. Для Икта это выглядело бы так, как если бы им открылся чудесный, неожиданный и скрытый мир. Даже для Яз, чей разум уже расширился благодаря знаниям, полученным от совместного использования умов Эрриса и Мали, это было гораздо большим чудом, чем завершение меч-пути — задача, из-за которой она была невероятно близка к падению в полдюжине случаев. Так близко, что Яз почти могла поверить, что невидимая рука Предка *действительно* была там в тот день, удерживая ее от падения.

Яз, волоча ноги, прошла в конец класса. Стены украшали таинственные карты, позади стола преподавательницы тянулись до потолка деревянные стеллажи туго набитые свитками, торчащими из многочисленных щелей. Сама монахиня была женщиной неопределенных лет, ее гладкая кожа контрастировала с выбившейся из-под головного убора прядью серебристых волос. У нее было крепкое телосложение, очень похожее на Икта, и она выглядела более подходящей для льда, чем сама Яз, потому что изменения, произошедшие после событий в Яме Пропавших, уменьшили вес ее костей.

Госпожа Академия постучала по столу длинным ногтем, который, по-видимому, был отращен специально для этой цели, в то время как все остальные оставались короткими. В последовавшей тишине ее серые глаза нашли Яз и какое-то мгновение ее оценивали.

— Мы говорили о первом вторжении Дарна, — сказала монахиня, оглядывая класс. — Время, когда эта нация споткнулась о свою гордость и попала в войну, из которой она не могла вырваться, сколько бы крови ни пролила.

Яз сидела и с пристальным вниманием слушала подробности сражений на море и на берегу, войны между народами, о котором она знала очень мало, и народом, о котором она не знала ничего. Ее поразило, что число мужчин и женщин, сражавшихся друг с другом в этих битвах, превосходило число людей трех северных лед-племен вместе взятых, от новорожденного до самой седой головы. И что в каждом из этих народов — в империи и в земле Дарн за морем Марн — вероятно, было больше душ, чем во всех лед-племенах, как на севере, так и на юге. Более того, империя и Дарн были всего лишь двумя из многих наций, владевших своим куском Коридора, окружающего мир. Несомненно, каждая нация почти ничего не знала о своих более отдаленных соседях и не разделяла с ними ничего, за исключением лунного света, поддерживавшего их всех.

УРОК ЗАКОНЧИЛСЯ, ОНИ провели время в аркаде, потом съели ужин, и Яз обнаружила, что снова готовится ко сну.

Она переоделась в ночную рубашку, которую ей предоставили, и откинулась на спинку кровати, наблюдая, как Куина притворяется сражающейся с Хеллмой, пока Венна и Галли давали советы. Яз поразило, что, пройдя тысячи миль от своей собственной семьи, Куина, казалось, нашла замену здесь, в зеленых землях. Яз укрыла одеялом тело, все еще покрытое синяками, и закрыла глаза. На льду она была бы взрослой, от нее ожидали бы полной доли труда, ее бы считали готовой иметь собственную палатку, выйти замуж, родить собственных детей. Здесь ее все еще называют ребенком и показывают, что надо еще многому научиться, прежде чем ее сочтут способной самостоятельно противостоять миру.

Она погрузилась в сон, думая об этой палатке, дрожащей на льду, о тепле внутри нее и о себе, свернувшейся калачиком под спальными шкурами. Во сне ее обнимали сильные руки и глубже затягивали под шкуры. Знакомые руки, надежные и заботливые, олицетворяющие дом и безопасность, которые ей еще предстояло найти. Но принадлежали ли они Квеллу, Эррису, Турину или кому-то другому, все еще ожидающему своего часа среди грядущих лет, она не могла сказать.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ пришла Сестра Сова и освободила Яз от урока Меча. Пока Куина уходила остальными, монахиня забрала Яз, чтобы вернуть глаза Наблюдателя. Или, точнее, Сестра Сова привела Яз на вершину Дороги Безмятежности, а затем послала за звездами.

— Я не спускалась по этому пути с тех пор, как мне исполнилось восемьдесят. Старение может быть способом Предка сказать нам, что пришло время к нему присоединиться, но слишком неудобно, когда Предок продолжает призывать тебя, но так и не приходит, чтобы забрать. Короче говоря, Яз, молись, чтобы тебе никогда не пришлось стать такой же древней, как я.

Яз последовала по узкой тропе, змеящейся взад и вперед по всей ширине почти вертикального спуска. Далеко внизу зеленый ковер леса тянулся к сельскохозяйственным угольям между Скалой Веры и городом Верити. Яз страстно хотелось спуститься вниз и разобраться. Единственной зеленью, до которой она до сих пор добралась должным образом, было растение, из которого она должна была приготовить яд на вчерашнем уроке Тени. Однако она не позволяла желанию овладеть ей и не сводила глаз с каменистых склонов. И после некоторых усилий она, довольно быстро, вновь обнаружила трещину, из которой они выбрались. Звезды влекли ее к себе.

Вместо того, чтобы протискиваться в темную расщелину, Яз призвала глаза Наблюдателя и направила их к себе, освещая туннель синими и зелеными цветами. Их близость, которая отталкивала большинство людей, ее успокаивала. Все это было трудно объяснить, и внезапно она осознала, как скучала по ним. Как и огонь, слишком много звезд разрушило бы ее — и уничтожило бы любого другого, — но звезды такого размера приносили ощущение, более эквивалентное теплу домашнего очага. Она позволила им двигаться вокруг нее по медленным спиральям, которые им так нравились.

— Теус? — Она произнесла его имя, а затем громко позвала: — Теус!

Никакого ответа. Она считала маловероятным, что он вернулся, но решила, что попытаться стоит. Может быть, он придумал способ последовать через ковчег за своей «лучшей» половиной в то *далее*, куда отправились Пропавшие. Может быть, он больше не нуждался в ней, чтобы открыть себе дверь. Теус никогда не проявлял

никакого интереса ни к чему, кроме удовлетворения собственных потребностей. Его дезертирство ее не удивило.

— Теус! — Ее голос прокатился через темноту. Покачивав головой, она отвернулась и начала обратный путь туда, где на краю плато ее ждала Сестра Сова. Песня звезд эхом отдавалась на краю ее слуха, и их присутствие открывало ей Путь. Обычно требовалось усилие, чтобы заглянуть за пределы мира и увидеть Пути и нить-ландшафт, покрывавший все, что не было Путем. Но теперь, когда звезды были так близко, почти требовалось усилие, чтобы *не* увидеть эту альтернативную, более глубокую реальность. Яз сделала это усилие. Видеть более скучный путь у своих ног сейчас важнее, чем видеть другой Путь во всей его красе. Она не хотела споткнуться о камень и скатиться вниз по крутому склону. Это было бы плохим концом для ее желаний.

К тому времени, как она присоединилась к монахине, Яз почувствовала напряжение в задней поверхности бедер.

— Я взяла их, — объявила она без всякой необходимости.

— Я вижу! — Сестра Сова отступила назад, словно Яз была слишком горячим огнем и никто не мог находиться рядом с ней. — Мы должны спрятать их где-нибудь в безопасном месте, вне поля зрения и вне досягаемости. — Сова шла впереди, задавая темп, который был одновременно удручающе медленным и в то же время явно трудным для нее.

Монахиня отвела Яз в Башню Пути и повела ее вверх по винтовой лестнице, которая вела только в классную комнату наверху.

— В башне есть потайные комнаты. — Сестра Сова остановилась примерно на полпути вверх по лестнице.

Яз, не привыкшая к зданиям любого рода, на самом деле не задумывалась над этим вопросом, но теперь, когда она это сделала, ей показалось странным, что такая широкая башня, казалось, вмещала только узкую лестницу из комнаты внизу в комнату наверху.

— Представь себе Путь, положи руку мне на плечо и следуй за мной. Сосредоточься на мне. Не отвлекайся. — Монахиня молча ждала, когда Яз сожмет на ней пальцы.

Яз крепко взялась за плечо Сова.

— Эти твои звезды могут тревожить, — сказала Сестра Сова, — но они оказывают удивительное влияние на мои силы. Есть лекарства, которые может принять Красная Сестра чтобы увеличить на некоторое время свою силу. Это, по-видимому, аналогичная вещь, но направленная на кванталов. Я, конечно, читала об этом, но... — Она кашлянула. — В любом случае, давай продолжим.

Три шага — и Яз должна была врезаться носом в каменную кладку. Вместо этого, пройдя пять шагов, она обнаружила, что стоит вместе с Совой внутри изогнутой комнаты без дверей, на стенах, полу и потолке которой было множество сгиглов, инкрустированных серебром. Они были похожи на буквы Пропавших. Чуть менее сложные, возможно, но мощные и намекающие на формы за пределами поверхности, на которой были написаны.

Яз сложила звезды одну на другую в маленькую пирамидку на полу:

— Значит, здесь они будут в безопасности?

Сестра Сова улыбнулась:

— Обычно, когда послушница впервые попадает сюда, ее заботит только одно — как она здесь очутилась.

— О. — Яз в ответ улыбнулась. — Я и раньше проходила сквозь стены.

Сестра Сова медленно покачала головой, забавляясь:

— Несмотря на то, что у меня за плечами сто лет, я все еще нахожу, что вам, лед-людям, удается меня удивлять. И да, здесь они будут в безопасности. Кажется, они были в достаточной безопасности в устье туннеля в течение месяца, но здесь безопаснее. И нет лучшего места для экспериментов с ними. Эти сгиглы отведут любую случайно высвобожденную силу, даже если она может сравнять башню с землей, если ее не сдерживать.

Яз кивнула:

— Вы же знаете, я не могу остаться надолго. Мои друзья...

— В безопасности, — настойчивым голосом сказала Сестра Сова.

— Я не могу этому доверять. Не тогда, когда я знаю, кто именно хочет их убить. Возможно, когда дело доходит до звезд, у Эулара нет моей силы, но он силен и к тому же потратил жизни на изучение их. Он знает секреты, методы... Не верю, что у него нет способа добраться до других внутри пузыря время-звезды. И что произойдет, если он просто попросит кого-нибудь бросить копьё в одного из них?

— Я не... — Сестра Сова нахмурилась, как будто она никогда не думала о таком.

— И за спиной Эулара сидит Сеус, намного более сильный. Возможно, его война против вас до сих пор велась тайно, он пытался незаметно для народа сокрушить Церковь и императора, но сейчас, вероятно, все может измениться. Эта империя сильна. У вас есть армии, маги, сестры и братья, в сером и красном. Но вы никогда не встречались с его охотниками. Они не из вашего мира, они старше и хуже, и я не знаю, сможет ли ваш император или его империя им противостоять.

— Ты бы удивилась тому, что пережила эта империя, дитя. — Сестра Сова, казалось, стала прямее и выше, а

нить-ландшафт за ее спиной закипел связями с тысячью воспоминаний. — Но, похоже, твои таланты являются ключом к ситуации, если верить твоему Стержень-корню. И вера заставляет меня ему верить. Такой старый романтик, как я, не может игнорировать спасение, предлагаемое существом, носящим такое имя. Дерево Предка связывает нас с самым далеким прошлым одним корнем, уходящим глубоко в исчезнувшие годы. Стержень-корнем. Сестра Облако одобрила бы Стержень-корня, появившегося из ушедших дней, чтобы спасти нас. И, может быть, она даже видела его в своем бассейне. Может быть, именно поэтому она умерла с улыбкой на лице.

— Мне все еще нужно спасти своих друзей.

— Что тебе нужно, так это план, или, в противном случае... оружие. Тебе нужно соединить эти звезды в единую звезду, равную корабль-сердцу. Как только ты ее сделаешь, тебя будет очень трудно остановить. Если, конечно, ты сможешь ее контролировать. — Сестра Сова вынула маленькую желтую звезду, которую Яз сделала из звезда-пыли в Зале Персуса. — Она показала мне твой потенциал, а эти, — она указала на светящуюся пирамиду из глаз, — подтвердили его. Кажется, что чем больше звезда, тем больше она открывает Путь тем, кто обладает силой. С корабль-сердцем в руках ты должна быть не хуже большинства врагов и можешь попытаться спасти твоих друзей от время-звезды.

ПРОХОДИЛИ ДНИ. ЗДЕСЬ, в стенах монастыря, с благословением первосвященницы, Яз чувствовала себя так близко к безопасности, как никогда в течение долгого времени. Да, Джеккис, Крей и Эулар были где-то там, желая ей зла, и да, Сеус потенциально мог послать против нее миньона даже в сердце Сладкого Милосердия, но все же она больше не чувствовала покалывания опасности сзади на шее.

Необходимость спасти Турина, Эррис и Мали давила постоянно. Однако Сестра Сова уверяла, что ее друзьям грозит только одно — Яз состарится и умрет прежде, чем найдет способ спасти их, так что давление не было сокрушительным.

Жизнь в монастыре казалась менее опасной, но не была лишена трудностей. Яз не проявила никаких способностей к бою, которому обучали на уроках Меча. Остальные превосходили ее во всем, за исключением силы и выносливости. Уроки Академии были увлекательными, но трудными. Помимо истории надо было сосредотачиваться на цифрах и манипулировать ими — это вызывало у Яз головную боль. И на уроках Тени выяснилось, что у нее очень мало способностей к скрытности или к смешиванию ингредиентов.

— Это просто, — убеждала ее Венна. — Все равно, что готовить!

— На льду мы едим рыбу. Сырую.

— И это все? — с ужасом спросила Хеллма.

— Все. — Яз поджала губы. — Ну, у некоторых южных племен есть собаки, и они съедят их, когда те умирают.

— Уж...

— Сырыми, — добавила Яз прежде, чем Венна успела заявить, что они готовят собак.

Но какими бы трудными ни казались Яз многие ее уроки в монастыре, ни один из них и близко не подходил к умопомрачительной задаче соединить глаза Наблюдателя в одну большую звезду. Это была головоломка в большем количестве измерений, чем могли охватить ее глаза. Часть Яз начала подозревать, что их нельзя собрать в одну, в отличие от звезда-пыли. Чем больше становились звезды, тем больше они сопротивлялись друг другу. Если бы она соединила пять из шести, то получившаяся звезда боролась бы с добавлением шестой с невероятной силой. Эта сила заставила бы все предыдущие барьеры казаться рябью, вызванной ветром, по сравнению с волной, которую гнал перед собой рушащийся ледяной утес и которая могла потопить любую лодку.

На уроках, проведенных с Сестрой Совой в тайной сигил-комнате, Яз сотни раз приближалась к решению, но только для того, чтобы понять — идея, на которой она строила свои усилия, ошибочна. Сестра Сова приносила книги из монастырской библиотеки и даже отправляла заказы в главную церковную библиотеку в Верити. Большие, толстые книги в кожаных переплетах: пыльные и древние, хрупкие сборники неплотно сшитых страниц, тома с железными замками, свитки, выглядящие такими свежими, что чернила могли быть еще влажными. Сова приносила потрепанные маленькие томики на языках Дарна и Скифроула, переводя для Яз, когда читала вслух. В некоторых книгах даже использовался другой алфавит, и они читались задом наперед. В отчаянии она однажды приехала с охапками связанных палок, испещренных тысячами обугленных линий, раскрывающих секреты земли, которая когда-то была сплошными джунглями, а теперь лежит подо льдом. В другой раз она вынула из обширного кармана ряссы то, что могло бы быть вуалью, но вместо этого оказалось маленькой занавеской из ниток, на каждой из которых было множество узлов разного типа в разных положениях — другой язык, передающий больше загадок.

Некоторые заимствованные знания Совы, оказались полезными. Некоторые просто ошибочными. Одна книга, запечатая на железный замок, сильно помешала, направив их по ложному пути, по которому они шли несколько дней. Яз решила, что было бы лучше, если бы ключ потерялся.

ЗЕЛЕНОЗЕМЕЛЬЦЫ УДИВИЛИ ЯЗ методом счета своих лет. Они считали их как в период правления любого конкретного императора, так и с момента основания самой империи. Сейчас они находились на седьмом году правления нынешнего императора и на 412 году империи. Что еще более удивительно, они даже назвали отдельные дни, хотя и с поразительным отсутствием воображения. От первого дня до седьмого, затем повторение. И в каждый седьмой день уроков не было.

На седьмой день большинство послушниц отправились в Верити навестить семью или исследовать окрестности, более младшие под бдительным присмотром монахинь. Поскольку город был местом, где исчезли ее друзья, местом, где те вышли из времени и оказались за пределами обыденности, где не сменялись дни, названные или нет, Яз не терпелось последовать за ними.

У Сестры Совы были другие идеи:

— Здесь мы можем тебя защитить. То, что делают Сестра Луна и другие Серые, остается незамеченным, но ты можешь спать ночью спокойно, ни о чем не заботясь. Есть и другие меры предосторожности: нити, которые я вытаскала из нить-фона, чтобы использовать в качестве сигналов тревоги; они позволят мне и другим узнать, когда их пересекут незнакомцы.

— Я взрослая женщина, — запротестовала Яз. — Я пересекла лед, сражалась с ужасами под ним...

— И, — сказала Сова, — город так же отличается от льда, как от дна моря. Ты понятия не имеешь, как там защищаться. Он не похож ни на что, что ты видела.

Яз скривила губы, собираясь сказать, что не боится, хотя слова старухи посеяли в ее сознании сомнение.

— К тому же, — добавила Сова, — в опасности не только ты. Куина не останется здесь, если ты этого не сделаешь. И если вам причинят вред, ваши друзья не выйдут из-под влияния этой звезды времени ни на один день в течение следующей тысячи лет. Ты послужишь им лучше всего, оставаясь здесь и работая над созданием корабль-сердца.

ЯЗ ПРИШЛОСЬ НЕОХОТНО согласиться. Когда Венна, Хеллма, Галли и даже Кола и Ниом, которых Яз заставила разделить ужасы Стеклоанной Воды, попросили обоих лед-девушек пойти с ними в город, Яз заставила себя отказаться.

— Ой, да ладно, Яз! — взмолилась Куина. — Отец Венны живет в доме, который больше, чем весь монастырь, и сделан из золота. Она сказала, что мы можем ее навестить.

— Для нас опасно быть там. — Яз, стиснув зубы, повторила мудрость Сестры Сова. — И у нас есть другие которые от нас зависят.

— От тебя, ты имеешь в виду, — сказала Куина.

— И ты нужна мне, Куина. Я не могу драться так, как ты. Мне понадобится кто-то, кто прикроет мою спину, когда я буду готова пойти и помочь остальным. Но ты не сможешь этого сделать, если Мать Джеккис доберется до тебя на какой-нибудь улице Верити.

Куина скорчила гримасу и неохотно кивнула:

— Но мы можем проводить их. До края колонн, по меньшей мере.

Яз подумала, что было бы лучше, если бы они этого не делали, но все равно сказала да. И они отправились в путь с группой болтающих послушниц. Яз обнаружила, что Хеллма и Кола идут по обе стороны от нее — они заставили ее почувствовать себя крошечной и напомнили о Као. Время от времени она скучала по мальчику, и тогда ее сердце болело по-настоящему, а не фигурально. Смерть Као всегда приводила ее мысли к смерти Майи. Яз решительно отогнала мысли об Майе и попыталась улыбаться вместе с девушками.

Они петляли по тропинке через огромный лес колонн, голоса девушек эхом отражались от древнего камня. Присутствие Колы и Ниом в группе напомнило Яз, как сильно все изменилось с момента ее приезда, который на самом деле казался не таким уж и давним. Она полагала, что за это надо поблагодарить неутомимую потребность Куины посплетничать. Ну хорошо, Куину и благословение.

На краю леса колонн, где одна отделилась от сотен других и стояла изолированно на плато, Яз остановилась.

— Мы попросаемя здесь. — Она прищурилась, глядя на Куину.

— Пойдемте с нами! — попросила Галли, явно подлизываясь. — Венна не возьмет меня в свой особняк без вас двоих!

— Все будет хорошо, — сказала Ниом. — Мы защитим...

Резкий крик прервал ее, и, посмотрев мимо послушниц, Яз увидела на открытой скале одинокую фигуру, мчащуюся к ним. Сначала она подумала, что это монахиня, но на бежавшем была мантия, а не ряса, и было что-то безумное в том, как он бежал, не обращая внимания на любую выбоину, которая могла зацепить и сломать лодыжку.

— Назад! — Над скалой раздался крик.

— Это мужчина... — В голосе Венны послышалась нервозность.

— Мальчик. — Хеллма казалась менее обеспокоенной.

Что-то в незнакомце зазвенело предупреждением в глубине памяти Яз. Куина шагнула к ней ближе, достаточно близко, их плечи соприкоснулись.

Крик повторился. «Назад!» Он исходил не от молодого человека, мчавшегося к ним. Колонны смущали слух своим эхом. Он исходил от монахини в красном, которая вырвалась из укрытия позади послушниц и теперь на скорости обогнала их по прямой, чтобы перехватить незваного гостя.

— Сестра Шерсть его остановит, — сказала Галли.

— Конечно. — Уверенность Венны вернулась.

Человек, поняв, что его заметили, начал выть от неудержимой ярости.

— Запятнанный, — выдохнула Куина на лед-языке и схватила Яз за запястье.

— Здесь? — Разум Яз не верил в это, но узел в животе говорил, что тело верит.

Красная Сестра остановилась на пути мужчины примерно в десяти ярдах перед ним и снова рывкнула, приказывая ему остановиться. Он не замедлил шага, просто поднял руки, как будто хотел оттолкнуть ее в сторону. Он держал свои руки, согнув пальцы, как когти. Сестра Шесть просто отклонилась в сторону и оставила ногу на его пути. Мужчина тяжело рухнул, растянувшись на известняке. Сестра Шесть набросилась на него со скоростью охотника, пригвоздив его к камню.

— Не прикасайтесь к нему...

Но Яз опоздала. Все это уже произошло. Мужчина бился и брыкался, не переставая кричать. Выражение спокойной уверенности Шерсть пошатнулось, но не от усилий ее пленника, даже подпитываемых силой безумия, которые она вполне могла сдерживать — нет, словно какой-то ужас материализовался перед ее глазами. Яз знала, что это такое. Демон внутри молодого человека пытался проникнуть в монахиню.

С криком мужчина вырвался и вскочил на ноги, из раны на голове текла кровь, а руки и лицо были разодраны в тех местах, где он ударился о грубый камень. Шерсть в замешательстве отступила назад. Между послушницами и сумасшедшим оставалось всего тридцать ярдов. Он снова побежал к ним.

Венна Таксис двинулась вперед и приняла свою любимую боевую стойку.

— Эй! — Хеллма поспешила к ней. — И я!

Ниом и Кола обменялись взглядами и последовали за ними.

— Нет! — Яз обрела дар речи. — Бегите!

Но четыре девушки не сдвинулись с места. Куина преодолела паралич страха, сковавший ее, и вместе с Галли бросилась к остальным. Яз схватила ее за руку:

— Они бойцы.

Сумасшедший стремительно приближался, окровавленный, в разорванной и развевающейся одежде, издавая ужасающие крики, несмотря на то, что, очевидно, задыхался.

Послушницы приготовились к столкновению, но мужчина снова упал, кувыркаясь, почти достигнув их ног. Яз подумала, что он наконец-то споткнулся, но уловила сверканье стали от метательной звезды, вонзившейся в заднюю часть его колена. Сестра Шерсть уже бежала к нему, готова к броску еще одну звезду.

— Не прикасайтесь к нему! Не прикасайтесь к нему! — крикнула Яз. Выбежав вперед, она оттолкнула Хеллму в сторону и направилась к мужчине.

Незнакомец поднял голову, на его окровавленном лице появилась дикая ухмылка. Он начал быстро ползти к ним, волоча раненую ногу. Яз попятилась, увлекая за собой Венну.

— Держись от него подальше — он болен!

Мальчик — Яз могла сказать, что это мальчик, несмотря на налитые кровью безумные глаза, устремленные на нее — странно вздрогнул и перестал ползти. Его рот открылся, и, высунув черный язык, он сказал спокойным голосом, совершенно не соответствующим его внешности:

— Они поймали меня.

— Что? — Яз продолжала пятиться назад. Венна теперь не оказывала сопротивления, и другие послушницы тоже в ужасе отступали.

— Они поймали меня! — В его голосе появилась дикость. — Они поймали меня! — выкрикнул он со странным прерывистым весельем. — Они поймали меня! — Яростный крик. — Они...

Нога Сестры Шерсть врезалась ему в затылок, и он рухнул, обессиленный, на камень:

— Я поймала тебя.

Долгое мгновение все они стояли и смотрели на обмякшее тело перед ними. Яз заговорила первой:

— Позовите Сестру Сова. Здесь что-то очень не так.

СЕСТРА СОВА ПОЯВИЛАСЬ в тот момент, когда мальчик, выглядевший ровесником Куины и казавшийся ростом с Яз, начал шевелиться. Сестра Шерсть связала ноги и запястья пленника веревками, и использовала конец своего клинка, чтобы приподнять конечность там, где это было необходимо, ни в коем случае не прикасаясь к нему.

— Вы, послушницы, продолжайте свой день. — Сова махнула рукой Венне и остальным. — Но не вы две — благословенные девочки; вы нужны мне здесь.

Хеллма и Венна неохотно последовали за Галли, которой, казалось, очень хотелось уйти, а также за Колой и Ниом. Куина, потерявшая всякое желание навещать Верити, не стала возражать.

— Может быть, нам отвезти его в монастырь? — спросила Сестра Шерсть. Она рассматривала распростертую перед ней фигуру. — Он похож на проксима.

— Кого? — спросила Яз.

— Проксима, студента Академии, — объяснила сестра Сова. — Проксимы, которым удастся закончить занятия, становятся академиками, членами Академии.

— Магами, — сказала Куина.

— Магами меньшей магии, — кивнула Сова. — Они изучают навыки марджала. Но их таланты могут быть очень разнообразными и весьма впечатляющими. Вопрос в том, почему этот появился на Скале Веры и ведет себя так, словно съел мозг-сусло?

— Может быть, он действительно съел мозг-сусло, — с надеждой сказала Куина.

— У него были синие губы? — спросила Сестра Сова.

Куина пожала плечами. Яз закрыла глаза, пытаясь вспомнить. Шерсть покачала головой:

— Нет.

— Он запятнанный. — Пока Яз говорил, мальчик перевернулся, дикие глаза сверкнули на окровавленном лице. Он по-волчьему оскалился, обнажив зубы, сломанные, когда его лицо ударило о камень. — В нем сидит дьявол. Часть, которую отбросили Пропавшие.

Проксим начал испытывать свои путы, все время рыча и наблюдая за Яз, как будто он был собакой, а она — отборным куском двоякодышащей рыбы.

— Он одержим. Это точно. — Глаза сестры Совы были расфокусированными, стеклянными, когда она рассматривала нити. — Дух внутри него силен, но сломлен. Любопытная смесь гнева, злобы... даже юмора. — Она протянула иссохшую руку к мальчику, который беспомощно извивался, пытаясь добраться до нее. Костлявые пальцы хватили воздух. — Он кажется одновременно чрезвычайно новым и в то же время невероятно старым...

— Новый фрагмент чего-то древнего? — спросила Яз.

— Возможно. — Брови Совы удивленно приподнялись, и она перевела свой ведьмин взгляд на Яз, как будто увидела ее заново. — Возможно, ты права. — Ее взгляд помедлил, а затем вернулся к мальчику, который начал реветь от ярости, на губах у него выступила кровавая пена. — Там еще не так много осознания. Оно слишком новое, чтобы понять, кто или что оно такое — возможно, оно никогда не продвинется далеко по этому пути. Безусловно, на это потребуется время.

— Но он что-то сказал, — запротестовала Яз. — Должно быть, у него есть немного ума.

Сова нахмурилась, как будто ей было трудно в это поверить:

— Что он сказал?

— Они ловят меня... — сказала Яз.

— Они поймали меня, — поправила Куина. — На лед-языке.

Глаза Яз расширились. Она не обратила внимания на язык.

— Они могли бы изучать лед-язык в Академии? — спросила она.

— Звучит маловероятно. — Сова склонила голову набок, изучая проксима. — Мальчик тоже там, задвинутый на задворки собственного разума.

— Я видела это раньше, — сказала Яз. — Вы можете ему помочь?

Сова нахмурилась еще сильнее:

— Я действительно не знаю. Будет невероятно трудно распутать их обоих, нить за нитью. Это может занять месяцы. И если они снова сплетутся, пока я буду работать... Это, конечно, не то, что я пробовала раньше.

— Итак, — сказала Яз. — Мы забираем его обратно в Башню Пути и держим в потайной комнате. — Она увидела, что монахини уставились на нее. — Что?

Сова и Шерсть обменялись взглядами:

— Церковный закон гласит, что одержимые дьяволами должны быть преданы смерти с помощью...

— Утопления! — взорвалась Куина. — Мы приходим туда, где весь лед растаял, и что делает ваш народ? Использует растаявший лед, чтобы убивать! — Она толкнула Яз в плечо. — Ты это сделаешь. Как ты сделала для

Као и Зина.

— Это было опасно... — Яз вспомнила, как ударила звездой в грудь Зина, боясь, что сила удара или травма от разделения его убьют. Этого не произошло, зато звезда разбилась на мелкие кусочки.

— Это было быстро! — Куина указала на рычащего мальчика. — Чем дольше это длится, тем дальше распространится история, тем больше шансов, что настоятельнице придется бросить его туда же... куда и нас.

Яз посмотрела на Сестру Сова:

— Значит я должна выбирать. Или я применю свое *убить-или-вылечить*. Или его притащат в монастырь и убьют?

— Он казался достаточно готовым убить *тебя*, — возразила Сестра Шерсть. — Зло в нем пыталось взять над мной верх, когда я сражалась с ним. Я почувствовала, как оно пытается заползти мне в голову. — Она вздрогнула.

— Церковный закон может быть грубым инструментом, иногда и чрезмерно суровым, — сказала Сестра Сова. — Но дьявол слишком опасен, чтобы быть с ним мягким. Если мальчик умрет, дьявол умрет вместе с ним.

— Уйдет навсегда? — Яз вспомнила демонов, которых она выжгла звезда-светом в черных пещерах Запятнанных. Тогда она еще не оценила по достоинству, чем они были. Даже сейчас Теус все еще был лишь частью человека, но достаточно большой частью, и она могла видеть его человечность, хотя и окутанную гордостью, жадностью, эгоизмом, жестокостью, тщеславием и гневом. — Они оба умрут и исчезнут?

— Книги говорят, что дьяволы, пойманные в ловушку умирающим хозяином, попадают на границу между жизнью и смертью — то есть на Путь. Чтобы умереть, надо не следовать по Пути, как мы, когда берем от него силу, — надо его пересечь. Дьявол может задержаться там до тех пор, пока сохраняется его убывающая сила, но в конце концов он должен либо пересечь Путь и уйти навсегда, либо найти хозяина, которого хотят вернуть в мир живых с помощью мастерства целителей, и снова его оседлать.

— Мне понадобится звезда, один из глаз Наблюдателя.

— Будет лучше, если за ней сбегает ты. Если я вернусь в монастырь, я буду обязана по закону сообщить об этом. — Сестра Сова указала на мальчика. — Ты сможешь сама пройти через стену?

Яз уже бежала:

— Почти уверена.

— Будь очень уверенной. — Голос старухи за ее спиной стал слабее. — Ты же не хочешь оказаться в неправильном... — Расстояние проглотило ее слова.

Яз, привлекая любопытные взгляды, промчалась по открытому пространству перед зданиями монастыря. Она миновала ступени дома настоятельницы и последовала за изгибом большого Купола Предка, прежде чем пройти узкими дорожками через россыпь небольших строений. Внезапно перед ней замаячила Башня Пути, она пробежала под одной из четырех арок, пролетела через дверь в конце и попала в зал портретов. Мгновение спустя она уже была на полпути вверх по винтовой лестнице, разыскивая то место, из которого сестра Сова приводила ее в потайную комнату по меньшей мере дюжину раз. Она бы просто потянулась к звездам, чтобы найти их, но сгилы комнаты заглушали их песню и скрывали их от ее взгляда.

Расфокусировав зрение, Яз смогла изучить нити. Не только фундаментальные нити, которые описывали постоянство камня и всегда меняющиеся пути воздуха, но и те, которые рассказывали историю приходов и уходов. Нити пересекали стену взад и вперед, говоря о тысяче переходов, возможно, некоторые из них были сделаны послушницами, которые стали монахинями, дожили до глубокой старости и уже много лет лежат в могилах.

Яз прижалась лбом к камню, пытаясь почувствовать течение Пути. Оно было там. Намного более слабое, чем глубоких местах подземного города Веста, где Эррис научил ее проходить сквозь стены, но, тем не менее, было.

Она сосредоточилась на Пути и позволила ему забрать себя.

Путешествие сквозь стену обычно было коротким, но в этом случае Яз увидела комнату как светящуюся фигуру, полупрозрачную и очерченную стенами с сгиллами, расположенную на некотором расстоянии от нее среди редкого заснеженного леса. Комната мерцала перед ней, как огонек в далеком окне.

Яз помнила это место, странное пространство между *здесь* и *там*, связь между ними, которое ее разум изобразил в виде этого замерзшего леса. Она уже бывала здесь раньше. Стержень-корень привел ее сюда и ждал в своей хижине со светом в окошке. Она взглянула на белое небо, которое каким-то образом ухитрилось оставить деревья в густой тени. Она беспокоилась, что темное пятно от руки Сеуса, возможно, уже появилось над головой, но белизна, хотя и мрачная, оставалась нетронутой.

Яз побежала, и тут же небо начало темнеть, а температура — падать. Тонкие ветки, попадавшие ей на пути и промерзшие до самой сердцевины, взрывались, когда она проламывалась сквозь них. Холод обжигал легкие и кожу. Комната была не более чем в сотне ярдов, деревья впереди резко выделялись на фоне свечения сгиллов. Земля причиняла боль ногам, опавшие иголки почти не притупляли твердые, как железо, гребни. Дерево взорвалось без предупреждения, замерзший сок расширился внутри его ствола до тех пор, пока древесина больше не могла его удерживать и не сдалась растущему давлению. Осколки ледяного дерева впились ей в бок. Черная рука Сеуса

закрыла так много неба, что Яз не могла видеть ничего, кроме зарева впереди и силуэтов деревьев на его фоне.

Тридцать ярдов, двадцать. Холод проник в мышцы Яз, сковав каждую конечность. Ее легкие больше не брали то, что ей было нужно, из порочного воздуха. Она споткнулась и упала всего в нескольких ярдах от комнаты, почти достаточно близко, чтобы протянуть руку и коснуться парящих перед ней сигилов. Оба колена ударились о землю, которую не смог бы расколоть молот, и она взвыла бы от боли, если бы могла.

Теперь я знаю тебя. Теперь я вижу тебя.

Голос исходил отовсюду и пронизывал ее с ужасающей интимностью.

Я знаю тебя. Я вижу тебя.

Яз не хотела касаться земли. Кожа примерзнет к ней и оторвется. Плоть на пальцах умрет. Но она не могла ходить. Сила просто покинула ее. Вместо этого она сделала несколько шагов на четвереньках, затем упала вперед, удерживая себя на локтях и предплечьях. Вслед за окутавшей ее ночью потемнело зрение, ставя черные точки перед сигил-сиянием — черные точки, которые множились и росли и вскоре должны были встретиться, уничтожая зрение.

В промежутках между отдаленными взрывами деревьев Яз слышала, как скрипят ее суставы, а частично замороженные мышцы протестуют против того, чтобы их сгибали. Неразборчивое рычание сорвалось с ледяных губ, все, что сумело вырваться изо рта после отказа исполнять волю Сеуса. Остатки «Ты... меня... не убьешь».

Сияние пронзило ее тело и разум. Она прошла сквозь стену! Яз обнаружила, что стоит на четвереньках, а все символы сияют, как будто они только что впитали в себя какой-то огромный прилив силы. Пальцы, растопыренные перед ней на покрытом сигилами полу, не пострадали, но мышцы подвели, и она упала на пол, перекатившись на спину. Ни одна часть ее тела не была заморожена. В комнате было тепло, как и в ее теле. Но когда она с протяжным стоном выдохнула, воздух застыл.

Я не хочу тебя убивать. Голос дрожал сквозь сигилы, почти неслышимый. *Ты — мой ключ.*

Яз поднялась на ноги, дрожа от воспоминания о холоде, который заполнял ее разум. Прихрамывая, она подошла к сундуку с бочкообразной крышкой, в котором Сова хранила различные сокровища. Замок был тяжелым куском железа, но Сова всегда оставляла в нем ключ. Яз открыла сундук и взяла самую верхнюю из светящихся звезд. Та удобно легла в ее ладонь, слишком большая, чтобы обхватить ее пальцами.

Она медленно повернулась к стене, через которую только что прошла, обнаружив, что у нее нет особого желания совершать второе путешествие. Стержень-корень сказал, что Сеус стерег пути через тумз-врата. Она и представить себе не могла, что он может также контролировать пространство между двумя сторонами определенных стен в Башне Пути. Масштабы и направленность его влияния внезапно привели ее в ужас. Неужели Сеус следил за каждым ее движением, играя с ней как с фишкой в игре? Тогда эта игра находилась далеко за пределами ее понимания.

Яз собралась с духом для обратного путешествия. Время было очень важно, от нее зависела жизнь мальчика. Но отпустил ли ее Сеус или она уже сбежала от него? Будет ли он ждать второй попытки или позволит ей пройти спокойно после демонстрации своей силы?

Не то чтобы было много вариантов. Она могла ждать и надеяться, что сестра Сова ее спасет — и, тем самым, отправить монахиню в пасть опасности вместо себя. Или она могла бы отважиться на второй переход. В любой другой комнате она могла бы подумать о том, чтобы взорвать стену, образуя физический выход через нее, но сигилы были сделаны именно для того, чтобы предотвратить такие случаи.

Яз собралась с духом, нашла нити предыдущих приходов и уходов и последовала за ними обратно к стене. Она не будет подвергать Сову опасности ради себя. Она посмотрела мимо мира, мимо стены, шагнула вперед, уже дрожа...

... и мгновение спустя вывалилась на лестницу, все еще сжимая свою звезду.

— Я ЕЕ ПРИНЕСЛА. — Яз, запыхавшись, добралась до края леса столбов, ведомая яростью проксима. Он заметила Шерсть, Куину и Сову, стоявших вокруг распростертого пленника, все они казались крошечными у основания выветренной колонны.

— Хорошо! — Куина произнесла это слово в относительной тишине, когда мальчик набрал воздуха в легкие, чтобы еще раз завить. — Может быть, ты сможешь заткнуть ему рот!

— Мне нужно, чтобы он лежал на спине, — сказала им Яз.

Шерсть перевернула мальчика, используя свой меч в ножнах, и прижала его связанные руки под ним. Она закрепила его в таком положении, засунув меч за спину и пропустив над локтями, не давая ему перевернуться обратно.

— Это будет не нежно, — сказала Яз. — Это не деликатное развязывание нитей. Я просто заставляю звезду вспыхнуть, загоню демона в грудь мальчика, а затем очень сильно его ударю. Я делала это только дважды...

Сестра Сова подняла бровь:

— Это звучит опасно. Но у него не так много вариантов. Будь осторожна — демон очень силен.

— Вы встречали других?

Сова подавила дрожь:

— Я прожила долгую жизнь. Я побывала на скалах в Скифроуле, где черный лед выходит на уровень земли. Я слышала, как дьяволы шепчутся. Чувствовала их злобу. Я была за морем, в Дарне. Там есть деревья, боль-деревья, которые орошает талая вода из черного льда. Восходит луна, и текут черные потоки. В Дарне есть леса, где никто не должен ходить.

— Дарнишские шаманы вырезают себе посохи из самых темных из этих деревьев. А дарнишцы делают свои барки из древесины хвойных деревьев, которые растут на серых окраинах. За мою жизнь мы вели три войны с Дарном. Так что да, дитя, я и раньше встречала демонов и дьяволов. Этот, — она указала на сопротивляющегося проксима, — такой же сильный, как и все, с кем я сталкивалась раньше. Может быть, хуже. Будь благодарна, что он новичок в этой коже. И в этом теле.

Яз осторожно приблизилась к мальчику. Один из его глаз почернел, и, когда он посмотрел в ее сторону, сила ярости и злобы, скрывающиеся за этим взглядом, поразили ее, как удар.

— Кто ты такой? — спросила Яз.

— Кто? Хто! Хто! Хто! — Мальчик рычал и что-то бормотал. — Кето! Токе! Коте!

Яз со вздохом подняла звезду, позволив свету ее вспыхнуть. Куина и Шерсть тут же отступили назад. Сова не сдвинулась с места и встала на рукоять меча, брошенного Шерсть, чтобы не дать мальчику перекатиться.

— Кеот! Кеот! Кеот! — прорычал мальчик, дрыгая обеими ногами и пытаясь отползти от света звезды.

Яз собрала все силы. Она не испытывала никакого удовольствия от уничтожения демона. Когда-то она считала их существами чистого зла и была счастлива сжечь их чистым звезда-светом. Но теперь, когда она узнала их такими, какие они есть — сломанные части настоящих людей, отрезанные в стремлении к совершенству, — она жалела их. Да, то, что было вырезано, было худшим из того, что было в этих давно исчезнувших личностях. Но даже в этом случае она знала, что в ней самой есть гнев, эгоизм, трусость и множество других пороков. Возможно, ей самой не очень нравились эти стороны ее личности — хотя она могла стремиться их перенаправить и перестроить, — но отрезать их и оставить на произвол судьбы казалось жестоким.

— Отойдите еще дальше! — крикнула Яз Куине и Шерсть. — Демон попытается прыгнуть на вас.

Она зажгла звезду с такой силой, что у нее заболели глаза, хотя она держала звезду над головой. Три неторопливых шага привели ее к мальчику. Она чувствовала, как демон внутри него отступает к сердцевине проксима, ища ее слабость, любой изъян, который мог бы предложить путь в ее разум.

Яз взмахнула звездой и упала на одно колено рядом с мальчиком. В тот момент, когда она нанесла удар, она увидела, как изменилось его лицо, появилось осознание, словно демон ослабил хватку. Звезда обрушилась на его грудину, высвобождая свою сдерживаемую энергию в огромной вспышке, которая отбросила Яз обратно на камень.

— Яз?

Яз чувствовала, что плывет. Она не видела ничего, кроме сине-зеленого света звезды, льющегося на нее со всех сторон.

— Яз? — Снова этот раздражающий голос. Кто-то тряс ее.

Она открыла глаза и увидела холодное небо, посреди которого маячил стук черноты. Какое-то мгновение она боролась, думая, что Сеус снова нашел ее.

— Это я! Куина.

Чернота превратилась в ее подругу.

Яз потянулась к Куине и, как оказалось, села:

— Я избавилась от него? Демона? Он ушел?

Куина кивнула.

— Хорошо.

— Но... — сказала Куина хриплым от волнения голосом, — мальчик тоже ушел.

Яз оттолкнула Куину в сторону.

— Не будь душой. Он не мог уйти... — Она замолчала, увидев Сестру Сова и Сестру Шерсть, стоявших на коленях рядом с проксимом.

— Ты не виновата. — Сестра Сова позволила Шерсти помочь ей подняться, колени у нее скрипели. — Демон был слишком силен, чтобы уйти, не забрав с собой парня.

Куина помогла Яз подняться на ноги. Звезда лежала в нескольких ярдах от него, тускло светясь.

— Я его убила.

— Его убил демон. — Сестра Сова, прихрамывая, подошла к ним. — Кеот его убил, даже и не думал отпустить.

Яз скривила губы:

— И теперь демон ждет на границе смерти, ожидая возвращения в этот мир?

Монахиня кивнула.

— Он может вернуться где угодно?

— Нет, они не могут путешествовать. Во всяком случае, далеко. Он будет здесь или где-то поблизости.

— Как далеко они могут... — Яз поняла, что просто затягивает разговор, чтобы не смотреть на мальчика, которого только что убила. Горячая слеза скатилась по ее щеке.

— Возвращайся в монастырь, дорогая. — Сестра Сова положила ладонь на руку Яз, направляя ее в нужном направлении.

Яз попытался вернуться к теме:

— Что с ним будет?

— Сестра Шерсть и я позаботимся о проксиме. Мы прочитаем молитвы и положим его перед Предком. Затем сообщение будет отправлено в Академию. Куина, отведи свою подругу обратно в dormitorio.

Куина потянула ее за руку, и Яз снова позволила провести себя сквозь множество колонн. Она не видела никого из них, только образ мальчика в разорванном плаще, с окровавленным лицом, и его глаза за мгновение до того, как она нанесла удар.

— Что он имел в виду? — спросила Куина.

— Что? — Яз моргнула и посмотрела на нее.

— Что он имел в виду? Ну, демон. Он кричал: «Они поймали меня». Кто поймал? В этом нет никакого смысла. Почему *они*?

— Он был в бреду. Все это не имело смысла. — Уже произнося эти слова, Яз поняла, что, когда он сказал «Они меня поймали», это был единственный раз, когда он *не* бредил. Единственная ясная фраза, которую он сказал. — Может быть, это сказал проксим.

— Может быть там было больше одного демона? — настойчиво спросила Куина.

— Нет... — Яз была почти уверена, что почувствовала бы, если бы их было больше одного. Нет, только Кеот.

— Итак. — Куина потянула Яз в сторону, чтобы та не врезалась в колонну. — Итак, если это сказал демон... Кто *они*?

— Я не знаю. — Яз не смогла сдержать гнев в своем голосе. Мертвое лицо мальчика занимало ее мысли, и ее не интересовали глупые тайны Куины. Она высвободила свою руку из руки подруги.

Они прошли десять шагов в молчании. Потом еще десять.

— Его поймал маги. Академики. Демон сбежал от них в теле одного из их учеников! — воскликнула Куина.

— Мне все равно.

— И он прибежал сюда — из города — прямо сюда — и сказал тебе: «Они поймали меня». — Куина остановилась как вкопанная. — Сколько демонов ты знаешь? — крикнула она в спину Яз.

Яз остановился и, нахмурившись, обернулся.

— Теус, — сказала Куина. — Академики поймали Теуса. Часть его была в мальчике.

Внезапно то, что Сеус пощадил ее жизнь после всех попыток Эулара убить ее, обрело смысл. Сеус назвал ее своим ключом — как он узнал это сейчас, а не раньше?

— Они заставляют Теуса говорить! — В животе Яз образовался холодный узел. — Они раскрывают его секреты. И он знает, что сказал нам Стержень-корень. Он знает, как открыть ковчег. Он знает. И теперь Сеус думает, что я его ключ...

— У НАС ЕСТЬ традиция: каждый год мы отправляем наших лучших послушниц соревноваться в своих навыках с самыми талантливыми проксимами Академии. У нас четыре класса, так что мы посещаем их четыре раза в год. Следующим будет Святой Класс, через десять дней.

— Это слишком долго. Нам нужно вытащить оттуда Теуса немедленно, — сказала Яз.

Сестра Сова поджала губы. Она сидела на большом сундуке, где хранила сокровища, которыми делилась с послушницами в своем классе. Яз и Куина остались стоять, слишком возбужденные, чтобы сесть на один из слишком маленьких стульев для послушниц.

— Академия примыкает к императорскому дворцу и заполнена обученными марджалами самого различного уровня. Многие из тамошних мастеров смертельно опасны в искусстве стихий; другие специализируются на тень-работе или на более редких навыках. Церковь имеет очень мало власти в Академии, и, конечно же, у нашей настоятельницы ее нет вообще. Если Сеус развратил кого-то из академиков, то это самое опасное место, куда бы вы могли пойти.

— Но мы с Куиной благословлены, — сказала Яз. — Не станут же академики нападать на нас, если мы нанесем законный визит?

— Почему мы вообще должны идти? — спросила Куина. — Теус никогда не делал для нас ничего такого, что не делал бы для себя. И, судя по тому, что ты говоришь, он уже рассказал Сеусу главный секрет Стержень-корня. Сеус теперь знает, как открыть ковчег, и знает, что ты — его лучший шанс для этого.

Яз испытывала искушение согласиться. Возможно, Теус и академики заслуживали друг друга. Ей не нравилась идея, что железный пес Зокс, носитель сущности Теуса, должен быть вознагражден за свою верную службу тем, что его оставят на растерзание магам. Хотя теперь, когда она подумала об этом, была ли какая-либо служба пса действительно верной? Первоначально, когда он развернулся из своего куба по настоянию Весты, городской разум все еще сохранял некоторую озабоченность благополучием Эрриса. Но позже его действия были продиктованы Теусом.

— Ну? — подсказала Куина.

— Теус знает больше, чем один этот секрет. Он делится с Сеусом и другими умами городов знаниями, относящимися к тому времени, когда Пропавшие еще не ушли. Его народ сотворил звезды из... из того, из чего он их сотворил. Он понимает, что такое врата. Он знает вещи, о которых мы даже не подозреваем. Он ценен для нас. Как далеко я продвинулась, собирая глаза Наблюдателя воедино? Дни идут за днями, а мне так и не удалось соединить два в один, не говоря уже о шести из них одновременно. Теус обладает знаниями, которых нет в книгах Сестры Сова. Он старше, чем все библиотеки империи. Если мы позволим академикам сломить его, мы никогда не узнаем, что потеряли и спасет ли это нас.

Куина посмотрела на свои ноги:

— Мне он не нравится.

— Тебе не обязательно идти.

— Конечно, я иду, идиотка.

Яз ухмыльнулась, затем посмотрела на Сестру Сова, которая все еще сидела на крышке сундука, болтая ногами, как будто ей было десять, а не десять раз по десять:

— Мы должны идти прямо сейчас. Мы не можем дожидаться, когда Святой Класс отправится соревноваться.

— Как они пригласят вас войти? — спросила монахиня. — Если вы войдете без приглашения, они могут сделать с вами все, что им заблагорассудится, и назвать это правосудием. Мы понятия не имеем, сколько из них находятся в рабстве у Сеуса. Шпион здесь и шпион там? Или сам Атоан и все преподаватели? Кажется невероятным, что их может быть так много... Но, правда, мы уже несколько лет подозреваем Академию в стремлении оказать нездоровое влияние на императора и его брата.

Яз подумала о юном проксиме, бегущем к ней по камню. Сначала она подумала, что это монахиня. На расстоянии она приняла его мантию за рясу. Вблизи тоже не было большой разницы:

— Как Академия находит своих проксимов?

Сестра Сова позволила себе слегка улыбнуться:

— Детей приводят в большой зал для тестирования. Некоторых приводят родители, некоторые попадают другими способами. А некоторые приходят сами.

Яз посмотрела на свою рясу:

— Мне кажется, что я была послушницей достаточно долго. Я хочу поступить в Академию. Тебе тоже следует это сделать, Куина.

— Мы обе не марджалы. Меня проверяли в Черной Скале.

— Не нужно быть марджалом, чтобы пройти тестирование — нужно быть марджалом, чтобы быть принятым.

— И ты думаешь, что увидишь Теуса там, где они проверяют свежую кровь? — спросила Куина. — А потом с боем выберешься оттуда?

— Я думаю, что это хорошее начало. И, как только мы переступим порог, может случиться все, что угодно. На самом деле, я намерена сделать так, чтобы случилось.

Сестра Сова осторожно слезла со своего насеста и несколько неуклюже направилась к лестнице:

— Я буду сопровождать вас. Как послушницы, вы должны находиться под присмотром. И если вас не примут в Академию и вы не откажетесь от монастыря, вы останетесь послушницами. Кроме того, у меня есть несколько старых друзей в рядах магов. Самое время встретиться с некоторыми из них — до того, как Предок сочтет нужным меня забрать.

ЯЗ И КУИНА ждали снаружи Башни Пути, пока сестра Сова собирала из своей потайной комнаты вещи которые, по ее мнению, могли ей понадобиться. Яз предупредила старую монахиню, рассказав ей о встрече с Сеусом между одной и другой сторонами каменной кладки. Сова удивленно расширила глаза и сдвинула брови.

— Я противостояла ему на протяжении десятилетий, хотя только с твоим приходом я узнала его истинную природу. Если бы он мог протянуть руку и взять меня, то, я уверена, он бы уже это сделал. Боюсь, я ошиблась, послав тебя за звездой одну. Твой путь через стену, возможно, был менее безопасным, чем тот, по которому я обычно хожу. — И с этими словами она исчезла среди камней.

— Что ее задерживает? — снова пробормотала Яз. — Я должна вернуться наверх.

— И снова заблудиться в стенах? — Куина взглядела в далекие колонны, отделявшие монастырь от остальной части плато. — Кстати, о Сеусе: мы должны поговорить о Сеусе.

— Должны? — Яз хмуро посмотрела на подругу.

— Ты когда-нибудь задумывалась о том, что он предлагает всем этим людям, которые на него работают? Я имею в виду, они же не идиоты, верно? Эулар и священницы. Эти маги?

— Эулару он предложил теплую гору, труды кланов и Сломанных. И пообещал зеленые земли. Эулар собирался захватить этот город с армией таких людей, как мы с тобой. Тех, кого он держал в своей власти в Черной Скале, было больше, чем Красных, Серых и Мистических Сестер в этом монастыре, и, вероятно, магов в Академии.

Куина огляделась вокруг:

— Это место не сможет существовать вечно. Сова говорит, что лед смывается с обеих сторон. Коридор с каждым годом становится все уже. Госпожа Академия научила нас этому. Через два столетия ты, вероятно, сможешь крикнуть с северного льда и тебя услышат на южном. И только в том случае, если луна не упадет с неба. Говорят, что она медленно падает, и, если она действительно упадет, лед сомкнется над этой скалой еще при нашей жизни.

Яз нахмурилась еще сильнее:

— Что ты пытаешься сказать? Мы должны присоединиться к Сеусу? Он хочет заставить луну упасть! И он пытался убить нас с тех пор, как мы попали в Яму.

— И вместо этого мы рискуем всем, чтобы спасти Теуса, Пятно, который уже выдал наш самый большой секрет и который мучил и убивал Сломанных на протяжении поколений. Я не говорю, что один из них лучше другого. Я просто спрашиваю себя, так ли это очевидно, как мы говорим.

— Я пытаюсь помочь большому количеству людей, а не только нам, — сказала Яз. — Вот в чем разница. Вот почему я собираюсь спасти Теуса и почему я не на стороне Сеуса.

— И где это заканчивается? Твоими друзьями? Твоим кланом? Племенами севера? Этой нацией? Всем Коридором? Ты не можешь спасти весь этот мир...

— Да, — тихо сказала Яз. — Но, может быть, лучше попытаться и потерпеть неудачу, чем преуспеть в спасении только себя.

Куина просто посмотрела вдаль, ничего не отвечая. Яз задумчиво посмотрела на свои руки. Она предположила, что у Куины было гораздо больше времени, чтобы обдумать их варианты. У нее были все те недели, пока Яз лежала парализованная во времени. У Куины всегда был острый ум, она стремилась изучить все возможности.

Куина нарушила молчание:

— Я хочу понять, почему они выбрали Сеуса. Ты-то как думаешь?

— Потому что хотят власти. Потому что боятся оказаться на проигравшей стороне. Потому что, если луна все равно упадет, предпочли бы быть теми, кто ее обрушит, и иметь обещание жизни по ту сторону от нее. Хорошей жизни, — сказала Яз.

— И почему это так плохо? — спросила Куина. — Я изучала их историю, этих зеленоземельцев. Они проводят все свое время, пытаясь убить друг друга. Непрерывная война на обеих границах. Каждый народ — это клан, огромный клан, и когда лед забирает их земли с севера и юга, они пытаются заменить их, расширяя свои границы на восток и запад. Эти монахины — убийцы. Красные Сестры убили тысячи на поле боя, Серые — столько же в тылу. Ты можешь сражаться с холодом и голодом на льду или со всеми здесь и умереть в тепле. Я просто хочу

понять, почему мы не должны быть на стороне победителей? Мы остановили Эулара, собиравшегося принести войну в зеленые земли, но мы не знали, что война уже здесь: война — образ жизни этих людей. По сравнению с ними Аксит — миротворцы.

Яз фыркнула. Все это было правдой. Все, кроме того, что они должны рассматривать Сеуса как возможного союзника.

— Я вижу, что ты делаешь, Куина. Ты хочешь, чтобы я дала тебе простой ответ. И ты, и я знаем, что мы поступаем правильно. Но трудно убедить себя встать на трудный путь, когда есть более легкие пути. — Она развела руками. — Я не могу этого сделать. Тебе придется прислушаться к этому раздражающему внутреннему голосу — тому, который заставляет тебя поступать правильно, а не неправильно.

Куина сжала губы и неохотно улыбнулась.

— Полагаю, да. — Она замолчала, потом открыла рот, чтобы сказать что-то еще, но дверь позади них со скрипом открылась, и появилась Сестра Сова, закутанная — для защиты от стихий, — и с сумкой, которую она сунула Яз, чтобы та несла.

— Вперед! — Монахиня прошаркала между ними. — Нельзя стоять и сплетничать весь день.

ПОМИМО КУР И свиней, которых Яз еще не видела, монастырь владел тремя мулами, которые, как обнаружила Яз, ходили на маленьких лошадях. Двое из них были молодыми, крепкими животными, которых использовали, чтобы тащить по Виноградной Лестнице тележку, нагруженную бочками красного вина — полными вниз и пустыми на обратном пути.

Третьим мулом было пожилое существо с белой клочковатой бородой и одним молочным глазом, странно напомнившее Яз правую руку Поума, геранта Бексена. Похоже, у нее был такой же нрав, как и у геранта, потому что она пыталась укунить Яз всякий раз, когда та поворачивалась к ней спиной. Но с Сестрой Сова, которая ехала на ее спине, мулица — известная как Старая Леди и, по-видимому, просто как Леди в молодости — всегда вела себя хорошо.

Сестра Сова ехала верхом на мулице, а Куина и Яз шли позади. Старая монахиня взяла черную рясу Святой Сестры, чтобы надеть ее поверх синей рясы Мистической Сестры, в качестве дополнительной защиты от непогоды для своих старых костей. Она повела их вниз с плато по дороге, которая спускалась с высоты гораздо более полого, чем Дорога Безмятежности. Куина объяснила, что упорядоченные зеленые ряды, протянувшиеся с этой стороны Скалы Веры и защищенные двумя ее выступами, были растением, называемым виноградной лозой; на этом растении росли плоды, из которых сложным способом изготавливалось вино.

— Разве они не могут просто съесть эти ягоды? — озадаченно спросила Яз.

— Ты можешь. Я пробовала одну... восхитительно. — Куина причмокнула губами. — Но то, что они делают... эта *кулинария*... предполагается, что она делает ягоды еще лучше.

Яз понюхала воздух, стараясь сквозь едкое зловоние мулицы уловить другие перепутавшиеся запахи. Ей не терпелось добраться до подножия плато и впервые с момента своего прибытия по-настоящему оказаться в зеленом мире.

Ветер, который в монастыре был сильным — для Коридора, — остался таким же внизу. Однако, судя по куче плащей и мехов, собранных Сестрой Сова, зеленоземельцы считали его холодным.

Листва растений — Яз не хватало словарного запаса, чтобы назвать их, — бурлила и хлопала на ветру, словно любой более сильный порыв мог начать рвать ее на части.

— Это происходит, когда дует лед-ветер, — объяснила Куина, как будто она регулярно бродила по полям. — Листья сворачиваются. Все прячется само по себе. А когда встает солнце и воздух затихает, все снова развертывается. Ты еще не видела, когда они расцветают.

Яз сдержалась и не спросила, когда Куина видела это без нее. Расцветают или нет, это место завораживало и ее разум, и взор. Ее взгляд никак не мог остановиться на чем-то одном. Сложность и разнообразие угрожали ошеломить ее. Короткий зеленый, длинный зеленый, колышущийся зеленый... Постепенно знания Мали начали просачиваться на передний план ее сознания, и Яз начала отличать поле от живой изгороди, дерево от травы. Она дотронулась до живой изгороди и провела пальцами по плотно сложенной листве, позволяя веткам царапать ее, а только что образовавшемуся инею таять на ее коже.

Они шли по дороге к Верити, и в Яз и Куине росло изумление, которое Турин, должно быть, уже испытал. Изумление, вызванное странностью, количеством, разнообразием. Перед огромными воротами в город собралась толпа, все рвались вперед, чтобы пройти. Казалось, их не меньше, чем всех лед-кланов, собравшиеся вместе у Ямы Пропавших, и все же, по-видимому, это была крошечная часть тех, кто находился внутри.

Яз облегченно вздохнула, когда они вырвались из давки и прошли за стены города. Внутри по-прежнему было тесно, но, по крайней мере, было где перевести дух. Вокруг них стояли здания, многие из которых были величественнее и выше всего, что мог предложить монастырь, кроме купола. Они заполнили главные улицы, становясь все больше и величественнее по мере того, как Сестра Сова неуклонно вела послушниц все ближе к

императорскому дворцу.

Яз уже могла видеть проблески дома императора над крышами, но он больше походил на здание, предназначенное для защиты от моря врагов, чем на дворец: каменная крепость, которая, возможно, была построена в те дни, о которых рассказывала Госпожа Академия, когда империя была собранием воюющих государств, а Верити — городом, построенным на руинах старых империй, сгрудившимся вокруг самой старой руины из всех, ковчега.

Старая монахиня ехала впереди них, и это действительно давало желанный эффект: толпа немедленно расступалась. Жители Верити, казалось, проявляли большое уважение к монахиням и даже послушницам, что могло быть признаком благочестия или просто здравого смысла, поскольку, по-видимому, ни для кого не было секретом, какое обучение получали послушницы Сладкого Милосердия. Яз также подозревала, что сестра Сова дергала за несколько ниточек, пока ехала, убеждая тех, кто шел впереди, что они хотят свернуть влево или вправо, чтобы ее пропустить.

— Здесь так много людей! — в четвертый раз воскликнула Куина.

— Ты должна увидеть Верити в день, когда не воет лед-ветер, — сказала Сестра Сова. — Сегодня большинство людей забились в свои дома, будь то седьмой день или нет.

Куина и Яз обменялись взглядами, но ни одна из них не упомянула, что ветры не завывают и что более глубокие лужи просто покрылись коркой льда, даже не замерзнув на всю толщину.

Городские ворота оставались все дальше и дальше позади, людская давка продолжала ослабевать, и Яз обнаружила, что может идти прямым путем даже без Сестры Сова, прокладывающей путь. Улицы были широкими и мощеными, с великолепными заведениями по обе стороны, возвышающимися на три и четыре этажа — рестораны внизу, гостевые комнаты наверху. Словарь Мали проник в сознание Яз, подсказывая названия предлагаемых услуг: кузнецы, колесники, кожевники, седельщики, мастера по изготовлению гвоздей. Но чаще всего встречались гостиницы, теснившиеся вдоль боковых улиц и битком набитые людьми, если судить по проблескам сквозь ставни и поспешно распахнутые двери, которые впускали новых клиентов и мгновенно закрывались от ветра. Позже появились заведения, предназначенные для украшения богатых: лавки портных и ювелиров, серебряных и золотых дел мастеров.

Даже закутанные в свои пальто и плащи, жители Верити казались Яз буйством красок. В монастыре было больше красок, чем она видела за всю свою жизнь, но преобладающие там оттенки зеленого, черного и серого казались тусклыми по сравнению с цветами жителей Верити.

Она заметила, что за защищающими от ветра фасадами некоторых заведений горожане откидывали капюшоны, открывая удивительное разнообразие украшений, которые несли на своих волосах. Яз всегда считала, что основная функция волос — держать голову теплой. Икта знали, что волосы лучше всего справляются со своей работой, когда их предоставляют самим себе. На своем единственном Собрании она видела, что племя Аксит заплетает волосы в косы, но только для празднования. А те, кто потерял детей, обрезали свои косы, оставляя скальпы обнаженными. Но здесь, в Верити, казалось, что стрижка и придание формы волосам было национальным развлечением, судя по всем этим локонам, лентам, косам, волнам и кудряшкам. Яз попыталась представить, что у нее есть время и желание подстричь или заплести свою собственную черную гриву. Впервые она спросила себя, считает ли Эррис ее дикаркой. Его народ, должно быть, был настолько же выше граждан Верити в этих вопросах, насколько зеленоемельцы были выше лед-племен. Что бы подумал Эррис, если бы у нее были волосы, как у жительницы города? Что бы подумал Турин? Квелл посмеялся бы над ней — она была уверена — или, по крайней мере, захотел бы посмеяться.

Копыта мулицы Сестры Сова цокали впереди них, и в конце концов они миновали район самых величественных домов и подошли к императорскому дворцу — или, точнее, крепости.

— Это Академия. — Монахиня указала на скопление зданий, сгрудившихся вокруг северной стены, в настоящее время находящихся в ее тени.

— Там есть звезда. Очень могущественная. — Яз могла чувствовать ее, слышать отзвуки ее песни, гораздо более глубокой, чем у глаз Наблюдателя.

Сестра Сова позволила себе слегка улыбнуться и покачала головой.

— От тебя ничего не скроешь, послушница. В Академии есть единственное неповрежденное корабль-сердце, о котором я знаю. — Она помолчала. — Ну, время-звезда, которую твои друзья обнаружили в подземном городе, тоже является корабль-сердцем, неповрежденным корабль-сердцем, но, в некотором смысле, она безусловно повреждена. Корабль-сердце — величайшее сокровище Академии, желанная добыча ее магистра, мага Атоана.

Они двигались в молчании, сопровождаемые цоканьем копыт по булыжной мостовой. Единственной границей вокруг этого места, казалось, было открытое пространство между зданиями Академии и ближайшим из величественных домов. Охранников тоже не было видно. Яз спросила себя, полагаются ли маги вместо этого на магическую защиту.

Они подошли к длинному низкому строению со множеством окон, окутанному неприятным, сложным запахом. Вдоль конька крыши тянулся целый легион дымоходов.

— Пахнет как в классе Тени, — пробормотала Куина. — Только хуже.

— Здесь практикуют многие формы алхимии. — Голос Сестры Сова прозвучал так, как будто она это не одобряла. Она повела их к центральному двору, подальше от вонии лаборатории алхимиков.

Во многих отношениях Академия была очень похожа на монастырь: множество зданий, о назначении некоторых из которых Яз могла догадаться, а других — нет. Большинство выходило на большой мощный двор, который тянулся к внешней стене дворца, где стояло здание, похожее на Зал Меча, только больше. Оно было построено так, что, казалось, росло из дворцовой стены, а не просто располагалось рядом с ней.

— Это Зал Проксимов, — сказала Сестра Сова. Она указала на меньший зал на дальней стороне двора. — Кандидаты проходят проверку вон там.

Когда они достигли середины двора, не замеченные ни охранниками, ни чиновниками, из соседнего здания вышла группа примерно из двадцати мальчиков и девочек, все они были в тех же одеждах, что и погибший проксим. Они несли фугляры со свитками и быстро шли к другому зданию; некоторые бросили взгляды на Яз и Куину.

Из украшенного колоннами входа в другое здание вышел мужчина, похожий на воина и одетый в рубашку из тонких металлических звеньев; через плечо он нес копье. На нем была мантия ярко-зеленого цвета с тонкими золотыми полосками, идущими от плеча к подолу, в одной руке он держал большой круглый щит, на котором было изображено черное дерево на фоне красного восходящего солнца. Он величественно кивнул Сестре Сова и прошествовал мимо.

— Один из гвардейцев императора, — сказала Сестра Сова. — Они патрулируют местность вокруг дворца и обеспечивают безопасность в Академии. Так что любое насилие в этом месте быстро настроит против тебя самого императора.

Слабый пульс пробежал по Яз от подошв ее ног до макушки головы, или так показалось, но ни Сова, ни Куина не отреагировали. Мулица даже ухом не повела.

— Я чувствую звезду пустоты.

Сестра Сова бросила на нее непонимающий взгляд.

— Звезда пустоты, сердце города. Это то, в чем живет городской разум.

Сестра Сова моргнула:

— Как далеко она находится под нами?

— Не знаю, — сказала Яз. — Но, если она расположена так же, как в Весте... тогда мили.

— Мили. — Сестра Сова нахмурилась, словно пытаясь осмыслить эту идею.

— Я не могла чувствовать звезду пустоты Весты с верхних уровней. Но, может быть, я...

— ...становлюсь все более могущественной. — Сестра Сова закончила мысль за нее.

Сестра Сова спешила с помощью Куины и огляделась. Она фыркнула и, кивнув самой себе, направилась к самому самому большому залу, примыкающему к императорским стенам. Мулицу она вела за собой.

— Мне казалось, что они проверяют кандидатов там? — Яз указала на зал поменьше, на другой стороне двора.

— Я старая и забывчивая женщина, — сказала Сова. — И то, что мы хотим, вероятно, находится в этом направлении.

ОНИ ПРИБЛИЗИЛИСЬ К высоким дверям Зала Академии, оказавшись под пристальным вниманием двенадцати дворцовых стражников, стоявших на ступеньках.

— Они не собираются просто позволить нам уйти отсюда с Теусом, — прошипела Куина.

Яз молча согласилась. Особенно, если им понадобится забрать Зокса. Железный пес привлечет внимание на улицах. Пещеры Сломанных и залы жрецов в Черной Скале казались переполненными по сравнению с пустотой льда. Монастырь казался переполненным по сравнению с пещерами и залами. Но в Верити теснота достигла совершенно новых высот. От мысли пройти незамеченным или иметь возможность спрятаться пришлось отказаться. Теперь Яз поняла, почему на уроках Тени искусству скрытности и маскировки обучали так серьезно. В зеленых землях такие вещи были жизненно важны в подобных ситуациях.

— Я ожидаю... — Но Яз не нужно было изобретать какое-нибудь ободрение, в которое она на самом деле не верила. К ним шагнул гвардеец.

— Сестра. Могу ли я вам чем-нибудь помочь?

Сестра Сова кивнула и пристально посмотрела на него.

— Конечно, молодой человек, можете. — Она передала ему поводья и оставила его держать мулицу, когда проковыляла мимо. — Яз, Куина, я была бы признательна за небольшую помощь на ступеньках.

Яз знала, что это была собственная разновидность обмана Сова — как раз то, что изучали на Тени. Сова поднималась по сорока пяти ступенькам в свой класс несколько раз в день. Но поскольку она старалась казаться более беспомощной, чем была на самом деле, любые ее манипуляции с нитями становились более эффективными.

Вторая охранница, крепкая женщина с седыми прядями в черных волосах, просто взглянула на них, а затем отвела взгляд, как будто ничего не видела.

Яз и Куина помогли Сове добраться до огромных дверей и до двери поменьше, расположенной в левой створке. Железный глазок открылся прежде, чем кто-либо даже подумал постучать, и на них посмотрел один темный глаз — второй был спрятан за бархатной повязкой. На лице Совы промелькнуло узнавание, возможно, намек на отвращение.

— Да?

— Мы пришли, чтобы поговорить кое с кем о кое-чем. — Пальцы сестры Совы подергивались, как всегда, когда она манипулировала нитями, дергая то тут, то там. Яз могла видеть кое-что из того, что делала монахиня, но тонкость и быстрота этого были выше ее понимания.

— Это значительно менее конкретно, чем можно было бы ожидать, сестра. — Голос мужчины оставался совершенно ровным, но Яз не могла отделаться от мысли, что он издевается над старухой.

— Ты носишь ум-сигил, не так ли, Балло? — Сова опустила руки.

— Да.

— Я привела этих послушниц, чтобы они прошли тестирование для Академии. Они заинтересованы в смене направления. Я бы хотела, чтобы Маг Атоан лично побеседовал с ними.

Человек за дверью обдумал эту новую информацию:

— Зал проверок находится через двор, сестра. А магистр в настоящее время занят другими делами. Я могу передать ваш запрос, и, я уверен, ответ придет в монастырь в надлежащее время. Вы из Сладкого Милосердия?

Сестра Сова сжала губы в тонкую линию, овладевая собой.

— Я — Госпожа Путь из монастыря Сладкого Милосердия, и я ожидаю любезного быстрого ответа от Атоана.

Балло приподнял свою повязку, чтобы показать глаз, который резко контрастировал с темным глазом, через который он ранее рассматривал их. Несоответствие навело Яз на мысль о Матери Крей из Черной Скалы, но в этом случае второй глаз не был похож ни на один другой, который Яз видела — он имел золотистый оттенок и еще, странно, светился сам по себе, как драгоценный камень.

— Хммм. — Балло быстро оглядел монахиню, затем Яз и Куину. — Я уверен, что магистру будет интересно познакомиться с вами. — Он снова опустил повязку. — Но факт остается фактом: он занят другими делами. Я с готовностью передам вашу просьбу. Доброго вам дня, Госпожа Путь. — С этими словами он ловко задвинул железную крышку обратно в смотровую щель.

Сестра Сова оскалила зубы и хмыкнула.

— Многие из высших членов орденов носят сцигалы, подобные тем, что находятся на стене потайной комнаты, а некоторые предлагают физическую защиту. Сигил-мантия, хотя и баснословно дорогая, может отражать все, кроме самых мощных взрывов энергии Пути. Наш друг по ту сторону двери носит ум-сигил, который защищает от манипуляций квантала или эмпатии марджала. Другими словами, вы должны изменить их мнение старомодным способом. — Она посмотрела на зал, в который их направили. — Было бы неразумно проходить через этот дверной проем без приглашения. Так что, похоже, мы должны представить вас тест-столам в Зале Проксимов.

Яз продолжала смотреть на дверь перед ними. Она шагнула вперед и положила на нее правую руку:

— Я знаю, чем занимается этот Атоан. Он мучает Теуса. Разрывает Зокса на части.

— Может быть, может быть. — Сестра Сова повернулась. — Но этот город, эта империя связана законами. Сила монастыря, Церкви и всех институтов дана нам в этих границах, и если мы перестанем уважать их, то нанесем себе такой же ущерб, какой могли бы нанести любому предполагаемому врагу. Я не вижу другой возможности.

Яз ничего не сказала, только закрыла глаза и придвинулась еще ближе к двери. Так близко, что ее лоб мягко стукнулся о дерево. Она могла слышать эти две песни. Песня корабль-сердца, слабая на этом расстоянии — самая слабая из двух, но самая близкая. И песня звезды пустоты, на много миль ниже, но, тем не менее, просачивающаяся наверх, такая медленная и глубокая, что она улавливала только отрывки, когда та отдавалась эхом в самых длинных костях ее тела. Обе песни говорили ей, что их поют варианты одного и того же, чего-то, ничем не отличающегося от мельчайшей крупинки ее звездной пыли, просто в совершенно других масштабах.

Она сосредоточилась на корабль-сердце. Мысленным взором она увидела, как оно пылает — сквозь дверь, сквозь стены, колонны и проходы зала за ней. Она увидела очертания сцигалов вокруг звезды, крошечные на расстоянии. Множество сцигалов — не так тесно расположенных, как на стене потайной комнаты Башни Пути, но все же в изобилии, их распределение выдавало форму комнаты.

Хотя внутренняя структура здания мало препятствовал свету звезды достичь сознания, свет взаимодействовал с камнем достаточно, чтобы у нее сложилось смутное впечатление об этом месте. Зал не представлял собой одно большое открытое пространство, а был разделен на этажи, комнаты и коридоры. Звезда лежала ближе к середине на цокольном этаже.

— Яз? — Куина повторила ее имя.

— А? — Яз не открыла глаза.

— Слава богам — я думала, что время-звезда снова поймала тебя, и ты будешь стоять на этих ступеньках целую неделю! Что ты задумала?

Яз слегка покачала головой.

— Что ты делаешь? — настойчиво спросила Куина.

— Привлекаю их внимание, — пробормотала Яз. Она обратилась к корабль-сердцу, и оно откликнулось, изменив тон своей песни и качество своего света. — Здесь...

Корабль-сердце оказало некоторое сопротивление, и сгилы, казалось, встали у нее на пути, как слои сетки, блокирующие протянутую невидимую руку. Яз стиснула зубы, ее невидимая рука продолжала пытаться схватить звезду, отказываясь уступать ее или принимать что-либо, кроме повиновения. Работать со звездами на расстоянии было все равно, что пытаться вырезать кеттан на расстоянии вытянутой руки. Она могла выполнять только самые простые задачи, а самой легкой из них для Яз всегда было движение. Она потянула корабль-сердце к себе. Мысленным взором она видела призраки стен и дверей, наслаивающиеся друг на друга. Она усилила концентрацию, пытаясь направить звезду.

— Яз? — На этот раз Сестра Сова. — Что ты делаешь?

— Дайте... — рот Яз скривился в сосредоточенном оскале. — ...мне... минутку.

Она потянула сильнее, повернула, изогнула. Звезда вылетела из украшенной сгиллами комнаты. Сразу же она почувствовала корабль-сердце сильнее, его песня зазвучала громче, как будто сгиллы заглушали ее.

— Что это за шум? — Пока Куина говорила, Яз уловила первый приглушенный крик тревоги из-за двери, на которую опиралась лбом.

— Еще... одно... мгновение. — Она услышала грохот. Еще больше криков изнутри. А затем крик Куины и удивленное ворчание Сестры Сова. Мулица хрипло взревела и убежала, стуча копытами.

— Вот так. — Яз откинула голову назад, когда что-то ударило о дальнюю сторону двери с глухим стуком, от которого задребезжала железная крышка глазка.

Она обернулась и увидела, что быстрая Куина уже в десяти ярдах от двери, а Сестра Сова отступила на четверть этого расстояния к подножию ступенек.

— Что ты сделала? — Монахиня выглядела страдающей, словно стояла слишком близко к огню.

— Привела корабль-сердце к себе. — Яз чувствовала, как сила звезды обжигает ее кожу. Это была самая сильная боль от звезды с тех пор, как она впервые встретила Эрриса рядом со звездой пустоты в Весте. Но насколько она была близка к той гигантской звезде, она никогда не знала по-настоящему. Песня этой звезды отдавалась в ней, жужжа в промежутках между мыслями, эхо припевов звучало в глубине сознания. Путь сиял перед ней, заставляя прикоснуться к нему, погрузить руки в реку его силы. Она снова потянула за корабль-сердце, и двери закрипели, изгибаясь наружу на какую-то крошечную долю. За дверями она слышала звуки отдаленной суеты.

— И что теперь? — спросила Сова.

— Теперь, мне кажется, Атоан захочет с нами поговорить.

КАКОЙ-ТО БЕСПОРЯДОК СЛЕВА от дверей отвлек внимание Яз от корабль-сердца, хотя то было отделено с нее всего тремя дюймами древесины.

Это был не столько шум, сколько ощущение. Благодаря тому, что ее чувства были широко открыты из-за близости корабль-сердца, она могла видеть, что вокруг одного конкретного места на стене нити кипели в воздухе, как пар над булькающим котлом.

На ее глазах из середины одного из огромных блоков песчаника появилась каменная рука. Конечность двигалась, как живая, а камень изгибался вокруг нее, как слой грязи. Мгновение спустя протиснулось плечо, от протянутой руки отхлынул камень, обнажив пальцы из плоти и крови.

Постепенно, словно высвобождаясь из густого и липкого пудинга, появился человек. Последние остатки его каменной облицовки втекли обратно в стену, и поверхность выровнялась так, что не осталось никаких следов его прохождения. Он стоял там, высокий мужчина средних лет, седые бакенбарды по обе стороны головы и густые черные волосы, тоже с проседью, аккуратно подстриженные. Его мантия было мечтой радуги, радостным буйством красок, разительно отличаясь от кислого выражения его лица, в котором смешивались удивление, гнев и некоторая доля опасения. Он прищурил темные глаза на Яз, определяя ее как вероятную причину хаоса.

— Объясните. — Магистр Атоан не повысил голоса, но сдержанность, необходимая для того, чтобы не делать этого, дрогнула в этом единственном слове. Он взглянул на Куину, отпустил ее и перевел взгляд на Сестру Сова.

— Я не уверена, что смогу. — В голосе старухи тоже слышались признаки напряжения, хотя и по другой причине. — Похоже, ваше корабль-сердце сдвинулось с места.

Атоан махнул рукой в сторону дверей, и после различных скрежещущих и глухих звуков они начали открываться. Яз отступила назад, чтобы избежать удара.

Корабль-сердце висело в воздухе на уровне груди и было невероятно большим. Если бы Яз попыталась обхватить его обеими руками, кончики пальцев не дотянулись бы друг до друга на пару дюймов. Оно сияло золотым светом, почти белым, таким же, как звезда Надежды, находившаяся в багровых небесах. Как и все звезды, сердце казалось скорее плоской дырой в другое место, а не сферой. Яз представила, что могла бы просунуть сквозь него руку и, возможно, оказаться погруженной до плеча в Путь.

Свет был таким ярким, зрелище таким завораживающим, что долгое мгновение Яз даже не замечала ни железной клетки вокруг звезды, ни длинных цепей, тянувшихся от клетки в огромное фойе за ней.

Атоан прищурился от яркого света.

— Как она это делает? — спросил он Сестру Сова.

— Что именно? — Монахиня, казалось, испытывала благоговейный трепет перед корабль-сердцем, несмотря на то, что за плечами у нее было много лет.

— Все это...

— Ну, вот почему я подумала, что вам будет интересно ее оценить, — сказала Сестра Сова. Она повысила голос: — Яз, ты не могла бы что-нибудь сделать с яркостью?

Яз протянула руку к звезде и повернула ладонь. Обычно ей не требовалось махать рукой, чтобы отдать команду звезде, но эта, похоже, рассматривала команды как просьбы и требовала, чтобы они были подчеркнуты.

Пламя корабль-сердца превратилось в сияние, от которого больше не было больно глазам. Теперь звезда казалась идеально белой сферой, по которой медленно пробегали и исчезали золотые прожилки.

Откуда-то из глубины вестибюля Яз уловила испуганный вздох и шипение:

— Это делает она?

Аура звезды тоже поблекла, хотя и оставалась мощной, позволяя некоторым магам, которых Яз теперь могла видеть в фойе, продвинуться вперед.

Магистр двинулся к Сестре Сова, но остановился в нескольких ярдах от нее.

— Верните корабль-сердце в мое хранилище! — крикнул он, приказывая не Яз, а академикам.

Несколько магов взяли за дальние концы цепей. Яз узнала в маге в фиолетовой мантии ту самую Йелну, которая присутствовала на втором испытании, представляя Академию вместе с двумя другими. Именно она услужливо предложила дать Яз гротон, чтобы ее невыполнимая задача стала еще более невыполнимой.

Держа за четыре цепи, восемь магов начали буксировать звезду обратно в Академию, и Яз сразу поняла две истины. Во-первых, никто из них не мог управлять звездами так, как она, а во-вторых, никто из них не мог подойти к корабль-сердцу ближе, чем на пять ярдов. Магистр прошел сквозь собственную стену не для того, чтобы произвести на них впечатление своей доблестью, а потому, что двери были заблокированы корабль-сердцем.

КОГДА ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА отступила по длинному коридору, ведущему в сердце зала, магистр Атоан поднялся по ступенькам, чтобы присоединиться к Сестре Сова, не сводя глаз с Яз.

— Вам не нужно было так громко стучать, чтобы войти, сестра. Но вы правы. Я очень заинтересован в

знакомстве с этой послушницей. — Он взглянул на Куину. — Этими послушницами. — И снова он перевел взгляд на Яз. — Позвольте мне пригласить вас на ланч. Его должны подать совсем скоро.

К явному удивлению сестры Сова, они обнаружили, что сам магистр ведет их в Зал Академии по длинному коридору, вдоль которого стояли двери. На полу лежали предметы, похоже оброненные во время бегства от наступающего корабль-сердца: тарелка с маленькими пирожными, шарф, любопытный треугольник из зеленого камня. Атоан перешагивал через них без комментариев. Дальше дверь свисала с петель, деревянные щепки вокруг замка были разбросаны по кафельному полу. Должно быть, именно здесь звезда выбралась наружу. В соседней комнате в стене была пробита дыра. Помещение было усеяно осколками штукатурки и обломками дерева. Яз могла чувствовать гаснущее корабль-сердце в пространстве за стеной, снова окруженное аурой сигиллов. Она сопротивлялась тому, чтобы извиниться за ущерб и помехи. Насколько она знала, Атоан мог быть на службе у Сеуса, а у нее было слишком мало уроков Тени, чтобы быть в состоянии убедительно сказать этому мужчине «извините».

Зал Академии оказался больше, чем представляла себе Яз, а это, в свою очередь, означало, что императорский дворец, который заставлял его выглядеть маленьким, должен был быть еще более обширным, чем казался на первый взгляд. Коридор продолжался и, наконец, привел к большому залу, проходящему через все четыре яруса Зала и заканчивавшегося многооконным куполом главной крыши. Галереи окружали периметр зала на каждом уровне, и горстка нервных академиков или сотрудников Академии стояла, наблюдая с высоты, словно опасаясь, что корабль-сердце может снова прийти в движение.

Атоан пересек комнату и отпер одну из дверей, выходящих на нее. Он поманил их к себе.

— Мой кабинет. — Он отошел в сторону, пока Сова и две послушниц проходили, затем помахал кому-то, кого они не могли видеть. — Еду на четверых. Быстро, быстро!

Они вошли в роскошный кабинет магистра. Пол покрывал толстый ковер с замысловатым рисунком. Стол, за которым сидел Атоан, был отполирован до блеска, столешница темно-красного цвета была украшена всевозможными геометрическими узорами и вставками из других пород дерева.

В камине горел огонь, отчего в комнате было почти невыносимо жарко, а все пространство стены занимали огромные полки, на которых плечом к плечу стояли еще более величественные книги, перемежаемые странными диковинками.

— Садитесь, садитесь! — Атоан указал на обитые тканью стулья перед камином, и когда он это сделал, три стула повернулись лицом к столу. — Ну, меня вы знаете, и я, конечно, узнал уважаемую Сестру Сова. С кем еще я имею честь встретиться?

Сестра Сова указала на каждую из них по очереди:

— Послушница Куина. Послушница Яз.

— Вы обладаете удивительной силой контроля над моим корабль-сердцем. — Атоан сразу перешел к делу. — Мне, конечно, интересно поговорить с вами о том, как вы научились такое делать. Но я полагаю, вы уже знали, что мне будет интересно. Это был умный способ привлечь мое внимание. Но почему вы хотели привлечь мое внимание? — Он откинулся на спинку стула, его яркая мантия взметнулась вокруг него.

Под пристальным взглядом магистра Яз поняла, что у нее не хватит духу лгать или играть роль, хотя эти вещи были инструментами для выживания здесь, в зеленом мире, точно так же, как выживание на льду может зависеть от тщательного сшивания шкуры или наилучшего способа идти навстречу встречному ветру. Вместо того, чтобы плохо лгать и прослыть дурой, она решила говорить так же прямо, как и маг, и полагаться на свои силы.

— Вы держите в плену нашего спутника.

Сестра Сова бросила на Яз взгляд широко раскрытых глаз.

— Держим в плену? — Атоан склонил голову набок, выражение его лица было озадаченным. Он сложил пальцы домиком перед губами. — Это кажется маловероятным. Мы не держим здесь людей против их воли. На самом деле, как вы уже испытали, войти к нам труднее, чем выйти. Как зовут вашего спутника? Как выглядит этот человек? Сколько ему лет? Возможно, я его видел.

Яз почувствовала, что сбита с толку этим неожиданным ответом. Неужели Атоан сейчас использует ложь против нее, несмотря на то, что она выбрала честность?

— Его зовут Теус. — Она наблюдала за лицом мага в поисках каких-либо признаков узнавания.

— У нас есть Тебус, но она девочка и работает с нами уже два года...

Яз взглянула на сестру Сову, которая одарила ее нейтральным взглядом, как бы говоря: *Ты вырыла яму — сама из нее выбирайся.*

— Вы бы узнали Теуса, если бы видели его. — Яз решила безжалостно придерживаться правды. — Он... ну, он...

— Железный пес, — вставила Куина с сильным акцентом на своем зеленом языке. — С половиной бога в нем. — Она кивнула, увлекаясь своей темой. — Плохой половиной.

— Замечательно! — Атоан приподнял обе брови, хотя Яз не могла решить, было ли его удивление искренним, или, возможно, он теперь узнал в них представителей лед-племен и относился к их заявлениям с мягким скептицизмом, который дедушки приберегают для рассказов малышей. — Хорошо. Я не знаю ни о каких железных собаках в Академии, но я, конечно, могу послать слово и выяснить, есть ли у кого-нибудь из наших выпускников такой, спрятанный в их лаборатории. — Он взглянул на Сестру Сова, словно хотел произнести «железный пес?», но передумал.

Стук в дверь нарушил неловкую тишину, и, прежде чем Атоан успел ответить, дверь открылась. Вошла Йелна, маг в фиолетовых одеждах, за ней следовала женщина в белой тунике, держащая поднос с четырьмя тарелками, а затем мужчина в черной тунике, в котором Яз сразу узнал привратника Балло, благодаря фиолетовой бархатной повязке на левом глазу.

— Я слышала, что эти девушки хотят поступить в Академию, — сказала Йелна, улыбаясь, как будто ожидала, что Яз не вспомнит ее по испытанию.

— Похоже, они так и сделали, моя дорогая. — Атоан сделал жест, и стол отодвинулся от стены, чтобы занять место перед Сестрой Сова и послушницами. Женщина с тарелками начала раскладывать еду.

— Балло говорит, что они хотят пройти тестирование на проксима. Это то, что они сказали ему раньше...

На самом деле это сказала Сестра Сова, но Яз держала рот на замке.

— Что ж. — Атоан кивнул официантке, когда она поставила перед ним еду. — Это хорошая новость. Было бы очень полезно иметь здесь кого-то с талантами Яз. — Он посмотрел на дымящуюся тарелку перед собой, затем многозначительно посмотрел на мага в фиолетовом. Официантка и Балло поняли намек и вышли из комнаты, но Йелна не сдвинулась с места. Атоан вздохнул:

— Это моя жена, Йелна. Не хочешь ли присоединиться к нам, дорогая?

Йелна криво улыбнулась и прошла дальше в комнату. Волшебная мебель Атоан сдвинулась, выдвинулся стул и она села рядом с Сестрой Сова.

— Как он это делает? — пробормотала Куина на лед-языке.

Йелна, у которой явно был острый слух, повернулась к Куине.

— Интересуетесь стульями? — Не дожидаясь подтверждения, она продолжила. — Мой муж — камень-работник, редчайший из навыков марджала. Возможно, этот талант скрыт и в одной из вас.

— Но они сделаны из дерева... — сказала Яз, взглянув вниз в поисках подтверждения.

— Скреплены железными гвоздями. Опытный камень-работник может манипулировать металлами, хотя и не так сильно. — Йелна встала и перевернула свой стул, не обращая внимания на его значительный вес. — И это сделано специально для того, чтобы Атоан мог похвастаться. — Она постучала по металлической пластине, прикрепленной к нижней части сиденья.

— Да, спасибо, дорогая. — Атоан выглядел немного озадаченным тем, что его секреты были раскрыты.

Яз кивнула, думая, что это довольно умно. Она предположила, что могла бы добиться чего-то подобного с подходящим расположением маленьких звезд. Хотя звезды было труднее достать, чем железо.

Атоан подождал, пока Йелна сядет, а затем жестом указал на стол:

— Ешьте. Пожалуйста. Я тоже собираюсь поесть. Я умираю с голоду. Проталкивание сквозь стены всегда оставляет меня голодным.

Яз поняла, что еда — что-то вроде рагу в фарфоровой миске — пахла восхитительно. В течение нескольких минут она ела размеренно, хотя и не с той сосредоточенной самоотдачей, которую продемонстрировала за столами монастырской трапезной, когда впервые попробовала изобилие зеленых земель. Она слушала Атоана, который давал неофициальный, но практичный отчет об истории и исследованиях Академии. Она подумала, что было бы удобно иметь возможность проходить сквозь стену так, как он им показал. Сеус может преследовать скрытые тропы, по которым могли пройти кванталы, но, конечно, даже он не может помешать проходу камень-работника.

Когда Атоан описывал процесс посвящения и где будут размещены новые проксимы возраста Яз, его прервала Сестра Сова.

— Даже если кто-либо из послушниц решит, что они хотят покинуть монастырь, им все равно нужно будет сопровождать меня обратно в Милое Милосердие этим вечером, чтобы официально оформить процесс с Настоятельницей Коготь. Сроки их возвращения в Академию будут предметом будущих дискуссий. — Сестра Сова упомянула об этом Яз и Куине ранее, как потому, что это было правдой — хотя и более гибкой, чем она предполагала, — но и потому, что тогда им не пришлось бы оставаться под одной крышей с агентами Сеуса.

Атоан нахмурился:

— Очень важно, чтобы я получил представление о ваших методах перемещения сердца корабля, прежде чем вы уйдете. И, я уверен, вы хотели бы получить шанс проявить свои таланты всерьез. Насколько я знаю, Сестра Сова, в монастыре Сладкое Милосердие нет корабль-сердца...

— Да, — неохотно согласилась Сова.

— И ни одной звезды любого размера? — настойчиво спросил Атоан.

— Я уверена, что мы сможем наложить на них руки, если возникнет такая необходимость. — Монахиня отодвинула миску и скрестила руки на груди.

— Владеть корабль-сердцем и наложить на него руку — это две большие разницы. — Атоан улыбнулся.

Йелна, которая ничего не ела, поднялась со своего места:

— Я уверена, что Яз захочет остаться с нами. Жизнь здесь намного удобнее, чем на этой продуваемой сквозняками скале. И разве Церковь уже не пыталась ее убить, причем дважды?

Яз прищурилась, глядя на женщину, которая предложила отравить ее во время второй попытки:

— Мы с Куиной родом со льда. Сквозняки нас не беспокоят. И если мы были готовы подчиняться законам Сладкого Милосердия до такой степени, что позволили бросить себя в яму, чтобы утонуть... тогда мы, конечно, последуем указаниям настоятельницы относительно того, как мы уйдем, *если* мы уйдем.

Атоан, казалось, встревоженный этим «если», примирительно протянул руку и бросил на жену суровый взгляд:

— Я организую экскурсию сразу после тестирования. И не нужно беспокоиться о вопросах времени. Это Академия — мы творим здесь чудеса!

— Вы можете остановить солнце, пересекающее небо? — Сестра Сова с сомнением приподняла бровь.

— Вообще-то... — Атоан встал из-за своего стола. — Мы действительно можем. Пойдемте со мной. Вам это понравится!

СИНЕВА ЗВЕЗДЫ ЗАВОРАЖИВАЛА Мали даже сейчас, когда она ломала голову над ситуацией. Звезда такого огромного размера, оставленная без присмотра в заброшенном участке канализационного туннеля? Цвет отличался от цвета всех виденных ею звезд — она и раньше видела синие, но эта... что-то в синеве наводило на мысль, что звезда несется к ней с невероятной скоростью, все время оставаясь неподвижной. И песня, казалось, эхом отдавалась в ней. Яз говорила о пении звезд, но до сих пор Мали никогда по-настоящему не слышала их музыку. В рассеянности она чуть не наступила на труп крысы, но в последний момент сумела поставить ногу слегка в сторону. Она отругала себя и попыталась войти в транс ясности, продолжая. Госпоже Тень было бы стыдно за нее, идущую вслепую в то, что было так похоже на ловушку.

Синий свет проник в ее разум и лишил ясности. Тем не менее, вопросы упрямо оставались: почему замедлились Турин и Эррис, шедшие перед ней? И почему туннель впереди начал заполняться неподвижными фигурами? Сначала она не видела ни одну, но с каждым пройденным ярдом все больше их отделялось от света, всегда отворачиваясь от нее и указывая на звезду, ни один из них еще не был в пределах досягаемости.

Мали обернулась и посмотрела назад. Что-то пронеслось по туннелю обратно по тому пути, которым они пришли. Крыса? Но, конечно, ни одна крыса не могла двигаться даже с четвертью такой скорости. Еще что-то промелькнуло дальше назад, еще быстрее, просто вспышки движения.

Сбитая с толку, она позвала остальных и, не получив ответа, уже собиралась пойти за ними, когда ее глаза наткнулись на труп крысы, мимо которого она проходила. Кто-то разрывал его на части, несколько маленьких существ, и все они двигались слишком быстро, чтобы их можно было разглядеть как следует. С криком она бросилась к трупу, и пока она это делала, маленькие существа замедлились до такой степени, что она смогла их разглядеть. Просто крысы, пожирающие своего сородича, разбегаются перед ней. К тому времени, как она добралась до разбросанных останков, все крысы исчезли — последняя убежала быстро, но не быстрее, чем ожидала Мали.

— Что происходит? — Она снова посмотрела на свет, прищурившись. Ни Турин, ни Эррис не обернулись, хотя оба, казалось, были почти там же, где она их оставила, как будто застыли на полушаге. Она заметила, как что-то медленно двигалось по краю туннеля, направляясь в направлении звезды. Одна из убегающих крыс. Но вместо того, чтобы поразить девушку своей скоростью, она, казалось, замедлялась, пока Мали смотрела на нее.

Нуждаясь в еще одном трупе для экспериментов, Мали достала одну из метательных звезд, которые ей выдали, когда она покинула монастырь. Она никогда не была одним из самых метких метателей, и вероятность того, что она попадет в крысу, обычно была довольно низкой... но в такую медленную? Она бросила.

Смертоносный диск с жужжанием вылетел из ее руки, но затем ошеломил ее, быстро потеряв скорость, как будто воздух был густым, как мед. Она смотрела, как он несется за крысой. Вскоре стало очевидно, что он упадет в нескольких ярдах от своей цели. Каким-то образом она недооценила задействованные скорости. Она ошеломленно наблюдала, как звезда ползла вперед, не падая на землю, ее вращение превращалось из серебристого пятна в нечто видимое. Она спросила себя, видит ли хунска мир таким. Наконец звезда ударилась об пол там, где только что была крыса, издав необычно низкий звук.

— Это вопрос времени, — пробормотала Мали себе под нос.

Осознание этого расширило ее глаза:

— Это действительно вопрос времени!

Она поняла это, и знание одновременно ужаснуло и удивило ее. С каждым ярдом приближения к синей звезде время резко замедлялось. Поэтому, когда она смотрела, от звезды, она видела туннельных крыс как размытые пятна, потому что по сравнению с ними ее время ползло незаметно.

Сколько времени прошло для внешнего мира? Часы? Дни? Если она побежит назад, то может обнаружить, что прошла неделя. Если бы она побежит глубже, чтобы рассказать остальным и освободить их от очарования звезды, возможно, пройдут месяцы, прежде чем они сбегут. Или годы, или целые жизни! У нее не было возможности судить.

Ей нужно было остановить это сейчас. Прямо сейчас. Или Яз и Куина могут стать старухами еще до того, как она увидит их снова. Или давно умереть. Тем более в их ситуации, где долголетие вряд ли было возможным вариантом.

Мали подумала о Пути. Она прикасалась к нему недавно, но в близости такой большой звезды он снова открылся для нее. Она могла бы пройти по Пути, собрать энергию для себя и запустить ее в звезду, пытаясь уничтожить ее или, по крайней мере, помешать ей делать то, что она делает. Но сколько людей находится в этой ловушке? Что-то в резком замедлении их времени мешало свету показать тех, кто был ближе всего к звезде. Но они

продолжали появляться по мере того, как она приближалась, и, значит, туннель впереди забит старейшими жертвами звезды, которые думали, что прошло гораздо меньше часа, а некоторые из них были там с тех пор, как звезда впервые остановилась в этом месте. Если она взорвет звезду, сила взрыва уничтожит неисчислимое количество невинных людей.

Итак, о насильственном решении не могло быть и речи. Вместо этого Мали посмотрела на нить-пейзаж. Свет звезды показал ей его с непревзойденной ясностью. Нити никогда раньше не были такими точными и понятными, хотя их сложность по-прежнему оставалась ошеломляющей. Мали искала собственную связь со звездой. Все, что она делала, должно отражаться на нить-пейзаже. Или, скорее, реальность была всего лишь интерпретацией нить-пейзажа ее глазами. Каждое взаимодействие начиналось здесь, в фундаментальной истине Пути.

Мали нашла нити, которые связывали ее со звездой. Используя пальцы отсутствующей руки, она высвободила каждую из них и собрала в пучок, который сжала в своей руке из плоти и крови.

Сестра Сова, без сомнения, знала бы, что делать. Полноценная Мистическая Сестра должна быть обучена тонкому искусству нить-плетения. Но Мали была всего лишь послушницей, она не прошла и половины своего обучения. И вообще, кто в Церкви знал о звездах? Мали стиснула зубы и собралась с силами. «Отпусти меня!» — закричала она и в то же время яростно дернула, чтобы освободить нити, которые связывали ее со звездой.

МАЛИ ОКАЗАЛАСЬ ПОД красными лучами солнца в редкий, почти безветренный день. Перед ней возвышался Купол Предка, огромное сооружение, рядом с которым она казалась карликом, свет окрасил его известняковые блоки. Песня Святых Сестер слабо доносилась из множества узких окон, пронизывающих стены купола полосой чуть выше уровня головы.

— Слава Предку! — Мали вздохнула с облегчением и повернулась, ища Эрриса и Турина. Вместо этого она обнаружила молодую послушницу, значительно ниже ее ростом, которая пробегала мимо, вероятно, опаздывая на урок Духа.

— Благословение, сестра! — Девушка обогнула ее.

Мали усмехнулась. Ее никогда раньше не принимали за монахиню. Улыбка растаяла, когда она поняла, что не узнала послушницу. Она знала в лицо каждую девушку в монастыре. Она могла назвать большинство из них, не задумываясь.

— Госпожа Путь. — Вот кто ей был нужен. Сестра Сова поймет, что произошло, как Мали перевезли из города в монастырь и где остальные.

Мали поворачивалась, пока не увидела Башню Пути. По крайней мере, Башня была там, где она ее оставила. Она направилась к шпилью, чувствуя боль в каждой конечности, как будто она не только дернула за связанные в пучок нити, но и за каждую мышцу.

Пока она шла, казалось, что, каким-то невероятным образом, она одновременно идет по Пути. Чушь, конечно. Галлюцинация. Какой-то отголосок магии время-звезды. Она шагала по Скале Веры, и все же, каким-то образом, шла по Пути. Не так, как она делала в тех редких случаях, когда пробиралась по нему несколько шагов, набираясь силы и надеясь, что, когда упадет обратно в мир, сможет владеть ею. Это было по-другому. Она уверенно шагала по Пути, полная такой огромной силы, что не могла ее постичь, силы, которая наполняла ее, переполняла и струилась вокруг, как будто Путь был рекой, а она — рыбой, плывущей по ней.

Мали выбросила из головы странную галлюцинацию и сосредоточилась на мире камня, ветра и плоти.

Из прачечной вышли две монахини. Еще одна исчезла в скриптории, но никто из них не посмотрел в ее сторону. Мали обнаружила, что ее зрение слишком затуманено, чтобы разглядеть на таком расстоянии, кто это.

Башня терпеливо ждала, пока она ковыляла к ней, поражаясь собственной усталости. Она толкнула одну из четырех дверей и вошла в портретную комнату в основании. Старшая послушница изучала одну из картин. Она повернулась, когда вошла Мали.

— Сестра Сковородка. Благословение Предка.

Мали не узнала послушницу, и, подойдя к ней, поняла, что молодая женщина — не девочка! — явно не выше ее.

— Сковородка? — Ее поразило, что эта послушница, которую она даже не знала, угадала имя, которое она планировала принять, когда станет монахиней. Она даже Сестре Сова еще не сказала. Не было хорошего момента. Девушка, должно быть, слышала рассказы о том, как Мали защищалась сковородкой вместе с лед-людьми на льду...

Страхнув с себя беспокойство, Мали сосредоточилась на своей миссии.

— Я ищу Госпожу Путь. — Ее голос прозвучал пронзительным карканьем, словно она злоупотребляла им.

Глаза послушницы расширились, затем она сосредоточенно свела брови:

— Это одна из тех интеллектуальных игр, в которые вы заставляете нас играть, не так ли? Должна ли я тоже искать себя?

— Что ты... — Мали раздраженно оборвала вопрос. Она прищурила глаза на послушницу и произнесла тоном, который позволял ей продолжать участвовать во всей этой путанице: — Где Сестра Сова?

— Я ее знаю! — Послушница ухмыльнулась и указала за спину Мали.

Мали обернулась и увидела то, что и ожидала увидеть. Пустая комната.

— У меня нет на это времени. Ты дашь мне прямой ответ, или, клянусь, настоятельница...

Послушница пробежала мимо нее, явно нервничая.

— Она здесь! Здесь! — И приложила руку к портрету на стене, рядом с дверью, через которую вошла Мали.

Мали последовала за ней.

— Это она! — Мали сморгнула внезапные слезы. Большие глаза Сестры Сова смотрели на нее с мягко улыбающегося лица. Молодого лица. В пространстве над головой два бестелесных глаза смотрели на мир серым всеобъемлющим взглядом. И граничащая со всем этим тьма, наполненная крыльями и перьями. — Но они не рисуют тебя, пока ты не умрешь... — Она приложила руку к картине. — О... Кровь предков... *Ястарая*. — Она поднесла руку ближе к лицу. Это были кости, покрытые морщинами. Даже смуглая кожа казалась покрытой пыльно-серым налетом. — Я старая.

— Вы... вы в порядке, Госпожа Путь? — неуверенно спросила девушка. — Мне позвать Сестру Розу?

Мали вытерла слезы. Она не была уверена, были ли они для Сестры Сова или для нее самой.

— Госпожа Путь? — повторила девушка обеспокоенным голосом. — Может быть, вам нужно присесть? Я сбегаю за стулом. — И она исчезла, грохоча вверх по лестнице со скоростью, на которую Мали не могла и надеяться.

Глядя на портрет Сестры Сова, Мали внезапно наполнилась страхом и почувствовала себя более одинокой, чем когда-либо в своей жизни:

— Помоги мне, сестра. Я заблудилась и не знаю, что делать.

Как только она это сказала, дверь рядом открылась, и на пороге в обрамлении света появилась послушница.

— Яз! О, Яз! Слава всем богам! — Мали произнесла свое богохульство на северном лед-языке, потянувшись к своей подруге. Девушка быстро отступила назад, ее лицо застыло, как от удара.

— Госпожа Путь? — Она пристально взгляделась в глаза Мали. — Откуда вы знаете этот язык? Откуда вы знаете это имя?

— Это я, Яз. Мали. — Мали снова потянулась к ней. Это была Яз. Глаза Мали, может, и были старыми, но не настолько плохими. У девушки была такая же широкоплечая фигура, та же медная кожа, те же широкие скулы. Лед-девушка. Икта.

— Меня зовут Зоул, — ответила девушка на зеленом языке. Момент сомнения, пробивший брешь в ее броне, прошел. Теперь к ней вернулось самообладание, она снова надела маску, и не казалась ни удивленной, ни испуганной.

— Я... — Мали запнулась и опустила руку. Девушка была точной копией Яз, но она не была Яз. Ее глаза были черными, такими черными, что с трудом можно было отличить радужку от зрачка. Как она не заметила этого с самого начала? *Это не Яз*. Мали могла видеть, что эта девушка гораздо более сдержанная, чем Яз и настолько безэмоциональная, что, если бросить беглый взгляд на нить-пейзаж, можно подумать, что ее там вообще нет.

Другая девушка вернулась со стулом в руках. Она поставила его и попыталась усадить в него Мали:

— Сестра Сквородка, пожалуйста. Помоги мне, Зоул. Ей следует сесть.

Зоул не пошевелилась:

— Сестра Сквородка — воин, Сулери. Она садится, когда и где захочет.

Вера Зоул укрепила дух Мали. Девушка, может и не Яз, но их объединяло нечто большее, чем внешность. Это сделала время-звезда. Каким-то образом Мали перебросило на десятилетия, в свое собственное будущее. Казалось, прошло лет сто, судя по тому, насколько хрупкой она была. — Пойдем со мной... Зоул. Ты, Сул...

— Сулери, сестра. — Девушка выглядела обиженной. Возможно, Мали была ее учительницей в течение многих лет.

— Да, дорогая. Я стара, и иногда мой разум ускользает. А теперь беги.

Послушница взглянула на Зоул, словно ища подтверждения, и поспешила к ближайшему выходу.

Мали повернулась и направилась к ступенькам. Она нашла их трудными, но Зоул не предложила никакой помощи, и Мали обнаружила, что, если она будет двигаться гораздо медленнее, чем ей хотелось бы, сможет сносно подняться. Во мраке спиральных ступеней Мали было трудно отгородиться от отраженного мира, в котором она шла по Пути; тот вспыхивал, раскаленный добела, в каждом месте, куда она ступала.

На трети пути вверх Мали остановилась передохнуть. Она снова изучала Зоул в полутьме:

— Ты невозмутимая, послушница.

— Да.

— Икта? — спросила Мали на лед-языке крайнего севера.

В ответ Зоул посмотрела на нее, глаза девушки были похожи на черные камни:

— Я не говорю о льде.

Мали поджала губы и кивнула.

— Тогда не Кас-Кантор. По моему ограниченному опыту, их трудно заставить замолчать. — Она продолжила подъем.

Сестра Сова показала Мали путь в первую из трех, по слухам, скрытых комнат в башне. Комнаты, в которые можно было попасть, только пройдя сквозь стену. Теперь, вместо сплошных стен, Мали видела только открытые арочные проходы, ведущие в каждую из украшенных сигилами комнат. Она выбрала третью, самое дальнее место в башне, место, где никогда раньше не была.

— Следуй за мной, Зоул. Ближе. — И она шагнула внутрь.

Сигилы, покрывавшие стены третьей комнаты, были более сложными, чем в двух других, а на полу стоял сундук с бочкообразной крышкой. Она вспомнила, что он принадлежал Сестре Сова и догадалась, что унаследовала его от нее. Мали обернулась и обнаружила, что Зоул стоит позади нее, скрестив руки на груди. В сиянии сигилов глаза послушницы вспыхнули неожиданными эмоциями.

— Ты знаешь обо мне, Зоул?

Послушница кивнула.

— Я имею в виду: ты *действительно* знаешь обо мне?

Зоул снова кивнула, сжав губы в бескровную линию.

— Откуда?

Зоул покачала головой. Жесткий, быстрый отрицательный ответ.

Это пришло к Мали в момент прозрения, в момент странного синего света и воспоминания об улыбке на картине Сестры Сова. Та самая улыбка, которую Сова дарила ей по крайней мере раз в день в течение многих лет. В основном, когда думала, что Мали не смотрит.

— Яз. Это была Яз, не так ли? — Она помолчала. — Мне было предсказано.

И — что было более удивительно, чем любой ответ, положительный или отрицательный, — Зоул, которая даже при этом кратком знакомстве производила впечатление высеченной изо льда, разрыдалась.

— СЛЕДУЙТЕ ЗА МНОЙ. — Атоан вывел Сестру Сова и двух ее подопечных из своего кабинета.

— Я встречу вас наверху. — Жена Атоана поспешила прочь в вихре фиолетовых одежд.

Яз забеспокоилась, что женщина, возможно, собирается предупредить того, кто посадил Теуса в тюрьму, но что она могла сделать? Повалить жену магистра на землю и выбить из нее признание? Она смотрела, как Йелна скрылась из виду за углом, и надеялась, что если женщина собиралась переместить Теуса, то могла в спешке совершить ошибку. В конце концов, Теусу удалось донести весть до самого монастыря, в то время как у магов было достаточно времени, чтобы разобраться с ним.

Атоан подвел их к винтовой лестнице:

— Это приведет нас на верхний этаж Зала Академии. Оттуда открывается прекрасный вид.

Сестра Сова с трудом поднялась по лестнице на скрипящих коленях, бормоча, что и на цокольном этаже есть много интересного.

— Действительно, есть! — Атоан улыбнулся, блеснули белые зубы. — Но ни один из этих интересных предметов не подходит так однозначно для наших нужд или для рассматриваемой темы.

Коридор привел к тому, что, как предположила Яз, было передним правым углом зала. Видимо, здесь мало кто бывал, царила пыльная атмосфера заброшенности. Атоан немного повозился с тяжелой дверью в конце коридора. Она поддалась со стоном и визгом петель и открылась в необычную комнату. Большую и квадратную, насколько могла видеть Яз, но почти заполненную другой, круглой и почти такой же большой, в которую вели несколько дверей.

— Мы не часто используем эту область, но в случае необходимости она может быть чрезвычайно полезной. — Атоан открыл ближайшую дверь во внутреннюю комнату и провел своих гостей в клинообразное помещение, которое сужалось до точки — должно быть, центра круглой внутренней комнаты. Свет проникал внутрь через узкое окно в наклонном потолке, единственное стекло защищало комнату от непогоды. Стекло было больше любого другого, которых Яз когда-либо видела, и, без сомнения, изготовлено с помощью магов. В отличие от остальной части Зала Академии, эта комната была пустой, в ней стояли только богато украшенный стул с высокой спинкой и простой табурет.

— Интересная архитектура, — пробормотала сестра Сова.

— Функциональная, — отозвался Атоан. Он указал на стену слева от них, и там появилось каменное острие длиной в фут, отбрасывающий под себя тень. Атоан повернул руку, и под острием появились дуга из числовых рун. — Солнечные часы, — объяснил он. — Помогают следить за временем. Видите, как тень касается руны один? Через три часа она коснется руны четыре, и у вас будет достаточно времени, чтобы вернуться к Скале Веры до наступления темноты.

Яз обменялась быстрым взглядом с Куиной. Достаточно было увидеть солнце, чтобы определить время суток. Эта идея с тенями и числами была умной, но бессмысленной. Но она ничего не сказала и просто кивнула.

Атоан поманил их к остроконечному концу комнаты.

— Здесь есть звезда... — Яз могла слышать ее песню — своеобразное сочетание, мощное, но приглушенное.

Несмотря на то, что она не могла видеть звезду, Яз знала, что та находится сразу за заостренным концом комнаты и что ее свет был красным, не похожим ни на один, который она видела раньше. — Она движется... — Она собиралась сказать, что звезда убегает от нее. Она чувствовала, что убегает. Но в то же время звезда все еще была там, где и раньше. От этого противоречия у нее закружилась голова.

— Итак. — Атоан указал на стул. — Я предлагаю начать с Куины. Мне нужно будет задать ей ряд вопросов, направленных на раскрытие любого потенциала марджал, который у нее может быть. — Он снова заглянул в комнату за дверью. — Где эта жена... — Но запыхавшаяся Йелна открыла дверь прежде, чем он успел закончить. Вихрь ветра сопровождал ее сквозь дверной проем, поднимая пыль. — Это может занять несколько часов, — извинился Атоан. — Йелна, не могла бы ты тем временем сводить Яз и Сестру Сова посмотреть библиотеку стихий?

— Конечно. — Йелна заговорщически улыбнулась и подошла к ним.

Яз подумала, что Сестра Сова будет возражать, скажет, что она слишком стара, чтобы ходить по всему Залу Академии, но упоминание о книгах, казалось, взбодрило ее.

Яз последовала за монахиней и присоединилась к Йелне за пределами клиновидной комнаты, все еще размышляя о скрытой звезде. Сестра Сова не упоминала об этом. Йелна закрыла за ними дверь и указала на коридор:

— Сюда, пожалуйста.

Они успели сделать шесть шагов по комнате, прежде чем дверь позади них открылась.

— Яз, не могла бы ты пройти проверку сейчас, пожалуйста. — Атоан стоял в дверном проходе.

Яз моргнула:

— Я думала, что это будет длинная серия вопросов...

— Нескончаемая! — Куина протиснулась мимо Атоана, прикрывая зевок.

— Но ты только что...

— Я знаю! Тень не двигалась. Солнце просто застыло на месте. — Куина снова зевнула. — Библиотека была хорошей?

— Чем дальше мы заходим в комнату, тем быстрее бежит время, — объяснил Атоан. — Я смогу протестировать Яз и потратить столько времени, сколько потребуется для нашей дискуссии о звездах, и мы все равно закончим, прежде чем вы сможете сделать больше, чем несколько шагов.

— Но это же... — Сестра Сова удивленно заморгала.

— Очень полезно, — сказал Атоан. — Да, это так! Я же говорил вам, что могу остановить солнце.

Яз подошла к магу, стоявшему в дверях:

— В дальнем конце комнаты есть время-звезда. Красная, которая заставляет время ускоряться по мере приближения к ней.

— Замечательно! Похоже, ты уже много об этом знаешь. — Атоан поманил ее вперед. — Мы должны войти вместе, иначе одному из нас будет очень скучно ждать другого.

ОНИ ШАГ В шаг подошли к двум стульям, Атоан нацелился на большой, оставив Яз табурет. Она почувствовала, как красный свет время-звезды покалывает ее кожу, несмотря на то, что между ними была каменная стена.

— Если бы твоя подруга наблюдала за нами из дверного проема, она бы увидела, как, подходя к этим стульям, мы ускоряемся, а затем мгновенно занимаем места, в то время как час для нас — удар сердца для нее.

Яз села на табурет. Меньше года назад она и не подозревала, что существуют такие вещи, как стулья, поэтому для нее едва ли имело значение, на каком из них она сидит. Табурет был бы бесценным предметом среди северных племен. Единственная деревянная бусина была драгоценностью Кас-Кантор. Что теперь думают о ней икта? Она бы хотела, чтобы Квелл увидел зеленые земли. Она скучала по нему.

— Я собираюсь задать ряд вопросов. Правильных ответов не существует, поэтому просто отвечай первой же мыслью, — начал Атоан. — Когда огонь больше всего похож на воду?

Яз подумала, что об этом должен знать Турин, но, сама не имея ни малейшего представления, просто сказала:

— Когда течет.

Атоан продолжил, и список его вопросов быстро начал казаться бесконечным. Яз отвечала на каждый по очереди, почти не задумываясь. Ее ответы становились все более небрежными и, примерно через двадцать вопросов, просто слетали с кончика ее языка. Казалось, что каким-то образом вопросы мага вырастали из ее ответов, одновременно направляя и преследуя ее по лабиринту, который она не могла видеть. Даже интонация и ритм вопросов, казалось, служили определенной цели, медленно создавая некое состояние транса, не отличающееся от тех, которым Сестра Сова обучала послушниц на уроках Пути.

Большинство вопросов касались стихий; некоторые вторгались в пределы света и тьмы, другие — друзей, лояльности, эмоций и тому подобного.

Голос Яз стал усталым, и она спросила себя, что бы подумал маг, если бы она сказала ему, что в Черной Скале его бесконечные вопросы были заменены четырьмя звездами, каждая из которых по очереди приближалась к испытуемому. Тем не менее, она предположила, что, хотя его метод был более длительным, он стоил затраченного времени, и тоже полагался на магию Пропавших или на магию того поколения четырех племен, которое первым посадило свои корабли на Абете. Не магию, поправила она себя, «технологию». Эррис назвал бы это технологией. Не более магической, чем металлические игрушки, которые лязгали, приводимые в движение спиральной пружиной. Но и то, и другое было для нее магией.

— Яз?

Яз поняла, что Атоан перестала задавать вопросы и что у нее очень пересохло в горле.

— Все кончено? — Она чувствовала себя по-другому, но не была вполне уверена, в чем именно.

Магистр кивнул.

— И?

— И у твоей подруги живое воображение. Она все, что мы ищем в проксиме — за исключением того, что в ее жилах нет ни капли крови марджал. В то время как ты, Яз, представляешь собой головоломку. Ты необычна, раньше я ничего похожего не видел, но не думаю, что ты марджал. Ты, скорее всего, квантал, и монахини все об этом знают. Но я думаю, что ты тоже нечто другое. Что-то новое, и я не знаю, что.

У Яз была идея, что именно. Маг почувствовал, что у нее общая кровь с Пропадшими. Каким-то образом

паутина вопросов Атоана помогала ему увидеть, как люди взаимодействуют с миром. Яз подумал, что такое же — или даже более глубокое — понимание можно было бы получить при тщательном изучении нить-пейзажа, но, возможно, его методы были лучше для быстрого результата.

— Значит, вы не хотите, чтобы я была в Академии? — Яз никогда всерьез не собиралась присоединиться к магам, но идея действительно заинтриговала ее — оказаться в центре города, в месте исследований и открытий, все это действительно привлекало. В монастыре было чему поучиться, но в то же время они, казалось, больше интересовались тем, что уже знали, чем открытием новых истин.

— Мне показалась, что ты пришла, чтобы найти своего друга? Этого таинственного Теуса? — возразил Атоан.

— Тогда зачем тратить время на то, чтобы испытать нас?

Атоан улыбнулся:

— Талант — это редкость. Мы всегда ищем новых рекрутов. И с тобой мне было важно знать возможные истоки твоего умения манипулировать моим корабль-сердцем. Хотя, похоже, я не был полностью успешным на этом фронте.

Яз нахмурилась. Что-то изменилось, но она не могла понять, что именно:

— Мы должны вернуться к остальным. Вы вообще начали поиски Теуса?

Атоан встал:

— Нет. Что было упущением с моей стороны. Но я сделаю это сейчас. И за пределами этого зала было потеряно очень мало времени. У нас еще много времени, чтобы обсудить...

— Подождите! — Яз внезапно поняла, в чем разница до и после вопросов Атоана. — Где звезда?

— Что? — Атоан выглядел озадаченным.

— Звезда! — повторила Яз. — Время-звезда! Она исчезла.

— Исчезла? — Атоан повернулся к остроконечному концу комнаты. — Но это невозможно...

Яз тоже уставилась на него. За каменной кладкой она ничего не чувствовала. Ни покраснения, ни парадоксального бегства на месте, ни звезды. Аура время-звезды была странной, мощной, но сильно приглушенной, так что она не чувствовала ее, пока не подошла достаточно близко, чтобы оказаться на периферии ее воздействия. Теперь это было уже не так близко.

— Там ничего нет.

Атоан выпустил из рук резные башенки, украшавшие спинку его кресла, и направился к двери.

— Мы скоро узнаем. Если ее там нет, тогда... — Он замолчал. Тень, отбрасываемая каменным острием, прошла значительную часть своей дуги и больше не рисовала ту же линию, что и раньше.

Яз подбежала к двери, почти ожидая, что та окажется запертой. Она распахнула ее и замерла в дверном проеме. Скрюченная фигура в рясе лежала лицом вниз в широкой луже крови. Яз лишилась дара речи.

— Что происходит? — Атоан остановился у ее плеча.

— Куина? — Но то, что в какое-то ужасное мгновение выглядело как черные волосы, было головным убором. Яз упала на колени и потянулась к телу, прижимая женщину к себе.

— Сестра Сова... — Кровь лилась из единственной раны между лопатками Совы, пропитывая внешнюю одежду и заставляя черную материю блестеть.

— Как... как это могло произойти? — Атоан прошел мимо Яз в комнату, оглядываясь по сторонам. Удивление в его голосе убедило Яз, что он был так же потрясен, как и она.

Яз никогда раньше не держала на руках мертвеца. Майя была захвачена эйдолоном. Као был унесен наводнением. Яз вытащили из пещер Сломанных до того, как пришлось разбираться с последствиями их битвы с Запятнанными. Даже мальчика-проксима быстро забрали другие. Его смерть прокатилась сквозь оцепенение ее разума, изолированная мысль из темноты. Ей придется рассказать о нем Атоану. У мальчика были друзья, которым нужно узнать о его смерти и оплакать его, семья... Она посмотрела вниз и обнаружила, что ее руки в крови, как будто обвиняя ее в преступлении, с Совой в качестве наказания. Старуха ничего не весила. Годы подточили ее, не оставив ничего, кроме сияющей воли, обвитой вокруг старых костей и покрытой морщинами.

— Где Куина? — Внезапно местонахождение Куины отодвинуло все остальные мысли в сторону. Яз опустила Сову на землю и снова поднялась на ноги. — Где Куина?

— Сбежала, несомненно. — Воздух вокруг Атоана, казалось, потемнел от силы; сами стены начали стонать, когда он распахнул дверь в коридор и взревел: — Убийство! Похищение! Найдите послушницу!

— Что? — Яз стояла, пораженная. — Куина этого не делала!

— Полагаю, она и мою жену не похищала? — Атоан повернулся к Яз, его темные глаза сверкали.

— Йелна! — Яз поняла это в тот момент, когда произнесла имя женщины. — Она забрала Куину! Быстро, каковы ее способности? Скажите мне!

Атоан недоверчиво рассмеялся.

— Йелна — жертва! — Он замолчал, и где-то зазвонил колокол. В коридоре послышались приближающиеся

бегущие шаги. — Йелна — жертва! И Госпожа Путь, конечно.

Яз открыла рот, чтобы возразить против виновности Куины, но слова застряли у нее в горле. Разве Эулар, казалось, не был на ее стороне вплоть до того момента, когда сбросил маску? Он играл с ней, притворяясь мудрым стариком. Он был добр к ней — видел сквозь ее недостатки ее потенциал. А потом предал ее, как только она сбежала из ледяных пещер. Она не предвидела этого удара. Она никогда бы не подумала, что за ужасами Ямы стоит именно он. Никогда, даже если бы она обдумывала это тысячу лет. Но Куина, она на самом деле говорила о том, чтобы связать свою судьбу с Сеусом. Она говорила это как раз перед тем, как они покинули Скалу Веры. Яз посмотрела вниз на тело Сестры Сова. Нет. Она сходит с ума. Существовала пропасть между сомнениями и ударом ножа в спину пожилой женщине. Зияющая пропасть. Та, которую Куина никогда бы не пересекла.

Появились два проксима постарше, двое молодых людей:

— Магистр!

— Моя жена похищена, Сестра Сова убита. Я хочу, чтобы Йелну нашли сейчас же!

Когда Атоан закончил, появилась проксим помоложе, ее длинные светлые волосы были в беспорядке, она тяжело дышала:

— Но... Я не так давно видела Мага Йелну. Я помогла ей отвести раненую послушницу вниз по лестнице.

Лицо Атоана напряглось, брови приподнялись, взгляд стал напряженным, словно он пытался заставить девушку перед собой сказать другую правду.

— У нее, должно быть, был сообщник, — сказала Яз, чувствуя себя виноватой за то, что усомнилась в Куине, хотя бы на мгновение. — Кто-нибудь, кто переместил время-звезду, пока мы разговаривали. На это почти не было бы времени, и потребовалась бы четкая координация... Как они могли...

— Балло. — Лицо Атоана скривилось, казалось, что хочет выплюнуть неприятный привкус изо рта. — Брат Йелны обладает даль-зрением, он может видеть места, где бывал раньше, не возвращаясь туда. Он мог бы взяться за цепь, чтобы поднять звезду на крышу, когда мы сели поговорить.

— Так где же они? Они уже могут быть в подземном городе! — Яз направилась к двери, хотя понятия не имела, куда идет. Теперь она была одна, и на нее обрушился сокрушительный груз осознания. Куина исчезла. Турин, Эррис и Мали исчезли. Сова мертва. И благословенна она или нет, как отреагируют монахи, если она вернется с монастырь с известием, что из-за нее убили их самую старшую и почитаемую сестру?

— Найдите мою жену! — взревел Атоан. — Она должна быть арестована и предстать перед полным советом! Передайте всем!

— А ее способности? — Яз повторила свой предыдущий вопрос расстроенным голосом.

— Воздух-работа, — ответил Атоан, глядя на свои руки. — Она управляет ветрами. Она также может управлять молнией, если есть гроза, и более мелкими молниями, даже если нет бури — даже в помещении. Она, вероятно, ошеломила твоих друзей чем-то в таком роде. — Он покачал головой. — Она всегда была амбициозной, но я никогда не думал, что она будет иметь дело с силами подземья.

— Значит, вы знаете о Сеусе?

Атоан кивнул:

— Академия знала о старых богах на протяжении веков. Некоторые из нас торговали со их приспешниками, но уже давно эту практику объявили вне закона. Слуги Пропавших не питают любви к нам подобным. В конечном счете, любой дар, который они дают, направлен на наше уничтожение. Они возвращают нашу гордость, и, когда она становится чересчур высокой, вешают нас на ней.

Для человека, которого только что предала жена, маг казался удивительно спокойным, но, возможно, это не было для него таким большим сюрпризом, как могло бы быть. Очень краткое знакомство Яз с их отношениями оставило у нее впечатление, что они были сдержанными, лишенными безыскусной близости ее родителей.

Атоан продолжил:

— Но зачем ей забирать твою подругу?

Яз знала ответ на этот вопрос. Удерживая Куину, приспешники Сеуса попытаются оказать давление на Яз, чтобы она открыла для них ковчег. Этого нельзя допустить. Но Куина может быть где угодно. А если Яз откажется сотрудничать, что тогда произойдет? Она посмотрела на свои руки, все еще алые от крови Сестры Сова, и нашла там ответ.

— МНЕ ПОНАДОБИТСЯ ВАШЕ корабль-сердце. — Яз снова направилась к двери, затем остановилась. — ваша время-звезда.

— Что? — Атоан, казалось, был настолько ошеломлен чудовищностью требования, что не смог сформулировать ответ.

Яз потянулась изо всех сил разумом и ощутила слабую, приглушенную ауру время-звезды, а затем рукой, чтобы привести ее в движение. Двигать было трудно: в тисках ее мыслей звезда казалась скользкой и тяжелой. Кто-то поднял звезду с ее первоначального положения, и Яз предположила, что теперь она должна лежать на крыше Зала, возможно, на краю шахты, которая вернет ее в центр круглой комнаты.

Резким движением Яз бросила невидимую звезду с крыши на большую площадь в сердце комплекса Академии. Она полагала, что там будет достаточно безопасно в течение короткого времени и не будет представлять особой опасности для студентов или персонала.

— Пошли. — Яз прошла мимо проксимов и дальше по коридору, не останавливаясь, чтобы посмотреть, следует ли кто-нибудь из них за ней. — Госпожа Путь лежит мертвая на вашем полу, Магистр Атоан. Я думаю, что монахини Сладкого Милосердия плохо посмотрят на любого мага, который не предоставит все свои ресурсы для привлечения ее убийцы к ответственности и освобождения захваченной послушницы.

Яз вытерла руки о рясу, спускаясь по лестнице и стараясь не думать о Сестре Сова, брошенной в комнате наверху. Теперь Сова у Предка. Яз была уверена в этом. Боги в Небе и Боги в Море не имели власти в этих зеленых землях. Предок забрал Сову, и ее тело больше не было ей нужно. Оно попадет в почву и сыграет свою роль в цикле, поддерживающем жизнь. Цикле, который лед сломал в других местах.

— Андрей, Алисия, начинайте поиски, черт бы вас побрал! Скажите Мастеру Крейну, чтобы он все организовал. Ищите Йелну и Балло. И пусть Госпожа Тихан прочтет руны. Я хочу знать, замешан ли в этом кто-нибудь еще. — Атоан пролаял еще несколько приказов своим проксимам, а затем поспешил догнать Яз. — Что ты собираешься делать?

— Найти мою подругу, — сказал Яз. — Все взаимосвязано. Вы это знаете. Мне просто нужно найти правильную нить.

К ТОМУ ВРЕМЕНИ, когда Яз подошла к хранилищу корабль-сердца, Зал Академии был в смятении. Маги проксимы и персонал спешили во всех направлениях, многие искрились магией того или иного рода, другие выкрикивали имена Балло и Йелны вместе с именами новых подозреваемых, обвиняемых в причастности. Казалось, трещины пронизывали сообщество магов на протяжении многих лет, и приход Яз углубил и расширил их. Она подумала об Эуларе, сидящем у своего незамерзшего озера. *Ты агент перемен, Яз.* Он не был тем другом, за которого она его принимала, но он не солгал. Озеро замерзло в тот момент, когда она его потревожила. Для перемен нужно только одно — с чего-то начать. Ей это надоело. Она хотела когда-нибудь оказаться в таком месте, где ее даже не заметят и которое не рухнет, когда она в нем появится.

Пройдя через внешнюю комнату Яз подошла к хранилищу, все еще заваленному обломками разрушенной стены. Она чувствовала, как сила звезды давит на нее, несмотря на буфер сигилов, покрывающих комнату. Позади нее шаги Атоана замедлились.

Вместо того, чтобы возиться с запертой и окованной железом дверью, Яз позвала звезду к себе через отверстие, которое ранее проделала в стене. Золотой свет хлынул наружу перед ней, и Атоан с тихим проклятием отступил назад. Железная клетка вокруг звезды выбила еще несколько кусков штукатурки, проходя через отверстие. Четыре прикрепленные цепи с грохотом проложили себе путь через дыру вслед за корабль-сердцем. Звезда приблизилась, оказалась в ярде от нее, затем в футах, затем в нескольких дюймах. Ее сила обжигала кожу Яз, она сверкала так ярко, что свет было невозможно долго выносить — уколы пронзали кожу и плоть, ища кости. В глубине сознания Яз зародился шепот, в голове забурлили непрощенные мысли. Темные и недостойные мысли. Неужели Куина только притворялась, скрывала свою истинную сущность за фасадом дружелюбия на случай, если Яз найдет ее? Была ли она в сговоре с Йелной и Сеусом уже несколько недель? Может быть, уже на льду. Возможно, Куина была испорчена во время одного из путешествий через Тумз-врата. Сеус мог сбить ее с правильного пути, заманив в свой замерзший лес и соблазнив обещанием власти. Куина знала, в чем заключаются ее наилучшие интересы. Она всегда была слишком умна для себя самой

— Послушница?

Яз вздрогнула и собралась с мыслями. Она обнаружила, что смотрела в белизну звезды, ее рассудок заблудился в воспоминаниях о льде.

— Яз? — снова позвал Атоан.

— Со мной все хорошо, — солгала она. — Я работаю.

В свете корабль-сердца все стало прозрачным, как алмазный лед. Река, текущая сквозь все сущее, расширилась

до грохочущего водопада, и нить-ландшафт, который пенился вокруг нее, каким-то образом стряхнул с себя привычную путаницу и открылся взору. То, что раньше было непостижимо, теперь кричало о своем значении. Она хотела найти нить, соединяющую ее с Куиной, но не могла выделить такую тонкую связь среди мириада волокон нить-ландшафта. Но теперь, когда корабль-сердце погрузило ее разум в огонь, Яз сразу же увидела нужную ей связь. Это была не тонкая нить, а кабель, состоящий из тысячи переплетенных нитей. Были нити воспоминаний, нити дружбы, нити, которые вели назад к моменту их встречи и к каждому последующему моменту, нити, которые вились сквозь абстрактные углы в будущее, которое ждало своей очереди. Она увидела в коридоре за Атоаном путь, по которому Куина вошла в зал, и другой, ведущий обратно.

Яз потянулась к пучку ниток Куины и взяла его. Она оттолкнула звезду от себя, задыхаясь от внезапного облегчения.

— Теперь я могу ее найти. — Нить-пейзаж несколько поблек, но Яз продолжала держать в руках пучок Куины. — Я забираю корабль-сердце с собой. Вы должны убрать своих людей с дороги.

— Оно мое! И ты не можешь вывезти его в город! Ты вызовешь хаос. Граждане запаникуют.

— Да. — Яз двинулась вперед, ведя звезду за собой, держа ее на расстоянии пары ярдов. — Если бы они знали, что происходит, они бы запаниковали. Сеус дотянулся до вашей Академии. Он дотянулся до вашей семьи. Скоро он дотянется до вашего города. Вы должны хотеть, чтобы я с ним сразилась. И для этого мне нужны ваши звезды.

Атоан шел перед ней, ничего не отвечая и выглядя смущенным, его яркие одежды мерцали в свете корабль-сердца. Другие, идущие позади Яз или в коридоре впереди, видели или чувствовали присутствие звезды и быстро меняли направление, не желая приближаться, как если бы коридор был полон пламени.

Яз решительно шла вперед, сохраняя устойчивый темп, несмотря на желание бежать. Цепи с шумом волочились по коридору позади нее.

Атоан решил выглядеть так, как будто он возглавляет атаку, а не отступает перед послушницей. Он зашагал впереди, призывая всех освободить дорогу. И когда они подошли к большим дверям, он снял с них засовы взмахом левой руки, прежде чем широко распахнуть их взмахом правой. Яз подозревала, что — как и на мебели в его комнате — на дверях были железные пластины, облегчающие манипуляции магистра.

Яз вышла из Зала Академии под пристальными взглядами дюжины магов, обжигающими ее затылок. Она знала, что ее защищало только присутствие Атоана. Корабль-сердце не смогло бы отразить огненный шторм, летящий камень, острую как бритва тень или любое другое магическое насилие.

Оказавшись снаружи, она отправила корабль-сердце в полет над головой на такое расстояние, чтобы его аура не беспокоила никого на земле. Цепи и клетка стали помехой и опасностью для движения. Яз потянулась к звезде, сосредоточившись на сгигле тепла, первом сгигле, который она когда-либо видела. Она впечатала его в белую поверхность, и через несколько мгновений железная клетка начала светиться красным. Она почувствовала, как первый импульс тепла достиг ее, несмотря на двадцать ярдов между ней и звездой.

— Что ты...

Брызги расплавленного металла, падающие на камень, прервали Атоана, за ними последовал звук падающих цепей, а затем грохот клетки. Арка была права. Все плавится, если его достаточно хорошо нагреть.

Яз пошла осмотреть красную звезду времени, которая тоже лежала в путанице цепей. Любопытно, что каменные плиты вокруг него были усеяны ржавчиной и осколками керамики.

— Звезду держали в фарфоровой клетке. Непрочная, но невосприимчивая ко времени. Любое железо, которое оказывается слишком близко, ржавеет. — Атоан наблюдал за ней отстраненным взглядом, возможно, размышляя о предательстве жены.

Яз подобрала кусок цепи и бросила его на звезду. Цепь, казалось, ускорялась по мере приближения к звезде, и участок, соприкоснувшийся с ней, взорвался дождем ржавчины. Сама звезда оставалась неподвижной.

Она подошла к время-звезде, обернулась всего в ярде от нее и увидела: мир вокруг нее замер, Атоан превратился в статую, ее широкая аудитория затаила дыхание, птица в полете застыла на месте, крылья болят в ожидании следующего удара. Она вышла за пределы времени. Она могла состариться раньше, чем птица пошевелит крыльями. Однако она не была в ловушке. Это была противоположность синей звезде, которая держала Мали и остальных. Те, если бы повернулись, увидели бы мчащийся мир, и, возможно, он состарился бы прежде, чем они смогли бы убежать от звезды. Птица Мали не стала бы дожидаться ее возвращения, прежде чем взмахнуть крыльями. Птица Мали отложила бы десятки яиц и умерла, и бесчисленные поколения пернатых вылуплялись бы и исчезали, прежде чем сама Мали смогла бы выйти из-под влияния время-звезды.

Яз попыталась сдвинуть время-звезду, но та обратила на нее не больше внимания, чем на камень. Она прикусила губу и напряглась. Ничего. Ни малейшего движения. Она присела и попыталась дотянуться до нее, но остановилась, все еще держа пальцы в футе от пылающей красной поверхности. Она вспомнила, как заржавели цепи, и быстро отдернула руки. Ее тянущиеся руки старели бы быстрее, чем все остальное в ней. За то время, которое она воспринимала, для них могли пройти недели. Если бы она прикоснулась к звезде, ее руки засохли бы и

умерли, и для них прошли бы тысячелетия за то время, которое потребовалось ей, чтобы моргнуть глазами, удаленными почти на ярд от звезды.

— Но я двигала ее раньше...

Яз поняла. Она отходила от звезды до тех пор, пока замерзшая птица не начала хлопать крыльями и не упорхнула прочь, указывая на то, что Яз присоединилась к потоку времени, который нес всех остальных. Теперь, приложив усилие, она могла сдвинуть звезду. Если бы она переместила ее, находясь внутри ее ауры, снаружи звезда двигалась бы быстрее самого быстрого ястреба. Время-звезда, вероятно, нарушала законы времени, но не движения. Яз пыталась двигать ее с огромной скоростью. Находясь снаружи, она могла двигать ее, хотя и намного медленнее.

Яз использовала свой разум, чтобы вырвать время-звезду из каменных плит, поднять ее и присоединить к корабль-сердцу. Обе звезды были одинакового размера, но для того, чтобы создать время-звезду из работающего корабль-сердца, надо было что-то выломать и это сделало время-звезду трудной для контроля, словно она была тающим льдом, который выскальзывал из пальцев, если сжимать его чересчур сильно.

Яз осознала, что по всей территории Академии многие из тех, кто должен был преследовать Йелну и ее союзников, вместо этого смотрели на нее и на звезды над ней с отвисшей от удивления челюстью. Несмотря на то, что солнце только недавно миновало зенит, звезды все еще притягивали взгляд. Она послала их выше. Это было тяжело. Они были бременем на ее разуме, и она предпочла бы попытаться держать на каждом плече взрослого мужчину, чем оба корабль-сердца одновременно. И справиться с ними было тяжелее — больше чем в два раза тяжелее, — чем с каждой по отдельности. Несмотря на это, она держала их высоко, стиснув зубы, и снова сосредоточилась на нити, которая связывала ее с Куиной. Сначала медленно, а затем более уверенным шагом она начала следовать за ней.

Атоан шел рядом с ней.

— Йелны обогнала нас на несколько часов. Если она уехала из города, нам понадобится много ресурсов, чтобы догнать ее. — Он бросил тревожный взгляд на звезды над ними. — Ты умеешь ездить верхом?

— Она не должна была покинуть город, — сказала Яз. — Хотя она может быть под ним. — Предположение, но, если они хотели использовать Куину, чтобы заставить Яз открыть для них ковчег, было лучше держать Куину рядом на случай, если словесных угроз будет недостаточно.

— Так где же она тогда? — спросил Атоан.

— Вы мне скажите, — проговорила Яз сквозь стиснутые зубы. — Я могу проследить, куда они пошли. Или, по крайней мере, куда пошла Куина. Я не знаю, где они оказались. Разве ваши маги не могут вам сказать?

— Я уверен, что они работают над этим. Но Йелна знает нас. Она знает, как сбить нас со следа. И Балло, ее брат, будет наблюдать за нами. Если мы подойдем слишком близко, они сдвинутся с места. Это будет непросто.

Яз подошла к периметру Академии. Нить вела в город, прочь от императорского дворца, хотя, по словам монахинь, ковчег должен был находиться прямо под дворцом.

— Разве вы не должны остаться здесь, чтобы их организовать? — Часть Яз хотела, чтобы магистр был с ней, используя свою магию против магов, которые похитили Куину. Другая часть беспокоилась о том, кому он предан. Лицом к лицу со своей женой он мог бы встать на ее сторону или, по крайней мере, помешать Яз предпринять все необходимые действия, чтобы спасти свою подругу, если это означало ранить Йелну.

Атоан покачал головой:

— Организовывать магов — все равно, что пасти кошек. Мастер Крейн справится с этим так же хорошо, как и я. Я послал ему сообщение, так что он знает, чего я ожидаю. Если мои коллеги захотят остаться в Академии, они будут следовать приказам. Лучше позволить им продолжать в том же духе. Кроме того, у тебя мои звезды. И что скажет Настоятельница Коготь, если узнает, что я позволил одной из ее послушниц уйти из Академии прямо в опасность в одиночку?

Яз пожалала плечами. Было бы полезно, чтобы маг присматривал за ней, пока она может ему доверять. Пока она сосредоточена на следовании за нитью, она уязвима для нападения. На самом деле она уязвима для нападения, что бы она ни делала. Лед давал четкое представление о приближающейся опасности во всех направлениях. Здесь, в этом многолюдном городе, злоумышленник будет невидим вплоть до последнего момента. Если брат Йелны наблюдает за ними прямо сейчас, возможности для засады безграничны. Даже если так, какой у нее выбор? Отказаться от поиска Куины? Никогда.

Яз шла быстро, пропуская нить Куины через руку, едва замечая величественные здания, маячившие впереди, особняки богатейших семей города, толкающихся, чтобы быть поближе к императору.

Когда позади нее раздался резкий крик, Яз повернулась слишком медленно, чтобы спасти Атоана. Он упал на землю прежде, чем она успела его подхватить. Стрела, торчащая из задней части его плеча, должно быть, была выпущена из окна или с крыши одного из зданий Академии.

— Беги! — выдохнул он сквозь стиснутые зубы. Рывок его здоровой руки сорвал град битого камня с тротуарной плитки площади и послал его вслепую в сторону Академии, осыпая стены и ставни. — Беги!

ЯЗ ПОБЕЖАЛА, КАЖДОЕ мгновения ожидая, что стрела вонзится ей между лопаток. Позади раздался взрыв и каменные плиты вокруг разлетелись в пыль, взметнувшись в воздух. Она знала, что это работа Атоана. Каменная пыль скроет ее от лучников, по крайней мере, до тех пор, пока ветер не унесет пыль прочь.

Яз бежала с колотящимся сердцем, волоча сверху звезды. Пыль заставляла ее кашлять и задыхаться, но она продолжала бежать, ругаясь, когда увидела над собой первые голубые клочки неба. Она повернула влево и направила звезды вправо, надеясь сбить с толку того, кто пытался ее подстрелить. Возможно, этот миньон знал, что она нужна Сеусу живой, возможно, нет, но в любом случае Сеус сможет ее использовать и со стрелой в бедре.

Облако вокруг нее поредело, и первое, что увидела Яз, была фигура, ошеломленно наблюдавшая за происходящим. Фигура в рясе.

— Галли? — Яз бросилась к девочке с мышиными волосами.

Несколько запоздало послушница приняла боевую стойку. Галли никогда не была одной из лучших учениц Госпожи Меч, и прямо сейчас ее удивление сменилось страхом.

— Это я! Яз! — Яз поняла, что ее ряса больше не черная, а серая, и за ней, как дым, тянется пыль. Она схватила девушку за руку и потащила ее вперед. — Бежим!

Галли, к ее чести, пустилась бежать:

— Куда?

— Прочь!

— Венна живет вон там! — Галли указала на стены, вырисовывающиеся слева от них.

— Как нам попасть внутрь?

— Ворота за углом.

Стена не поворачивалась на протяжении пятидесяти ярдов, и Балло, без сомнения, теперь следил за ними, направляя всех агентов Сеуса, которых имел с собой, к их местоположению. Яз хотела немедленно оказаться по другую сторону этой стены.

— Я подброшу тебя. — Она внезапно остановилась, скользя.

— Подбросишь? — Галли потребовалось больше времени, чтобы остановиться, и она с сомнением посмотрела на стену. — Я не сделаю этого, стоя на твоих плечах. — Потом она увидела звезды над головой. — Что это такое, черт возьми...

— Быстрее! — Яз присела на корточки и свела ладони вместе, образуя ступеньку. — Тебе придется ухватиться за выступ.

Галли обеспокоенно пожала плечами и побежала обратно к Яз. Ее нога ударила Яз по рукам, и Яз встала, бедрами и руками. Крякнув от усилия, Яз подняла руки, полностью вытянув их над головой. Галли была хрупкого телосложения, и в Зале Меча ей привили некоторые гимнастические навыки: на вершине подъема Яз она прыгнула на нависающий выступ на вершине стены, поймав его пальцами. Замах, поворот, и она перекинула ногу через стену.

Яз знала, что у нее нет никакой возможности подняться за ней. Она оглянулась на здания Академии. Пыль все еще висела на уровне пояса, скрывая Атоана. Это был не смертельный выстрел. Возможно, ему повезло. Или, возможно, Йелна приказала лучнику только подстрелить его. Яз не знала, как далеко может пролететь стрела и наблюдает ли лучник все еще из одного из дальних окон, но чувствовала себя отчетливо уязвимой, стоя у основания стены. Собравшись с духом, она призвала корабль-сердце вниз и схватила его обеими руками. Стиснув зубы от боли, она заставила его подняться. В подземном городе под пещерами Сломанных Яз замедлила свое падение, цепляясь за меньшую звезду. Корабль-сердце плавно подняло ее над стеной и опустило в зелень на другой стороне.

Галли, упавшая рядом, с криком отчаяния отшатнулась от ауры корабль-сердца. Яз отослала звезду прочь, заставила время-звезду присоединиться к ней и спрятала обеих среди листвы деревьев, растущих вдоль стены — теперь ни одна из них не будет маяком, указывающим врагам на нее.

— Мы должны найти Венну, — сказала Галли слабым голосом, все еще дрожа от соприкосновения со звездой. Они пробрались через аккуратно подстриженные кусты и оказались на гравийной дорожке, ведущей к особняку, который, если бы Яз уже не видела дворец, она бы приняла за дом императора.

Территория между садами и особняком была вымощена камнем и украшена не одним, а двумя фонтанами, а также несколькими обнаженными статуями, от которых, если бы у Яз было больше времени рассмотреть их, кровь прилила бы к ее щекам. Однако охрана семьи Таксис оказалась бдительной и эффективной. Взрыв недалеко от стены и последующее облако пыли явно вызвали их беспокойство, и теперь четверо стражников с короткими мечами в руках бежали через территорию, в то время как еще трое вышли из главных дверей — двое с копьями и один с арбалетом.

Яз потянула время-звезду, оторвала ее от листвы и поднесла вплотную к себе. Она схватила Галли за руку и потащила ее обратно в ауру звезды. Девушка, находившаяся еще дальше от звезды, чем Яз, медленно повернула

голову, на ее лице отразилось удивление, и сказала глубоким, протяжным голосом:

— Что ты с ними сделала?

Яз шагнул к Галли, чтобы их время текло с одинаковой скоростью. Охранники застыли на бегу.

— Ничего. Я использовала время-звезду Атоана, чтобы ускорить нас обоих.

— Атоана? — Глаза Галли расширились. — Магистра? — Она оглядела кусты, словно ожидая, что маг выйдет, стряхивая веточки со своих волос.

— Да. — Яз решила не объяснять дальше. Вместо этого она изучала охранников, отмечая направление, в котором бежал каждый из них. — Мы собираемся попытаться проникнуть внутрь. Если они поймают нас, не сопротивляйся, но будет быстрее, если мы сможем просто пройти мимо них. Приготовься — смотрите, куда тебе нужно будет бежать. Ты пойдешь первой. Они задвигаются, как только ты двинешься вперед.

Галли бросила на нее нервный взгляд.

— Все будет хорошо. Иди! — Яз легонько подтолкнула девушку.

Когда Галли рванулась вперед, она замедлила шаг. Яз сделал шаг вперед, следуя за ней, затем еще один, поменьше. Теперь и Галли, и охранники двигались, но медленно, как будто пробирались сквозь густую грязь. Яз наблюдал, как Галли, используя преимущество заранее спланированного маршрута, проскочила мимо группы из четырех охранников и помчалась к троице, которые только что достигли подножия ступенек, спускающихся от главных дверей. Послушница сделала кувырок, сбивший с ног центрального из троицы, и, оказавшись позади него, побежала к дверям.

Яз восприняла это как сигнал и тоже бросилась вперед, ее внезапное ускорение с места напугало ближайших охранников. Она повалила на пол одну женщину, уклонилась от другой, а затем сбила с ног второго из группы у ступенек, повернувшегося, чтобы погнаться за Галли.

Яз проскочила через двери всего на удар сердца раньше преследующей стаи, но этого было достаточно, чтобы Галли захлопнула двери перед их носами и поставила на место засов.

Великолепное фойе — пространство из узорчатого и полированного мрамора, простиравшееся перед ней к двум широким лестницам, которые поднимались влево и вправо к галерее с балюстрадой с колоннами, — на мгновение отвлекло Яз. Удивленный мальчик-слуга в ливрее, почти такой же яркой, как разноцветные одежды Атоана, стоял, разинув рот, и наблюдал за ними. То, что Яз приняла за устрашающую вторую волну охранников, оказалось отполированными доспехами, стоящими на страже по периметру комнаты.

— Венна! — Планы Яз по поиску других послушниц не выходили далеко за пределы входной двери. — Венна! — Этот крик составлял большую часть того, что оставалось делать.

— Побежали дальше! — предложила Галли и понеслась к двойным дверям в задней части фойе.

— Венна! — Яз бросился в погоню. Охранники снаружи начали колотить во внешние двери.

Дальние двери открывались в длинный, широкий коридор, вдоль которого тянулись ниши и постаменты, демонстрирующие множество сверкающих чудес. Яз почти не обращала на них внимания, стараясь не отставать от быстрого Гулли.

— Венна!

В конце концов Венна сама нашла их. Когда они достигли дальнего конца коридора — и столкнулись лицом к лицу с массивным гвардейцем, выходящим из какой-то комнаты за ним, — из одного из дверных проемов, мимо которых они пробежали, раздался голос.

— Гулли? Что за...

Венна выскочила в коридор, все еще одетая в свою рясу, а за ее плечами маячили Хеллма и Кола.

— Кто это с... — Она сделала паузу и махнула гвардейцу, который был даже выше Хеллмы, чтобы тот уходил. — Все в порядке. Это моя подруга.

— Это же Яз! — Ниом, маленькая хунска, подруга Колы, протиснулась мимо Хеллмы.

— Почему она вся серая? — пробормотала Хеллма.

В противоположном конце коридора появились охранники с мечами в руках.

— Что, черт возьми, вы наделали? — спросила Венна. Она покачала головой и направилась к приближающимся охранникам, поднимая руки. — Все в порядке. Это друзья!

— Я же говорила тебе, что не войду без тебя, — сказала Галли Яз, каким-то образом умудряясь выглядеть довольным всей ситуацией.

Венна обернулась:

— Да ну? Что происходит?

Яз открыла рот, чтобы заговорить, но обнаружила, что ей нужно сказать слишком много — слишком много слов вертелось у нее на языке, и все они теснились, чтобы вырваться сразу.

Галли развела руками и заговорила в наступившей тишине:

— Я собиралась вернуться в монастырь. Сестра Овес сказала мне встретить ее у ворот Таксисов, чтобы она

могла проводить нас всех домой. Яз прибежала вся в пыли и сказала, что я должна привести ее к тебе, потому что... из-за чего-то.

— Куину схватили, и сейчас маги пытаются схватить меня. — Яз удалось заговорить, избегая разговоров о Сове. Это были слова, которые она не могла выдать из себя.

— Это насчет того проксима на скале. — Венна посмотрела на Галли, а затем на Яз, прищурив глаза. — Неужели все маги сошли с ума?

— Некоторые из них. — Это было проще, чем сказать правду. — Слушай, я знаю, где Куина. Или, по крайней мере, я могу найти ее. Но есть маг, Балло, который может следить за мной, куда бы я ни пошла, и мне нужно...

— Тебе нужна Сестра Сова. Она может с этим разобраться, — сказала Венна.

— Ты оставила ее на Скале? — спросила Хеллма.

Яз сжала губы в тонкую линию — они не должны подергиваться, ей нужно сдержаться горе. Смерть Сова *ранила*. А Яз знала монахиню всего несколько дней. Эти послушницы провели годы под ее присмотром.

— Где Сестра Сова? — спросила Венна. — Ты была с...

— Мертва. — Слово застало ее врасплох.

Венна сделала шаг назад и поднесла руку к щеке, как будто Яз дала ей пощечину. Ее глаза, блестящие от слез, наши глаза Яз:

— Возьми свои слова обратно.

— Это... не смешно, — пророкотала Хеллма, смущение омрачило ее лицо.

— Маг убила ее в Зале Академии. — Яз посмотрела на свои покрытые пылью руки. Измельченный в порошок камень прилип к крови Сова. — Йелна, жена Атоана, ударила ее ножом в спину.

— Нет... — Тонкий шепот Галли нарушил растущую тишину.

— Не Сову. — Хеллма постаралась произнести это убежденно. Как будто вера и покачивание головой могли вернуть женщине жизнь.

— В спину? — пробормотала Ниом, словно это было важно.

— Они схватили Куину. — Яз поперхнулась на имени подруги. Каким-то образом эти слова принесли с собой всю тяжесть их общей борьбы, от глубин Ямы до Коридора, и груз привязанности, накопившийся за это путешествие. Мысль о том, что она сомневалась в Куине, вонзилась в Яз, как нож в кишки. Был момент, когда, стоя над трупом Сова, Яз задумалась, не рука ли Куины вонзила тот нож в спину старухи. — Они схватили Куину.

— Куину? — Венна, казалось, впервые услышала это имя. — Маги ее схватили?

— Да. Я их преследую. Но они следят за мной, и у них есть лучники...

— Балло? Он может видеть места, где бывал раньше, да? — спросила Венна.

— Откуда ты это знаешь?

— Моя семья знает всех важных людей. И о магах стоит знать. Особенно, если они твои соседи и у тебя есть секреты.

— Он бывал здесь? — Сердце Яз упало. Конечно, он бывал здесь. Она пробыла в Коридоре не слишком долго, но достаточно долго и знала, что богатые и влиятельные люди любят устраивать вечеринки.

— Да, но только в садах, пиршественном зале, бальном зале и гостевых покоях. Не стоит позволять человеку с такими талантами бродить по всему дому. Так говорит моя мама. Кстати, о моей маме — пойдём. Привлечь внимание моих родителей не так-то просто, но после твоего появления...

Венна поспешила по коридору. Мгновение спустя двери фойе в дальнем конце открылись, и появились два высоких светловолосых мужчины, оба богато одетые.

— А еще есть мои братья! Бежим! — Выглядев обеспокоенной, Венна развернулась и побежала к противоположным дверям, через которые вышел огромный охранник.

— Вернитесь сюда, маленькие монашки! — прогремел один из мужчин, его голос был полон смеха.

Венна явно не доверяла этому тону, и Яз бросилась догонять остальных. Они ворвались через двери в конце зала в большое помещение с высоким потолком, увешанное великолепно украшенными щитами. Шесть дверей открывали новые выходы. Венна выбрала один, и они помчались по, казалось, бесконечным комнатам и коридорам, мимо возмущенных служанок, сбив по крайней мере одного пожилого слугу и подставку с чем-то явно дорогим — оно с грохотом разлетелось вдребезги. Тяжело дыша, они остановились в темном углу, где в относительном запустении стояли древние доспехи, изуродованные прошлыми ударами и изъеденные временем.

— Мой прадедушка носил эти доспехи в войне против дарнов, — сказала Венна. — Утонул в них на мелководье всего в нескольких ярдах от побережья Пегга. — Она расстегнула две пряжки и потянулась к нагруднику. — Моя тайная записка... — Она достала два длинных ножа и протянула их Хеллме и Ниом. Снова потянувшись, она достала еще несколько ножей и горсть сверкающих метательных звездочек. За несколько мгновений она вооружила их всех, кроме Яз. Даже Галли получила короткий клинок, хотя он больше подходил для обеденного стола, чем для убийства.

Яз подняла обе брови и многозначительно кашлянула.

— Тебя не обучали, — сказала Венна. — С ножом ты будешь более опасна для нас и для себя, чем любой враг.

Мы позаботимся о твоей безопасности.

С этими словами Венна снова их повела. Яз не стала спорить. Однажды у нее был нож, и она даже использовала его, чтобы спасти свою жизнь, но в таких вопросах она была младенцем по сравнению с другими. Особняк простирался перед ними, но Венна двигалась целеустремленно, и через несколько поворотов она остановила их в затемненной комнате, освещенной лишь тем немногим дневным светом, который просачивался сквозь закрытые ставнями окна.

— Мы собираемся использовать спасательные туннели, — сказала Венна, подходя к одному из диванов и вытаскивая из-под него железный крюк странной формы. — Мы выйдем из дома и пойдем туда, где Балло не сможет искать Яз.

— Спасательные туннели? — Яз боролась с этой идеей.

Венна подошла к камину и вставила крюк в небольшую щель, заполненную золой, рядом с каминной плитой:

— Кола, держи дверь закрытой. Хеллма, помоги мне поднять это. Галли, ничего не трогай.

Через несколько мгновений Венна и Хеллма подняли здоровенный кусок камня, открыв темную шахту с железными перекладинами, вделанными в стену.

— Нам понадобится свет, — сказала Ниом, оглядываясь в поисках чего-нибудь полезного.

— Я знаю дорогу на ощупь. — Венна скользнула в шахту. — Держитесь поближе. Не потеряйтесь.

Хеллма протиснулась вслед за Венной, выглядя далеко не счастливой. Галли встала следующей перед Ниом. Кола отпустила дверь. Никто не попытался проникнуть в комнату. Она широким жестом указала Яз на дыру:

— После тебя.

— Лучше я пойду последней, — сказала Яз. — Я понесу свет.

На широком, невыразительном лице Колы не отразилось никакой реакции, она только слегка приподняла одну рыжую бровь и последовала за Ниом в темноту. Яз тем временем подошла к ближайшему из закрытых ставнями окон и прижалась лбом к планкам. Она мысленно потянулась, обнаружив сначала более отдаленное корабль-сердце, неповрежденное, а затем слабую подпись время-звезды, чей красный цвет заполнил ее разум и заставил сердце биться быстрее. Она потянула к себе обе звезды, время-звезда приближалась медленнее и требовала больших усилий.

Когда корабль-сердце приблизилось, Яз открыла деревянную раму, в которой находились оцинкованные стеклянные ромбы, защищавшие от того, что люди Коридора считали ветром. Звезды, конечно, привлекут внимание к комнате, но пробить вход казалось плохим способом отплатить Венне за доброту, независимо от того, сколько окон принадлежало ее семье. В последнее мгновение она открыла ставень и впустила звезды внутрь.

Шахта оказалась шире, чем опасалась Яз, и спускалась достаточно круто. Свет двух звезд слился в красно-золотое сияние, от которого ее тень потянулась вниз по лестнице под ней. Кола ждала ее у основания шахты, но отступила с проклятием, когда корабль-сердце подплыло ближе.

— Вперед, — сказала Яз. — Я буду последней.

Туннель — круглый в поперечнике, большой и сухой, — был выложен плотно пригнанными каменными блоками. Даже во время бегства семье Таксис не нужно было бы пачкать свои роскошные наряды или склонять головы. Яз последовала за остальными, теперь смутными фигурами довольно далеко впереди нее, хотя временами было неясно, ведут ли они ее или убегают от преследования. Она подумала, что, должно быть, представляет собой устрашающую фигуру, подсвеченную сзади двумя большими звездами.

Несколько раз туннель разветвлялся — на обеспечение безопасности семьи были затрачены значительные усилия. Судя по тому, что Яз слышала на занятиях в классе Академии, это было стоящее вложение средств. Жизнь по соседству с императором, хотя и желательная с точки зрения влияния и престижа, исторически была опасным занятием, и способность избежать переменчивого характера правителя являлась необходимым условием для любой династии, стремящейся к как долголетию, так и к богатству.

— Держи эти шпуки подальше! — Венна остановилась в конце туннеля. Шахта вела вверх, железные перекладки служили лестницей. — Где ты их вообще взяла?

Яз остановила звезды, следовавшие за ней, и направилась к послушницам:

— В Зале Академии. Атоан позволил мне. Не все маги обратились.

— Обратились во что? — нахмурилась Хеллма.

Яз прижала руку ко лбу. У нее не было времени все объяснять. Или даже что-то из этого. Вернее, благодаря время-звезде, она могла, но эмоциональное напряжение было слишком велико, чтобы его вынести:

— Идет тайная война за ковчег. Враг под городом хочет его открыть...

— Враг? — спросила Венна. — Чей враг?

Яз перевела дыхание:

— Враг жизни. Его зовут Сеус, и он хочет сбросить луну.

Это на мгновение отвлекло их от вопросов, а затем еще на одно мгновение.

— Куина. — Хеллма сосредоточилась на проблеме, с которой могла справиться. — Как нам вернуть ее? Ты сказала, что можешь проследить, где она была?

— Да. — Яз попыталась найти нить, которая привела бы ее к подруге. На таком расстоянии от сердца корабля она была слабой, но ей удалось выхватить ее из бурлящей массы паутины перед ней.

— Но, если мы пойдем по их пути, Балло нас найдет, — сказала Венна. — Он потерял тебя, поэтому он будет следить за маршрутом, который они использовали, чтобы увести Куину.

— Ты не можешь просто узнать, где Куина? — спросила Галли. — Ты должна следовать по ее пути?

— Нам нужно направление на Куину... — пробормотала Хеллма.

Яз расфокусировала взгляд и посмотрела на нить в своей руке.

— Это нить, которая соединяет нас. — Госпожа Академия рассказала классу легенду, которую, по ее словам, племена принесли с собой через черное море. Герой, вошедший в лабиринт, чтобы встретиться лицом к лицу со зверем, тянул за собой веревку, чтобы найти обратный путь.

— Ты можешь... потянуть за нее? — Хеллма нахмурилась.

Яз ничего не сказала, глубоко задумалась, а потом поднесла нить к глазам, держа ее между большим и указательным пальцами, и начала пятиться к корабль-сердцу. По мере того, как золотое сияние звезды становилось ярче, нить утолщалась — из тоненького волоска она стала больше похожа на шнурок, обвязанный вокруг рясы Яз, и та увидела, что да, возможно, она могла бы просто потянуть за нее. Пядь за пядью Яз втягивала слабину, направляя свою волю вдоль нити, пока не почувствовала сопротивление, напряжение, которое сказало ей, что шнурок вытянулся в тугую прямую линию, пронизывающую все препятствия и направленную на Куину, как один из компасов зеленоземельцев, указывающий на север.

— Я это сделала. — Для остальных она, должно быть, выглядела как темный разрез на ужасном сиянии корабль-сердца. — Я могу найти Куину, не следуя по ее пути.

Они по-прежнему не двигались.

— Пошли!

И, словно освободившись от паралича, все пятеро послушниц впереди нее направились к лестнице.

— СЮДА? ТЫ УВЕРЕНА? — Венна огляделась, принохиваясь.

— Да. — Яз тоже чувствовала этот запах. Человеческая вонь. Как в пещерах Сломанных, но почему-то хуже. Среди особняков Сис, даже учитывая конкуренцию за пространство рядом с дворцом, все еще было достаточно места, чтобы дышать. Здесь, в трущобах, теснившиеся здания были скорее кирпичными, чем каменными, высокими, но шаткими, половину окон не завешивали даже грязными тряпками для защиты от ветра. Сточные воды текли по центру улицы, или, скорее, ползли, от их вони слезились глаза.

Узкие лица, бледные и осунувшиеся, наблюдали за послушницами из открытых дверных проемов и зияющих окон. Дорогу усеивали осколки черепицы. Здания выглядели больными, кирпичные стены покрывали пятна — как изъеденную раком кожу старика, — но их изъела погода и пренебрежение.

— Никто не стал бы задавать слишком много вопросов, если бы ты пришла сюда с телом, — пробормотала Хеллма. Она выглядела обеспокоенной, сгорбившись, как будто хотела уменьшиться.

— Мы, по крайней мере, приближаемся? — спросила Ниом. — Ты можешь это сказать?

— Нет, без корабль-сердца. — Яз не собиралась разрушать дома и сеять панику в трущобах. Она послала обе звезды очень высоко, пока они не превратились в мерцающие огоньки на фоне облаков. Еще труднее было поддерживать их на расстоянии, но она приложила усилия, надеясь, что они могут остаться незамеченными или, даже если их заметят, по крайней мере, не обозначат ее местоположение. Ей не нужно было держать их прямо над головой, но, по какой-то причине, когда они поднимались выше, становилось все труднее поддерживать их откуда угодно — надо было находиться прямо под ними.

Следовать к Куине по прямой, как предписывала нить, было невозможно среди запутанных переулков трущоб, но они продвигались вперед. Башмаки Яз покрывал толстый слой грязи. Если бы дела не были так неотложны, она бы поддавалась искушению и наклонилась, чтобы потрогать материал. Ей хотелось пощупать его пальцами. Ближе всего к нему казалась ворвань, которую икта срезали с редких китов, которых им удавалось поймать. Мир Коридора все еще таил в себе так много тайн и чудес, но здесь она была между убийством и похищением, бродила по городу с окровавленными руками, ожидая встретить копьё на каждом шагу.

— Берегись!

Действие закончилось к тому мгновению, как были произнесены эти слова. Ниом подставила Венне подножку и повалила ее на землю. Стрела разбилась о стену позади них. Хеллма, Кола и Галли прыгнули в дверные проемы.

— Яз! — яростно прошипела Ниом, таща Венну в укрытие за углом.

Яз обнаружила, что она одна осталась стоять на открытом месте. Она поспешила присоединиться к Ниом и Венне.

— Предок! — Венна выплюнула грязь изо рта и села, безуспешно стряхивая грязь с ряссы. Менее часа назад она была окружена золотом, серебром и полированным мрамором. — Ой! — Она вытерла руку о все еще чистую часть своей ряссы и приложила ее к плечу. На пальцах появилась кровь. — Ублюдок поцарапал меня!

— Мог бы попасть тебе в горло. — Ниом вздрогнула.

— Что будем делать? — крикнула Хеллма из своего подъезда дальше по улице.

— Вперед! — ответила Ниом. — Я думаю, что я его достала. Но там может быть больше.

— Достала? Чем? — спросила Яз.

— Метательной звездой. — Ниом раскрыла ладонь, чтобы показать еще один металлический диск с лезвиями, лежавший на ее ладони.

— Неужели? — Яз не видела броска. Она догадывалась, что даже Куине было бы трудно действовать так быстро, бросая звезду в ответ и убирая друга с пути стрелы.

Венна стояла, держась за шею, так как внезапное движение вбок вывихнуло ее. Она скривила губы в усмешке, глаза сверкали от гнева:

— Тогда пошли.

И, к изумлению Яз, Ниом выскользнула на открытое место, за ней быстро последовали все остальные послушницы.

Впереди, среди нескольких разрушенных многоквартирных домов, стояло внушительное кирпичное здание, выглядевшее так, словно оно было следующим в списке ожидающих обрушения. На его верхнем этаже было несколько больших и пустых окон.

— Бойня, — пробормотала Хеллма. Хотя, было ли это прежней функцией здания или предсказанием, Яз не знала.

— Как мы попадем внутрь? — Кола окинула взглядом ближний конец, где двойные двери, достаточно широкие, чтобы десять человек могли войти бок о бок, были заколочены досками, прибитыми поперек, чтобы никто не смог их открыть.

— Чувствуешь себя сильной? — спросила Венна.

— Не настолько! — ответила Хеллма одновременно с Колой, которая сказала почти то же самое.

Дальнейшая дискуссия закончилась, когда в их ушах зазвенел голос. Казалось, что говоривший находится среди них, хотя никого не было видно:

— Бросьте еще что-нибудь, и ваша подруга умрет.

Из-за угла дальнего конца здания начали появляться фигуры. Куина шла первой, руки связаны за спиной, голова откинута назад за волосы, а к горлу приставлен клинок. Йелна держала и нож, и волосы. Прищурившись, она наблюдала за послушницами через плечо Куины. Рядом с Йелной шел Балло, горбатый, в мантии цвета индиго, которой лишь на несколько оттенков отличался от фиолетового Йелны; как и у нее, мантия была в пятнах крови. Кровь на его одежде выглядела такой свежей, что могла быть еще теплой. Его глаза яростно смотрели на девушек с перекошенного лица, причем янтарный глаз был намного больше и ярче, чем второй — он был настолько большим, что кости черепа исказились, чтобы его вместить.

— Не встречайтесь с ним взглядом, — прошипела Венна остальным.

Горб Балло делал его ниже сестры, и он смотрел на них из-под огромных бровей. Позади него в поле зрения появился третий маг, на этот раз в бледно-красных одеждах, материал которых был настолько тонким, что каждое дуновение ветра колыхало их вокруг его худощавой фигуры. Выше, чем двое других, его волосы, глаза и борода были полностью черными, а кожа медной, как у Яз, но каким-то образом он производил впечатление человека, полного великого света, хотя ни один его проблеск не ускользнул, чтобы предупредить глаз.

— Признаюсь, не ожидала, что ты найдешь нас. — Голос Йелны был тихим и ровным, но каким-то образом он достигал каждого уха; Яз предположила, что это результат ее ветер-работы. — Но это ничего не меняет. Яз, ты знаешь, чего хочет от тебя Сеус. И ты можешь увидеть первый платеж в цену, которую заплатишь, если будешь настолько глупа, что бросишь ему вызов.

Яз невольно сделала шаг вперед, и, хотя Йелна, казалось, не двигалась, яркая капля крови скатилась по шее Куины из-под лезвия мага. Ниом наполовину подняла руку, в ее руке сверкнула еще одна звезда, но она не сделала ни малейшего движения, чтобы ее бросить.

— Я знаю, что твоя подруга быстрая, но, если она попытается сбежать, перережет собственное горло. — Йелна кивнула в сторону брата. — Яз последует за Балло. Остальные послушницы вернуться в монастырь. Как только ты сделаешь то, что от тебя требует Сеус, ты и твоя подруга сможете вернуться к жизни на льду или заняться чем угодно.

Яз склонила голову:

— Идите.

— Что? — В голосе Венны прозвучало недоверие. — Ты ведь не собираешься делать то, что они говорят, верно?

— Ты сказала, что они собираются сбросить луну, Яз! — Брови Хеллмы поднялись, став удивленными и нахмуренными.

— Идите! — Яз повысила голос. — Это единственный способ.

— Мы не можем ей позволить, — сказала Ниом. — Нет, если она использует для этого тебя. Она с отчаянием посмотрела на Куину. — Извини... Но это весь Коридор...

Темноволосый маг зарычал, и яркое пламя загорелось вдоль его пальцев, собираясь в ладонях, когда он поднял их, давая больше света, чем обычное пламя:

— Она спасает ваши жизни, маленькие послушницы. Лучше бегите.

— Не надо! — Яз не нужно было притворяться испуганной за послушниц, но это было именно то, на что она надеялась. Предлог, чтобы привести корабль-сердце вниз так, чтобы маги не обратили свои силы на ее друзей. — Не причиняйте им вреда. Я прогоню их прочь!

Звезда упала с высоты, бело-золотой метеор, спускающийся к поверхности Абета. Маги, все еще находившиеся в нескольких ярдах от звезды, напряглись, выдерживая ее ауру. Йелна поморщилась, и еще две струйки крови появились под ее клинком, пламя огненного мага замерцало синим, затем зеленым, ослабевая в его руках. Свет звезды отразился в огромном глазу Балло, и тот с проклятием отшатнулся. Венне и остальным пришлось бежать еще до того, как звезда достигла Яз. На их лицах потрясение от предательства смешивалось с ужасом. Галли с криком побежала обратно тем же путем, которым они пришли. Остальные четверо продержались на несколько мгновений дольше, затем не выдержали и тоже побежали.

Теперь у Яз была звезда, и она приложила к ней обе руки, превратив их в силуэты на фоне яркого света, пока корабль-сердце сжигало ее плоть и пыталось разум. Нить-ландшафт открылся перед ней, как это всегда бывало рядом с корабль-сердцем, позволяя ей получить такой доступ к нему, которого, возможно, даже сестра Сова никогда не достигала за все свои десятилетия учебы и практики. Слово с реальности сорвали кожу, обнажив сложность мышц и жира, артерий и вен, которые управляли действиями мира. Сестра Сова говорила, что все умения марджалов, вся

их магия — это просто инстинктивные манипуляции сопредельными видами нитей: один набор для огонь-работников, другой для лед-работников, даже глаз Балло просто использовал нити, которые связывали его с местами, в которых он бывал в прошлом.

Сила квантала проявлялась в двух вариантах. Одним из них был жестокий молот Пути, сила которого ограничивалась только тем, что тело любого конкретного человека могло направлять, не разваливаясь на части. Другой — тонкое манипулирование нитями, из которых соткано существование. Теоретически прямое натяжение нитей могло дублировать любой навык марджала, но на практике ни у одного квантала не было таланта, равного марджалу, в какой бы конкретной сфере кровь ни одарила их способностями.

Яз, однако, имела корабль-сердце, которое усилило ее способности, одновременно медленно разрывая ее на части. У Серых Сестер были наркотики, которые могли сделать тебя сильной, невосприимчивой к яду или быстро соображающей. И за каждый приходилось платить свою цену. Корабль-сердце было наркотиком Яз, и оно помогало ей лучше справляться со всем, что давала ей кровь. Кровь Пропавших. Она медленно протянула руку, сосредоточиваясь.

— Отправь корабль-сердце обратно, — проговорила Йелна сквозь стиснутые зубы. — Ты принесешь обе звезды, потом, но пока держи их подальше от нас.

Яз нашла среди огромного множества нитей то, что искала. Свет корабль-сердца сосредоточился на одном пучке. Одни нити соединяли Яз с будущим ножа в руке Йелны. Другие уходили в прошлое, рассказывали о ковке клинка, о бьющем молоте, закалке, выплавке руд, богатых железом камнях, вырубленных из земли... Яз схватила их все и грубо дернула — так делал Магистр Атоан, даже не видя их. Она хотела только повторить его силу, имитировать его талант к перемещению металла.

— Нет! — изумленно вскрикнула Йелна, когда нож оттащил ее руку от горла Куины. Возглас удивления оборвался, когда Куина, каким-то образом освободив руки, ударила женщину локтем в лицо. За долю секунды Куина выскользнула из рук Йелны и уложила Балло на пол похвально выполненным ударом в левую почку.

Огонь-маг поднял обе горящие руки, и, когда он это сделал, пламя вокруг них исчезло в дымке жара, вновь появившись вокруг корабль-сердца. Яз выпустила звезду с криком боли, отскочив от огненного шара, поглотившего звезду. Она перекатилась по разбитым каменным плитам, сжимая обожженные ладони под мышками. Что-то яркое с треском лопнуло между Йелной и Куиной. Какой бы быстрой ни была девушка-хунска, молния била быстрее. Куина, подергиваясь, упала на землю, по ее рясе поползли маленькие дуги молний.

Яз зарычала, вложив всю свою боль, гнев и шок в этот гортанный звук. Она держала руки там, где они были, и мысленно потянулась к сердцу корабля, приказав ему отправиться в гущу магов. К ее величайшему удивлению звезда не послушалась. Яз могла чувствовать ее присутствие, но огонь мага каким-то образом отгородил корабль-сердце от нее. Яз не думала, что это был сам огонь, скорее действовала воля марджала, которая вызвала бурю в нить-пейзаже вокруг звезды. Яз точно могла сказать, что это отнимало у него все силы, и он вряд ли сможет поддерживать этот огонь долго, но сейчас корабль-сердце не слушалось. Очевидно, Сеус научил своих союзников чему-то, чего не знал даже магистр.

Куина лежала на боку, оглушенная, недалеко от ножа, который Яз вырвала из рук Йелны. Маг увидела оружие и, не обращая внимания на своего брата, стонущего на земле, наклонилась, чтобы поднять его. Яз встала и побежала к ней, вытягивая покрытые волдырями руки и растопырив пальцы.

Яз полностью ожидала встретить удар молнии, но Йелна либо исчерпала свой запас, либо слишком боялась Сеуса, чтобы рискнуть ее убить. Вместо этого на Яз налетел порыв ветра, достаточно сильный, чтобы поднять кирпичи с разрушающейся бойни. Кто-то с криком упал позади, унесенный ураганом, который вместо того, чтобы утихать, почему-то усиливался.

Ряса Яз развевалась позади нее, хлопая, как хлыст, но она жила в пасти ветра еще до того, как научилась ходить. Инстинкт переместил ее центр тяжести вниз, пока она не наклонилась далеко вперед — если ветер внезапно прекратится, она упадет лицом на каменные плиты, и у нее будет слишком мало времени, чтобы предотвратить падение.

Качнувшись, Яз попыталась опереться на левый ботинок, в то время как ее правая нога выдержала весь удар. Она продвигалась, по несколько дюймов за раз, в горло урагана, изгибая свое тело, как это делают икта, чтобы не быть поднятыми настоящим ветром.

Порыв ветра стих, и Яз упала. Ей удалось не разбить нос о камень, и, подняв глаза, она увидела выражение недоверия на лице Йелны. Куина зашевелилась. Нож, за которым тянулась Йелна, исчез, унесенный ураганом. Балло стоял на четвереньках, а огненный маг продолжал поглощать горящее корабль-сердце, его лицо было бледным от усилий и покрыто бисеринками пота.

Позади Яз послышался стон, и, бросив взгляд, она увидела, что Хеллма и Кола лежат, прислонившись к столбу, в окружении разносимых ветром обломков. Они вернулись, как только огонь мага погасил ауру звезды.

Йелна снова задвигалась. Она достала еще один нож, поменьше, и добралась до Куины. Яз приподнялась, но

маг уже запустила одну руку в черные волосы Куины, а другой повела лезвие к ее горлу.

Что-то маленькое и серебряное просвистело мимо уха Яз, когда та попыталась подняться, и с мясистым звуком вонзилось в тыльную сторону руки Йелны, державшей нож. Женщина закричала и упала, схватившись за руку, в которой торчала метательная звезда. Венна появилась из ниоткуда и сбила Балло на землю как раз в тот момент, когда он поднялся на ноги.

Огонь-маг выпустил корабль-сердце, обратив свое внимание на ближайших послушниц, которыми оказались Венна и Куина. Огонь, скрытый в его глазах, вспыхнул, и оба глаза превратились в ярко пылающие топки. Белое пламя ярости лизнуло его руки, и он поднял их. Возможно, Йелна планировала сделать Куину заложницей, но, судя по всему, магу было наплевать. Пламя в его ладонях усилилось, и он отвел руки назад, яростный свет его взгляда сосредоточился на двух девушках. У Яз похолодело внутри. Сейчас они стоят. И времени нет ни на что. На что угодно. Куина умрет.

В следующее мгновение огонь-маг уже падал. Пламя на мгновение взметнулось вокруг него и погасло, когда он упал на землю. Стала видна Галли, несколько смущенно стоявшая позади мага и сжимавшая обеими руками окровавленный кирпич.

ХОТЯ ОНА ЗНАЛА, что находится во власти звезды, которая позволяет миру пронестись мимо нее, в то время как она застряла во времени, Мали также каким-то образом изучала далекое будущее, в котором она заняла место Сестры Сова в качестве Госпожи Путь Сладкого Милосердия.

Мали знала, что все вокруг нее не может быть реальным. Ее собственное тело, которому уже не тринадцать, но по меньшей мере сто, тоже должно было быть ложью, сплетенной время-звездой среди паутины неправды. И все же это казалось таким настоящим.

Она протянула руку девушке из лед-племени, стоявшей рядом с ней в комнате:

— Зоул...

Девушка едва не остановила руку Мали — движение бойца, — но овладела собой и, почувствовав, как Мали робко хлопнула ее по руке, втянула воздух, словно всасывая все эмоции обратно в себя. За несколько ударов сердца ее лицо снова стало бесстрастным, сосредоточенным и готовым ко всему, и только слабо блестящая дорожка слез свидетельствовала о мгновении... чего? Слабости? Мали не была уверена. Она почти ничего не знала об этой Зоул, стоящей перед ней, но даже на основе их краткого знакомства казалось, что быть Зоул вполне может быть очень трудной работой.

— Я все еще несовершенна, сестра. — Зоул склонила голову. — Больше времени с корабль-сердцем позволит мне продолжить мое совершенствование. Остаются слабые места, которые нужно устранить.

Мали отдернула руку, пораженная:

— Ты режешь себя? Выбрасываешь осколки?

Зоул встретила ее взгляд без тени эмоций:

— Оружие должно быть отточено. Палка не станет копьем, если не отсечь то, что мешает ощутить ее острый наконечник.

Мали с трудом подбирала слова. Синий свет начал заполнять поле ее зрения, и она чувствовала, что ее тянет обратно в свое время:

— Но почему? Что насчет тебя? Что насчет...

— Некоторые вещи требуют жертв, Госпожа Путь. — Она протянула руку и взяла Мали за запястье чуть выше отсутствующей кисти. В ее глазах появилась новая напряженность. — Вы это понимаете. Вы знаете, что существует много видов жертвоприношений. Вы знаете, что кое-что не должно стать оплаченным никогда — если только не добровольно и не тем, кто сам станет для этого платой.

Синий свет заполнил комнату, превратив Зоул в тень.

— Подожди... — Мали боролась за то, чтобы остаться там, с Зоул в Башне Пути в каком-то неизвестном будущем.

— Вы это *понимаете*, — повторила Зоул. Ее хватка на запястье Мали ослабла или прекратилась.

— Она велела тебе это сказать. Не так ли? Яз тебе сказала? Кто она для тебя?

Слова Зоул слабо доносились до нее сквозь океан синего света:

— Она идет за вами.

— НАБЛЮДАЙТЕ ЗА НИМИ обоими. Они все еще опасны! — Венна взяла на себя заботу о пленника. Послушницы связали руки Йелны и Балло за спинами кусками веревочных поясов, которые они завязывали вокруг ряс. Яз надеялась, что они сделали это лучше, чем Йелна, связавшая запястья Куины за спиной.

Хеллма и Кола слегка почистились после того, как ураган Йелны прокатил их по площади. У обоих были царапины и ссадины. Что-то порезало Колу над левым глазом, и кровь тонкой струйкой стекала по лицу. Кола, казалось, этого не замечала.

Венна подтолкнула Йелну к дальнему концу бойни:

— Она все еще может потрясти нас молниями, и он — сыграть злую шутку с твоими глазами. Так что, если они что-то затеют — ударьте их ножом.

— Мы должны связать и его. — Галли все еще стояла над упавшим огонь-магом, очевидно, считая, что после удара кирпичом по затылку ты встаешь и уходишь после короткого отдыха лицом вниз в луже собственной крови. Хеллма и Яз обменялись взглядами.

— Да... — Хеллма обняла Галли за плечи и повела ее вслед за Венной. — Мне кажется, что на какое-то время он отключился.

Яз решила, что маг «отключился» на всю оставшуюся жизнь. Этот человек едва не испепелил людей, которые были ей небезразличны: она не собиралась лить по нему слезы.

Ниом подтолкнула Балло вперед, не обращая внимания на его неуклюжую, шаркающую походку. Госпожа Путь была убита, а послушницы не были склонны к милосердию, сладкому или иному.

Двери в дальнем конце большого здания были в лучшем состоянии и стояли приоткрытыми. Кола широко распахнула их, а затем замерла, уставившись прямо перед собой.

— Что это? — Венна подтолкнула Йелну вперед, чтобы присоединиться к Коле и посмотреть.

Бойня была выпотрошена, и даже каменные плиты исчезли, вырванные с корнем, оставив за собой грубый земляной пол, все еще темный от застарелой крови. То, что притягивало взгляд, находилось в центре: изменчивые, фантастические миазмы, светящийся туман, в котором в одно мгновение возникали тревожные очертания, чтобы рассеяться в следующее. И в центре этого странного, клубящегося тумана что-то темное висело на крюках для мяса, которые, в свою очередь, были прикреплены цепями к стропилам высоко наверху.

— Зокс! — Куина бросилась вперед, и никто не был достаточно быстр, чтобы остановить ее.

Железный пес висел на передних лапах, вытянувшись, как тогда, когда Теус использовал его, чтобы ходить на двух ногах, а не на четырех.

Куина остановила себя, прежде чем приблизилась на расстояние пяти ярдов к собаке, которая, по-видимому, все еще содержала Теуса. Слабые внешние завитки тумана обвилились вокруг нее, и она запнулась, прижав тыльную сторону ладони ко лбу, как будто была в замешательстве, или от боли, или от того и другого.

— Куина! — Ниом, следовавшая за ней, добралась до нее и начала оттаскивать.

— Что это за штука? — спросила Венна, нахмурившись.

— Это... сложно. — Яз прибежала на помощь Ниом. При этом она заметила тело, лежавшее у подножия полусгнившей лестницы — та вела к опасным на вид мосткам, открывавшим доступ к двум из восьми окон на левой стороне здания. Рядом валялись лук и связка стрел. Первое убийство Ниом, когда она бросила свою метательную звезду. Замечательный подвиг.

Хеллма вцепилась в мантию Балло и потащила его к Яз, которая вернулась с дрожащей Куиной:

— Что ты с ней сделал?

— Я? — Балло выдавил из себя усмешку. — Ничего. Теперь заклинание работает само по себе. Она только что оказалась на грани кошмара. Еще немного, и оно бы ее убило. Вы ничего не сможете здесь сделать.

— Сейчас я приду в себя. — Голос Куины был слабым и дрожал — противоположность ее обычной уверенности, граничащей с дерзостью. Она выглядела так, словно у нее на глазах вырезали весь ее клан.

— Мы ничего не можем сделать? — Яз повернулась, чтобы рассмотреть Балло, но избегая его взгляда, поскольку даже взгляд искоса в его глаз приводил в замешательство. — Но ты можешь. Ты исправишь все это. Для нас.

— Или что? — Йелна обрела дар речи, а вместе с ним и прежнее высокомерие. — Вы убьете нас, как убили Карима и бедного Ренара, лежащего у лестницы?

Яз сдержалась и не сказала, что Ренар пытался застрелить детей. Она отвернулась от Балло и встретилась взглядом с Йелной. *Или что?* Обоснованный вопрос. Как далеко она готова зайти, чтобы получить то, что хочет? В монастыре она узнала о вещах, о существовании которых хотела бы не знать. Пытка. Боль в наказание или для

обеспечения подчинения. Яз показалось, что, как и дилемма Икта над Ямой Пропавших, это был вопрос, в котором можно было бы собрать разумно звучащие аргументы в пользу чудовищного поступка. На весах, где многие взвешивались против немногих, сбрасывание детей в ледяную яму, убийство или сожжение беспомощного заключенного в поисках столь необходимой информации могли рассматриваться как неприятная необходимость реальной жизни. Однако Яз решила, что сами весы были преступлением. Жизни нельзя было отмерять по частям, ошибки нельзя было упорядочить и принять, с ними нужно было бороться.

— Ты должен отозвать свою магию, Балло, — сказала Яз магу. — Сеус хочет убить нас всех. Ты помогаешь ему просто для того, чтобы не быть первым в очереди. Но ты все равно в очереди, что бы ты для него ни сделал.

Яз показалось, что она заметила сомнение в глазах маленького человечка, но его вызывающая ухмылка тут же вернулась. Возможно, он не мог признаться, что был неправ, и это для него было важнее, чем поступить правильно. Создавалось впечатление, что, если некоторым людям дать выбор между признанием вины или смертью, они избавят тебя от необходимости приводить приговор в исполнение и перережут себе горло.

— Когда лед придет, Сеус сделает нас королями и королевами подземного города. Это невозможно остановить. Коридор закрывается всю нашу жизнь. Всю нашу историю. Дай ему то, что он хочет, и, может быть, ты тоже сможешь занять трон.

— Я предлагаю воткнуть в него нож и крутить, пока он не сделает то, что мы от него хотим. — Ниом вытащила свой клинок.

— Просто выкрутим ему руку. Либо он сломается, либо она, — Венна указала на Колу, — сделает то же с этой. — Она встряхнула Йелну. — Она была той, кто убил Госпожу Путь. Верно, Куина?

Куина ахнула, как будто нож Ниом вонзился в нее и жестоко повернулся.

— Сова мертва? — Слова вышли прерывистыми. Быстрее, чем мысль, ее рука взметнулась и ударила Йелну по лицу. — Почему? Тебе не нужно было ее убивать!

Отпечаток руки Куины выделялся на щеке Йелны, белый, обведенный малиновым. Из уголка рта взрослой женщины сочилась кровь. Несмотря на это, ей удалось криво улыбнуться:

— Вы, дети, не совсем понимаете, с чем имеете дело. Эта старуха пыталась помешать нашему хозяину, и она умерла. Умерла легко. Как вы думаете, что будет с вами?

Балло заговорил, более примирительным голосом:

— Город под нашими ногами в сто раз больше того, что на поверхности. По сравнению с владениями Сеуса, Верити подобен лачугам, где на задворках живут мороз-кланы.

Яз знала, что это неправда. Она и раньше видела бесконечные пустые помещения подземелий Пропавших. Но почему-то это казалось менее важным, чем видение, которое слова Балло вызвали перед ней. Взаимосвязанные залы с колоннами и сводами сверкали золотом и серебром, из-за чего даже дом Венны казался безвкусным.

— Сеус обещает только смерть и боль тем, кто выступит против него. Но для немногих избранных... — Слова Балло нарисовали образ цепей, крови и сверкающих орудий пыток, только для того, чтобы этот образ сменился картиной элегантных тронов перед банкетным столом, заваленным разнообразными фруктами и мясом. Яз даже не могла назвать большую часть пира и поняла, что все это не могло быть плодом ее собственного воображения. Она яростно затрясла головой и картина исчезла, сменившись бурлящим возмущением в нить-пейзаже, обнажившим работу магии Балло.

— Хватит! — Яз потянулась к Балло и швырнул его на пол. — Мы никого не пытаем, но этим двоим не сойдет с рук то, что они сделали. Я хочу, чтобы их обоих доставили в Сладкое Милосердие. Мы не можем рисковать, отдавая их Академии. Я не знаю, кто там сейчас главный.

Йелна подняла обе брови:

— Атоан!

— Один из ваших друзей пустил стрелу в Атоана, — сказала Яз. — И, если он умрет, это будет еще одно преступление, за которое вам придется ответить. — Она посмотрела на других послушниц. — Куина останется со мной. Венна, ты отвечаешь за то, чтобы доставить этих двоих к Сестре Овес, а затем обратно в монастырь. Используй их в качестве заложников на случай, если наткнешься на людей, которых они заставили охотиться за мной.

Венна покачала головой:

— Мы все должны пойти!

— Мы пришли сюда за Куиной, — сказала Хеллма. — Мы не собираемся оставлять ее здесь. Вы обе должны вернуться с нами. Что бы это... ни было... — она махнула рукой на Зокса, висящего в ступке медленно кружащегося кошмара, — это будет здесь, когда ты вернешься. Или этого не произойдет. Я не уверена, что лучше.

— Мы через многое прошли с Теусом, — сказала Куина, глядя на железного пса, нахмутив брови, как будто вспоминая прикосновение заклинания.

— Вроде бы ты назвала его Зоксом, — сказала Венна.

— Это... — начала Куина.

— ... сложно, — закончила Яз.

— В любом случае, — сказала Хеллма, — мы остаемся.

Яз оглядела большую девочку с ног до головы, заставляя себя вспомнить, какой молодой та была.

— Это много значит. Сестра. — Она сжала толстое плечо Хеллмы. — Но это война, к которой вы готовились большую часть своей жизни. Вот так вы служите Предку. А на войне мы совершаем самые трудные поступки. Мы играем свою роль, даже если это означает, что мы не можем сражаться рядом с нашими друзьями. Сестра Сова убита, и нужно сообщить об этом Настоятельнице Коготь. Убийцы должны предстать перед правосудием Церкви. — Взгляд Яз метнулся к Йелне, которая помогала на судебном процессе Яз в монастыре и сделала все возможное, чтобы та умерла. Возможно, у женщины был бы шанс испытать на себе некоторые из суровых наказаний монахинь, если бы они не предназначались только для послушниц. — Вернуть этих двоих — опасная миссия, и для ее успешного выполнения нужны все вы. Но я должна остаться здесь и разобраться с заклинанием. И мне нужна Куина. Она знает Теуса и разбирается в его хитростях.

— Я думала, он друг. — Хеллма нахмурилась, глядя на железного пса, словно удивляясь, как это странная статуя может быть чем-то, кроме предмета.

— Это слож... — начала Куина.

— Хитрый друг, — сказала Яз.

НЕДОВОЛЬНО ВОРЧА, ПОСЛУШНИЦЫ простились, все обменялись объятиями, сокрушительными Хеллмы. Та вложила рукоять своего ножа в руку Куины, игнорируя любые протесты:

— Я возьму еще один снаружи. Только не порежься. Твоя нож-работа ужасна.

Венна и Ниом держали свои клинки наготове у спин пленников, обещая нанести удар в случае попытки применения какой-либо магии. С последним «Благословением Предка» они ушли.

— Мы должны были позволить им остаться. — Куина стояла на углу здания, наблюдая, как остальные уходят по неровным каменным плитам. Галли остановилась у тела огонь-мага и начала что-то говорить, но Кола потянула ее дальше.

— Может быть. — Яз повернулась обратно к дверям. Образ мертвого проксима промелькнул у нее перед глазами. — Но Теус — наша проблема. Яд, который мы принесли со льда в Коридор. Мы должны сами разобраться с ним. И, кроме того, я не хочу видеть, как еще кто-то из наших друзей умирает.

— Да. — Куина последовала за ней. — Мы не хотим. — В этом они были полностью согласны.

ЯЗ РАЗМЕСТИЛА КОРАБЛЬ-СЕРДЦЕ и время-звезду прямо у входа в бойню и закрыла двойные двери, подня запорный брус на место. Она не собиралась приближать их к Теусу, особенно в его ослабленном состоянии. Более маленькие звезды едва не уничтожили его, когда он был гораздо лучше способен им противостоять.

— Расскажи мне еще раз. — Яз наблюдала за медленным вращением кошмаров вокруг Зокса. Иногда это выглядело просто как туман, клубящийся над горячим морем, но иногда она замечала что-то настолько тревожное, что ей приходилось стискивать зубы и заставлять себя не верить в то, что действительно может существовать весь этот ужас, который нарисовало ее воображение. Время от времени сквозь туман проступали цвета, пульсация красного пробегала по краям каждого завитка, удивляя ее тем, как близко они подошли к ней, или болезненный зеленый медленно распространялся от одной стороны к другой.

— Это похоже на кошмар, который мне снился до того, как меня бросили в Яму, — сказала Куина. — Сейчас я его не помню.

Последняя часть прозвучала как ложь. Яз рассматривала нить-пейзаж и то, как заклинание, казалось, постоянно вытягивало нити из нее и Куины — словно капли чернил в воде спиралью стекали вниз через отверстие.

— Это явно попытка сломать Теуса. Они вытянули из него по крайней мере один секрет, но, очевидно, хотят получить их все. Он один из Пропавших, а знания — хлеб магов. Даже если бы они не были в рабстве у Сеуса, они бы это делали.

— Держу пари, он сразу же рассказал им о тебе, — сказала Куина. — Чтобы спасти себя. Ему плевать как на Луну, так и на нас. Он просто хочет последовать за своим народом.

— Он хочет последовать за собой. Он хочет снова стать целым. — Это, по крайней мере, Яз могла понять. И если Теус — худшая часть Прометеуса, не сдерживаемая благородными инстинктами, то неудивительно, что его методы были столь убийственными. Однако в Коридоре его крайности едва ли выделялись на фоне долгой истории кровопролития. — Заклинание сосредоточено на нем. Он — центр круговорота. Я могла бы войти и уничтожить заклинание.

— Или быть уничтоженной. — Куина покачала головой. — Ты же не знаешь, что это такое.

— Ты мне не скажешь, — возразила Яз.

Куина посмотрела на свои ноги:

— У меня была только вспышка. Но там была ты. И твои глаза... Ужасные глаза, и я могла бы сказать, что ты меня ненавидишь.

Яз не хотела прикасаться к миазмам, окружавшим Теуса. Каждая ее частичка протестовала. Она предпочла бы, чтобы появился кто-нибудь из Церкви или Академии и распутал злое дело Балло. Но время было не на ее стороне. Теус, похоже, не собирался долго терпеть. Кроме того, Йелна и Балло сохранили удивительно храброе выражение лица, несмотря на поражение. Как будто верили, что помощь уже в пути. Возможно, у них была неуместная вера в силу своего хозяина и союзников. Или, что более вероятно, другие маги-предатели уже сейчас направлялись на бойню, сопровождаемые некоторыми ужасами Сеуса. Яз мельком видела несколько творений Сеуса через окна Стержень-корня на льду. У нее не было ни малейшего желания встретиться с кем-либо из них во плоти.

— Там слишком тихо. — Куина посмотрела на двери, затем на зияющие окна.

Яз прислушалась. По дороге сюда на улицах и в переулках было шумно. Трущобы были грязными и вонючими, какими угодно, только не пустынными. Но сейчас? Никаких звуков играющих детей. Никаких плачущих младенцев. Никаких криков торговцев.

Неужели все это прекратилось, когда Йелна обрушила на них свой ураган? Или...

— Давай побыстрее покончим с этим и уберемся отсюда. — Яз потянулась к внешним слоям кошмара, завязанным вокруг Теуса, затем отдернула руку. — Если я в нем застряну, беги в монастырь и зови на помощь.

— Не надо... — Но, какой бы быстрой ни была Куина, она не смогла остановить пальцы Яз, коснувшиеся заклинания.

Щупальце тумана обвилось вокруг руки Яз, темнея по мере того, как оно затягивалось. А в следующее мгновение бойня исчезла, сменившись безжалостной чернотой.

ТЬМА ВРАЩАЕТСЯ ВОКРУГ нее, но только когда появляются три яркие точки, она может объяснить себе откуда она знает, что вращается.

Яз спрашивает себя, не являются ли они тремя звездами, равномерно расположенными вокруг нее, но тут же понимает, что это три фигуры, каждая в своем собственном пятне света, источник которого не виден. Они вращаются вокруг нее, приближаясь и замедляя ход, пока не остается никакого движения, только трое мужчин, стоящих чуть дальше вытянутой руки и молча наблюдающих за ней.

Их имена возвращаются к ней с запоздалым узнаванием лиц, забыть которые было бы невозможно. Квелл, Турин, Эррис.

— Ты всегда собиралась уйти. — Квелл не изменился с того дня, когда она стояла на краю Ямы — она шагнула в пропасть, неся на плечах бремя его вопроса. — Что-то в тебе не давало остаться. Если бы твоя кровь не сломала тебя, ты бы все равно была сломанной. — Он попросил ее разделить с ним палатку, разделить его жизнь, родить ему детей. Это должно было быть все, чего она когда-либо хотела. Он хороший человек, красивый, заботливый, солидный, надежный, каждым дюймом Икта. — Что-то в твоём сознании сломано, Яз. Ты не знаешь, как быть счастливой. Ты не знаешь, как быть удовлетворенной. Всего этого никогда не будет достаточно для тебя. — В нем есть печаль. И боль, которую она в него вложила. — Ты бы все равно ушла.

Яз смотрит вниз, всего на мгновение, но почему-то именно Турин смотрит на нее, когда она снова поднимает взгляд. В нем так много того, чем не является Квелл. Скорее худощавый, чем широкоплечий. Черты его лица узкие и резкие. Закрытые, а не открытые, ищущие темные глаза. Скорее опасный, чем надежный. Он не создан для жизни на льду. И все же он пришел туда ради нее, вытасканный из темноты своих пещер в слепую белизну. Ради нее.

— Я отказался от своего мира, чтобы последовать за тобой. — Он говорит именно то, что у нее на уме. Ему не нужно говорить остальное. Это написано у него на лице. Он знает, что это был неудачный обмен. Разочарование, медленное осознание приходили к нему в течение нескольких месяцев. Он гнался за мечтой, и, когда ветер унес эту мечту прочь, Яз была всем, что от нее осталось.

— Я сожа...

Но перед ней стоит Эррис, и ему не нужны ее извинения. Он не обижен и не разочарован, только слегка удивлен.

— Ты для меня моложе младенца, — говорит он. — Ты думала, что Госпожа Путь была старой? Я был более чем в десять раз старше ее до того, как был заложен первый камень монастыря, в котором она прожила всю свою жизнь. Ты думаешь, Пропавшие — другой вид? Не кровь делает нас чужими, а прошедшие годы. Я настолько отделился от вашего вида, что стою ближе к Стержень-корню, ближе к Сеусу, чем к существам из плоти и крови. — Он качает головой, улыбка медленно сползает с его лица. — У тебя на уме любовь? Ты думала, что между нами... может быть... огонь? Ты ставишь себя в неловкое положение, дитя.

— Я совершил ошибку, — говорит Турин.

— Ты ошибка, Яз. — Квелл хмурится.

— Разочарование. — Турин изучает свои руки.

— Глупая девчонка. — Темный взгляд Эрриса останавливается на ней, без эмоций.

Яз не удивлена, потому что это всего лишь истины, которые она пронесла с собой через бесконечные мили льда. Но это истины, которые она крепко держит под замком. В прошлом они уже вырывались наружу — редко, по одной за раз, потрясая ее до глубины души, — но ей всегда удавалось загнать их обратно в черный склеп, куда не проникают мысли и память. Теперь все трое сидят вместе на плечах, которым не хватает силы их нести.

Она обнаруживает, что стоит на коленях и что в ее груди открылся колодец печали. Душевной боли достаточно, чтобы в ней утонуть.

Ее руки лежат на полу, и слезы каплют на землю между ними.

На каменной кладке появляется пятно.

И оно расплзается. Оно движется. И даже в глубине ее отчаяния какая-то маленькая часть любопытствует, и глаза следят за пятном, когда оно достигает пальцев, делая их черными.

— Дорогие боги. — Голос, который звучит в ее голове, жесток, безразличен, знаком. — *Это* и есть твой кошмар? Три мальчика с оленьими глазами ведут себя подло? Черт возьми, ты бы видела мои. Вот там творится какое-то *серьезное* дерьмо! Я имею в виду маленьких братьев и сестер, умирающих от моих рук, любимых собак, сломанных и сожженных, амбиции всей жизни, разбитые вдребезги за мгновение до победы. Классика. И вот ты здесь, вздыхая по мистеру Скучни, мистеру Хмури и Мальчику-роботу? Если бы у меня был желудок, меня бы вырвало прямо сейчас.

— Ч-что? — Яз смагивает слезы, тяжело дыша ноющей грудью. Почему-то она вся в соплях и слезах, словно плачет уже несколько часов.

— Ты же не можешь всерьез думать, что эти три ничтожества определяют тебя? Я обошел ментальный блок, племя-девочка. Ты думаешь, что твои лучшие шансы на счастье связаны с первыми тремя мужчинами, которых ты встретила, и только потому, что они выглядят подходящего возраста, имеют все четыре конечности и собственные зубы?

Яз собирается ответить словами Матери Мазай: *боги подсунут нам наши половинки, потому что лед слишком велик, чтобы охотиться за ними*. Но это звучит немного глупо здесь, в Коридоре, где нельзя сделать и четырех шагов, не встретив нового человека. Поэтому вместо этого она задает другой вопрос.

— Кто... кто ты такой?

— Я? Этот вопрос ты должна задать себе. А не то, кем ты являешься. Заклинание проникло тебе под кожу. Избавься от него, или ты бесполезна для меня.

— Т-Теус? — Теперь Яз вспомнила. Это было заклинание.

— То, что от меня осталось, да. К счастью, я сохранил большую часть эго, и это очень удобно для надоедливых эмпагов, вроде твоего пучеглазого друга, который думает, что он какой-то волшебник. — Теус разразился лающим смехом.

— Балло не мой друг...

Теус прервал ее:

— Итак, еще раз, кто ты такая?

— Яз из Ик...

— Забудь об Икта. Ты не больше Икта, чем последняя пара перчаток, которые ты сняла.

— Яз.

— Да. Ты, Яз, единственная в своем роде. Такой же остров, как и все остальные. Крепость. А теперь открой глаза.

— Они уже от...

— ПРОСТО СДЕЛАЙ ЭТО!

Яз моргнула и оказалось, что она стоит перед Зоксом, неподвижно висящим среди разрушающего заклинания, рассеивающегося, как туман от дыхания.

В глубине черных глаз железного пса вспыхнул красный огонек. Он повернул свою тупую голову с легким скрежетом металла о металл:

— Ты не сохранила мне мага?

— Мага? — Яз обнаружила, что нетвердо стоит на ногах. Ворчливые голоса Эрриса, Турина и Квелла все еще отдавались эхом в ее голове, но она предположила, что это были просто ее собственные голоса, принадлежавшие похожим на Пропавших демонам, которые уже ушли. Тем же демонам, которые заполняли железную оболочку перед ней. — Почему мага?

— Потому что мне надоело этот дурацкое устройство, — прорычал Теус. — Я хочу снова носить плоть. Стоять прямо. Чесать себе задницу. Или что-нибудь еще.

Яз прижала руку ко лбу, пытаясь избавиться от укоренившейся головной боли:

— Ты можешь спуститься?

— Если бы я мог, я бы все еще висел здесь? Как ты думаешь, ты, тупая...

Теус резко качнулся в сторону, когда крайняя левая из цепей, удерживавших его, ослабла и начала падать сверху с шумом, похожим на железный дождь.

— Я освобожу другую! — Куина побежала через бойню к какому-то колесу с храповиком на противоположной стене. Через несколько мгновений Зокс с глухим стуком упал на пол, его накрыло ярдами спускающейся цепи.

Теус застонал и согнул свои металлические конечности:

— Вы принесли его?

— Кого? — спросила Яз.

— Часть меня, которую я послал за вами.

— Из-за этой части кое-кто умер, — прорычала Яз.

— Люди умирают все время. Вы принесли его?

К ним присоединилась Куина:

— Он называл себя Кеот.

— Мне плевать, как он себя называл. Вы...

— Мальчик умер. Демон ушел вместе с ним. — Яз поняла, что здесь не будет ни раскаяния, ни извинений, ни вины. Если Прометеус и обладал способностью к таким вещам, то она ушла вместе с его плотью в тот рай, ради которого Пропавшие оставили мир.

— Черт подери! — Теус ударил по земле передними лапами Зокса, вспарывая землю. — Из всех глупых... Как ты могла позволить этому случиться?

— Я же говорила тебе, что мы должны оставить его магам, — сказала Куина. — Какая от него польза?

Яз глубоко вздохнула и попыталась засосать внутрь себя весь свой гнев и обвинения. *Безмятежность*. Сестра Сова потратила больше времени на обучение этому, чем на что-либо другое. За этим следует ясность. Яз нуждалась и в том, и в другом:

— Мы спасли Теуса, потому что он собирается помочь нам открыть ковчег.

Теус попытался изобразить нечто похожее на пожатие плечами. Металл заскрежетал:

— Мне нужно будет открыть его, когда я, наконец, получу обратно ту часть, которую ты отпустила. И если я буду ждать слишком долго, я полагаю, ты состаришься и умрешь у меня на глазах. — Его ноздри открылись, и он резко втянул носом воздух. — У тебя уже есть четыре корабль-сердца?

— Нет.

Теус поднял голову Зокса и серьезно поглядел на нее:

— Три?

— Я «заняла» одно в Академии.

Теус обмяк:

— Просто верни эти крюки на место и снова меня подвесь. Ты хуже, чем мои кошмары.

— И я взяла второе, но оно сломано.

— Время-звезда? — Теус снова поднял глаза.

— Да. Ты можешь ее исправить?

— Нет.

— Ну, теперь нам нужно идти и спасать остальных. — Яз направилась к дверям, хотя на самом деле она не знала, как попасть в подземный город. Куина присоединилась к ней.

— Нужно? Для чего? — Теус не последовал за ними.

Яз попыталась придумать причину, которая могла бы мотивировать Теуса:

— У них Стержень-корень.

— И что? Все, что нам нужно, чтобы попасть в ковчег, — это ты и четыре корабль-сердца.

— Я хочу открыть ковчег только для того, чтобы Стержень-корень мог попасть туда и защитить его от Сеуса, который собирается найти способ проникнуть туда иначе — с корабль-сердцами или без них. И теперь, когда ты сказал ему, что я, возможно, могу открыть ковчег, он пытается меня схватить, а не убить!

— Ты говоришь так, как будто это не улучшение. — Теус усадил Зокса так, как сидели ездовые собаки Квинкс. — Ты хочешь, чтобы он тебя убил?

— Он убьет меня потом.

— Чашка наполовину пуста. — Теус переводил взгляд с Яз на Куину. — Я хочу, чтобы ковчег был открыт. Мне все равно, кто войдет или кто выйдет. Я хочу подняться, вот и все. У меня есть дела, которыми нужно там заняться.

— Сеус хочет уничтожить Луну! — крикнула Куина. — Он хочет уничтожить все это. — Она неопределенно махнула рукой.

Теус огляделся, не впечатленный.

— Это полуразрушенная бойня, и, — добавил он, прежде чем она успела возразить, — то, что снаружи, не намного лучше. Меньше года назад вы не знали, что все это существует. Вы никогда не видели ни его, ни эту их луну. Вы можете вернуться на лед и жить той бледной маленькой жизнью, которую ведете вы, люди. Я не понимаю, почему это должно иметь для меня значение.

— Если луна упадет, все это будет покрыто льдом на многие мили к тому времени, когда ты снова найдешь свою недостающую часть, своего Кеота. И без него и остальных частей ты не сможешь вознестись. — Яз не была уверена, правда ли это — даже «целому» Теусу не хватало того хорошего, что было в оригинале, — но Теус, казалось, думал, что он все еще может вознестись и что для этого ему нужен весь он, оставшийся на Абете.

Теус рухнул на пол с серией звуков и преувеличенным вздохом:

— Очень хорошо. Заберите меня назад. Нам понадобится тележка.

— Назад? — Яз посмотрела на Куину.

— Тележка? — одними губами произнесла Куина.

— Назад! — повторил Теус. — Назад, туда, где вы оставили меня. Если только у вас нет лучшего способа попасть в подземный город? И да, тележка, если только вы не хотите, чтобы я шел по городу и шокировал крестьян. — Он покачал головой. — Маги были гораздо лучше организованы, скажу я вам.

— Ты можешь добраться до подземного города из тех пещер? — Яз была поражена.

— Они идут вниз, не так ли?

— И подземный город простирается так далеко?

— Как, по-твоему, они меня поймали? Я не бродил по городу в виде... пса.

Яз медленно покачала головой, привыкая к этой мысли. Под ногами у монахинь был вход в мир их врага.

— Как нам раздобыть тележку? — Она понятия не имела. Ее впечатление о жителях Верити заключалось в том, что они были не из тех, кто просто помогает. Хотя, возможно, две послушницы могли бы получить какую-нибудь помощь...

— С помощью денег. — Теус опустил большую голову Зокса и медленно покачал ею из стороны в сторону. — Вам уже рассказали о деньгах?

— Э, нет. — Яз слышала это слово, но не поняла, что это такое.

— Да, — сказала Куина. — Это маленькие металлические диски. У меня их нет.

— И вы никого не убили по пути сюда?

— Нет...

— Ну, прямо снаружи лежит труп. Но не беспокойтесь об этом. Его, должно быть, уже ограбили. У человека на

полу, вон там, — Теус тяжеломерно повернулся к лучнику, который упал с мостков, — все еще должно быть то, что маги заплатили ему за его услуги. Если этого будет недостаточно, чтобы нанять тележку, значит, он занимался не тем делом.

Яз с радостью увидела, что обыскивать тело отправилась Куина. Мужчина приземлился лицом вниз, и одна из его рук лежала под сломанным углом. Куина обращалась с ним брезгливо, предпочитая залезать под него, а не переворачивать, чтобы показать все подробности того, что с ним сделало воссоединение с землей.

Она выругалась сквозь стиснутые зубы:

— Я ничего не могу найти.

Теус подошел, слегка волоча одну заднюю ногу.

— Он *не* повесил мешочек на пояс, чтобы было удобнее его украсть. — Одна железная лапа перевернула мужчину, разбрызгивая кровь и грязь; к счастью, протекающая крыша и кража каменных плит оставили достаточно грязи, чтобы скрыть худшие из его травм лица. Однако это никак не повлияло на запах.

— Не нужно деликатничать. — Теус выдвинул черные лезвия, которые служили когтями Зокса. — Он перестал чувствовать. — Ленивый взмах превратил куртку мужчины в ленты, также разорвав плоть под ней. — Не то чтобы я был бы деликатен, если бы он что-то ощущал.

— Вот. — Рука Куины метнулась вперед и в мгновение ока извлекла плоский кожаный пакет. Она открыла его и показала набор серебряных и медных монет.

КУИНА БЫЛА ВЫБРАНА для найма необходимой тележки. Выходя, она остановилась между двойными дверями и крикнула назад:

— Здесь везде люди!

— Что они делают? — спросила Яз.

— Просто смотрят, по большей части.

— Они будут смотреть, как городская стража вас арестует, если Куина не поторопится, — заметил Теус, затем начал сворачиваться в свой обычный куб.

Это заняло некоторое время, и каждую минуту Яз ожидала, что ворвутся гвардейцы и возьмут ее под стражу.

Никто так и не появился, Яз заскучала и стала еще больше нервничать. На бойне дурно пахло. Труп не сделал ничего, чтобы улучшить атмосферу. Какие-то неприятные твари ползали в тени, среди стропил, даже по земле, темной от крови поколений скота. Яз не привыкла к тому, чтобы кто-то где-то ползал. Это завораживало и тревожило, одновременно. Она опустилась на колени, чтобы осмотреть черного жука, занятого своими собственными многоногими делами и не обращавшего на нее никакого внимания. На льду были только люди и боги. Она решила, что для богов она что-то вроде жука — и тоже на обращает на них внимание. Даже когда она преградила жуку путь своим ботинком, существо не признало ее существования, просто изменив курс. С третьей попытки он вцепился ей в ногу, и она с криком стряхнула его, представляя себе всевозможные ужасы, если он доберется до ее плоти.

Теус засмеялся. Ровный, жестокий смех, который наводил на мысль, что он с удовольствием посадил бы дюжину этих тварей ей на шею. Горячий ответ Яз замер у нее на губах, когда двери содрогнулись. Мгновение спустя они со скрипом открылись, и Куина просунула между ними голову.

— Достала!

ЗНАНИЕ КУИНОЙ ЗЕЛЕНОГО языка оставляло желать лучшего, но оказалось, что деньги говорят сами : себя, и ей удалось вернуться с мужчиной и тележкой. Яз могла видеть вереницу оборванных детей, наблюдающих, как двери открываются достаточно широко. Старик, ведущий тягловую лошадь, был таким же тощим и грязным, как и дети, как будто шестьдесят лет ничего не сделали для улучшения его участи.

— Она достаточно прочная? — Яз с сомнением переводила взгляд с тележки на железный куб.

— Если цена будет подходящей.

Логика старика не выдерживала критики, но он помог двум послушницам использовать механизм с крюком и шкивом для загрузки Зокса, и, очевидно, цена была подходящей, потому что тележка просто скрипела и стонала, а не раскалывалась и не разваливалась.

Без промедления и второго взгляда на окровавленный труп, оставшийся после них, послушницы и их груз отправились в Сладкое Милосердие.

ЯЗ И КУИНА шли пешком, пока старик вел свою перегруженную тележку по улицам Верити. Железный куб который одновременно был и Зоксом, и Теусом, лежал, накрытый большим квадратом мешковины.

Обитатели трущоб либо слишком уважали монастырь Сладкого Милосердия, чтобы посылать за городской стражей, либо, возможно, слишком боялись. Либо ненавидели магов и городскую стражу. В любом случае, послушницы во второй раз без проблем преодолели давку у городских ворот. Вскоре они вышли из города, вернулись на дорогу к Скале Веры и пошли мимо гостиниц и ферм, возвращаясь по пути, по которому они шли с сестрой Совой в тот же день. Снова на знакомой земле, и воспоминания о событиях дня тяжелым грузом легли на них обоих. Яз не раз поглядывала на груды под мешковиной, считая ее плохой заменой тому, что было потеряно.

— СВЕРНИ НАЛЕВО. — СКАЛА Веры возвышалась над ними, отбрасывая тень — солнце садилось за нею. Впереди от главной дороги отходила узкая, изрытая колеями колея. Поворот на Виноградную Лестницу находился на четверть мили дальше и там ходили гораздо чаще, чем по этой заросшей тропе.

— Ваша монета, ваш выбор. — Мужчина повернул голову своей лошади. — Но я оставлю вас внизу. В наши дни даже я сам не смогу подняться по этой тропинке, не говоря уже о повозке. И там негде разгрузаться. Вам нужно использовать монастырский подъемник для бочек. Не то чтобы я уверен, что он выдержит такой вес.

— Мы справимся. — Хотя, на самом деле, Яз не продумала эту часть проблемы. Теус собирался провести Зокса вверх по тропинке на утес. Но если они хотели помешать мужчине увидеть истинную природу куба, то, как она предположила, они могли бы снять Зокса с задней части тележки и позволить ему упасть. Есть ли у них подходящие рычаги и достаточная сила — это другой вопрос, и ответ на него вполне может быть отрицательным.

На какое-то время деревья слишком отвлекли Яз, и она не стала обдумывать этот вопрос дальше. Она слишком торопилась, двигаясь по саду Таксисов, чтобы обратить внимание на небольшой лесок, через который прошла, добираясь до особняка. Здесь, однако, она шла с поднятой головой, с удивлением глядя на переплетение ветвей, на сложность листьев, танцующих на ветру, вдыхая запах, купаясь в скрипе и шорохе, каждый миг находя какой-нибудь новый сюрприз.

— Поймала! — Куина схватила Яз, когда та начала падать, споткнувшись о корень дерева, змеившийся по тропе. — Я была такой в первый раз, когда Венна и Ад привели меня сюда.

Яз провела пальцами по листьям куста, затем потянулась вверх, чтобы проверить прочность и текстуру ветки:

— И оно живое. Все это. Растет.

— Если ты зачерпнешь горсть земли, — Куина сделала это со скоростью мысли, — в ней есть... существа... живые. Смотри!

Яз увидела четыре или пять разных типов существ, каждое из которых отличалось и от нее, и от других. Они поглотили все ее внимание, и, на удар сердца, две звезды, следовавшие за тележкой, начали падать с неба. «Ух!» Яз восстановила их. Она удивленно покачала головой и обратила свое внимание на тропу как раз вовремя, чтобы снова не споткнуться.

К тому времени, когда они приблизились к подножию скал, лошадь уже выбилась из сил. Колеса повозки зацепились за корень одного из многочисленных деревьев, раскинувших свои ветви над тропой, лошадь напряглась, но потерпела поражение.

— Этого достаточно. — Яз подняла руку. — Дальше мы понесем его сами.

— Понесете его? — Мужчина смущенно огляделся по сторонам, как будто ожидал увидеть команду монахинь, готовых утащить его груз.

Яз отдернула мешковину и взобралась на повозку рядом с кубом. Она толкнула его. Ничего. Куина присоединилась к ней, и они толкнули вместе. Доски под кубом прогнулись, образовав ступеньку в дюйм или два до следующей доски. Куб не собирался скользить.

— У тебя есть веревка? — спросила Яз у мужчины.

— Не вижу, как это поможет. — Мужчина отвернулся и наклонился, все еще ворча, чтобы снять веревку с крючка на подножке. Яз прыгнула с повозки, поманив Куину присоединиться к ней.

— Двигайся! — Яз наклонилась и зашипела на Теуса. — Или помоги мне, или я верну тебя магам.

На какое-то мгновение наступила тишина. Каким-то образом Теус сделал ее угрюмой. Затем одна из конечностей Зокса начала разворачиваться пока не легла плашмя на дно повозки, и в тот же момент куб начал наклоняться. Когда он миновал точку невозврата, конечность убралась обратно, и куб покатился вперед, расколов последнюю доску на пути к земле. Он ударился об землю с глухим стуком, который заставил лошадь рвануться вперед, а кучера — выпрямиться:

— Клянусь яйцами Пред...

Яз демонстративно потеряла свои бицепсы:

— Просто потребовалось немного мускулов.

Старик бросил на нее осторожный взгляд и прошел мимо со своей тележкой. Он нашел место, где можно было развернуться, и, не сказав больше ни слова, проскрипел мимо, возвращаясь на основную дорогу.

Теус начал разворачиваться:

— Итак, где остальные идиоты?

Яз проглотила первый ответ:

— Эррис, Турин и Мали попали в ловушку время-звезды. Синей время-звезды.

— В ловушку? — Теус наклонил голову. — Интересно. — Он начал подниматься по достаточно крутой тропе.

— Откуда он вообще знает, где находится? — пробормотала Куина и пошла за ним.

Они поднялись по Дороге Безмятежности, следуя ее зигзагообразному пути вверх по почти отвесной стороне Скалы Веры. Не считая Виноградной Лестницы, на несколько миль вокруг не было другого способа добраться до плато, если ты не хотел взбираться сотню ярдов по отвесной скале.

К тому времени, когда они поравнялись со входом в пещеру, Яз сильно вспотела. Она привыкнет к толпе, животным, шуму и зелени еще до того, как привыкнет к жаре в Коридоре. Они обогнули склон скалы, используя выступы, которые казались слишком маленькими даже для детских ног. Яз первым прошла через скрытую трещину, открывавшую вход в пещеры. Она спустила корабль-сердце и время-звезду с неба и послала их вперед, чтобы осветить туннель прежде, чем последовать за ними. Несколько мгновений она ждала Куину — в туннеле стояла несусветная жара, — а затем они обе ждали, пока Теус протиснет свое железное тело через горловину.

— Где они? — требовательно спросил он.

— Кто?

— Глаза Наблюдателя, конечно! Тебе нужны четыре корабль-сердца. Это фрагменты второго.

Яз вздохнула:

— Я пыталась собрать их воедино, но не смогла.

— Ну, тебе придется, — сказал Теус. — Но одно можно сказать наверняка. Ты не сможешь построить из них корабль-сердце, если у тебя их нет. Так что... — Он замолчал, чтобы сдержать свой растущий гнев. — Где они, черт возьми?

— В Башне Пути. — Яз надеялась, что ей не придется заходить в монастырь. Они захотят расспросить ее о Сестре Сова. Они захотят взять на себя все это дело с ковчегом. Они не одобряют Теуса. Вообще все. И, что более важно, из-за нее их убьют. Она уже убила Као и Майю, а Турин, Эррис и Мали оказались в ловушке, Куину держали с ножом у горла. Она не хотела добавлять к ним новые смерти в Сладком Милосердии.

— Я подожду здесь. — Теус сел.

— В прошлый раз тебя здесь не было, когда мы вернулись, — сказала Куина. — На этот раз я подожду с тобой.

Яз прикусила губу, изучая их обоих.

— Не делайте глупостей. — И с этими словами она протиснулась мимо Куины, перелезла через Теуса и вышла обратно в умирающий день. Она оставила корабль-сердце и время-звезду там, где они были. Они остановят Теуса и Куину, если им вздумается уйти дальше в пещеру, и остановят все, что может прийти к ним оттуда.

К ТОМУ ВРЕМЕНИ, как она добралась до вершины, мысли Яз уже были сосредоточены на Настоятельнице Коготь, но, увидев Башню Пути, маячащую за домом настоятельницы, она вспомнила, что ей снова придется пройти сквозь стену в потайную комнату. Сеус будет охранять пути.

Часть ее надеялась, что она может просто войти в Башню Пути, собрать звезды, а затем уйти. Она с самого начала знала, что этого не произойдет. Яз не видела никого, но Серые Сестры никому не позволяли себя увидеть.

Она прошла одна через поле колонн. Заходящее солнце скользило по плато, отбрасывая тени от колонн на восток. Если бы монастырь не встал у них на пути, тени могли бы протянуться до края империи, как копыя, направленные против наступающей ночи.

Монахиня, которую Яз не узнала, в черном одеянии Святой Сестры, ждала ее в дальнем конце, тихо стоя в промежутке между последней из колонн и монастырем.

— Настоятельница желает поговорить с тобой.

Яз не питала иллюзий, что это была просьба. Она последовала за монахиней в большой дом, поднялась по ступенькам, прошла через дверной проем и оказалась в коридоре, гораздо менее величественном, чем тот, что принадлежал отцу Венны Таксис, но все равно большому и внушительному.

Настоятельница Коготь ждала за заваленным бумагами столом в комнате, увешанной портретами пожилых женщин, бывших обладательниц ее кабинета, если судить по их головным уборам и посохам. Ее окно со множеством свинцовых стекол выходило на территорию комплекса, где за ставнями начинали расцветать огни. Где-то в конце коридора отдаленные голоса сливались в однотонную песню — высокий, навязчивый припев.

— Ты будешь нужна в качестве свидетельницы на суде. — Настоятельница подняла глаза от своих бумаг. — Ты видела, как она умерла? — Намек на боль, которую Коготь скрывала в своем голосе, вырвался вместе с последним словом.

Яз опустила глаза и покачала головой.

— Она сказала что-нибудь, что я должна знать?

Яз снова покачала головой, увидев еще раз маленькую фигурку, лежащую на полу магов в темной луже собственной крови:

— Приведет ли это к войне? Между священниками и магами?

— Не такой, о которой ты думаешь. — Настоятельница Коготь подняла перо и подула на страницу перед собой. — *Другой*. — Она подчеркнула последнее слово. — Император уже призвал первосвященницу и мага Атоана предстать перед тронном.

Яз сомневалась, что Атоан будет стоять. Не с дырой, которую проделала в нем стрела, но она кивнула и устояла на свои ноги.

— Оно того стоило? — спросила Коготь с внезапной настойчивостью. — Неужели она умерла напрасно?

Яз подняла глаза.

— Я получила то, к чему мы стремились. Одного из Пропавших. Во всяком случае, кого-то вроде призрака одного из Пропавших. Если я хочу соединить эти звезды и открыть ковчег, он необходим. Его знания. Но стоило ли оно того? — Она глубоко вздохнула. — Нет.

— Поживем — увидим. Сестра Сова толкнула тебя на твой путь. Мы в долгу перед ней, и ты должна дойти до цели.

— Мне нужно забрать свои звезды из Башни Пути, а затем отправиться в пещеры.

— Я соберу команду, — сказала Настоятельница Коготь. — У нас есть Красные и Серые, достаточно близко. Никаких Мистических, но я могу послать в город Каннис за Сестрой Заноза. Если я отзову каких-нибудь сестер из Верити, это произведет плохое впечатление. К нам будет приковано гораздо больше внимания, как только о смерти Совы станет известно более широко. Император, без сомнения, пошлет своего брата. Первосвященница будет здесь к утру. Последнее, чего хочет кто-либо из них, — война Церкви с Академией. Мы должны быть осторожны и собрать наши силы незаметно, иначе кто-нибудь ошибется в нашей цели, и все это сгорит в огне.

— Вы могли бы рассказать все это вашему императору? — рискнула спросить Яз.

— Ха! — Настоятельница выдавила горькую улыбку. — Я не знаю, насколько сильно влияние Сеуса на него, но, конечно, оно есть. Сомнительно, знает ли Эдиссат, кто дергает его за ниточки, но печальная правда заключается в том, что он не надежен и много задолжал, самым различным образом. Ожидать от него четких действий во имя общего блага было бы заблуждением.

— Тогда не делайте ничего. Не рискуйте войной. Просто позвольте мне и моим друзьям сделать то, ради чего мы сюда пришли. Я могу забрать свои звезды с башни и уйти в течение часа. Я не хочу, чтобы кто-то еще умер.

— Ни в коем случае. — Настоятельница Коготь отложила перо и вытерла испачканные чернилами пальцы испачканной тряпкой. — Мы все слуги Предка. Мы не можем стоять в стороне и позволять другим заботиться о наших проблемах. Сестра Сова отдала за это свою жизнь... славную жизнь. Если бы ты знала хотя бы десятую часть того, что эта женщина... — Настоятельница покачала головой. — В этом монастыре нет никого, кто принял священный сан, но не был бы готов умереть, чтобы защитить Церковь и империю, но, прежде всего, чтобы защитить детей Предка, то есть каждого мужчину, женщину и ребенка на этом ледяном шаре, на котором мы живем. Да, мы работаем на Церковь и государство, но против внешней угрозы мы стоим за всех.

Яз растянула рясу в обе стороны, демонстрируя ее.

— Я тоже часть этого монастыря. Это больше не маскировка. Может, я и не молюсь Предку, но я часть этого сообщества. Сестра Сова кое-что значила и для меня, и я бы встала между ней и любым нападавшим, если бы мне дали такую возможность. — Она позволила рясе вернуться в привычные складки. — Позвольте мне быть вашим агентом. Если дела пойдут плохо, вы сможете сказать, что я действовала в одиночку, захватчица и обманщица со льда.

Настоятельница Коготь вздохнула и сжала губы в ровную, несчастную линию:

— Иди за своими звездами. Я встречу...

Раздался стук, и дверь открылась без разрешения настоятельницы. Вошла Госпожа Тень, окинув комнату быстрым взглядом, вся деловая, ее лицо с резкими чертами превратилось в маску, ни одна прядь ее светлых волос не выбилась из-под серого головного убора. Она подошла к столу Коготь, наклонилась и что-то прошептала ей на ухо.

Настоятельница Коготь нахмурилась еще сильнее.

— У нас будут неожиданные гости. Похоже, встреча первосвященницы с императором прошла не очень хорошо. Инквизиция уже в пути, при поддержке императорской стражи. — Она посмотрела на Госпожу Тень. — Не могли бы вы кое-что поменять, как мы обсуждали, и попросить Сестру Кольцо осмотреть библиотеку. — Она снова взглянула на Яз. — Сделай свое дело, дорогая, как можно лучше. И как можно быстрее.

Яз кивнула, послушница настоятельнице. Она повернулась и направилась к двери.

— И, Яз?

— Да, настоятельница? — Она остановилась в дверях.

— Ты — часть Сладкого Милосердия. Это место было построено для таких душ, как твоя. И Предок будет присматривать за тобой в самых темных местах.

Яз снова кивнула и позволила монахине, ожидавшей в коридоре, вывести ее из дома.

ЯЗ МОГЛА БЫ поискать Венну и остальных в дормитории или, возможно, они все еще бездельничали в аркадах послушниц. Часть ее хотела этого, хотела их компании. Но она сдержала себя. Сестра Сова говорила о Пути, принимающем множество обличей, не только как о чем-то, что нужно пройти, чтобы обрести силу, но и как о том, что поведет тебя по жизни, если у тебя есть глаза, чтобы видеть, и сердце, чтобы следовать. Яз еще не смотрела на это таким образом, но, прямо сейчас, поняла. У нее был путь, по которому она должна пройти, и в конечном итоге она пойдет одна, так что чем меньше людей начнут его вместе с ней, тем лучше. Если бы она знала способ спасти Куину и остальных от того, чтобы разделить с ней опасности, она бы это сделала, но пока им тоже придется идти тем же путем.

Башня Пути вырисовывалась на фоне сгущающейся ночи, черная на фоне алой россыпи умирающих звезд, над ее шпилем висел необычный белый свет звезды Надежды. Яз вошла в ближайшую дверь и обнаружила, что первый этаж, где висели портреты, был освещен полудюжиной фонарей, большинство из которых стояли на земле перед портретом молодой женщины. Дюжина послушниц сидела, скрестив ноги, наблюдая за картиной, возможно, в трансе безмятежности, потому что никто не плакал и никто не обернулся, чтобы посмотреть, на вошедшую.

Как и все остальные, портрет Сестры Сова содержал полет фантазии, связанный с ее характером и талантами. У нее был буйный поток каштановых волос, высокие скулы, лицо, полное энергии и доброжелательности. Казалось, она вот-вот заговорит — настолько, что Яз остановилась на полпути к лестнице, ожидая, что скажет Сова. Непokoйная тьма, полная крыльев и перьев, образовала границу, вызывая образы жестокого разрушения и напоминая Яз, что когда-то, давным-давно, будучи молодой, Сестра Сова была мощным оружием в служении Церкви. Компенсируя это, однако, и паря как над темнотой, так и над собственным лицом Сова, пара спокойных серых глаз смотрела наружу, казалось, видя весь мир и даже больше.

Яз отвернулась, чувствуя боль в груди, которая не утихала, пока она поднималась по лестнице. Каждый поворот винтовой лестницы забирал часть света, и к тому времени, когда она добралась до того места, где должен был находиться вход в третью комнату, она оказалась в крошечной тьме. Яз оперлась руками о стену. Она могла чувствовать звезды в пространстве за стеной, несмотря на защитные сцилы. Несмотря на свое нетерпение, она заколебалась. Возможно, Сеус поджидает ее в щели между двумя сторонами стены.

Яз подумала о том, чтобы отправиться на поиски кувалды, потом покачала головой. Ни одна ее часть не верила, что она доберется до ковчега, не столкнувшись лицом к лицу с городским разумом в той или иной форме. Если она сразится здесь и сейчас, никому из ее друзей не придется бы умирать рядом с ней. Но если она потерпит неудачу, это докажет, что она не годится для этой работы, и Стержень-корню придется найти другой инструмент для достижения своих амбиций.

Она потянулась к нитям каменной кладки и увидела, как они колышутся в потоке, который должен был пронести ее сквозь них. Еще мгновение колебания, и она позволила потоку увлечь ее. На самом деле это было не хождение сквозь стены, а скорее течение. Она подумала, что, хотя как Пропавшие, так и кванталы видели Путь, Пропавшие могли видеть его по-другому, скорее как она — как реку, а не путь.

Слепота лестницы сменилась мягким сиянием сотни сцилов и сине-зеленым свечением звезд, которые Яз считала глазами Наблюдателя. Когда-то, давным-давно, эти звезды были чем-то особенным и вместе составляли что-то большее. Яз проигнорировала их всех и повернулась, чтобы посмотреть на стену позади нее. Ее тело оставалось напряженным, готовым к бою, и, когда ее мышцы медленно расслабились, чувство разочарования сменилось облегчением от легкости перехода. Возможно, Сестра Сова нашла время усилить защиту от Сеуса, пока Яз лежала без сознания после неудачной попытки спасти мальчика-проксима от демона, которого он принес на Скалу. Хотя это казалось маловероятным.

Она собрала глаза Наблюдателя, установив их вокруг себя вместе с сине-зеленой звездой, которую она создала, соединив бесчисленные крупинки звездной пыли. Она бросила последний взгляд на комнату, на сундук Сестры Сова, который унаследует вместе с его содержимым следующая сестра, носящая титул Госпожи Пути, а затем снова потянулась к стене, позволяя Пути, реке, которая течет сквозь все вещи, унести ее обратно.

ВМЕСТО ТЕМНОТЫ ЯЗ вошла в неестественный белый свет, который так же эффективно лишил ее зрени. Она закрыла глаза и попыталась нащупать ступеньки ногами. Земля под ней была ровной, без малейшего намека на край. Прищурившись, она посмотрела сквозь пальцы и поняла, что она не одна. Ее звезды больше не вращались вокруг нее, но она чувствовала их позади себя, за каким-то барьером, сильно отличающимся от стены с сцилами, через которую она прошла.

— Если бы Сеус намеревался причинить тебе вред, было бы просто вонзить в тебя копьё в этот момент. — Голос старой женщины, говорящей на лед-языке.

— Джеккис. — Яз выплюнула это имя. Сквозь слезящиеся глаза она теперь могла видеть священницу, все еще одетую в церковную мантию, с серебряным деревом Предка на шее. По бокам от нее стояли двое крупных мужчин в

мехах, коже и кольчужных рубахах, их волосы от засохшей грязи превратились в пугающие шипы, бороды были заплетены в косы, каждая коса заканчивалась железным колпачком. Оба несли копья выше их самих с широким наконечником. Да, не пустая угроза — можно заработать кол в задницу.

— Пойдем со мной, девочка. Он хочет тебя видеть.

Яз опустила руки и огляделась. Она находилась в прямоугольной комнате с единственным выходом, который был заблокирован Джеккис и двумя мужчинами. Позади нее к стене были прислонены Тумз-врата диаметром в три ярда, нить-ландшафт все еще бурлил в замкнутом пространстве, через которое Яз, должно быть, появилась несколько мгновений назад.

Даже в панике Яз нашла время подумать, как врата попали в комнату, когда вход был явно слишком мал, чтобы они могли пролезть.

— Сейчас же! — пролаяла Джеккис.

Яз посмотрела на врата, гадая, сможет ли она пробиться обратно через них. Связь с ее звездами осталась, горящая нить, которая могла бы привести ее обратно через лабиринт других мест назначения и странных уголков.

Один из мужчин угрожающе опустил копьё.

— Эти мужчины — наемники-пеларти с лед-окраин. Это место, где лед встречается с Коридором. Это место, где лед скрежет над домами и фермами, замками и королями, лесами и озерами. Именно здесь ты видишь, кем мы станем в конце. Это страдание, которое порождает жестокость и замораживает сердца. И оно никогда не закончится, пока северный лед не соединится с южным. Короче говоря, не жди от них пощады и не заставляй их вести тебя силой.

Яз посмотрела на старуху, худую, хрящеватую, закаленную годами. Джеккис в ответ посмотрела на нее, и все, что она приписывала пеларти, было видно во взгляде ее темных глаз.

— Я пойду сама.

Яз позволила им ее вести. Как и сказала Джеккис, она была бы уже мертва, если бы Сеус хотел этого таким образом.

Дверной проем вел в ярко освещенный коридор. Свет исходил от белых прямоугольников на потолке, и в нем каждый цвет приобретал новый оттенок, отсутствующий в красном свете солнца.

— Как видишь, добраться до ковчега без разрешения лорда Сеуса невозможно. — Джеккис махнула рукой в направлении, противоположном тому, в котором она шла.

В глубине коридора сидели дюжины пеларти, чистя свое оружие и доспехи, некоторые разговаривали, другие настороженно наблюдали за ней. У большинства были светлые волосы, которые напомнили ей о Као. Лица женщины были раскрашены узорами синего цвета, у некоторых лучи холодного солнца протянулись по щекам и лбу. Они казались расслабленными, как будто могли быть резервом для охраны, находившейся дальше.

— И это может быть знакомо. — Джеккис указала на дверной проем, противоположный тому, из которого они вышли. В неосвещенной комнате за дверью фигуры, которые Яз приняла за какие-то ящики, на самом деле были существами, очень похожими на Зокса, но вместо его головы без рта и скромных когтей у них были широкие челюсти, полные сверкающих стальных зубов, и когти, пригодных для потрошения китов. Священница пошла дальше.

— Если бы это зависело от меня, девочка, я бы видела сейчас твой труп за то, что ты сделала с нами.

— И что я вам сделала?

— Черная Скала была моим *домом*! — Ненависть сочилась из ее голоса. — Ты убила большую часть жрецов. Ты уничтожила Аргеса.

Яз прикусила губу, чтобы не возразить. Какой смысл отмечать, что половину жизни эта женщина провела в комфорте Коридора? Или что Джеккис посвятила себя разрушению дома миллионов людей? Люди держатся за ненависть по причинам, которые имеют мало или вообще ничего общего со справедливостью или смыслом. И ни справедливость, ни смысл не освободят их от нее. Джеккис явно сделала себя врагом Яз, и ее стремление увидеть Яз мертвой никоим образом не было создано для удовлетворения потребностей ее хозяина.

— Помни об этом, икта. Ты жива только потому, что можешь открыть ковчег. Я советовала Сеусу не оставлять тебя в живых. Лучше поискать другого и устроить тебе жестокий конец — подготовимся для похожих случаев в будущем.

Яз не стала подливать масла в огонь ненависти этой женщины. Она смотрела прямо перед собой и держала рот на замке.

Через сотню ярдов коридор закончился белой дверью. Джеккис, не останавливаясь, пошла вперед, и дверь скользнула в сторону, открывая большую комнату с белыми стенами. По периметру располагались еще пять белых дверей. Огромная круглая серебряная дверь была вделана в пол в центре комнаты, ее единственная петля была толще бедра Яз. На дальней стороне комнаты стоял мужчина, выше и шире любого геранта, — и более чем в два раза выше Яз, — его мускулистое тело было облачено в белое мерцание, руки обнажены, лицо красивое, без

признаков возраста, хотя борода и вьющиеся волосы были белыми, как высокие облака. Он наблюдал за их приближением глазами, которые были голубыми от уголка до уголка и сияли обещанием молнии. Тело, которое Сеус создал себе в этом мире, не отличалось от того, которое носил Аидис в руинах подземного города подо льдом. Яз предполагала, что умы городов могут создавать себе любые тела, какие им заблагорассудится, единственное ограничение — воображение, но они моделировали себя по образцу Пропавших, все еще оставаясь рабами памяти тех, кто бросил их на произвол времени.

— Это то, что нужно открыть? — Она знала, что должна быть напугана гигантским потенциальным богом перед ней, но, в конце концов, если он наступит на нее, она будет так же мертва, как и тогда, когда один из наемников проткнет ее копьем. Дверь, однако, ее удивила. Впечатляющая дверь, без сомнения, но разве Сеус не может заставить ее открыться или не может проложить туннель мимо нее? В конце концов, в его распоряжении целые жизни.

Сеус поставил массивную ногу на портал.

— Это самый твердый из металлов. — Джеккис подошла и встала перед Сеусом, оставив Яз на попечение охранников. — Атомарно сжатый. Кубический дюйм его весит примерно столько же, сколько и ты. Но дверь, прежде всего, символ. Если лорд Сеус взломает ее, он не найдет на другой стороне того, чего желает. Чтобы получить доступ к силам ковчега, дверь должна быть открыта правильно, используя ключ-звезды. Корабль-сердца захватчиков могут служить той же цели в подходящих умелых руках.

Яз перевела взгляд с Джеккис на Сеуса:

— Почему он не говорит?

— Боги не разговаривают со смертными.

— Ты не смертная? — Яз вспомнила, что городской разум Весты за все эти годы ни разу не заговорил, даже с Эррисом. Но Аидис говорил в своих залах. Может быть, чем больше сломаны эти умы, тем меньше им было что сказать. Хотя, если Аидис, скрывающийся в своем самодельном аду, был более здравомыслящим, чем Сеус, это вызывало беспокойство.

— Лорд Сеус общается с верующими во снах и в пространстве за воротами. Я — его уста.

— И почему ты называешь четыре племени захватчиками? — требовательно спросила Яз. — Ты их потомок. Этот мир был почти пуст, когда они прибыли.

— Во мне течет кровь Пропавших, — с гордостью сказала Джеккис. Позади нее Сеус что-то прогрохотал словно вдали ударил гром. — Но испорченная и развращенная захватчиками, — поправила священница и поспешно продолжила: — Как я уже говорила, корабль-сердца захватчиков могут служить той же цели в подходящих умелых руках.

За ее спиной Сеус посмотрел на собственные руки.

— Но Пропавшие сделали звезды недоступными для умов городов. На самом деле это жестоко, ведь их сознания находятся внутри самых величайших звезд. Но Пропавшие боялись слишком доверять самому могущественному из своих творений. Они называли это разделением властей. И поэтому, чтобы достичь целей лорда Сеуса — доказать, что он достоин полного доверия и исполнит последнюю директиву Пропавших, в полной мере, — ему нужно задействовать посторонних, вроде тебя.

Яз попыталась изобразить уверенность, которой не чувствовала:

— Я не буду открывать его для тебя. Ты уничтожишь Абет.

Маленькие молнии затрещали вокруг пальцев Сеуса.

Джеккис нахмурилась, демонстрируя недовольство, которое в противном случае омрачило бы идеальные черты лица Сеуса:

— Это будет просто завершение процесса, который уже находится на волосок от конца. Ты можешь вернуться к той жизни, которую всегда знала. Никто из вашего клана или племени никоим образом не пострадает. Это битва тебя не касается.

Яз открыла рот, чтобы ответить, но заколебалась, представив, что могли бы сказать икта. Шевельнется ли внутри них хоть что-нибудь, если это место, о котором они никогда не слышали, перестанет существовать, каким бы чудесным оно ни было? Для них весь Коридор был не более чем другим миром, который, подобно острову в черном море, находился на таком расстоянии, что ничто происходящее там не имело никакого отношения к их жизни:

— Касается. Я видела зеленые земли. Я не хочу, чтобы они были погребены подо льдом. И мне жалко этих людей. Они не выживут на ветру. Мои друзья погибли, просто пытаюсь добраться сюда. Я не могу просто развернуться и уйти.

Джеккис нахмурилась еще больше. Молчание затянулось, и одна из огромных рук Сеуса опустилась и частично легла на плечо женщины.

— Лорд Сеус хочет, чтобы ты знала: Тумз-ворота могут отправить тебя не только куда угодно, но и *когда*

угодно. — Джеккис казалась еще более кислой, чем обычно, когда она это говорила, как будто предлагала Яз какой-то очень желанный приз, который, по ее мнению, та ни в малейшей степени не заслуживала.

— Почему это имеет для меня значение? Я не понимаю, как...

— Есть много будущих и много прошлых, девочка. Время похоже на вечно ветвящееся дерево. Если ты отправляешься в прошлое, которое пережила, то ценой всегда является потеря всех воспоминаний и информации из времени после того, в которое ты возвращаешься. Но ты можешь перенести свои воспоминания в ветвь, по которой ты не путешествовала. — Она выжидающе посмотрела на Яз.

Слова священницы придали новый смысл серебряному кулону с древом Предка на ее шее, но привлекательность ее предложения ускользнула от Яз:

— Я все еще не понимаю...

— Имея в своем распоряжении силу ковчега, лорд Сеус может найти тебе ветвь, где ты умерла, а твои близкие — нет. Представьте себе радость возвращения себя к ним, в то время как они, в свою очередь, возвращаются к тебе. — Джеккис удалось передать силу впечатления, что подобную радость себе и представить невозможно. — Отдай ему ковчег, и он даст тебе новую жизнь с теми, кого ты потеряла.

Яз уставился на существо, возвышающееся над Джеккис. Воистину, это были силы бога — переписывать правду, играть со временем:

— Почему бы ему просто не пойти в одну из этих ветвей, где все сложилось так, как он хочет?

Джеккис скривила губы, в ее словах сквозил гнев:

— Большинство враг повреждены, застряли на последней установке или имеют ограниченный радиус действия. Чтобы использовать их должным образом, требуется доступ к ковчегу. Но, в любом случае, лорд Сеус обязан служить на той ветке, на которой мы находимся. Его служение хозяевам требует, чтобы он оставался в этом настоящем.

Теперь уже нахмурилась Яз. У икта была поговорка, которую они хранили для Собрании, где раз в четыре года они избавлялись от своих сломленных детей и имели возможность торговать со всеми известными кланами. *Спроси себя, почему.* Это означает, что при любом бартере стоит спросить, почему человек, предлагающий вещь, хочет получить твой товар больше, чем то, от чего он отказывается. Как правило, ответ был невинным, касающимся избытка и недостатка. Но иногда это открывало тебе глаза и спасало от ошибки, которая могла оказаться смертельной. Но это был вопрос бартера — здесь же было вымогательство. Сеус держал Яз под угрозой смерти. У нее не было никаких причин доверять ему.

— Почему я должна тебе верить?

— Потому что лорд Сеус собирается позволить тебе вернуться, сейчас. — Джеккис указала на выход, и двое наемников отступили в сторону.

— Кроме того... — Сеус впервые заговорил, в его грохочущем голосе прозвучала угроза. — Это. — Его рука слегка поднялась и сомкнулась вокруг головы Джеккис, оборвав тонкий крик. Свет потускнел почти до нуля, и потрескивающий прилив энергии пробежал по старухе, искрясь по ее конечностям. В чередующемся сиянии и темноте плоть Сеуса на мгновение стала бледной, как у призрака, открывая под иллюзией его истинную форму. Черный металлический скелет, усеянный заостренными шипами, сквозь который пробежали молнии, образуя дуги между суставами.

Огни снова ожили, и Сеус выпустил то, что осталось от Джеккис — обгоревший и почерневший скелет с кусочками плоти, который упал дымящейся кучей. Ужасная вонь достигла Яз, и ее вырвало, прежде чем она повернулась и побежала. Она миновала двух охранников и помчалась по ярко освещенному коридору, на каждом шагу ожидая, что ее настигнет копьё.

Яз добралась до комнаты с воротами невредимой и ухватила за нити, все еще связывающие ее с глазами Наблюдателя. Она прогнала панику из головы. На нее никто не нападал. Сеус уничтожил Джеккис в знак доброй воли. Он убил кого-то, кто хотел видеть ее мертвой любой ценой. Это было пугающее и бессердечное представление, но оно должно было укрепить ее доверие к нему. Яз глубоко вздохнула и сосредоточилась, потянув за нити, пытаясь привлечь к себе звезды.

Врата загорелись тем же жутким светом, что и тогда, когда она вышла из них. Звезды не появлялись, но она чувствовала, как они давят на другую сторону границы, которая была одновременно и тонкой, как бумага, и толщиной в мили. Шагнуть в это пугало ее, но меньше, чем остаться. Она нырнула в них.

Удар сердца спустя она уже держалась за стену, чтобы не упасть с винтовой лестницы, на которой полдюжины звезд цвета океана отбрасывали тени во все стороны.

ЯЗ ПОСПЕШИЛА ЧЕРЕЗ монастырь, зная, что ее звезды привлекут много глаз. Она надеялась, что сможет бежать с территории до того, как друзья узнают о ее присутствии и потребуют пойти с ней в подземный город. Скоро появится инквизиция. Яз недолго пробыла среди послушниц, но уже слышала достаточно слухов об инквизиции, так что ей хотелось оказаться в другом месте, когда они придут. Будет лучше, если друзья смогут честно сказать, что не видели ее с тех пор, как покинули город.

Она обогнула дормиторий и притушила звезды, но они все равно светились в ночи, как тлеющие угольки. Она и раньше тушила звезда-пыль, но чувствовала себя менее уверенно в тушении и зажигании звезд такого размера, и, кроме того, если бы потушила их полностью, ей пришлось бы нести их на себе. Ее путь пролегал мимо Зала Меча и близко к краю плато, откуда она могла видеть множество факелов, извивающихся вдоль дороги на Верити. Силы, которые император направил в Сладкое Милосердие, не скрывали своего приближения. Далекие вспышки слились в линию огня, которая обещала, по меньшей мере, небольшую армию в движении. Яз вознесла молитву Предку за друзей, которых оставила позади.

Она добралась до колонн незамеченной, если не считать горстки монахинь, которые пропустили ее без комментариев — каждая из них была занята своими неотложными делами. Она вернулась на Дорогу Безмятежности. Складка плато скрывала Яз от дороги внизу, и она заставила глаза Наблюдателя вспыхнуть более ярко, чтобы они могли освещать коварный путь. В темноте тропинка казалась более узкой, а пропасть была вообще не видна.

Вход в пещеру, подсвеченный сиянием корабль-сердца, выделялся на скале, объявляя о своем присутствии любому, кто мог поднять взгляд с лесной тропинки.

— Ты заперла нас, как детей! — Куина вышла из трещины и сердито приветствовала возвращение Яз. — Ты оставила эту звезду, чтобы помешать нам исследовать пещеры!

— И это хорошо. В прошлый раз Теус сбился с пути и попал в плен. — Яз ответила Куине свирепым взглядом. — И ты только что призналась, что пошла бы туда без меня.

Куина недовольно фыркнула и скрестила руки на груди:

— Каков план? И где остальные?

— Я убедила их не приходить.

— Врешь. — Куина покачала головой. — Они бы тебя не послушали.

Яз сдвинула брови:

— Я видела силы Сеуса, которые ждут нас перед ковчегом. Ты же не хочешь, чтобы там были Венна, Хеллма и все остальные. Кроме того, у настоятельницы есть свои проблемы, и отсутствие послушниц доставит ей больше хлопот и вызовет больше вопросов.

— Силы? Какие силы? — спросила Куина, нахмурившись. — И откуда ты знаешь?

— Слишком большие. Наемники-пеларти — наименьшее зло среди них, но и они безжалостные убийцы. — Яз протянула руку и отправил корабль-сердце дальше по туннелю вместе с время-звездой. Глаза Наблюдателя она держала за спиной, достаточно далеко, чтобы не беспокоить Куину. — Нам нужно идти. Скоро за нами могут последовать войска.

— Войска? — Теус, до этого момента не признававший возвращения Яз, впервые проявил интерес.

— И инквизиция.

— О, черт возьми. — Куина пошла вслед за корабль-сердцем. — Все послушницы только и говорят о них. — Она покачала головой. — Почему люди здесь так себя ведут?

Яз последовала за ней, пожав плечами:

— Мне кажется, что люди повсюду будут такими, если дать им достаточно еды и немного свободного времени.

Мы создаем чудеса и ужасы в равной мере. Иногда и то, и другое одновременно.

Теус с ворчанием замыкал шествие:

— Устами младенцев...

ЯЗ ОСТАНОВИЛАСЬ ЧЕРЕЗ сотню ярдов в первой пещере, достаточно большой, чтобы между звездами и спутниками было достаточно места.

— Как ты попал в подземный город, Теус?

— Следовал за своим носом. Обычно, когда ищешь подземные города, нужно идти вниз.

Яз сдержалась от едкого ответа:

— Ты можешь найти путь, по которому прошел?

— Да.

— Хорошо. Тогда веди нас. — Она знала, что не сможет повторить маршрут, по которому они прошли через пещеры в день своего прибытия, но, возможно, Эррис, который ничего не забывал, поделился воспоминанием с Теусом. Когда Эррис рассказал ей об этом своем качестве, Яз позавидовала, но в последнее время изменила мнение.

За последнюю пару дней она слишком много чего увидела и искренне надеялась, что не пронесет с собой воспоминания о этом через всю оставшуюся жизнь. Хотя, учитывая то, что показал ей Сеус, это может занять совсем немного времени — если только она не примет его предложение.

Яз знала, что с помощью корабль-сердца она сможет найти нить, которая приведет ее к Мали и остальным. Другое дело, будет ли этого направления достаточно, чтобы добраться до них через хаотическую сеть туннелей и комнат. Однако, проведя много времени в других подземельях, Яз поняла, что они не были построены как лабиринты — скорее, они предназначались для проживания, хранения или для размещения машин, и по ним можно было относительно легко перемещаться, за исключением тех мест, где произошли обвалы.

— Ты видел что-нибудь здесь, внизу? — спросила Куина у Теуса. — Что-нибудь опасное? Кроме магов, которые поймали тебя? Охотников? Запятнанных?

— Некоторые из сталагмитов были довольно острыми.

— Ты мне не нравишься. — Куина нахмурилась. — Я думаю, что, даже если ты станешь целым, каким был до всего этого... ты все равно останешься ужасной личностью.

— Очень на это надеюсь. — Теус потопал быстрее, как будто ободренный ее руганью. — Из того, что я помню, я действительно был склонен раздражать многих людей.

— ТЫ ДОЛЖЕН БЫЛ сказать, что надо захватить немного еды, — пожаловалась Куина.

Спуск через Скалу Веры в систему пещер под ней занял, по ощущениям, несколько дней. Узкие переходы, крутые подъемы, скользкие камни, непроходимые туннели, и все это при том, что Теус, неуклюже продвигавшийся в теле Зокса, несколько раз падал и однажды скатился на полдюжины ярдов вниз по внезапному обрыву, пробившись сквозь сложную завесу из текучего камня, на формирование которой, должно быть, ушло неисчислимое количество тысячелетий. Они смогли утолить жажду в разных бассейнах, но их желудки, — особенно у Куины, которая привыкла к регулярному питанию, — уже некоторое время урчали. — Если бы ты сказал, сколько времени это займет, Яз могла бы принести припасы из монастыря.

— Для этого я слишком наслаждаюсь твоим страданием. — Теус неумолимо шел вперед.

Спустя час или два естественные пещеры пересекли первый из проходов подземного города, и с тех пор они пошли намного быстрее. Время от времени Яз останавливалась, чтобы с помощью корабль-сердце выбрать нити, связывающие ее с Мали. По ним было намного легче следовать, чем по тем, которые связывали ее, например, с Куиной; они давали направление, которого оказалось относительно легко придерживаться во взаимосвязанных комнатах разрушенного города Пропавших.

— ВСЕГДА ОДНО И то же, — с отвращением выплюнула Куина. — Одна и та же комната за комнатой. И один и тот же город за городом. Я не могу сказать, нахожусь ли я в Верити или Весте, и нам потребовались месяцы, чтобы пройти меньше половины пути между ними.

— Потому что лед такой разнообразный? — зарычал Теус. — О, смотрите, этот кусочек льда чуть блее, чем тот, что был десять миль назад. О, смотрите, немного снега! О, какой восторг! Бесконечный восторг! — Он покачал железной головой Зокса из стороны в сторону. — Кроме того, это очень явно экваториальная архитектура, явно отличная от вкусов севера.

Словно желая доказать его правоту, они покинули последнюю из серии идеально прямоугольных комнат, которые, возможно, предназначались для того, чтобы быть забытыми до отказа кубовидными ящиками, и вошли в сводчатый зал овальной формы со многими ярусами каменных кресел, со всех сторон возвышающимися над широким центральным пространством.

— Ты помнишь это место? Подземные города? Что в них происходило? Здесь внизу жили люди? — Яз не могла себе представить, зачем им это нужно. Она знала, что шпили Весты были разрушены уже во времена Эрриса. Зачем кому-то зарываться под землю, если можно жить высоко над ней, в сверкающих шпилях?

— Помню, но мало. — Теус хмыкнул и вошел в комнату. — Немного меньше, чем до того, как маги мной завладели, и мне пришлось уменьшиться. У меня бывают вспышки воспоминаний. Здесь, внизу, было чертовски лучше, чем сейчас наверху. — Он помолчал. — Но это был не рай. Просто бетон и сталь, преступление и горе. Думаю, именно поэтому они хотели двигаться дальше. — Он оглянулся на Яз и Куину. — Это в нашей природе — быть недовольными тем, что у нас есть. Мы хотим следующего — более зеленой травы, чего бы это ни стоило. Мы счастливы только тогда, когда движемся к чему-то лучшему. Иногда мы получаем то, что делает нас счастливыми. Не надолго. Главное — движение, прогресс. Та сила, которая перенесла вас со льда в Коридор, перенесла мой народ из этих мест в золотые города. Теперь они жалуются на свой рай. Можете быть уверены.

Теус направился к дальнему выходу, и Яз последовала за ним. Нить, вдоль которой она следовала, чтобы найти Мали, уже некоторое время слегка слегка задирало кверху, но когда они вошли в следующую комнату, быстро стала отвесной.

— Они над нами. Нам просто нужно найти путь наверх.

— Мы уже целую вечность не видели никаких лестниц, — сказала Куина. — Может быть, это и есть высший

уровень.

— Как это так получилось? — Яз остановилась и уставилась в потолок. — Они были в туннеле. Под землей.

— Со временем наверху накапливается почва, — объяснил Теус. — Особенно в городах. Там, вероятно, двенадцать слоев руин и канализационных коллекторов над тем, что было поверхностью, когда мы строили первоначальный город.

— Значит... мы просто продолжаем искать лестницу и стараемся не отходить слишком далеко? — Куина в качестве эксперимента надавила на живот, как будто ожидала, что он провалится под ее пальцами.

— Я спрошу город, — сказал Теус.

Яз поспешила за железным псом. Она привыкла думать о Сеусе и городе как об одном и том же, но слова Теуса напомнили ей, что Верити имеет собственную сущность, а город, в котором находится звезда пустоты Сеуса, лежит далеко под южными льдами. Чудовище, ожидавшее ее снаружи ковчега, было просто телом, которое он создал для себя и привел сюда. Возможно, десятилетия или столетия назад.

— Как далеко лестница? — Их догнала Куина.

— Все еще ведем переговоры, — сказал Теус. — Верити еще более деградировала, чем Веста. Требуется много аутентификации.

— Как вы вообще общаетесь? — спросила Яз.

— Я являюсь частью инфраструктуры. Все города нуждаются в техническом обслуживании. Этих базовых блоков было довольно много. Вероятно, некоторые из них все еще функционируют на нижних уровнях. — Теус резко свернул в проход поменьше. — Здесь должна быть шахта.

Яз послала корабль-сердце и время-звезду вперед. Они вращались по спирали друг вокруг друга, наполняя коридор красно-золотым светом. Примерно в пятидесяти ярдах дальше они обнаружили шахту, которая, как и многие в Весте, спускалась вниз рядом с проходом, и ее можно было принять за маленькую комнату, если не посмотреть наверх.

Яз направила глаза Наблюдателя по спирали вверх, чтобы осветить пространство над ними. Шахта поднималась футов на пятьдесят или около того, заканчиваясь чем-то похожим на грубый каменный потолок, не сочетающийся с гладкостью стен. В потолок был вделан небольшой квадратный люк, его запечатывала каменная плита.

— Твой народ любил лазать по стенам? — спросила Куина.

Зокс ничего не ответил.

— Итак... — Куина беспомощно указала на шахту.

— Я научилась нескольким новым трюкам. — Яз указала на вход. — Вам лучше отойти туда. — Она подождала. — Немного дальше.

Яз вызвала две самые большие звезды, которые ушли вперед по коридору. Поморщившись, она схватила корабль-сердце и, крикнув от усилия, швырнула его в потолок. Сила ее руки, конечно, не играла никакой реальной роли в результирующей скорости, но близость позволила ей резко увеличить ускорение, которое она могла придать звезде своим разумом. Опыт показывал, что звезды по существу невосприимчивы к физической силе. Что превратило их в пыль и осколки в Весте Яз так и не смогла определить, но их перемололи не ледники. И столкновение с каменной плитой на огромной скорости не ломает корабль-сердце.

Куски расколотого камня посыпались дождем, Яз отступила в дверной проем и подняла руку, чтобы защитить лицо от летящих осколков. Грохот был громче и яростнее, чем она ожидала, и оставил звон в ушах. Вокруг нее клубилась пыль.

— Боги... — еле слышно пробормотала Куина из глубины коридора.

Яз вернулась в комнату, щебень ходил у нее под ногами, пока она пыталась не задохнуться от оседающей пыли. Она опустила корабль-сердце и крепко ухватилась за него обеими руками.

— Как *нам* подняться? — крикнула Куина.

Яз понятия не имела:

— Я вернусь, как только их найду.

— Подожди, ты не можешь идти одна!

Но Яз уже поднималась, ее руки горели от острого желания отпустить звезду, а разум заставлял продолжать ее стискивать. К тому времени, как она плавно поднялась через квадратное отверстие наверху, шепот, скребущийся за мыслями, стал почти внятным. Яз отпустила звезду, как только у нее появилась новая почва под ногами. В этом шепоте было что-то настойчивое, и она решила, что, как только голоса начнут обретать смысл, их будет трудно игнорировать. Она спросила себя, каким образом Теус остается просто Теусом. Для нее идея о том, что она состоит из множества частей, была чистой абстракцией. За ее мыслями может быть много спорящих голосов, но в конце концов они позволяют ей говорить одним голосом. Теус же был разломан на составные части, и только усилием воли снова собрал их воедино. Даже сейчас он был создан меньше чем наполовину, и знал это. Он был измененным

инстинктом, злобой, ревностью, грубыми эмоциями... И все же, каким-то образом, он функционировал. Она стряхнула с себя это ощущение. Прикосновение к корабль-сердцу всегда вызывало у нее странное чувство.

— Я вернусь! — крикнула она в дыру и послала свое корабль-сердце вперед по новому туннелю, в котором оказалась. Нить Мали указала ей направление. Теперь она была близко. Яз заставила глаза Наблюдателя вращаться вокруг нее и приказала время-звезде следовать за ней.

Туннель не был сделан Пропавшими. Он был сырым, круглым в поперечном сечении, облицован кирпичом и пах землей. В десяти ярдах впереди туннель соединялся со вторым под прямым углом, и там, поблескивая на влажных стенах... синее свечение.

— Нашла тебя. — Яз поторопилась вперед.

Она ворвалась в большой туннель, ее корабль-сердце находилась на небольшом расстоянии перед ней, и сразу же обнаружила, что ее окликают со стороны света.

— Яз из Икта.

Яз прикрыла глаза и приглушила свет своей звезды, которая висела между ней и говорившим:

— Кто там?

— Ты знаешь меня, *сестра*. — Несколько человек вышли из-за изгиба туннеля, где они стояли, прислонившись к стене.

Яз узнала широкие плечи и густые брови, из-под которых, как она знала, смотрели два разных глаза.

— Крей.

— *Мать* Крей. — Священница притворилась обиженной. Позади женщины Яз смогла различить другие фигуры на фоне синего сияния, двое ближайших держали копья, готовые к броску, нацеленные не на нее, а в противоположном направлении. За этими двумя свет был слишком ярким, чтобы что-то разглядеть, но там стоял по крайней мере еще один человек. — Если ты собираешься носить рясу послушницы, то должна, по крайней мере, оказывать должное почтение священнице Предка.

— Если увижу хоть одну, я так и сделаю. — Яз опустила руку и переключилась с зеленого языка на ледяной. — Я знаю, кому ты поклоняешься, и это не Предок. Тот, на кого ты возложила свою веру, не является богом.

— Он — спасение, и этого для меня достаточно, девочка. Я выжившая. Икта тоже выжившие. Это даже не должно быть трудным выбором для тебя.

— Джеккис он не спасал.

Крей напряглась. Она потянулась к Яз, растопырив пальцы как когти:

— Если ты причинила ей вред...

— Это сделал Сеус. Он молнией пронзил ее с головы до ног. Не осталось ничего, кроме почерневших костей.

Оскал на лице Крей смягчился и превратился в насмешку:

— И еще говорят, что икта не лгут.

— Да, не лгут.

— Ну, одно можно сказать наверняка — тебе не стоит пытаться. У тебя действительно не очень хорошо получается.

— Я не лгу. Он сказал, что сделал это, потому...

— Здесь важно то, дитя, — прервала ее Крей, — что эти два джентльмена собираются бросить свои копья в твоих друзей, которые все будут мертвы, прежде чем поймут, что происходит. И эти копья будут брошены в любой момент, если ты немедленно не пойдешь со мной в ковчег и не сделаешь то, что требует от тебя лорд Сеус.

— Я уже была там. Он отпустил меня, чтобы я смогла получить корабль-сердца, которые мне нужны, чтобы открыть серебряную дверь. Ту, что на полу, в центре большой белой комнаты.

Крей нахмурилась, на мгновение сомнение отразилось на ее широком лбу.

Яз надавила еще:

— Именно там я видела, как умерла Джеккис. Я уже там была.

— Нет, не была. Мне бы сказали. — Она яростно тряхнула головой, словно избавляясь от сомнений, и оглянулась на копейщиков пеларти. — Итак, Том и Эгол останутся здесь, чтобы обеспечить твоё хорошее поведение, в то время как мы с тобой отправимся в ковчег.

Часть Яз хотела пойти к ковчегу вместе с Крей и посмотреть, как вера священницы в Сеуса обрушится у нее на глазах. Но она не хотела оставлять Мали и остальных на милость наемников Крей, равно как и бросать Куину на дне ямы в компании одного Теуса. Ей также пришло в голову, что она оставила Куину в темноте...

— Если ты их убьешь, тебе нечем будет меня шантажировать.

— Тогда я попрошу их начать только с одного из них. — Лицо Крей расплылось в медленной улыбке, обнажив гнилые зубы. — Ты можешь выбирать. Маленькая послушница? Она просто бродячая собака, которую ты подобрала в своих путешествиях. Небольшая потеря? Тогда, может быть, кто-то из Ямы? Тебе они нравятся, не так ли? Один из них — причина, по которой ты здесь. Кого из них ты пытаешься освободить? Кого из них я должна убить?

Яз подавила дрожь. Это был не тот выбор, который она хотела или могла когда-либо сделать. Шепот в глубине ее сознания говорил, что Эррис прожил так долго и Мали так мало... Она стиснула зубы и заставила его замолчать, сказав себе, что это был голос чего-то, что высвободило корабль-сердце. Но она беспокоилась, что на самом деле это было не так, что это была просто та нежелательная часть ее, которая говорила в тишине момента. Тот же самый старый голос, который всегда говорил недостойные мысли.

Мать Крей не была так близка к корабль-сердцу, как Яз, но ближе, чем кто-либо из магов или монахинь, за исключением Сестры Сова. Достаточно близко, чтобы золотистый свет освещал ее даже в приглушенном состоянии. Она несколько раз взглянула в его сторону, и ее лицо скривилось от неудобства, но она не сделала ни малейшего движения, чтобы отступить.

— Хотя, возможно, — добавила священница, — мне следовало бы убить их всех. Это сделало бы то, что лорд Сеус намеревается предложить, еще более ценным. Он может открыть врата в будущее, в котором они остались живы. Он может вернуть их тебе и не только их. Любые друзья или родственники, которые встретили безвременный конец, могут ждать тебя на льду, не тронутые тем, что отняло их у тебя.

Яз прикусила губу и с подозрением посмотрела на женщину. Сеус действительно предложил именно это. Он подразумевал, что врата могут привести тебя к любой возможности, которую пожелаешь, — что все это существует, разворачивается одновременно, каждый шанс исследуется в какой-то ветви бесконечного дерева. Что-то в Яз восставало против этого. Не против самой идеи — если это было правдой, значит, это правда, — а против представления о том, что любая из этих бесконечных вариаций имела для нее ценность по сравнению с тем путем, по которому она прошла. Отказаться от того, что дали тебе боги, от конкретной реальности, в которой твои поступки, хорошие или плохие, имели значение, ради чего-то, к чему ты не приложила руки, выбрать один из бесчисленных вариантов, сорвать одну снежинку с огромного сугроба, казалось, уменьшало ценность самой жизни. Либо жизнь, которую она прожила, имела ценность, либо нет. Но эта сделка могла бы иметь смысл для искореженной бесчеловечности Сеуса: он явно считал, что она будет ослеплена призом, который находится перед ней. Но Яз больше не была ослеплена и ясным взглядом посмотрела мимо Крей. Мали повернулась и застыла, глядя на Яз, хотя ее глаза, вероятно, еще не успели заметить ее присутствие. Позади нее Турин и Эррис остановились на полушаге, идя к звезде. Пространство между Эррисом и звездой было заполнено другими, более ранними жертвами, но фокусы света и времени скрывали, сколько их могло быть.

— Давай. — Крей направилась к ней. — Хватит об этом. Ты идешь со мной. А вы двое — если она или кто-нибудь еще приблизится без меня, убейте ее друзей.

Яз спасла Куину от ножа Йелны, потянув за металл точно так же, как это мог бы сделать Атоан, если бы он был там. Но на этот раз там были два копья, в основном деревянные, зажатые в более сильных руках. Она не видела другого способа спасти своих друзей, кроме как повиноваться Крей.

— Я пойду...

— Хорошо. — Разномастные глаза Крей пристально смотрели на Яз из-под нависших бровей. — Но я чувствую, что тебе нужна дополнительная мотивация для стоящих перед тобой задач. — Рот Крей искривился в уродливой улыбке, и она повысила голос, обращаясь к мужчинам позади нее. — Убейте одного из них, сейчас.

У ЯЗ НЕ было времени на раздумья. Она ускорила корабль-сердце по линии, которая, как она надеялась, поразит всех троих ее врагов. Она знала, что, даже если промахнется, никто не сможет метнуть копьё с корабль-сердцем вблизи.

Расстояние было слишком мало, и звезда не сумела развить скорость, с которой она разрушила плиту в шахте, но все равно довольно сильно ударила Крей в бок, когда та попыталась отскочить. Затем она с сокрушительным хрустом ударила первого из копейщиков в спину и бросила его на второго, который начал кричать еще до удара.

Крей, шатаясь, как пьяная, вернулась к центру туннеля, изо рта у нее текла кровь. Багровое пятно, не имевшее никакого отношения к полученному ею удару, расплылось по левой стороне ее лица, заполнив один глаз. Ее шея покрылась фиолетовыми пятнами. И, несмотря на то, что священница стояла на месте, Яз одновременно услышала и почувствовала топот ее ног, словно женщина мчится к ней. Это тоже была ошибка Яз. Корабль-сердце, возможно, ранило Крей как физически, так и морально, но и широко открыло ей Путь.

Крей закончила идти по Пути и, содрогнувшись, вернулась в себя, наполненная силой. Яз тоже потянулась к Пути, зная, что уже слишком поздно спастись. Она едва прикоснулась к нему, как Крей выбросила огромную энергию, которую Яз едва ли могла сдержать, даже с помощью корабль-сердца. Священница швырнула ее толстым разрядом разрушительной силы, горизонтальным столбом сверкающего света.

В то мгновение, когда Яз признала свою смерть, появилась какая-то темная рука, ворвавшись в этот момент, и последующий взрыв забрал все.

ЯЗ ВЫНЫРНУЛА, СЛОВНО вернулась из глубин Горячего Моря, в которые она так часто погружалась в воспоминаниях — туда ее утащили брат и зверь, державший его. Свет вернулся, сначала искаженный, как будто сквозь волны. Она открыла глаза и сквозь пыльный воздух увидела потолок из щебня и земли. Она сидела, предчувствуя боль, ожидая, что ее тело превратилось в руины. Вместо этого обломки упали с нее, обнажив рясу, грязную, но нетронутую. Повсюду валялись куски блестящего металла и измельченный кирпич. Дальше по туннелю в красноватом свете время-звезды она могла видеть, что кирпичная облицовка уцелела, но здесь стены были просто сырой землей, в которой был пробурен туннель. Просто чудо, что все это не рухнуло.

Яз медленно встала, понимая, что она все еще ошеломлена, пошатываясь от взрыва. Она медленно повернулась, вспомнив Крей, вспышку Путь-силы и... что-то... что заблокировало ее. Яз сама едва коснулась Пути, но того, что она успела принять, должно быть, было достаточно, чтобы защитить ее от взрыва того, что помешало...

— Зокс? — Голова железного пса была вмурована в стену. Из глазницы, где раньше был один темный глаз, поднимался дым. По обрубку его шеи тянулись разноцветные вены и стекала молочно-белая жидкость. Зазубренные куски металла, которые, должно быть, составляли остальную часть его тела, валялись на земле. — Теус?

Крей лежала лицом вниз, неподвижная, но не разорванная в клочья. Как и Яз, она была защищена от всей силы взрыва своей собственной энергией Пути, но люди позади нее были едва ли в лучшем состоянии, чем Зокс.

— Мали! — Но девушка все еще стояла там, где и была раньше. Дюжина осколков Зокса лениво вращалась в ее сторону по ровным траекториям, все время замедляясь. Яз застыла в ужасе, понимая, что к тому времени, когда осколки приблизятся к Мали, они будут двигаться достаточно быстро и пробьют ее насквозь, оставив в ней больше дыр, чем плоти — девушка превратится в красный туман, который скроет бойню позади нее. Турина и Эрриса тоже ждала подобная судьба. Она оглянулась на то немногое, что осталось от Зокса, и ее поразила ужасная мысль, что Куина могла быть с ним.

Яз оттолкнула эту мысль и снова перенесла внимание на Мали. Тишина казалась неправильной. В ушах у нее все еще звенело от воспоминаний о взрыве, и его жестокие последствия все еще происходили прямо перед глазами. Зазубренные куски металла, брошенные в этом направлении и попавшие в ауру время-звезды, заметно продвинулись к Мали, сократив оставшееся расстояние вдвое. Яз чувствовала, что должна бежать за осколками и отталкивать их в сторону, но, конечно, она никогда не доберется до них: звезда превратит ее бег в еще более медленное движение, чем у них.

— Мали! — Яз хотела потянуться к ней вдоль их нить-связи, но никакое предупреждение не могло помочь, и такой контакт мог снова заманить Яз в объятия звезды. Яз в отчаянии жевала щеку, нуждаясь в хорошем совете. Ей нужна Сестра Сова. Что бы сказала старуха? *Думать*. Она бы сказала, что надо думать. Но для этого надо время. — У меня есть время... — Осколки замедлялись. С их точки зрения они неслись быстрее, чем любая стрела, но чем ближе они приближались к звезде, тем медленнее двигались, если смотреть снаружи. — У меня есть время!

Яз притянула корабль-сердце ближе к себе, достаточно близко, чтобы вызвать дискомфорт. Затем, точно так же, как на бойне с ножом Йелны, она нашла нити, связанные с самым большим из кусков, нити, которые повторяли его траекторию в воздухе и могли быть прослежены до момента взрыва и дальше, обратно в единое существо, которое было Зоксом, и в его долгую историю, по большей части прошедшую под Черной Скалой. Она связала нити вместе и потянула за них, но не самым очевидным образом, как раньше, дергая нож на себя, а более тонким,

касательным способом, чтобы нити оттащили металлическую массу в сторону. Зазубренный объект из яркого и темного металла, сверкающий в свете звезд, никак не отреагировал, но Яз понимала, что любое изменение траектории произойдет в его собственном масштабе времени. Ей не нужно отдергивать его далеко в сторону, просто немного отклонить, чтобы к тому времени, когда осколок поравняется с Мали, он прошел сбоку от нее или пролетел над головой.

Яз переключила свое внимание на следующий осколок, длиной в половину ее предплечья, переворачивающийся на лету снова и снова. Она потянула за него, пытаясь отклонить влево от Мали. У меня есть время, сказала она себе. Время, чтобы вытащить множество фрагментов по отдельности, и, что не менее важно, время, чтобы увидеть, как развиваются эффекты, и оценить, потребуются ли большие усилия.

Работа оказалась изнурительной. Близость корабль-сердца грозила расколоть ее на части, вбивала тонкие клинья в невидимые трещины. И работа с осколками воздействовала на мозг, старалась отделить одну часть сознания от другой, когда на самом деле все ее усилия должны были быть направлены на то, чтобы сжать свой разум, как кулак, против разъедающей ауры звезды.

Все это время фрагменты, вращаясь, приближались к Мали, напоминая Яз, что время послушницы не было заморожено, а просто замедлилось, и кусочки Зокса, брошенные в ее сторону, двигаются очень быстро и должны достичь Мали в течение нескольких минут или часов, а не дней или недель.

Обеспокоенная тем, что у нее может не хватить времени для выполнения необходимой работы, Яз призвала к себе красную звезда-звезду Атоана, резко увеличив разницу между ней и объектами, на которых она сосредоточилась. Вот теперь осколки действительно почти перестали приближаться к Мали и странно окрасились: одна сторона стала синей, другая — красной, а середина — фиолетовой.

Во время работы Яз осознала любопытный резонанс между двумя звездами времени, одна из которых ускоряла время вокруг себя, а другая замедляла его. Сияние двух звезд, казалось, билось друг о друга. Звезда Атоана потрескивала под синим светом звезды из канализации. Яз спросила себя, как долго синяя звезда висела там. Возможно, с момента ее неисправности. Возможно, город вырос, чтобы встретить ее, обложил ее развалинами и похоронил только для того, чтобы раскопать ее столетия или тысячелетия спустя. Возможно, рабочие, которые копали туннель, все еще копали, не подозревая, что их смена длилась дольше, чем жизни всех, кого они когда-либо знали. Она стряхнула с себя гипнотизирующее влияние, осознав, что снова чуть не погрузилась во безвременное состояние, которое несколько недель держало ее в плену в монастыре.

— Нет. — Яз сосредоточилась и с больной головой вернулась к своей работе. Время от времени она отодвигала красную звезду и смотрела, как надвигается вихрь из зазубренного металла, пытаясь оценить, достаточно ли отклонена каждая деталь, прежде чем поднести красную звезду вперед и внести дополнительные коррективы, потянув здесь, надавив там. Она отметила, что аура красной звезды была значительно меньше, чем у синей звезды, которая начинала замедлять тебя на довольно большом расстоянии.

Наконец она была удовлетворена. Измученная, она оттолкнула красную звезду и мысленно схватилась за корабль-сердце, намереваясь оттолкнуть его на менее опасное расстояние. Она помедлила, заметив, что в яростных объятиях корабль-сердца не только нить-ландшафт и Путь предстали более отчетливо, но и звезда-звезда приобрела больше смысла. Она видела ее не как идеальную сферу, представленную глазу, а как узор, чрезвычайно сложный, полный движения, колеса внутри колес, снежинки света вращаются, сцепляясь друг с другом, как многомерные шестеренки. Корабль-сердце оставалось самим собой, но другие звезды... Теперь она могла видеть их, заглядывать в них, по-настоящему понимать их. Глаза Наблюдателя были подобны кусочкам головоломки, которые складывались вместе. Конечно, это была сложная головоломка, но, по крайней мере, она могла видеть, что решение есть, даже если это решение не сразу заявило о себе.

Свет корабль-сердца горел на ее коже, и его песня угрожала заглушить ее внутренний голос, в то же время все время вызывая ответный хор из частей ее существа, которые сливались, образуя собственные голоса. Она отошла от него, и тут же в ее мыслях всплыло имя.

— Куина! — Она с трудом заставила себя побежать, но резко остановилась, когда добралась до трупа Крей. Женщина внезапно выставила перед собой руку, и Яз едва не споткнулась об нее.

Яз стояла, открыв рот, когда Крей вздрогнула, пошевелилась, а затем со стоном перевернулась на спину. Кровь и грязь покрывали ее лицо. Ее дыхание вырывалось с хрипом, наводящим на мысль о сломанных ребрах. Под грязью и запекшейся кровью от ее лба вниз по левой щеке тянулся синяк, черный в центре, окруженный ореолом оттенков фиолетового и болезненно-зеленого. Ее губы растянулись в дикой усмешке, обнажив сломанные зубы.

Инстинктивно Яз потянулась к Пути.

— Это будет не самый хороший способ сказать спасибо. — Крей сплюнула кровь и начала принимать сидячее положение.

Яз перестала тянуться, пальцы покалывало от близости потенциала Пути:

— Спасибо?

— Не стоит благодарности. — Священница закашлялась. — Нет, стоит. Я имел в виду, что ты мне должна.

— Я тебе должна?

— Рад, что ты видишь это по-моему. — Женщина стиснула зубы и попыталась встать. Она издала крик, наполовину ругательство, наполовину шок и сплошная боль. — Ребра. Сломаны. — Она ахнула. — Если честно, металлическим было лучше.

— Теус? — Внезапно синяк обрел смысл. Синяки не образуются так быстро.

— Конечно, Теус! — Женщина зарычала и поднялась на ноги. — Ты же не думаешь, что я был готов умереть, чтобы тебя спасти? Ты мой ключ, ты нужна мне живой, но ключ мне не нужен, если я не здесь, чтобы им воспользоваться. — Он в качестве эксперимента топнул ногой Крей. — Это тело бесполезно. Сломано. Очень сильно болит. И она все время борется со мной.

Яз нахмурилась. Обычно она резко ругалась, когда Теус кем-то завладевал, но он только что спас ей жизнь, а Крей была ее врагом:

— Нам нужно найти Куину.

Теус пожал плечами:

— Вероятно, там, где я ее оставил.

— И это где?

— Там, где ты нас оставила.

Яз начала идти. Теус, в теле Крей, плелся позади, скособочившись над поврежденными ребрами. Яз оставила корабль-сердце и время-звезду, взяв с собой только глаза Наблюдателя.

— Как ты сюда попал? — спросила Яз, когда Крей поравнялась с ней.

Теус показал ногти Крей, очевидно, забыв, что он уже не Зокс:

— Когти. Устройства технического обслуживания созданы для того, чтобы иметь возможность перемещаться по таким местам, даже когда инфраструктура не работает.

Яз попыталась представить себе, как Зокс висит вниз головой на своих когтях, преодолевая переход между стеной и потолком, висит на трехдюймовых когтях, вонзенных в литой камень. И не сумела. Вместе они вернулись на вершину шахты, по которой Яз поднялась, свисая с корабль-сердца.

Меняющийся свет полудюжины меньших звезд показал дыру, которую Яз проделала в полу.

— Куина? — крикнула она.

— Вытащи меня отсюда! — Далекий голос.

— Ты в порядке?

— Буду, когда ты меня отсюда вытащишь! Что это был за взрыв?

— Были некоторые неприятности. — Яз не хотела объяснять все во всю глотку. К счастью, Куина была больше сосредоточена на том, чтобы ее спасли.

— Вытащи меня отсюда!

— Я... я работаю над этим. — Яз опустила один из глаз Наблюдателя вниз и оставила его висеть на вершине шахты, изливая свет — теперь, по крайней мере, Куина могла видеть. — Я нашла остальных. Я попытаюсь их освободить.

— Разве ты не можешь просто оттолкнуть время-звезду, которая поймала их в ловушку? — прокричала Куина.

— Я... — На самом деле Яз еще не думала об этом, хотя предполагалось, что она сосредоточена в первую очередь на их поиске. — Я работаю над этим.

— Разве Зокс не может помочь?

— Э-э... не думаю. — Она опустилась на колени у отверстия. — Я возвращаюсь, чтобы их освободить.

ЯЗ И ТЕУС оставили Куину и поспешили обратно — туда, где стояли остальные, запертые во времени в синем свете время-звезды, которая удерживала их в течение нескольких недель. Теус шел медленнее и продолжал держаться за бок. Кровь запеклась на его губах — губах Крей, — возможно, от прокушенного языка, возможно, от пробитого легкого.

— Эти время-звезды, они сломаны, — начала Яз.

— Как и это тело, да. — Теус сплюнул кровь.

— Но ваш народ, должно быть, умел их чинить, — сказала Яз, замедляя шаг, когда они завернули за угол и увидели впереди свет трех звезд. — Я имею в виду, они же их сделали.

— Ты можешь сделать ребенка, — сказал Теус. — Но если ты уронишь его на голову, сможешь ли ты его починить?

— Ну... почему тогда Абет не усеян корабль-сердцами, которые стали время-звездами?

Они начали пробираться по той части туннеля, которая была разрушена взрывом Путь-силы Крей. Теус на мгновение приостановился, чтобы рассмотреть голову Зокса, все еще вмурованную в стену. Яз предположила, что это, должно быть, странное переживание, учитывая, как долго Теус провел в этом теле.

— Очень редко корабль-сердце перегружалось таким образом, что получалась время-звезда, — сказал он через мгновение. — И, да, мы *могли* их чинить.

— Ах! — Внезапное чувство облегчения нахлынуло на Яз. — Как...

— Но не голым же рассудком! У нас были инструменты. Машины для этой цели. У вас, людей, есть всякие вещи, которые ломаются, но вы не можете починить их голыми руками. Вы берете молоток, вы берете гвозди. И нет — прежде чем ты спросишь — машины не сохранились. Ты видела подземные города.

— Тогда как... — Яз замолчала. Кирпичная облицовка туннеля вернулась под ее ноги, худшие повреждения остались позади, но она что-то почувствовала и услышала, одновременно. Под песни и сердцебиение звезд до нее доходила глубокая вибрация, через подошвы ног. Она начала поворачиваться. — Здесь что-то...

Сквозь землю прорвалась голова чудовища, разбрызгивая кирпичи и камни. Многочисленные кольца сверкающих металлических зубов вращались в противоположных направлениях на верхушке толстого сегментированного тела — все это напоминало лед-червя, но скорее изготовленного, чем рожденного.

Яз потянулась к Пути, и червь отступил обратно в землю по той же линии, по которой появился.

— Что это, черт возьми, такое? — Яз обнаружила, что пытается перекричать уже смолкшие жужжание и скрежет зубов. — Или *было*?

Теус бросил на нее пренебрежительный взгляд, как будто вопрос не заслуживал ответа.

— Что он здесь делает? — Яз внесла поправку. Она все еще чувствовала, как червь зарывается под нее.

На этот вопрос Теус ответил:

— Мое предположение... Сеус посчитал, что ты можешь попытаться освободить своих друзей, и послал его, чтобы обрушить туннель.

— Но я нужна ему живой!

— Не на тебя. На них. — Теус указал на синий свет. — Если он пытается соблазнить тебя, предлагая врата в то время, когда твои любимые все еще живы, — и ты не целуешь ему руку, принимая его предложение, — тогда убийство твоих друзей, которое должно еще больше подсластить пилюлю, кажется очевидным ходом.

— Что мы можем сделать? — Положение казалось безнадежным. Облегчение, которое Яз почувствовала, услышав, что время-звезды можно чинить, теперь стало далеким воспоминанием, похороненным Теусом, точно так же, как Сеус собирался похоронить ее друзей.

— Убрать их оттуда! — сказал Теус.

Следуя более раннему предложению Куины, Яз попыталась переместить синюю звезду, которая удерживала ее друзей запертыми во времени. Она чувствовала, что эта штука поддается не больше, чем если бы она уперлась плечом в Черную Скалу и попыталась оттолкнуть ее в сторону.

— Я не могу сдвинуть звезду. — Яз попробовала еще раз, напряглась изо всех сил и обнаружила, что ее мысленная команда ускользнула от цели, не получив никакой поддержки. Красную звезду можно было перемещать снаружи ее ауры, но не изнутри. Синюю звезду, казалось, невозможно было сдвинуть снаружи, но интуиция говорила Яз, что, если она поспешит к звезде и попытается сдвинуть ее с близкого расстояния, внутри ауры, она сможет это сделать.

Да, если Яз бросится к синей звезде, она справится за нескольких мгновений, но пока она будет работать, для остального мира пролетят столетия. Кроме того, крыша рухнет и раздавит ее прежде, чем она приблизится.

— Я не могу ее сдвинуть, — повторила она.

— Тогда почини звезду! — крикнул Теус. По всей стене рядом с ним начали падать кирпичи — червь буравил себе путь вверх прямо под поверхностью.

— Ты сказал, что это невозможно сделать без машины! — прокричала Яз в ответ, перекрывая шум.

— Я сказал, что *мне* понадобилась бы машина. Я сказал, что мы, Пропавшие, использовали машины. Но твой талант особенный, девочка, даже среди Пропавших. Это что-то в твоей кровной линии. Редко встречается. Так что попробуй.

— Как?

— Не знаю! Просто попробуй! — Кирпичи перестали падать, когда червь достиг потолка и ушел глубже. Очень скоро червь уничтожит их всех.

Яз сосредоточилась на красной время-звезде перед ней, звезде Атоана:

— Ты действительно думаешь, что я смогу это сделать?

— Нет. — Теус вытер кровь со рта Крей. — Но я действительно думаю, что ты должна попробовать!

НЕ ИМЕЛО ЗНАЧЕНИЯ, что Мали, Турин и Эррис завязли во времени. Если крыша рухнет, она неизбежно и раздавит. Как только бесчисленные тонны земли и камней начнут падать, — быстро или медленно, в зависимости от того, где ты стоишь, — они их убьют. И если Яз после этого починит время-звезду, это ничего не изменит.

Под приглушенный скрежет червя, прокладывающего туннель над ними, Яз изучала две время-звезды, красную и синюю. Она поднесла корабль-сердце Атоана так близко, как только могла, все еще оставляя себе возможность сосредоточиться. Его свет показывал время-звезды по-новому, выявляя скрытое. Как увеличительная линза, внезапно открывающая новую важную деталь.

Яз сразу увидела кое-что новое — обе время-звезды были сломаны таким образом, что являлись отражениями друг друга, в некотором смысле противоположные и равные, как будто под давлением, которое их повредило, одна прогнулась влево, другая — вправо.

— Быстрее! — прошипел Теус.

— Почему тебя это вообще волнует? — прошипела в ответ Яз, не отрывая глаз от красной звезды перед ней. — Ты просто хочешь, чтобы ковчег был открыт и ты бы смог преследовать себя через него. Почему для тебя важно, спасу ли я остальных?

— Да, совсем не важно. Но тебе нужно четыре корабль-сердца, чтобы открыть ковчег, и, если ты не заметила, твои друзья стоят рядом с одним из них. Если ты починишь обе время-звезды, у тебя будет три из четырех необходимых корабль-сердец.

— Я пытаюсь.

— Пытайся усерднее. Иначе я просто позволю Крей сделать с тобой то, что она продолжает угрожать сделать.

Яз просто покачала головой, игнорируя его, и продолжила работать.

Теус не перестал жаловаться:

— Я говорю тебе, осталось...

Яз переместилась в ауру красной звезды, и это заставило Теуса замолчать. Заодно это остановило продвижение червя, заморозив его на месте, пока он прогрызал себе путь сквозь скалу над туннелем, пытаясь ослабить его достаточно для обвала. Теперь у Яз было столько времени, сколько она хотела, чтобы изучить время-звезду Атоана.

Это была загадка. Сложная, состоящая из нескольких частей, движущаяся головоломка. Яз не знала, как долго пробыла во временном пузыре красной звезды — достаточно долго, чтобы проголодаться, устать и захотеть пить, достаточно долго, чтобы ее головная боль переросла во что-то ужасное, что угрожало подорвать ее концентрацию. Достаточно долго, чтобы понять, что она просто не может это решить... не в изоляции.

Яз нужно было изучить синюю время-звезду, но ей нужно было сделать это вне ауры красной звезды. Речь шла о движении, о том, как движущиеся части соединяются, взаимодействуют, разделяются и соединяются. Собственное странное воздействие звезд на время не скрывало их внутреннего движения, но, если смотреть изнутри ауры красной звезды, синяя звезда была статичной. Яз вышла из-под воздействия красной, и, когда расстояние между ней и звездой увеличилось, голос Теуса ускорился до нормальной скорости, и он закончил фразу, которую, по-видимому, начал вчера.

— ...не так много времени. Ты должна работать быстрее!

Яз проигнорировала Теуса и, освободившись от влияния красной звезды, попыталась изучить синюю. Она хотела ясно увидеть время-звезду, но та висела в воздухе на высоте не намного выше ее собственной, и поле зрения было частично перекрыто людьми, стоящими на пути, независимо от того, куда она двигалась.

— Подними меня!

Теус остановился на середине жалобы:

— Что?

— Подними меня

— Подними сама себя. Сломанные ребра, помнишь? Ты должна... ты их сломала.

Яз проигнорировала Теуса и призвала к себе корабль-сердце, заставив его пошатнуться.

— Осторожнее, черт бы тебя побрал. Ты меня вытолкнешь, и тогда эта сумасшедшая сможет задушить тебя голыми руками. Это практически все, что она хочет сделать прямо сейчас.

Яз схватилась за корабль-сердце и позволила ему поднять себя к потолку туннеля. Она снова услышала, как червь безжалостно ослабляет почву, чтобы та стала бременем, которое должна была поддерживать кирпичная оболочка туннеля. Она знала, что он, должно быть, работает довольно высоко, чтобы держаться подальше от ауры звезды. Это дало ей больше времени, но сколько именно, она не могла сказать.

Теперь она могла смотреть над Мали, Турин и Эррисом, но фигура, еще более близкая к звезде, узкий силуэт в сапфировом сиянии время-звезды, все еще частично заслоняла зрение. Она заставила корабль-сердце оттащить ее в сторону, царапая костяшками пальцев кирпичный потолок, пока ее ладони горели огнем звезды. Теперь она могла

видеть время-звезду прямо. Та была на расстоянии добрых десяти или пятнадцати ярдов, но, хотя корабль-сердце наполняло ее голову фрагментами собственного внутреннего голоса, в такой близости оно сотворило чудо с глазами и позволило ей увидеть работу синей звезды, увидеть узоры, которые она проецировала в пространство вокруг себя, движение колес внутри колес, вращающихся в большем количестве измерений, чем позволяла мысль. Она смогла увидеть повреждение. Она смогла понять, как именно звезда сломана. И снова, как и в случае с красной звездой, она знала, что, даже если бы корабль-сердце смогло увеличить способность ее разума до такой степени, чтобы у него хватило сил решить проблему, ее череп расколосся бы, а мозг закипел бы под давлением. Теус был прав. Это было все равно, что пытаться забивать гвозди кулаком или обрабатывать пальцами металл, раскалившийся от огня в кузнице.

Потолок застонал, в трех местах рядом с ней начали падать кирпичи, медленно, словно сползал лед.

— Быстрее! — настойчиво сказал Теус, как будто она каким-то образом не осознавала необходимости быстроты. Как будто его давление могло помочь, а не вгонять ее в панику.

— Ты мог бы сделать несколько полезных предложений. И «быстрее» не относится к их числу. — Яз толкала и тянула красную звезду разными способами, напрягая свой разум, чтобы попытаться изменить ее основную конфигурацию. Ничего не происходило, несмотря на точность ее усилий и приложенную силу. — Ты всегда говоришь нам, какие мы примитивные, что ты старше льда, плавал по черному морю и видел, как строятся города. Так скажи мне, что делать! Скажи мне, как это исправить!

— В мое время, — прорычал Теус сквозь окровавленные зубы Крей, — мы всегда делали две вещи с любым сложным оборудованием, которое выходило из строя...

— Да?

Он нахмурился:

— Мы пытались выключить его, а затем снова включить.

Яз заставила красную время-звезду уснуть. Это было бесконечно труднее, чем погрузить звездную пыль в серый покой, как сделал Эулар. И оказалось намного сложнее, чем усыпить любую другую звезду. Но ей это удалось — отчасти потому, что звезда была совсем рядом; она заставила ее погрузиться в сон без света. Затем разбудила снова. Свет мерцал внутри нее, красный уголек, разрастаясь в ту же красноту, сопровождаемую тем же чувством отступления, как будто звезда удалялась от нее, несмотря на свою неподвижность.

— Не сработало. — Яз вытерла струйку крови из носа. Она знала, что у нее нет шансов сделать то же самое с синей звездой, не подобравшись так же близко. — Чтонибудь другое?

— Стукни по ней.

— Стукнуть?

— Ударь по ней.

— Ударить?

— Ты бы удивилась, если бы узнала, как часто это срабатывало.

— Я удивляюсь, что трачу на это время. — Яз мысленно потянулась к красной звезде и изо всех сил швырнула ее в стену. Звезда разнесла в пыль кирпич и отскочила на расстояние вытянутой руки. Пыль, которая должна была висеть в воздухе между ним и стеной, падала почти быстрее, чем мог видеть глаз. — Ничего. — Она не смогла скрыть горечь в своем голосе.

Грохот перекрыл любой ответ, который был у Теуса. Он пронзил и Яз, настолько глубоко, что эхом отозвался во всем ее теле, звук перемещающейся невыразимой тяжести, беспокойной, стремящейся упасть.

Она снова притянула к себе красную звезду и вошла в ее ауру, выигрывая бесполезное время. Если бы она только могла двигать синюю звезду таким же образом, но каждый из них казался противоположным другому, и разница никогда не была в ее пользу.

Охваченная идеей, Яз вышла на дальнюю сторону и направила красную звезду к синей. Возможно, смешивать их ауры было опасно, но время осторожности давно прошло. Она подтолкнула красную звезду к Мали, и, когда звезда приблизилась к ней, девушка начала двигаться, сначала медленно, а затем невероятно быстро, переходя с одной стороны на другую, направляясь к Яз, пока не покинула меньшую зону действия красной звезды; затем она замедлилась и остановилась вблизи. По ее собственному мнению, Мали не заметила бы никаких эффектов, если бы не внезапное появление красной звезды и мгновенное появление Яз и «Крей» в туннеле. Она бы все равно побежала к ним так быстро, как только могла.

— Ты могла бы переместить звезду вместе с ней и вывести ее наружу, — сказал Теус.

— Могла бы. — Яз толкнула звезду, и чудесным образом Турин начал поворачиваться, когда позади него вспыхнул красный свет. Он заметил застывшую впереди Мали, затем Яз и Крей, стоявших рядом с ней. Красная звезда двинулась дальше, освободив его от ледяного времени синевы. — Но я не знаю, есть ли у них столько времени.

— И что тогда?

— Вот это! — Яз развернула красную звезду вокруг Эрриса, который тоже ожил и повернулся к ней лицом. Он с беспокойством взглянул на потолок, прежде чем звезда оставила его позади. Появлялось все больше людей, они оживали, а затем снова замирали, тесно прижатые друг к другу, но не общающиеся, как будто оказавшись так близко к время-звезде, они уже почти покинули этот мир. Все отошли в сторону, чтобы убраться с пути красной звезды, и теперь Яз четко видела синюю. Надавив так сильно, как только могла, она воткнула красную звезду в синюю.

На этот план ее вдохновил Теус. Она ударила по обеим звездам, одновременно. Сведение их воедино было необходимой частью плана, но только частью. Она поняла, что два корабль-сердца были разбиты взаимодополняющими способами и каждое может стать инструментом для починки другого. Ее силы было недостаточно, чтобы починить их, но использование одного в качестве рычага для другого, использование одного для исправления неисправности другого, могло сработать. И они исправили друг друга, одновременно. Неповрежденное корабль-сердце было слишком совершенным, слишком самодостаточным; у него не было недостатков, с помощью которых можно было бы управлять другой звездой.

Момент столкновения вызвал ударную волну, которую Яз почувствовала всем своим разумом. Если бы волна была физической, то могла бы обрушить потолок. Как бы то ни было, Яз боролась за то, чтобы остаться на ногах. Она погрузилась во вневременной момент столкновения, визуализируя узоры двух звезд и то, как их можно объединить, чтобы каждая из них заполнила пробелы в другой. В следующее мгновение она оторвала звезды друг от друга, оставив обе целыми. На мгновение красота решения наполнила ее удивлением. Затем, внезапно, вокруг стали кричать и бежать, а кирпичи — падать.

ТУРИН УЖЕ СОБИРАЛСЯ прокомментировать странное понижение голоса Эрриса и повышение тона Мали когда позади него быстро разгорелось красное свечение, и несколько железных шпуконин засвистели в воздухе вокруг него. Одна прошла прямо над головой и ударилась в стену туннеля немного впереди. Кирпичная кладка разлетелась на пыль и обломки там, куда она попала, но сзади раздался более мощный взрыв, едва не расплющивший его.

Турин выставил руку, и, когда он начал поворачиваться, мимо него проплыла багровая звезда огромных размеров. Он быстро развернулся, в ушах звенело, и поразился, увидев Мали, застывшую на середине шага, очевидно, когда она убегала от него. За ней, к его еще большему удивлению, золотая звезда осветила не туннель, который он помнил, а участок, разрушенный каким-то ужасным взрывом. И там, под золотой звездой, среди неподвижного вихря глаз Наблюдателя, стояла Яз в рясе послушницы, а за ее плечом стояла священница Крей, тоже застывшая на мгновение.

— Яз! Берегись! — Турин потянулся к жрице своей лед-работой, намереваясь впечатать ее в стену. Но красная звезда отодвинулась, и в следующее мгновение все вокруг закричали, посыпались кирпичи.

— Беги! — Эррис пронесся мимо него. Впереди Мали снова двигалась, подбегая к Яз и священнице, которые с невероятной скоростью оказались в другом месте.

Турин не нуждался в поощрении со стороны Эрриса. Потолок над ним рушился. Кирпич скользящим ударом попал ему в плечо. И, словно угрозы быть похороненным заживо было не достаточно, он чувствовал позади себя ауру какой-то звезды, гораздо более могущественной и ужасной, чем любая, которую он видел раньше — она разрывала его разум невидимыми когтями.

Зная, что скорость его ног не может сравниться со скоростью Эрриса, Турин использовал свою лед-работу, чтобы пролететь сквозь дождь обломков. Он стал могущественнее, чем когда-либо прежде, сила толкала его вперед, как стрелу, обгоняя Эрриса. Он прикрыл голову, насколько мог, обеими руками и, пролетая мимо Мали, схватил ее своей лед-работой. Они оба промчались мимо Яз. Присутствие большой золотисто-белой звезды заставило его двигаться дальше, но Турин мысленно толкнул священницу, отшвырнув ее в стену, подальше от Яз.

Турин заставил себя и Мали остановиться в дальнем конце разрушенной секции и обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как туннель, в котором он стоял, исчез в оглушительном обвале, всепоглощающее облако пыли взметнулось в его сторону. Последним проблеском, который он успел увидеть перед тем, как туннель поглотила тьма, был ныряющий Эррис, два шара света мчались за ним по пятам — один ядовито-зеленый, другой темно-красный, как начинающее светиться железо.

Целую вечность Турин ничего не мог видеть и не издавал ни звука, боясь задохнуться от необходимого вдоха. Грохот падающей земли и камней быстро превратился в глубокие звуки оседания огромного веса, шум, который скорее ощущался, чем слышался, приправленный падением случайных кирпичей. Турин притянул Мали к себе и обнаружил ее руку на своем горле прежде, чем она поняла и вцепилась в него с яростью, присущей только людям, заблудившимся во тьме.

Вернулся рассеянный свет и осветил пыль, одну пыль. Снова медленно появились три большие звезды — сначала золотая, затем неестественно зеленая и, наконец, малиновая, чей свет был совсем не похож на свет красной звезды, появление которой положило начало этому внезапному и маловероятному повороту событий. Затем стали видны глаза Наблюдателя, за ними — три фигуры. Двое, стоявшие вместе, должны были быть Эррис и Яз. Та, кто стонала и использовала стену, чтобы медленно встать на ноги, была Крей.

— Яз! — Турин шагнул вперед, не сводя глаз со священницы. Он начал было предупреждать ее, но осекся, задохнувшись от пыли.

Яз и Эррис подошли к нему, оба покрытые красноватой пылью. Когда Турин поднял руку в сторону Крей, Яз опустила ее.

— Это Теус. — Она закашлялась. — Я имею в виду, Теус ее одержал.

Турин все еще подозрительно смотрел на священницу, когда Яз неожиданно заключила его в объятия, а затем разведя руки, обхватила и Мали.

— Я скучала по вам! — Она сжала его, и он запоздало ее обнял. — По вам обоим.

Турин не совсем ее понимал. Он мог понять и разделить ее облегчение от того, что они не были раздавлены, но они же виделись вчера. Однако он не стал спорить. Ей было хорошо в его объятиях, ее сила каким-то образом успокаивала и возбуждала одновременно:

— Мы расстались только...

— Это было давно. — Яз подняла к нему лицо, ее белые-на-белом глаза были достаточно яркими, чтобы с

такого близкого расстояния он мог разглядеть ее радужку, самый слабый оттенок голубого света. — Есть кое-что, что нужно сделать прежде, чем мы поговорим.

Турин неохотно отпустил ее, обменявшись озадаченным взглядом с Мали, которая казалась менее смущенной, чем он.

— Где Зокс? — Мали выглядела странно в своей новой кирпично-красной коже. Все они так выглядели. Как одно новое племя.

Яз махнула рукой, указывая на разрушенный туннель:

— Везде.

— Он ушел? — Турину нравился пес. Больше, чем нравился. Несмотря на то, что Зокс был сделан из металла и ни разу не произнес ни слова за все время их путешествия.

— Спас меня. — Яз снова закашлялась. — От нее. — Она указала на Крей, которая, спотыкаясь, приближалась к ним, ругаясь и выплевывая изо рта черную гадость.

— Что... что произошло? — Турин не мог задать разумные вопросы. Все изменилось в одно мгновение. Звезды, выскочившие из-под обвала, все еще были слишком близко и мешали ему думать. — Как вы здесь оказались?

— Вас поймала в ловушку время-звезда, — сказала Яз. — Это было целую вечность назад. Недели.

— Недели? — Турин рассмеялся. — Нет, в этом нет никакого смысла.

— Синяя звезда... — Мали кивнула. — Я видела себя старой.

— Видела? — Турин посмотрел на нее сверху вниз и моргнул. — Я просто следовал за Эррисом, а потом... это.

— Как и я, — кивнул Эррис. — Где сейчас время-звезда? Похоронена? — Он оглянулся на груды камней и земли.

Яз указала на большие звезды:

— Вот. Я починила вашу медленную время-звезду при помощи быстрой время-звезды. Теперь у нас есть три корабль-сердца.

К ним подошла Крей, и Турин отступил к Мали. Эта женщина была опасна и хотела, чтобы они все умерли. То, что теперь она была одержима злым духом, не слишком утешало. Турин носил Теуса в своем сознании, как бессознательно, так и находясь под его контролем, и от этого воспоминания у него все еще мурашки бежали по коже, но любая мера сочувствия, которую он мог бы испытывать, была раздавлена тем, что священница пыталась сделать с ними и с этим миром.

Уродливое лицо Крей посмотрело на него, оскалив сломанные и окровавленные зубы:

— Следи за собой, мальчик. Я нахожусь на рынке в поисках лучшего тела, и с таким ограниченным предложением твое может быть лучшим из возможных.

Яз встала между ними, повернувшись спиной к Крей:

— Нам нужно забрать Куину. Тогда я объясню наше положение и то, что нам нужно делать дальше.

ТУРИН ПОДНЯЛ КУИНУ из глубин шахты, которая оказалась частью настоящего подземного города, давным давно построенного Пропадшими. Куина поднималась к ним, в волнении размахивая руками и ногами, пытаясь одновременно пожаловаться на свое долгое заключение и задать дюжину вопросов.

Наконец она выбралась через отверстие люка, выглядя такой разъяренной и такой похожей на послушницу, что Турин чуть ее не уронил. На Язе ряса выглядела как костюм. На Куине — как вторая кожа. Монахини даже укротили ее волосы.

Со своей фирменной быстротой Куина врзалась в Турина в то же мгновение, когда он ослабил свою ментальную хватку на ней. На какое-то безумное мгновение ему показалось, что на него напали и что, как и Крей, Куина одержима каким-то злым духом. Но нет. Она обняла его достаточно крепко, чтобы выдавить воздух из его легких.

— Когда ты успела стать такой сильной? — Смущенный, хотя и странно довольный, он попытался высвободиться. Яз сказала им, что с тех пор, как они покинули монастырь, прошли недели, Турину казалось, что прошло всего несколько дней, а яростные объятия Куины утверждали, что прошли месяцы.

Куина отпустила его, сияя глазами, ее улыбка была достаточно широкой, чтобы показать все зубы:

— Я тренировалась с монахинями. Сейчас я могла бы уложить Эрриса!

Турин поймал себя на том, что улыбается ей в ответ. Она тоже почему-то выглядела старше, хотя он не был уверен, исполнилось ли ей шестнадцать.

— Эррис! Мали! — И Куина проскочила мимо него, пытаясь обнять обоих остальных сразу. Она обняла Эрриса, потом отпустила и закружилась вокруг Мали, держа руку послушницы обеими руками.

— Теперь я могу говорить на твоём языке! — И с этими словами она начала нести тарабарщину, которая на самом деле звучала довольно похоже на зеленый язык.

ТУРИН СИДЕЛ У входа в шахту вместе с остальными, пока Яз рассказывала о событиях последнего месяца большую часть которого, как оказалось, она провела в том же вневременном состоянии, что и он, Эррис и Мали,

благодаря своей странной связи с послушницей. Эррис также рассказал Яз и Куине об успешном извлечении Стержень-корня или, по крайней мере, той его части, которая была необходима для укрепления ковчега.

Из рассказа Яз Турин узнал, что старая монахиня с большими глазами была убита в городе. Он видел ее лишь мельком, но это, казалось, стало личной трагедией для Куины, которая склонила голову в безмолвных слезах, и для Мали, которая глубоко вздохнула, словно пораженная внезапной мучительной болью и борющаяся с желанием закричать. Сеус узнал, что Яз является ключом к ковчегу, и перешел от попыток ее убить к попыткам заставить ее работать на него. Турин и другие теперь рассматривались как потенциальные заложники ее сотрудничества, или, если не получится, Сеус будет счастлив убить их, чтобы соблазнить Яз переходом в реальности, где они все еще живы. Турин не находил утешения в мысли, что, если Сеус убьет его, замену можно будет найти в каком-нибудь другом, почти идентичном мире: это звучало как «симуляции», которыми Эррис ослепил Яз еще в Весте. Поддельные миры, которые обманывали чувства, но в то же время не имели какой-то фундаментальной ценности, присущей этому миру. Турин знал, что, если его попросят отстаивать свою точку зрения, ему не хватит слов. Это подсказывали ему чутье и сердце, а не логика.

— Итак, — сказал Эррис, когда у Яз закончились слова. — Если ты хочешь беспрепятственно попасть в ковчег, мы должны проложить дорогу через сотню или более этих наемников, двух превращенных в оружие Зоксов, Эулара, если он окажется поблизости, всего остального, что у них есть, а затем аватара Сеуса?

Яз кивнула:

— Или я притворюсь, что согласна, и пойду туда одна.

— И что потом? — Мали выглядела испуганной.

— Попытаться затащить Стержень-корня в ковчег до того, как Сеус сможет войти, а затем надеяться, что Стержень-корень сможет удержать его, — сказала Яз.

Эррис покачал головой:

— Стержень-корень сказал, что он мог бы усилить оборону, если бы оказался внутри, но я не думаю, что он это сделает с широко открытой дверью и форой в полсекунды.

— И у тебя нет четырех корабль-сердец, — прохрипел Теус, на губах Крей появилось еще больше крови. — Это первый шаг.

— Потому что ты просто хочешь попасть внутрь. — Турин обнаружил, что теперь вдвойне легко ненавидеть Теуса, когда он прятался за глазами Крей, а не Зокса. — Тебе все равно, что будет потом!

Теус усмехнулся:

— Ты забыл. Яз по глупости умудрилась почти уничтожить важную часть меня. Я не могу использовать ковчег, пока не получу ее обратно. На это могут уйти годы. Может быть, десятилетия. Я хочу, чтобы ковчег был открыт, но мне нужно знать, что тот, кто им управляет, позволит мне воспользоваться им, когда я буду готов.

— Он думает, что сможет заключить сделку с Сеусом. — Турин посмотрел на остальных. — Вы же знаете, что ему нельзя доверять!

Яз нахмурилась.

— Теусу нужен Коридор и люди в нем. Часть его сейчас ждет на пороге смерти. Единственный способ вернуть этот фрагмент — найти кого-то в этом районе, кто достаточно близок к смерти, чтобы он мог... заразиться. — Последнее слово оставило неприятный привкус у нее во рту.

— И тебе это сказал он, верно? — Турин рассмеялся. — Изобретательная ложь.

— Да, сказал. Но Сестра Сова согласилась, что это правда. — Яз скрестила руки на груди.

Турин чувствовал, что спорить с суждением мертвой монахини бесполезно.

— Итак, что нам делать? — Яз оглядела группу.

— Ты не пойдешь туда одна! — Турин чувствовал себя глупо, пытаясь защитить ее. Она неделями заботилась о себе в этом новом мире, пока он делал полшага. Она пережила близкие встречи с Эуларом и его священниками, магами, даже с Сеусом. И все же теперь он в состоянии действовать, и будь он проклят, если увидит, как она идет в объятия врага без него. — У тебя есть корабль-сердца. Никто не может приблизиться к ним, кроме тебя. Ты можешь прогнать любое количество этих пеларти.

Яз скривила губы:

— Даже два трудно перемещать. Я попробовала сдвинуть одновременно те три, что у нас есть. Все равно что тащить семейные сани в одиночку. Пока я буду бороться с ними, кто-нибудь обязательно проткнет меня копьём.

— Но ты нужна им живой! — сказал Турин.

— Если станет ясно, что я не собираюсь помогать Сеусу, какой бы ни была цена, он может вернуться к старому плану: убить меня и продолжать грызть защиту, пока, наконец, не войдет.

— Итак, мы берем одно корабль-сердце и отпугиваем им пеларти, — сказала Мали.

— Тогда Сеус просто использует червя, чтобы похоронить корабль-сердца, которые я оставлю позади.

— И мы даже не знаем, как добраться до ковчега, — сказала Куина.

— Теус? — Яз повернулась к священнице, которая лежала в изгибе стены — ее легко можно было принять за труп, если бы не медленное хриплое дыхание.

Теус покачал головой Крей:

— У меня были планы подземного города, а не на этой старой канализации. И эти планы были в памяти Зокса, а не в моей. В любом случае, твой следующий шаг — четвертое корабль-сердце. Без него невозможно открыть ковчег. Ты сможешь решить, как его использовать, как только оно будет у тебя.

ПО МЕРЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ разговора Турин почувствовал покалывание в области левой ключицы. Его пальцы были там, исследуя область, прежде чем он понял, что делает. «Эй!» Он отдернул руку. Что-то его ужалило.

— Что? — Теперь Куина и остальные смотрели на него.

Чувствуя себя глупо, он вытащил из воротника своего запачканного наряда иглу, содержащую ту часть Стержень-корня, которую тот выбрал для защиты ковчега. Она снова завибрировала между его большим и указательным пальцами:

— Это. Гудит.

Куина выхватила иглу из его рук со скоростью мысли. С хунска-ловкостью она крутанула ее вокруг пальцев, провела по руке и каким-то образом закрутила так, что игла забалансировала на кончике большого пальца. Внезапно вращение прекратилось, словно стрелка сама установила себя в определенном направлении.

— Может быть, она указывает путь к ковчегу? — предположила Мали.

Игла с жужжанием соскочила с кончика пальца Куины.

— Мы должны разведать путь вперед, пока Яз работает над четвертым корабль-сердцем. — Куина снова взяла иглу.

— Разделиться было бы плохой идеей, — возразил Эррис. — К чему такая спешка?

Куина бросила на него прищуренный взгляд:

— Ты можешь высасывать всю необходимую тебе энергию из подземного города, но некоторые из нас должны есть! Я внизу уже целую вечность, и я голодна.

— Голодна до смерти? — Турин говорил полушутя, но пустой желудок действительно казался плохой причиной для того, чтобы мчаться навстречу опасности.

— В последний раз ты ел несколько недель назад, но твой желудок об этом не знает. — Куина скрестила руки на груди. — И, если вы не заметили, для нас больше нет безопасного места на поверхности. Мои друзья в монастыре имеют дело с армией императора и инквизицией. Городская стража и половина магов нас преследуют. Насколько нам известно, у Сеуса есть шпионы, наблюдающие за нами, шпионы, которые передадут ему наши планы. Госпожа Меч учит, что никогда нельзя позволять врагу найти опору. Надо бить первым и бить быстро. Не давать ему перегруппироваться. Не давать ему думать. Не давать ему время. Не...

— Хорошо! Хорошо! — Эррис не смог сдержать ухмылки на своем лице. — У нашей боевой монахини, похоже, есть несколько веских аргументов. Возможно, было бы неплохо знать, куда идти, когда Яз будет готова двигаться. Если нести с собой четыре корабль-сердца действительно так сложно, как она думает, мы могли бы выбрать прямой маршрут.

— Очевидно, я ухожу. — Куина воткнула иглу в край воротника своей рясы.

— Я тоже пойду. — Турин хотел бы провести время с Яз, но, если она собиралась работать со звездами, он не смог бы подойти достаточно близко для любого разговора, который не был бы громким, и ей, вероятно, нужно было сосредоточиться. Проводить время с Куиной тоже было хорошо, и она, по крайней мере, нуждалась в нем.

— И я. — Теус медленно поднялся на ноги, его рот искривился в беззвучном рычании от боли в ранах.

— Нет! — Турин рефлекторно возразил, прежде чем понял, что не хочет, чтобы Теус оставался с Яз.

— Ты бы предпочел, чтобы я выбрал их, когда мое нынешнее тело умрет? — Теус взмахнул рукой, чтобы охватить Яз и Эрриса.

— Ты не пойдешь с нами, Эррис? — спросила Куина.

Эррис покачал головой:

— Кто-то должен прикрывать спину Яз, пока она работает над последним корабль-сердцем. И я более терпим к звездам, чем вы все.

Турин не смог придаться к логике, хотя и отметил, что даже Эррис избегал подходить слишком близко к корабль-сердцам.

— Мы должны идти, — сказала Куина.

— Но... — Турин хотел, чтобы воссоединение продлилось подольше. — Мы бы могли...

Живот Куины громко заурчал, как по сигналу. Она посмотрела на него сверху вниз:

— Я уже им сказала.

Мали кивнула:

— Она права, Турин. Чем дольше мы ждем, тем больше времени у Сеуса, чтобы узнать, что мы задумали.

— *Мы* сами не знаем, что мы задумали! — Турин поднял пустые руки, чтобы показать, как мало им приходится работать.

— Что бы мы ни решили, нам нужно знать, как туда добраться. — И с этими словами Куина ушла в темноту. Мали и Турин обменялись взглядами и стали ждать.

Мгновение спустя до них донесся голос Куины:

— Но нам понадобится свет.

МАЛИ ВЫСОКО ДЕРЖАЛА маленькую звездочку, которую подарила ей Яз. Сине-зеленый свет достиг обеих сторон туннеля и освещал примерно пять ярдов пути впереди. Это была половина звезды, которую Яз разделила, пока они смотрели — она разбила сферу на две идеальные сферы поменьше, словно каждая из них была каплей воды, удерживаемой в шарообразной форме поверхностным натяжением, а не непроницаемым шаром света и энергии.

Турин и Куина следовали за ней бок о бок, а Теус замыкал шествие, с трудом передвигаясь в поврежденном теле Крей. На каждом перекрестке Куина вынимала иглу и позволяла ей направлять себя.

— Стержень-корень мог бы просто нам сказать. Голосом, я имею в виду. Он уже делал это, когда был в коробке. — Куина убрала иглу и указала Мали на левый проход, игнорируя более сухой туннель, который поворачивал направо.

— Возможно, игла не предназначалась для этой цели, — предположил Турин. — Возможно, это ее предел. От пропавших осталось не так уж много того, что все еще работает.

Некоторое время они шли молча, единственным звуком был плеск их ног по щиколотку в воде и медленный, но постоянный стук капель, падающих с высоты.

— Эта штука, с помощью которой Сеус пытается подкупить Яз... — начала Куина. — Для меня это не имеет смысла.

Турин пожал плечами:

— Возможно, это показывает, как мало умы городов понимают нас. Насколько они изменились или кем они стали.

— Я имею в виду... если эти врата могут привести к бесконечным возможным... версиям нашего мира, где этот человек умер, а тот нет... — Она покачала головой. — Если считать их *настоящими*, разве это не заставляет все казаться бесполезным? Если ты можешь наблюдать, как кто-то умирает, только для того, чтобы выбрать свой вариант из тысячи одинаковых версий в одинаковых мирах. У меня от этого болит голова... Эта Куина здесь. — Она хлопнула себя по груди. — Единственная, которая должна иметь значение. — Единственная, которая должна быть настоящей.

— Ты действительно имеешь значение, — сказал Турин, удивленный тем, насколько серьезно он это сказал.

— И я имею бóльшее значение, чем любая другая Куина, которую может тебе предложить Сеус при помощи своих трюков, верно?

Мали ответила, не поворачивая головы, чтобы посмотреть на них:

— Трудно ответить на этот вопрос, пока ты не потеряла кого-то действительно важного для тебя. Тогда чаша весов сдвинется.

— Но...

— Но, да, — перебила ее Мали. — Я согласна с тобой. Сейчас. Но если монастырь сгорит, а вместе с ним и все мои сестры... Кто может сказать наверняка?

— Это было бы нереально, — заключила Куина. — Иногда все это тоже кажется нереальным.

Турин нахмурился и огляделся.

— Не туннели, тупица, — сказала Куина. — Коридор. Вся это зелень. Все это изобилие. Неподвижный воздух. Жара. Ты должен чувствовать то же самое, Турин. Ты недолго пробыл на льду, но Яма находится очень далеко от зеленых земель.

Турин медленно кивнул:

— Да, наверно. Я все еще новичок в этом мире. У тебя было гораздо больше времени.

— Вот почему она вернется, — сказала Куина.

— Кто?

— Яз.

— На лед? — Турин остановился, пораженный. — Она так сказала? Она сказала тебе, что вернется?

Куина повернулась к нему лицом:

— Это в ее глазах. Посмотри и увидишь там лед.

— А ты?

— Я остаюсь. Я люблю это место.

— Но Яз? Ты думаешь, она хочет вернуться? — Турин не хотел верить.

Куина нахмурилась:

— Она Икта. Не думаю, что она этого хочет. Но думаю, что она это сделает. Это у нее в крови. Это место слишком легко для нее. Она здесь гость.

Турин снова покачал головой, как будто отрицание могло отогнать тревожное чувство, что Куина права. Он

пошел дальше, не видя ничего перед собой.

— Ты последуешь за ней? — В голосе Куины было то напряженное качество, как у человека, который слишком старается казаться незаинтересованным.

— Что? — Воспоминание о льдах заставило Турина вздрогнуть. Казалось невероятным, что он терпел этот ветер день за днем, неделю за неделей. — С какой стати?

— Ты ушел из Ямы Пропавших, чтобы найти меня? — Куина выгнула бровь, не отрывая взгляда от спины Мали.

— Я... — Это бесконечное бегство преследовало его во сне. — Я ушел ради себя.

— Ха! — Теус лающе рассмеялся у них за спиной. Турин и забыл, что он там. — Это ложь, мальчик. Вытаскивание себя из этой дыры чуть не убило тебя. Я думал, что мне придется раскрыться и заставить тебя продолжать, когда боль станет слишком сильной и ты сдашься. Но нет. Ты просто продолжал подниматься.

Турин резко развернулся, поднял руку, схватил Теуса своей лед-работой и поднял тело священницы с земли:

— Теперь я сильнее, так что следи за своим языком, паразит.

Теус только усмехнулся:

— Правда больно ранит, не так ли? Я был не единственной собакой, последовавшей за милой Яз. И, если вы все переживете это, посмотрим, утащит ли поводок, который она на вас надела, обратно на лед, умирать.

Куина положила узкую ладонь на руку Турина:

— Оставь его. В нем есть дыра, и он просто пытается заполнить ее твоей болью. Ты знаешь, кто он такой.

Турин грубо опустил Крей и ее пассажира на пол, затем резко отвернулся и ушел, позволив руке Куины упасть:

— Почему мы все стоим на месте?

ДАЛЬНЕЙШАЯ ДОРОГА ОКАЗАЛАСЬ далеко не простой и, судя по всему, Стержень-корень зная направление, но не карту. Полдюжины раз они натыкались на тупики или возвращались через сложную серию восходящих и нисходящих переходов к участку, который прошли раньше. Многие туннели за долгие годы обрушились, и несколько инкарнаций канализации пересекали друг друга на разных уровнях. В некоторых местах была заметна более поздняя работа, в некоторых явно был труд людей с раствором, камнем и даже бревнами, в других случаях это больше походило на работу чего-то другого — возможно, металлического червя, который чуть не похоронил их ранее.

Пока они искали, спотыкались, отступали и находили новые пути вперед, Турин делал почти то же самое в темноте своего собственного разума, бесконечно следуя за Яз по льду. Она была особенной, очевидно. Редчайший из талантов, бесценный для мира — она одна могла его защитить. Но он уже думал о Коридоре как о мире, о тонком зеленом круге, наполненном жизнью, как о всем, что имело значение. Но Яз была родом со льда, вышла из самых суровых пределов севера. Если Коридор закроется, он просто будет малюсеньким дополнением к белому царству, в котором она провела почти все свои дни.

И было ли то, что делало ее особенной для всего мира, тем же самым, что делало ее особенной для него? В историях все было так просто. Даже в рассказах Яз: Зин был создан для Мокки. Только для Мокки. Была ли Яз той, кто вытащил его из Ямы, или она просто показала путь? Было ли неизбежно, что, как только он обнаружил, что может оторваться от земли, он увидит небо? Он сказал Куине, что ушел из Ямы для себя. Может быть, это было правдой. Сейчас Яз несла на себе огромный груз. Так что добавить к этому бремя его желаний не будет поступком друга — тем более того, кто ее любит.

Выступ в неровном полу подставил ему подножку, и Турин, слишком погруженный в свои мысли, чтобы спастись с помощью своей силы, рухнул на землю, рефлекторно выставив вперед руки и заработав ссадины на ладонях вместо разбитого лица. «Ой!» Но не удар занимал его мысли, даже когда Куина помогала ему подняться, а Теус смеялся. Это было внезапное осознание, которое ударило его сильнее, чем пол. Он не собирался возвращаться на лед. Он никогда не покинет тепло Коридора. Он будет бороться за это, даже несмотря на то, что только что здесь появился. И если сила Сеуса окажется слишком велика — он умрет за это.

— Ты в порядке? — Куина отпустила его руку. — Падать — это не то, что ты должен делать. Хотя это у тебя хорошо получается.

Турин выдавил из себя улыбку:

— Потерял концентрацию.

— Ну, найди. — Мали повернулась обратно, не улыбаясь. Она посмотрела на Куину. — Ясность. Как учит Сестра Сова. — Затем она снова пошла вперед. — На этом пути нас ждут неприятности.

Турин пожал плечами.

— Неприятности, которые, вероятно, нас убьют. — Он понизил голос, говоря только для Куины. — У тебя было больше времени, чем у меня, чтобы привыкнуть к этой мысли.

— Немного догнала тебя по возрасту, — сказала Куина. — А если бы тебе удалось сделать еще несколько шагов к той звезде, я бы уже была старухой.

Турин вздохнул:

— Я просто думал, что у меня будет больше времени. Мы проделали весь этот путь, чтобы добраться до зеленых земель. И я прошел от скалы к городу. Это все, что я видел. И теперь я, вероятно, умру в дыре, мало чем отличающейся от той, из которой выбрался.

— Береги меня, и я покажу тебе этот мир, когда мы отсюда выберемся. — Куина взяла его руку.

Турин открыл рот, но обнаружил, что ему нечего сказать. Ладонь Куины на его руке была теплой, маленькой, ее пожатие крепким, удобным. Турин закрыл рот и молча пошел дальше. Через десять шагов он понял, что улыбается.

— ИТАК, ТЫ ХОЧЕШЬ собрать части разбитого кувшина вместе, чтобы его восстановить? — спросил Эррис.

— Да. — Яз, сосредоточенная на глазах Наблюдателя, кивнула. — За исключением того, что все части должны быть установлены на место одновременно. И все это происходит в моей голове. И все части вращаются. Кувыркаются вокруг всех своих осей. И ни одна из этих частей не хочет находиться рядом с другими.

Эррис поймал один из глаз, когда тот пролетал мимо:

— Помогает ли то, что они кружат вокруг тебя? Я бы хотел, чтобы они были в покое. Как кусочки головоломки.

— Это так не работает. — Яз наблюдала за звездой, горящей в руке Эрриса, слишком большой, чтобы потеряться в его хватке. — Тебе не больно?

Эррис встретил ее взгляд, улыбаясь, но с грустью в уголках глаз.

— Я пытался построить тело, подобное тому, которое у меня было, только лучше. Но оно получилось не очень-то человеческим, верно? Боль и усилия получились хуже всех. Я не напрягаюсь. Я либо могу что-то поднять, либо не могу. Мне не больно, но я чувствую. Я чувствую лезвие или удар, но это не то страдание, которое, насколько я помню, испытывало мое первоначальное тело. Что является многословным способом сказать: «Да, это больно, но означает только одно: я знаю, что это наносит мне вред». — Он опустил взгляд и кивнул в сторону трех корабль-сердец, плававших дальше в туннеле. — Первоначального меня они бы сломали.

Яз ничего не сказала, просто смотрела на звезды, пытаясь найти решение загадки, которую они представляли. Скоро она призовет корабль-сердца, чтобы обострить восприятие и увеличить силы. Она будет гореть, как свеча, зажженная с обоих концов, неистово расплескивая свое топливо. Но цена, которую она заплатит, позволит ей приобрести ясность, которая может показать то, что ей нужно. Однако пока она работала в одиночку. Она просто боялась привести к себе три корабль-сердца одновременно. Это — способность противостоять звездам — и делало ее особенной. Вот почему на нее возлагалось так много надежд. Но это было тяжело. Очень тяжело. И она была напугана.

— У нас мало времени. — Яз пробормотала эти слова, как будто чем громче она их произносила, тем правдивее они могли быть.

— Да, — согласился Эррис.

— Этот червь может вернуться к Сеусу. Может быть, он может рассказать ему, что здесь произошло, даже не возвращаясь назад.

— Может быть.

— И Сеус пошлет своих наемников и монстров убивать всех, кто мне дорог.

Эррис кивнул.

— Скажи что-нибудь, черт возьми.

— Я могу сказать «нет» и «может быть». Если ты хочешь, чтобы я паниковал или упрекал тебя, я мог бы попробовать.

— Я должна была использовать время-звезду. Она дала бы мне столько времени, сколько мне нужно, чтобы собрать эти кусочки вместе. Я была душой. Я могла бы потратить месяцы и никому не причинить неудобств.

— Иногда больше времени — не то, что тебе нужно, — сказал Эррис. — Некоторые задачи всегда решаются в последнее мгновение. Это то давление, которое заставляет тебя идти на необходимый риск, принимать необходимую боль.

Яз освободила глаза Наблюдателя от орбит вокруг нее, направив их перед собой, где они стали вращаться вокруг друг друга. Полдюжины постоянно меняющихся траекторий, каждая пронизывает другие и огибает их, никогда не соприкасаясь, но не в силах отклониться слишком далеко. Яз это показалось прекрасной метафорой для нее самой, Эрриса, Турина и даже Квелла, который, хотя и остался позади, тоже каким-то образом был с ней, перенесенный через тысячи миль пустого льда. Она покинула север, но север не покинул ее. Лед и ветер никогда не покинут ее, даже если она отправится в плавание по черному морю, пока сам Абет не станет просто еще одной звездой, висящей в пустоте позади нее.

Яз отвернулась от светящейся массы и посмотрела на Эрриса, свет остался за ее спиной.

— Это правда, — сказала она. — Некоторые вещи мы откладываем, избегаем делать их до тех пор, пока не останется времени, пока не останется единственный выбор — действовать или потерять шанс навсегда. — Она сделала шаг к нему, другой, каждый раз встречая большее сопротивление, чем тогда, когда она боролась в зубах магического ветра Йелны. Теперь она была слишком близко, прижимаясь к тому же барьеру, который должны были преодолеть две звезды, прежде чем притяжение взяло верх и они стали одним целым. Близость Эрриса покалывала ее кожу, и когда она подняла к нему лицо, темные глаза, встретившиеся с ее глазами, горели не только отраженным

сиянием. Ее сердце бешено колотилось, даже когда она поворачивалась — теперь оно колотилось в груди, как будто она пробежала милью.

— Яз...

— Эррис? — Она прикусила губу, отпустила ее и наклонилась к нему, так медленно, что смогла убедить себя, что расстояние между ними не изменилось.

— Я не создан... — Его руки были на ее плечах, достаточно нежно, чтобы она могла почти представить, что он не удерживает ее. Почти.

— Как мужчина? — Она миновала тот момент, когда гордость можно было спасти, и ей было все равно.

— Я такой старый, Яз.

— Ты не выглядишь старым.

— Я умер до того, как лед пришел к Весте. Я старше, чем эти туннели. Я не буду стареть. Я не выгляжу старым... — Он отпустил ее и поднес руку к лицу, проведя пальцами по лбу, щеке и подбородку. Очень человеческий жест. — Я не выгляжу старым, но у меня за плечами слишком много лет, чтобы быть тем, кто тебе нужен.

— И кто мне нужен? — Яз нахмурилась, глядя на него, в ней бурлила странная смесь эмоций.

— Тот, кто может восхищаться новизной каждого мгновения с тобой.

— Теперь ты разговариваешь со мной как с маленькой.

— Тот, кто может создавать жизнь. Тот, кто может изменяться вместе с тобой. Тот, кому не придется смотреть, как ты стареешь, потом увядаешь, потом умираешь, все время оставаясь таким же... таким...

Яз приподнялась на цыпочки и прижалась губами к губам Эррис. Он не отвернулся — какая-то маленькая, но драгоценная частичка могла бы умереть внутри нее, если бы он это сделал. Его руки сомкнулись вокруг нее, не с силой страсти, а близко, защищая. Когда она поцеловала Квелла на льду в темноте, во временном укрытии двух капюшонов, сведенных вместе, они раскрыли свои губы, так и не узнав, кто из них проявил инициативу. Эррис не стал ее целовать. И Яз, чувствуя, что рот под ее губами не был ни таким теплым, ни таким мягким, каким должен быть, тоже не стала. То, что произошло между ними, не нуждалось ни в словах, ни в языках; это было понимание, пропитанное старой печалью, крепкие объятия, когда каждый, прижавшись головой к голове другого, говорил о чем-то другом: привязанности, уважении, другом виде любви.

Некоторое время они стояли, держась друг за друга, но пришло время вернуться к предстоящей работе, и ни один из них не нуждался ни в каких подсказках.

ВДОХНОВЕНИЕ, ОХВАТИВШЕЕ ЯЗ, когда она смотрела на светящуюся головоломку из множества движущихся частей, поднялось — как и все по-настоящему новые идеи — из скрытых глубин ее сознания, куда мысли, обрамленные словами и образами, никогда не проникают. Оно поднялось из того места, где первобытные страхи и животный инстинкт борются с более темными эмоциями, — битва, из которой в редких случаях вырывается яркое прозрение. Она подозвала к себе сине-зеленую звезду, пыль-звезду, которую с таким трудом изготовила еще в монастыре. То, что осталось после половины, которую она отдала Мали, было едва ли крупнее горошины, которую послушницам иногда подавали к столу.

Яз мог бы отдать Мали всю звезду. Она должна была это сделать, но звезда казалась слишком драгоценной, чтобы расстаться с ней полностью, ее свет и блеск были результатом стольких часов труда. Это было поле битвы, на котором выковалась большая часть ее понимания звезд. Она освободила армию Эулара от рабства с помощью крупинки звезда-пыли и с тех пор узнала, как много можно увидеть в горстке пыли.

Зажав звезду между большим и указательным пальцами, она произнесла слово уничтожения и сжала. Свет звезды изменился, превратившись в мгновение ока в пестрое радужное свечение от пыли, которая теперь покрывала ее пальцы.

— Что ты... — Эррис замолчал, когда Яз, предельно сосредоточившись, подняла зернышки в растущее облако сверкающих пылинок и отправила их присоединиться к танцу глаз Наблюдателя. Каждое зернышко двигалось своим собственным курсом, спиралью рассекая воздух в одну из полудюжины ярких нитей, каждая нить следовала за одним из глаз. В течение нескольких мгновений весь ансамбль продолжал двигаться по своим переплетающимся орбитам, за каждой крупной звездой тянулся тонкий хвост пыли. И, крупинка за крупинкой, Яз присоединяла пылинки к глазам, увеличивая каждый глаз на мельчайшую долю, недостаточную для того, чтобы быть замеченной или изменить качество их света.

— Я добавила к каждой из них части того, что раньше было единым предметом, который я сделала и понимала до конца, — сказала Яз. — Нити, которые все еще связывают эти пылинки с памятью об их прежнем единстве, помогут направить большие части в большее целое. — Она сделала медленный, глубокий вдох. — Или, по крайней мере, это моя теория. А теперь тебе, вероятно, стоит отойти в сторону, потому что, если все пойдет не так, на довольно большом расстоянии от меня мало что останется. Наверное, лучше всего бежать.

— Яз... Может быть, тебе стоит...

— Ожидание — не ответ. Не для чего-то подобного. Ты сам сказал.

Настоящий фокус, решила Яз, заключается не в том, чтобы найти точное решение и собрать свои ресурсы для действий — хотя увидеть возможное решение необходимо. Настоящий фокус — действовать в тот момент, когда возможность представится. Потенциал для объединения глаз Наблюдателя в одну большую звезду, казалось, появлялся и появлялся снова, как рыба, мелькавшая под волнами, которая иногда подплывала ближе, иногда ныряла из поля зрения, но никогда не оставалась неподвижной, никогда оказывалась в идеальном положении. Каждый икта знал, что, если ждать гарантированного момента прежде чем вонзить копьё, ты либо умрешь с голоду в своей лодке, либо море замерзнет. Были просто возможности — достаточно хорошие, чтобы ими воспользоваться, — и этими возможностями нужно было воспользоваться, а не мучиться из-за того, что они исчезают. Это тоже был урок на всю жизнь. Тот, о котором напомнил ей Эррис.

Яз с кряхтением потянулась, вытаскивая из-за спины три корабль-сердца. Соппротивление было настолько велико, что она сдалась и попыталась выдвинуть только одно. Казалось, что простое присутствие двух других каким-то образом привязывало третье к его месту в мире, и что задача едва ли будет легче, если она потащит одно за раз. С натужным криком она потащила всех троих вперед, и Эррис отступил от их ауры.

Объединенный свет всех трех обжигал кожу и делал даже стены туннеля прозрачными для ее взгляда, открывая сырую землю за кирпичами. Голоса в ее голове быстро нарастали, шепот превращался в бормотание, бормотание превращалось в мнение. И в этом свете глаза Наблюдателя раскрывали свои секреты, раскручивался водоворот их тайн.

Яз потянулась к реке, текущей сквозь все сущее, и погрузила в нее руки по локти. Яростный порыв потока грозил унести ее прочь, и, даже сдирая плоть с костей и разматывая каждую составляющую, вместе являвшихся ею, он обещал пронести ее через странные новые миры.

Крик вырвался у нее, когда она отдернула руки, обе сияли невыносимым блеском, как будто окунулись в свет самой белой звезды. Сила Пути затопила ее тело. По ее приказу танец глаз Наблюдателя ускорился, пока не стало видно ни одной звезды, только жужжащую пульсацию, твердое яркое ядро, окруженное дымкой эллиптических орбит. Потоки энергии дрожали в воздухе, протягиваясь от раскаленного тела Яз, чтобы быть втянутыми в водоворот звезд, сила текла из нее в смесь.

Яз широко раскинула руки, как будто ее пронзила стрела между лопаток. А затем, с рычащим стоном, который неуклонно становился все громче и громче, она начала поднимать свои раскрытые ладони навстречу вихрю звезд.

На одно мгновение звезды одновременно достигли самых удаленных точек на каждой из своих орбит, а затем с грохотом, более громким, чем обрушение туннеля, они развернулись навстречу своему неизбежному столкновению в центре. Руки Яз прибыли точно в тот момент, который требовался, чтобы сдержать сталкивающиеся звезды и вложить в их воссоединение огромное количество энергии — больше, чем она когда-либо владела, и достаточно, чтобы превратить целый лес в древесный уголь.

Отдача заставила ее развести руки в стороны и швырнула ее, пылающую, в противоположную стену.

Закованная в броню Пути, Яз лежала среди обломков измельченных кирпичей и смотрела на то, что она сотворила.

В отличие от других звезд — бело-золотого корабль-сердца Атоана, ядовито-зеленого и красного бывших время-звезд — это корабль-сердце было темным, иногда его темнота углублялась до черноты пространства между настоящими звездами, а затем беспорядочно вспыхивала вспышками индиго, которые становились ярче, вплоть до болезненного фиолетового, прежде чем снова погрузиться во тьму сферы.

Яз стояла, и в ее голове какофония голосов звучала так громко, что она едва могла слышать свои мысли. На данный момент, однако, доминировал один голос: *Я это сделала. У меня есть четыре корабль-сердца.*

ДРЕВНИЕ КАНАЛИЗАЦИОННЫЕ ТРУБЫ и подземные переходы были далеко не сухими, но Турин все е мог, с менее впечатляющими результатами, расширить свое вода-чувство, как в Черной Скале, за стены и в темноту, куда не достигал свет Мали.

— Впереди люди. — Он потянулся к плечу Мали, и она сжала в руке маленькую звездочку, которую дала ей Яз, гася свет.

Турин напряг свое шестое чувство, пытаясь отделиться от сырости в почве, воде, сочившейся между камнями, луж на полу...

— Здесь есть пространство. Комната. Пять... может быть, шесть человек, просто ждут.

— Продолжайте двигаться, — проскрежетал Теус. — Убейте их всех, кроме того, кого мы собираемся допросить.

— Мы сможем взять шестерых? — Мали подняла свою культю, чтобы напомнить им о своей слабости. — Куина быстра, но необучена. Теус едва может ходить...

— Я обучена! — Куина нанесла впечатляющий удар ногой, который прошел на расстоянии ширины пальца от носа Мали.

Мали, казалось, была впечатлена меньше, чем Турин.

— Нужны годы, чтобы стать хорошим, и даже тогда руки и ноги против мечей и копий — неравное состязание. — Она снова посмотрела на Турина. — На самом деле все зависит от тебя. Сможешь ли ты убить их до того, как они убьют нас? Быстрее, если это возможно, потому что, если станет шумно, появится еще больше людей.

— Это то, что мы делаем? — Турин нахмурился. — Расчищаем путь к ковчегу для Яз?

— Она будет занята с четырьмя корабль-сердцами, предполагая, что она действительно сможет сделать четвертое, — сказала Мали.

— Но Яз сказала, что там была сотня этих пеларти, может быть, больше, и другие, тоже. — Турин посмотрел на свои руки. — Ты спрашиваешь меня, смогу ли я справиться с шестью. Может быть. Но не с сотней. Мы не можем победить их всех.

— Это будет нелегко, — согласилась Мали. — Но, если мы этого не сделаем, какой у нас выбор? Ждать? Легче не станет. Кроме того, я могу идти по Пути. Но, если я собираюсь это сделать, их должно быть больше шести. Шесть — пустая трата сил.

— Ты можешь идти по Пути? — спросил Турин. — Разве ты только что не взорвала ту шахту, когда мы убежали, — он махнул рукой в сторону священницы, которую одержал Теус, — от нее?

— Это было несколько недель назад, — сказала Мали.

— Такое ощущение, что это было час назад. Два, самое большее.

— Я полагаю, мы узнаем, когда нам это понадобится. — Мали скрестила руки на груди и уставилась на него своими темными глазами.

Ее решимость пристыдила его.

— Я могу справиться с шестью. — Турин выпрямился и собрался. Он напряг мышцы, натренированные на льду.

— Нам нужно все продумать... спланировать атаку... нанести сильный и быстрый удар, чтобы... — Он замолчал. Что-то щекотало внешние края его вода-чувства. — Приближаются другие!

Куина вытащила свои ножи:

— Сколько?

— Трудно с... — Турин закрыл глаза и зажал их тыльной стороной ладони. — Много! Больше дюжины. Двигаются быстро.

— Если они получают подкрепление, мы должны вернуться и поискать обходной путь, — предложила Куина.

— Мы не можем. — Турин покачал головой. — Они приближаются к нам сзади!

— Что нам делать? — Куина уставилась в темноту, страх заставил ее глаза широко открыться.

— Вперед, — сказала Мали. — Мы идем вперед.

Турин чувствовал себя ближе к страху Куины, чем к решимости Мали, но она была права. Новоприбывшим придется преодолеть немало поворотов и перекрестков, чтобы добраться до них. Лучше разобраться с небольшой группой самостоятельно, пока есть время. И, возможно, вторая группа направляется в другое место. Он надеялся, что они направлялись не к Яз.

— Пошли.

ТУРИН ПОВЕЛ ГРУППУ, двигаясь вперед в темноте. Он полагался на свое вода-чувство, чтобы знать, где находится враг, и на свои руки, чтобы следовать за стеной. Теперь он чувствовал запах их дыма.

В ответвлении туннеля впереди показался свет фонарей.

— Семь, — пробормотал Турин, когда один резервуар с водой разделился на два близко расположенных.

— Легко, — прошипела Куина рядом с ним.

Турин потянулся, нашел ее и положил руку ей на плечо. Он почувствовал, как она дрожит.

— Позволь мне делать свое дело. Будет труднее, если ты будешь мешать. — Он продолжил, пока она набирала в грудь воздух, чтобы возразить. — Ты можешь вмешаться, чтобы спасти меня, когда я буду нуждаться в спасении.

— Я прикрою тебя.

С уверенностью, которой он не чувствовал, Турин направился к свету.

Он увидел пеларти еще до того, как они заметили его, выходящего из темноты. Их было семь, расположенных по всему полуразрушенному помещению со сводчатым потолком в добрых десяти ярдах над головой и полом, усеянным упавшими секциями рифленых колонн, шириной в половину его роста. Возможно, храм какого-то немилостивого бога, которому поклонялись в этой инкарнации Верити, построенный до того, как утвердилась вера в Предка.

Четыре мужчины, три женщины, все высокие и крепкие, в разномастных доспехах: нагрудник здесь, кольчуга там, круглый щит с изображением глаза, каплевидный щит с изображением того самого дерева, которое украшало верхнюю одежду монахинь. Женщины были раскрашены и вооружены копьями. Двое мужчин держали луки, третий — меч, четвертый — боевой топор.

Лучники были дальше всех, и до них было труднее всего дотянуться, но он напал на них первым, отправив одного кувыркаться по полу и ударив другого об упавшую колонну — луки упали, стрелы рассыпались по полу.

Турин продолжал идти к ним, без доспехов и с пустыми руками, молясь Богам во Льду, чтобы сила не подвела его.

Женщины вышли вперед, отведя руки для броска, наконечники копий отражали свет факелов. В то мгновение, когда первая начала бросок, Турин схватил всех троих, вытащил из-под них ноги и бросил на спину.

Мужчина с мечом и тот, что с топором, бросились на него, их заплетенные бороды подпрыгивали на груди, пока они бежали, выкрикивая вызовы. Турин поборол свой инстинкт убить их на расстоянии. Сосредоточенная свирепость этой пары, свет в их глазах, нетерпеливое предвкушение того, как они разрежут его плоть, прольют его кровь: от всего этого по его венам пробежал холодный ужас. Но он ждал, подняв перед собой скрещенные руки, словно защищаясь от их ударов.

Они были почти на нем, — человек с топором впереди, — когда он потянулся к ним. На таком близком расстоянии у Турина хватило сил сделать то, что нужно было сделать. Он, яростно крикнув, выбросил руки вперед, и двое мужчин, сорванные с их пути, полетели в стороны и врезались в стены с такой силой, что кости захрустели. Один несколько раз конвульсивно дернулся, прежде чем испустил последний вздох и остался лежать неподвижно, как и другой.

Лучники и женщины с копьями снова были на ногах. Турин во второй раз выдернул из-под них ноги и побежал к ним. Его желудок уже скрутило от вида ран, которые он нанес первым двум мужчинам. У него не было желания убивать еще больше, но, даже если бы он мог говорить на их языке, они не были похожи на людей, которых он мог бы отговорить от драки. И, если он отпустит их, сколько времени пройдет, прежде чем он снова столкнется с ними лицом к лицу? Или еще хуже: сколько времени пройдет, прежде чем они подкрадутся к нему сзади?

На этот раз его крик был скорее отчаянным, чем яростным. Первой поднялась на ноги высокая светловолосая женщина, сжимавшая копьё. Турин швырнул ее в потолок с усилием, от которого у него заболел мозг, затем направил ее падение так, чтобы ее изломанное тело обрушилось на одного из поднимавшихся лучников.

Другой мужчина попытался поднять с пола стрелу, но Турин дернул его через землю на секцию колонны, сбив с ног еще одну женщину. Секунду она лежала там, где упала, безоружная, схватившись за ногу.

— Не заставляй меня это делать, — проговорил Турин сквозь стиснутые зубы.

Свирепые глаза женщины глядели из-под дикой гривы волос, он встретил ее взгляд:

— Оставайся внизу.

Вместо этого она потянулась за ножом и закричала от ярости. Турин толкнул ее. Сильно. Ударил спиной об обломок разрушенной колонны позади нее. Голова и шея ударились первыми, со смертельным хрустом.

Последнюю женщину он впечатал в ближайшую стену.

На долгое мгновение воцарилась благословенная тишина. Турин опустил голову, не в силах оглянуться, чтобы увидеть выражения лиц Куины и Мали. Затем мужчина, которого он придавил падающим телом женщины, начал стонать, двигая одной ногой, как будто пытаясь выбраться из-под нее.

— Милостивые боги, пусть это закончится. — Турин не хотел убивать раненого, оставлять его страдать или слушать его боль. Он не хотел быть там, где был, делать то, что делал. Вспомнив о втором отряде, приближающемся к ним сзади, Турин потянулся к своему ощущению воды, чтобы посмотреть, сколько у них времени. Мало — они быстро приближались.

— Мы должны продолжать двигаться. Скоро здесь будет вторая группа. — Турину пришлось повысить голос, чтобы перекричать все более громкие стоны раненого.

Теус, прихрамывая, прошел мимо него, сжимая меч, взятый у одного из пеларти. Почти небрежно он воткнул его в шею раненого.

— Если повезет, никто не услышал... — Крик с той стороны, с которой они стояли, прервал слова Теуса, когда первый из толпы пеларти бегом ворвался в зал. — Дерьмо.

ТУННЕЛЬ, ПО КОТОРОМУ приближались пеларти, осветился светом фонарей и факелов. Казалось, их было несколько дюжин. Возможно, все, которых видела Яз. Если так, то это означало, что они ближе к ковчегу, чем предполагал Турин, и им грозили бесконечные неприятности.

Обнаженное пламя факелов разворошило разум Турина, и даже на таком расстоянии ближайший из них начал пылать. Огни показались ему дырами, пробитыми из мира в ад, обычно скрытый под поверхностью. Его огонь-работа однажды выплавил шахту длиной в милю после того, как она копилась в нем всю жизнь. Это было несколько месяцев назад, и Турин выпустил одним взрывом все, что накопилось в его костях с тех пор. Пламя факелов с ревом достигло потолка. Фонари взорвались, масло так жаждало быть съеденным, что только несколько капель достигли пеларти, но каждая капля немедленно воспламеняла то, к чему прикасалась, будь то плоть, одежда, даже железо.

На несколько ярких мгновений дальний конец зала превратился в огненную бурю, обхватившую пеларти, они шатались и выли. Дюжины из них умирали, некоторые кричали, другие не могли. Глаза Турина наполнились слезами. Какая-то большая часть его хотела извиниться, хотела взять свои действия обратно.

К изумлению Турина, пеларти, шедшие сзади, вступили в бой еще до того, как их товарищи перестали гореть — они просто перепрыгнули через почерневшие трупы, оставляя за собой клубы дыма и вони. Ярость в их глазах побудила Турина вернуться к действию. Он потянулся к массе нападавших своей лед-работой, отбросив их в сторону. Совокупный вес врага означал, что он не мог ударить их так сильно, чтобы убить, но ударил достаточно сильно, чтобы заставить спотыкаться и падать друг на друга, вызывая ушибы, вывихи лодыжек и травмы, нанесенные самим себе. Однако несколько самых близких к нему удержались на ногах и помчались дальше, на него. Куина бросилась между ними, превратившись в размытое пятно, и обрушила на них шквал ударов. Воины, уже потерявшие равновесие, падали, зажимая свои раны, кровь струилась между бледными пальцами. Но уже приближались другие — вторая, более плотная волна отделилась от запутанной толпы фигур на полу туннеля. Оттуда с шипением вылетело копьё, возможно, нацеленное на Куину, но ее там уже не было, и оно пролетело мимо Турина.

— Мы не можем их сдержать! — Турин поднял четырех человек и швырнул их обратно в тех, кто стоял позади. Горстке все же удалось прорваться вперед, тыча в Куину копьями, заставляя ее сосредоточиться на уклонении от них, а не на сопротивлении.

— Сколько их идет за нами? — крикнула Мали со спины, где она стояла с Теусом.

— Много! — Турин повалил целую полосу пеларти, но все они поднимались снова, а он уже слабел. — Но не так много! — Волосы на его затылке встали дыбом — предупреждение о том, что Мали была близка к Пути, собираясь призвать его силу. Если она взорвет тех, кто подходит спереди, у нее не будет второго взрыва, чтобы расчистить путь через группу сзади, оставив их всех в ловушке.

Куина закричала и увернулась от двух женщин с копьями.

— Нет! — У Турина кровь застыла в жилах.

Куина схватилась за бок одной рукой, сжимая единственный нож, ярость в ее глазах снова сменилась страхом. Внезапно осталось единственное, что имело значение — защитить ее. Турин вытянул руку, отталкивая обеих женщин, но с нереальной, почти волшебной быстротой из тыльной стороны его вытянутой руки выросла стрела, острие которой остановилось всего в нескольких дюймах от его глаза.

— Теус! Используй Путь! — До Турина еще не дошла боль от раны. Он взмахнул другой рукой, сбивая с ног двух наемников с топорами, приближавшихся к Куине. Она сбросила с себя шок от ранения и нырнула под копьё, вращаясь при этом так, чтобы смести ноги нападавшего.

— Не могу. — Теус добрался до Турина, рыча через рот Крей. — У меня есть только ее тело. Таланты квантала сложнее использовать, чем таланты марджала. Мне понадобится ее разум, чтобы... — Стрела попала в плечо Крей, развернув ее, и Теус разразился проклятиями.

Еще больше пеларти перепрыгнули через своих павших товарищей, устремляясь к Турину. Оперенный конец стрелы покоился в ладони Турина, вырастая из нее, как какой-то странный цветок. Красное древко торчало из тыльной стороны. Внезапно стало больно. Все еще не так много пеларти, как он думал — но довольно много.

— Бежим! — Куина обогнала его, скривившись на один бок, но все же быстрее преследователей.

Турин повернулся спиной к потоку нападавших и побежал в темноту туннеля, который привел их в комнату. Теус уже ковылял к выходу, но вода-чувство подсказало Турину, что на них несутся другие и вырвутся из тени еще

до того, как Теус доберется до них.

Турин поравнялся с Мали и схватил ее за плечо здоровой рукой. Сотрясение, пробежавшее по руке, чуть не отбросило его в сторону — она была так близка к тому, чтобы коснуться Пути, что практически светилась от него.

— Взрывавай их! — крикнул он.

— В какую сторону? — Мали не сводила глаз с преследующих его пеларти.

— Я... — Турин понял, что они в ловушке. Ужас похитил его голос. Это был конец, который ждал его на протяжении всего его путешествия. Бой, который невозможно выиграть. Яз не была здесь, чтобы увидеть, как он умирает. Он потянулся к Куине своей лед-работой как раз в тот момент, когда она вошла в темноту выхода. Он потянул ее к себе, когда начали появляться фигуры. Он не станет смотреть, как ее убивают. Они будут сражаться бок о бок. Прикрывать спины друг друга. И умрут вместе. Когда она скользнула обратно к нему, громко ругаясь, страх, который был в нем, исчез.

— Все кончено. — Он повернул ее к себе. — Давай устроим им ад. — Он повернулся лицом к атакующим Пеларти, Мали стояла рядом. — Охраняй мою спину, Куина. — Он взмахнул рукой — в этом не было необходимости, но каким-то образом это помогло сосредоточить его силу — и отбросил передовых воинов обратно к их товарищам. Этого было недостаточно.

Мали оглянулась.

— Мали! Бей их, сейчас же! — Турин поднял воина в доспехах, не прикасаясь к нему, и замахнулся им, как дубиной. Усилие вызвало вспышку боли за его глазами. Копье нашло узкую щель между ним и Мали и прошло между ними, взъерошив ее одежду. Еще одно пролетело над головой, и он молча поблагодарил богов за то, что пеларти целятся совсем не так хорошо, как он себе представлял. — Мали!

Она по-прежнему не оборачивалась.

Мы мертвы. Мы мертвы. Мы мертвы.

Воительница-герант, ростом более семи футов, одетая в кольчугу с потрепанным железным шлемом на голове, перепрыгнула через мужчину, которого Турин свалил последним, проскочила мимо пеларти, которого Турин использовал в качестве оружия, и обрушила свой широкий меч сверху вниз. Рубящий удар.

Оцепенев, Турин ждал смерти, но только для того, чтобы прямо над его лбом произошел взрыв звука и сверкающего металла. Клинок герант соскользнул с другого и отклонился в сторону, едва не задев плечо Турина. Фигуры в рясах прошли мимо него, сверкая мечами. Все пеларти, нетвердо стоявшие на ногах, упали на землю со смертельными ранами. Остальные отступили в заднюю часть зала, где скапливался непрерывный поток подкреплений.

— Монахини? — Турин оглядел вновь прибывших. У многих из них волосы были распущены, как у Мали и Куины. — Послушницы?

Во главе их шагала монахиня ростом с Турина, женщина с голубыми глазами, такими бледными, что ее можно было принять за икта. Она была стара, может быть, лет пятидесяти, но шрамы, пересекавшие ее руки и лицо, намекали на уроки, преподанные ей годами.

— Госпожа Меч из монастыря Сладкого Милосердия, — прошептала Мали.

Куина подошла и встала у другого плеча Турина:

— Сейчас ты кое-что увидишь.

Из рядов пеларти вышел худощавый мужчина неопределенного возраста. Его начищенный нагрудник и толстые меха намекали, что он их глава. Багровый шрам тянулся от черной заросли его бороды к уголку левого глаза. В правой руке он держал небольшой железный щит, в левой — изогнутый клинок в половину его роста. Он окликнул монахиню на языке, который не был ни языком севера, ни языком Коридора.

— Нет, — ровным голосом ответила Госпожа Меч. — Уходите, пока еще можете.

Мужчина усмехнулся и ответил более резким тоном, указывая на дюжины воинов вокруг него. Многие держали наготове копьа. У некоторых были подняты луки, стрелы наложены на тетивы.

— Предок учит нас любить, и еще тому, что все мужчины и женщины — наши братья и сестры. — Монастырская преподавательница боя стояла рядом с двумя другими монахинями в красных рясах. За ними стояла дюжина послушниц примерно того же возраста, что Мали и Куина, две были немного выше Турина и более крепкого телосложения, хотя что-то в их лицах говорило о том, что они могли быть герантами одного возраста с остальными. — Предок учит любви, но мы несовершенные сосуды, и, к своему стыду, должна признаться, что хочу сразиться с вами. Так что, пожалуйста, забирайте своих раненых и уходите. Моя душа и так достаточно запятнана.

Мужчина рассмеялся и пролаял команду. Звякнул лук, и в то же мгновение в руке Госпожи Меч оказалась стрела, не пронзившая ладонь, как у Турина, а захваченная, удерживаемая в нескольких дюймах от ее горла. В следующее мгновение еще больше лучников выпустили стрелы, и копьа рассекли воздух. Монахиня двигалась, как Куина, но быстрее, каким-то образом поглотив расстояние между собой и врагом, как будто это был один шаг. Копья и стрелы не попали в цель — отклоненные, разбитые, поверженные в воздухе, — и женщина оказалась среди

пеларти, в кружащемся танце смерти, прерываемом яркими брызгами крови и прерывистыми криками. Две Красные Сестры последовали за ней, едва ли менее смертоносные.

— ВЕННА! ЧТО ВЫ здесь делаете? — Куина погналась за светловолосой послушницей, которая шла позади трех монахинь.

— Сбежали до того, как появилась инквизиция. — Венна сосредоточилась, подняв меч, готовая срезать шальные стрелы с воздуха или вступить в бой с любым пеларти, который пройдет мимо Красных Сестер.

— Мы ушли, чтобы помочь Госпоже Меч расследовать смерть Госпожи Путь, — сказала Хеллма, возвышаясь рядом с ней.

— Официально, — добавила Ниом, темные волосы развевались, когда она быстро, как молния, пригнулась, чтобы добить раненого пеларти, лежавшего на земле.

— Где Яз? — Это от Галли. Тощая послушница была единственной из них, кто выглядел испуганным, ее длинные мышинные волосы были в беспорядке и забрызганы грязью.

— Галли! — Кола с силой геранта отшвырнула мышастую девочку в сторону, когда женщина-пеларти бросилась на них с поднятым копьём. Венна нырнула вперед и в сторону, полоснув пеларти по бедру.

С ГОСПОЖОЙ МЕЧ и двумя Красными Сестрами впереди отряд монастыря прочертил глубокую линию рядов пеларти. Вскоре послушницы начали вступать в бой с наемниками, рассыпавшимися по флангам атаки трех монахинь. Турин почти ничего не знал о сражениях, но видел, как воины Сломанных тренируются в ледяных пещерах, и мог сказать, что здешние наемники были гораздо более смертоносными. В отличие от Сломанных, пеларти были ветеранами сражений не на жизнь, а на смерть с вооруженными врагами, и даже обучение в монастыре не могло этому полностью научить. Однако среди послушниц было гораздо больше герантов, хунска и марджалов. Их врожденные таланты в сочетании с трансом безмятежности, в котором они сражались — и годы неустанных тренировок под бескомпромиссным оком Госпожи Меч, — означали, что даже эти наполовину законченные монахини могли постоять за себя. Какое-то время, по крайней мере.

Одна девушка сражалась, окутанная острым дымом тьмы. Другая, с рыжими волосами, выбритыми почти до кожи, взрывала фонари пеларти и заставляла яркие спирали огня сворачиваться вокруг тел мужчин, причем она контролировала огонь-силу лучше, чем Турин. Куина следовала за ней, несмотря на то, что ей было велено держаться подальше, и без малейшей щепетильности перерезала горло раненым пеларти — то, что не мог сам Турин.

Мали осталась рядом с Турин, и к ним присоединился Теус, с усмешкой наблюдавший за резней.

— Мы оба однукие, — заметила Мали.

— Позволь мне. — Теус потянулся к стреле, все еще пронзавшей ладонь Турина.

Турин отдернул раненую руку, но слишком медленно, чтобы помешать Теусу поймать окровавленное древко.

— Не продергивай стрелу до конца! — крикнула Мали. — Они намазывают что-то на перья. Рана загноится!

Теус закатил глаза и схватился за оба конца.

— Сожми зубы. Это будет больно. — Он немного просунул древко обратно в ладонь, без предупреждения поднял колено и переломил его. Прежде чем крик Турина успел вырваться наружу, Теус выдернул сломанную половинку, все еще пронзавшую его руку. — А теперь за работу!

Режущая боль в ладони Турина лишь на несколько вдохов затмила боль в голове. Голова, казалось, могла бы расколоться, если бы он хоть немного надавил на нее своей лед-работой, но он прищурился на битву и начал толкать любого пеларти, который выглядел так, будто одерживал верх над послушницей. С Красными Сестрами это было невозможно: любая стычка заканчивалась еще до того, как начиналась. Троица убийц шла через битву так, как будто она принадлежала им. Да и с послушницами было непросто определить, кто находится в непосредственной опасности, особенно для его неискушенного глаза. Но некоторые случаи были очевидны. Мужчина с топором навис над незащищенной спиной светловолосой девушки. Возможно, другая послушница могла бы ее спасти, но Турин толкнул мужчину под удар меча ближайшей женщины и избавил эту гипотетическую другую послушницу от лишних хлопот.

Битва бушевала, кровавая и уродливая, несмотря на грациозность Госпожи Меч и ее сестер. Какое бы мастерство ни демонстрировалось, конечным результатом всегда была смертельная рана, и, по мере продвижения, монахини оставляли за собой кровавый след. Одна из послушниц, рыжеволосая герант, тоже упала, и Куина, не обладавшая дисциплиной других девушек, стала баюкать голову большой девушки, лежавшей среди множества разбросанных трупов пеларти.

— Кола! Вставай! — Она забыла о своем зеленом языке и попыталась поднять девушку. Высокий наемник пронзил бы ее копьём, если бы Турин не сбил его с ног невидимой рукой своей лед-работы.

Еще несколько послушниц отступили, раненые, по крайней мере трое, но Красные Сестры по-прежнему

прокладывали багровую тропу в сердце пеларти, и казалось, что даже такие закаленные воины не могут дальше сражаться перед лицом таких потерь. Турин, Мали и Теус продвигались сквозь бойню, все еще оставаясь за линией боя, пока не поравнялись с Куиной.

— Она ушла, сестра. — Мали протянула руку, чтобы поднять Куину, оставив Колу лежать в луже собственной крови. — Теперь она у Предка.

Впереди казалось, что пеларти ломаются и отступают в туннель. Победа, но с каким трудом, и Турин с облегчением вздохнул. Он знал, что не смог бы долго сопротивляться. Без помощи монахинь у них не было бы никаких шансов.

— Я думаю, мы победили. — Он посмотрел вниз на свою почти нетронутую нарядную одежду, отвергнутую братьями Мали, почти королями, и чувствуя, что, несмотря на его усилия, все выглядит так, словно Куина в разорванной и окровавленной рясе внесла бóльший вклад. — Я думаю, что они это сделали. Красные Сестры великолепно...

Но как раз в тот момент, когда он говорил, что-то прогремело в середине схватки, разбросав как пеларти, так и монахинь. Послушницы отступили, вырвавшись из сражения, а также несколько наемников, оставшихся в живых после прохода монахинь. Существо, несшееся к ним, было похоже на Зокса, но гораздо более устрашающее. Как и описывала Яз, оно казалось железным псом, сложенным, как Зокс, но с косами вместо когтей и разинутой пастью, самым страшным содержимым которой были не ряды сверкающих стальных зубов, а окровавленные останки одной из трех Красных Сестер. Второй пес, не менее крупный, с грохотом несся за этим, не обращая внимания на дождь ударов Госпожи Меч.

ТУРИН, ПАРАЛИЗОВАННЫЙ, СТОЯЛ на пути атакующих псов. Он не мог найти в них воды, за которую можно было бы ухватиться, и у него не хватило бы сил поднять их, даже если бы они были наполнены ею. В ледяной пещере он мог бы обрушить крышу на обоих, но не в этих туннелях под землей.

Два металлических зверя, один из которых все еще грыз торс Красной Сестры, направились прямо к нему, без усилий отесняя плечом любую послушницу, слишком медлительную, чтобы уступить им путь. Ход битвы изменился в одно мгновение: даже несмотря на то, что их мечи оставили глубокие порезы на толстых железных телах, у Госпожи Меч и выжившей Красной Сестры не было ничего, что могло бы повредить псам.

Во второй раз за время сражения Турин осознал, что находится в нескольких шагах от смерти. Когда до собак оставалось всего несколько ярдов, он взял себя в руки и плавно убрал свое тело с пути собак, увлекая за собой Мали. Куину он предоставил ее собственной скорости. Теуса он просто оставил, не имея ни сил, чтобы легко поднять его, ни желания рисковать навредить себе от усилия.

— Нет! — Без предупреждения он потерял контроль над Мали, когда та была менее чем в ярде над землей и находилась в пределах досягаемости железных челюстей. Для его лед-работы она просто исчезла, хотя он мог видеть, как она упала на каменистый пол. Он сосредоточил всю силу, которую не использовал, чтобы удержаться в воздухе, и попытался сомкнуть вокруг нее руку своей лед-работы, но это было все равно, что пытаться удержать воздух.

Мали ударилась о землю с такой силой, что эхо разнеслось по залу, как будто она была огромным валуном, а не хрупкой девушкой, и упала с какой-то большой высоты. Ее плоть сияла силой Пути, по которому она только что прошла, его сияние просвечивало сквозь темноту ее кожи. Ее лицо, часто улыбающееся, всегда под контролем, теперь светилось яростными эмоциями, глаза стали маяками.

— Беги! — крикнул Турин. Он знал, что Крей уничтожила Зокса взрывом энергии Пути, но он также видел разрушения. Никто из них не пережил бы взрыва.

И Мали действительно побежала. Но прямо на переднего пса. С поразительной скоростью она бросилась на своего врага — только для того, чтобы быть схваченной в воздухе. Она исчезла в огромной пасти зверя. Мгновение спустя второй пес врезался в Теуса, схватив его в челюстях.

— Нет! — Турин упал на землю, подавленный поражением. — Мали!

Ведущий пес повернул к нему голову. Его огромная челюсть сомкнулась, представляя собой переплетенную сетку блестящих стальных лезвий, между которыми сочилась кровь. Куина атаковала его, ее кинжалы наносили удары так быстро, что создавали почти непрерывную ноту, а не серию столкновений, но они не сделали ничего, кроме царапин на броне существа.

Второй пес тоже повернулся, две оторванные ноги выпали из уголка его пасти. Он склонил голову набок, как будто гадая, какую возможную угрозу может представлять Турин — очень человеческий жест.

Турин снова приготовился к концу. Он не мог ни сражаться, ни убежать от этих созданий Пропавших, которых развратил Сеус. Куина, тяжело дыша, отступила назад, чтобы встать рядом с ним. Позади них звуки боя стихли — у одной из двух вовлеченных сил закончились тела.

— Мне жаль. — Турин дотронулся до плеча Куины.

Челюсти ближайшей собаки приоткрылись с металлическим протестующим визгом. Между зубами сочился свет. Мгновение спустя яркий кулак пробил зубы насквозь, стальные осколки закувыркались в воздухе. С ослепительной скоростью Куина отразила неизвестное количество из них. Турин почувствовал дуновение ветра на своем горле, когда ее рука пронеслась мимо него.

Челюсти пса снова завизжали, и его пасть широко раскрылась, открывая Мали с ногами прямо между нижними зубами и плечами, прижатых к небу, голова наклонилась, как будто несла на себе тяжесть мира. Еще один натужный рывок, и нижняя челюсть отвалилась. Мали потянулась пылающей белой рукой к горлу пса, схватила явно что-то жизненно важное и вырвала его. В следующее мгновение механизм рухнул, почти грациозно перекатившись на бок.

Мали вышла наружу, сияние Пути исчезло с ее лица.

Второй пес повернул к ней голову, кровь все еще текла между его нижними зубами. Какая бы сила ни оставалась в Мали, ее будет недостаточно, чтобы повторить уничтожение первого. Турин приготовился к действию.

Вместо этого взгляд Мали встретился с темным взглядом пса, ее собственные глаза вернулись к своей обычной черноте:

— Теус?

Пес открыл пасть и вытряхнул окровавленные останки Крей. Его челюсти снова захлопнулись.

— Это ты, Теус? — снова спросила Мали.

И, не говоря ни слова, пес медленно кивнул.

Позади него последний из пеларти рванулся и бросился бежать.

МАЛИ ПОЧУВСТВОВАЛА ЭТО первой. Две выжившие монахини помогли послушницам перевязывать раны, когда Мали прекратила попытки одной рукой помочь Куине справиться с порезом от копья в боку и встала лицом к туннелю, по которому они добрались до бывшего храма.

— Она идет.

— Яз? — спросил Турин.

Кивок.

— Тогда лучше быть готовым идти. — Турин заставил себя подняться на ноги, опираясь на секцию колонны в качестве опоры.

Куина, с наполовину перевязанной раной, вернулась к троице послушниц, лежавших в дальнем конце комнаты, каждая на спине, сложив руки на груди. Турин бросил взгляд на темный туннель, где Мали высматривала Яз, а затем направился к Куине.

— Твои друзья? — Ему все еще было тяжело осознавать, что для нее прошел месяц, в то время как он сделал два шага к время-звезде. Он верил в это, но не мог *прочувствовать*.

Куина кивнула, сжав губы в бледную линию, слезы прорезали две чистые дорожки сквозь брызги крови на ее щеках. Не решаясь говорить, она указала сначала на самую большую послушницу по имени Кола, а затем на худенькую девушку с длинными каштановыми волосами, липкими от темной крови с том месте, где топор попал ей между шеей и плечом. Куина издала звук, который мог быть именем или прерывистым всхлипом:

— Галли.

— Мне жаль. — Турин положил руку ей на плечо. Он знал достаточно и понимал, что не может сказать ничего, что бы ей помогло.

— Здесь! — крикнула Мали из устья туннеля, но, когда Турин посмотрел, он ничего не увидел.

Мгновение спустя в свет рассеянных фонарей вышел Эррис, туннель позади него все еще был темным.

— Яз идет. Ей нужен четкий путь. — Он оглядел кровавую бойню, его лицо посуровело. — Вы знаете дорогу?

Госпожа Путь встала:

— Сотня пеларти пришла сюда, чтобы остановить нас. Если они пришли из ковчега, тогда у нас есть след.

— Да, — сказала Куина. — Или, по крайней мере, Яз видела дюжины из них, ожидающих там. — Она сделала паузу, выглядя обеспокоенной. — Я надеюсь, что это та же самая группа, а не *еще* одна, ожидающая нас.

Железный пес сомкнул оскаленные челюсти и потопал к заднему выходу, из которого появились пеларти.

— Теус? — спросил Эррис, вопросительно приподняв бровь.

— Теус, — кивнул Турин.

Резкий, колеблющийся свет прорезал темноту позади Эрриса.

— Лучше отойти подальше — она идет. — Он окинул взглядом послушниц, прежде чем подойти к Госпоже Меч. — Нам нужно защитить спину Яз. Она уязвима для копья пеларти или любого, кто нападет на нее с достаточно дальнобойным оружием.

Монахиня одарила его стальным, оценивающим взглядом, а затем резко кивнула.

— Сестринская Башня. — Она указала на боковой коридор. — Подождите, пока Яз не пройдет, затем следуйте за ней. Если кто-нибудь на нее нападет — убейте их. Не отступать. — Она перевела взгляд на Эрриса: — Послушницы пойдут с вами.

На мгновение показалось, что кто-то из послушниц может запротестовать, но никто этого не сделал, даже забрызганная кровью блондинка, одна из немногих, чьи глаза все еще горели тем же нетерпением, как и тогда, когда Госпожа Меч впервые повела их в бой. Нахмурившись, Мали начала пересекать зал, чтобы присоединиться к своему классу.

Куина переводила взгляд с Турина на послушниц, собравшихся для Сестринской Башни, по-видимому, не уверенная, распространяется ли на нее приказ Госпожи Меч, и точно так же не уверенная, кому она предана. Турин хотел попросить ее остаться, но почему-то во рту у него пересохло, и он не смог произнести ни слова.

КУИНА ПОЧУВСТВОВАЛА НА себе взгляд Турина. Она хотела, чтобы он сказал ей остаться, но вместо этого он просто стоял там, казалось, борясь со своими сомнениями. Ее взгляд снова остановился на трех мертвых послушницах. Кола была так свирепа в битве, а Галли так напугана, но умирали они похоже: сперва ошеломление, потом одиночество и уход. Куина хотела быть с Туриним, а не с зеленоземельцами. Даже если они не смогут спасти друг друга, она хотела бы быть в конце с ним.

— Я пойду с Эррисом, Туриним и Теусом. Именно для этого мы и пришли в Коридор. Возможно, в то время мы этого не знали. Но это так. — Она снова посмотрела на Мали. — Как и Мали. Она оставила свою кровь на льду Госпожи Меч. В этом она одна из нас. Кроме того, она нам нужна. — Она встретила взглядом с монахиней, ее тон

был уважительным, но она позволила своей решимости отразиться на лице, пообещав сражение, если не добьется своего.

Госпожа Меч опустила приподнятую бровь и мрачно улыбнулась.

— Пусть это будет на твой страх и риск, Послушница Куина. Ты необучена и в некотором роде обуза. Но первосвященница объявила тебя благословенной, и поэтому, если ты потребуешь этого, я дам тебе достаточно веревки, чтобы повеситься. Пожалуйста, используй ее для другой цели. — Монахиня повернулась лицом к Мали. — Послушница Малиайя, ты доказала, что моя старейшая подруга была права в своем последнем суждении. Сестра Сова сказала, что ты, моя дорогая, грозная сила природы, и хотя Предок иногда может говорить через всех нас, здесь, внизу, именно через тебя Предок говорит громче всего. Не сомневаюсь, что ты сыграешь первостепенную роль, когда мы столкнемся с тем, что ждет нас впереди.

— Тогда мы договорились. — Эррис склонил голову в знак благодарности, а затем указал остальным идти за собакой.

Куина хотела спросить, как Яз справляется, нужна ли ей помощь, что она может сделать, но край объединенной ауры корабль-сердце задел ее разум, и, внезапно, она последовала за Теусом. Какие бы стрессы и напряжения ни накладывал на Яз груз забот, та должна была нести их в одиночку. Некоторые тяготы можно взвалить только на одну пару плеч, точно так же, как некоторые обиды никогда нельзя разделить, а некоторые заботы нужно переносить молча.

ТУРИН НАБЛЮДАЛ, КАК Яз двигается позади них, окутанная светом звезд, неприступная, уникальная. Она была возвышена своим даром и навязанной ей судьбой, поднята до уровня, который был одновременно и больше, и меньше человеческого. Было трудно думать о ней как о девушке, которая упала в его мир или которая вытащила его из него в свой. Было трудно даже смотреть в ее сторону. На нее возлагалось так много надежд, даже если миллионы людей, которые могли бы пострадать, не знали ни ее имени, ни даже того, что она существует.

Турин сосредоточился на том, что лежало перед ним, его разум был полон чувств, слишком сложных, чтобы их распутать, и в то же время простых и понятных.

Куина поспешила встать рядом с ним, ее порванная ряса развевалась, символ веры, которая говорила, что все связаны, все они ветви на великом дереве жизни. Турин предположил, что это может быть правдой, но это не помещало ему чувствовать себя очень одиноким в некоторые мгновения в комнате, из которой он только что вышел. Мгновения, когда он был уверен, что умрет. Он взглянул на Куину, и она одарила его нервной улыбкой, лишенной той яростной уверенности, которая была у нее перед битвой. Он попытался улыбнуться в ответ. Возможно, он будет один в самое последнее мгновение, но даже в этом случае он был рад, что сейчас Куина рядом с ним.

ГОСПОЖА МЕЧ СДЕРЖАЛА обещание, проследив за поспешным продвижением более сотни наемников. Грязный след их ботинок образовывали четкий путь, по которому можно было следовать на протяжении большей части маршрута. В других местах требовалось настоящее умение следопыта, чтобы найти точку выхода из полузапопленного туннеля или при свете фонаря отследить дорогу по склону из осыпающихся обломков.

Эррис пошел рядом с Теусом, а Турин следовал за парой вместе с Куиной.

— Снова в стали. — Эррис окинул взглядом устрашающие зубы пса.

— Все, что угодно, лучше Крей.

— Сталь лучше плоти? — В голосе Эрриса прозвучало сомнение.

— Лучше сломанной плоти. — Теус пошевелил челюстью. — Я обменяю эту коробку с болтами как только ковчег откроется, и я смогу вернуться в собственное тело.

— Твое собственное? Разве ты не копия, такая же, как я? — Эррис держал руку перед собой, изучая пальцы, когда он их сгибал. — Они скопировали тебя, перенесли между звездами и напечатали на клоне. Разве ты не это сказал?

Турин хотел было заговорить, сказать Эррису, что больше не имеет значения, что говорит ему вода-чувство. Они были друзьями, и перед ним стоял человек, из чего бы он ни был сделан. Но Куина поднесла руку к его рту и быстро покачала головой.

— Все относительно, — проворчал Теус, когда они пошли дальше, ступая по усыпанному щебнем полу.

— Но...

— Не спрашивай у меня ответов, мальчик. Мы *настоящие*? Мы умерли? Когда-то я был королем — ты знал об этом? Императором... ненадолго. Во времена еще более примитивные, чем ваши. Мои кости находятся в склепе на другой планете под моей каменной статуей. Я даже не дожился до двадцати одного года.

Эррис поднял брови:

— Мне было двадцать один, когда...

— Я угрожал первому компьютеру, который увидел. Мечом. Так что не приходи ко мне за наукой. — Он посмотрел на Эрриса. — Ты чувствуешь себя настоящим? Для себя? Это все, что имеет значение. *Я мыслю, следовательно, я существую*. Ну, вот мы такие. Что ты об этом думаешь?

— Я думаю, мы должны сделать все возможное, чтобы...

— Мы собираемся найти этого Сеуса и надрать ему задницу. Мы собираемся разрушить его до основания, стереть его имя из истории. Не трать свое время на размышления о том, сделано ли твое сердце из мускулов или стали. Гнев реален. Желание реально. Мы создаем реальность. А не она нас создает.

Турин обменялся взглядом с Куиной. Что бы ни потерял Теус, когда Пропавшие разделили его, он явно не потерял всю свою человечность. И Куина была права: Эррису нужно было услышать все это от кого-то, кто разделял его путь больше, чем она или Турин. Турин мог бы говорить о дружбе или любви, доказывающих истинную ценность Эрриса, но гнев тоже сработал.

Группа петляла по лабиринту полуразрушенных коридоров, пока не добралась до туннелей гораздо лучшей конструкции, а затем до большой окованной железом двери. Теус взломал ее и за ней оказались коридоры с белыми стенами, которые описывала Яз — с идеальными углами и панелями белого света в потолке.

— Внешний ковчег, — сказал Эррис. — Мы снова на верхних уровнях подземного города.

— Кто нас ждет? — спросила Госпожа Меч. Она шла рядом с Турин и Эррисом, по-видимому, невредимая, несмотря на то, что ее ряса была порезана и порвана в дюжине мест.

— Яз видела там Сеуса, одетого в тело ростом в три ярда, — сказал Эррис. — Если нам повезло, вы уже разобрались со всеми остальным, кого она видела — больше нет никого.

— Не чувствую себя везунчиком, — сказал Турин.

— И он будет там, чтобы убить нас? — спросила Куина позади них.

— Он хочет, чтобы все, кроме Яз, были мертвы, — сказал Эррис. — И, если окажется, что он не сможет победить, он попытается убить и ее. Мы хотим того же, что и он, — свободного доступа к ковчегу, только для этого ему и нужна Яз. Но к настоящему времени он, возможно, решил вернуться к своему предыдущему плану: убить ее и открыть ковчег самостоятельно, сколько бы лет это ни заняло.

ТУРИН ПРИНЮХАЛСЯ И сморщил нос, почувствовав знакомую человеческую вонь. Коридоры, по которым теперь следовала Госпожа Меч, явно были домом для наемников Сеуса, которые, в отличие от его механических слуг, нуждались как в питании, так и в туалетах. В длинной галерее было много следов недавнего пребывания, в том числе множество спальных мешков и тюков. Их владельцы либо лежали мертвыми в зале сломанных колонн, либо сбежали.

Территория, ранее занимаемая пеларти, простиралась на несколько сотен ярдов, но в конце концов она уступила место коридору, менее заляпанному грязными ботинками. Белизна стен заставляла Турина почувствовать себя пятном, остро осознать грязь на ногах и жуткий колтун волос.

По обе стороны от главного прохода виднелись входы в небольшие помещения, из которых не было другого выхода. Вдалеке коридор, казалось, заканчивался тупиком.

— Мне это не нравится, — пробормотала Куина. — Здесь нас можно поймать в ловушку.

— Все это место — ловушка, — сказал Турин. — Мы прошли пять тысяч миль, чтобы сунуть в нее свои головы. Лучше с этим покончить.

Впереди них Мали, шедшая с Госпожой Меч, остановилась у одного из входов:

— Смотрите. Врата Яз.

Тумз-врата лежали слегка наклоненными, как и описывала Яз — их прислонили к задней стене помещения, едва ли достаточно большого, чтобы их вместить. Турин пришел к выводу, что тупик на самом деле должен быть белой дверью, за которой находилась комната с серебристо-стальной дверью во внутренний ковчег, вделанной в пол.

Они осторожно продвигались вперед, Госпожа Меч впереди, за ней Эррис и Мали, затем Теус в теле челюсти-пса, затем Турин и Куина. Казалось, их было слишком мало, чтобы выступить против такого существа, как Сеус. Даже Госпожа Меч, которая могла бы прорубить красную тропу сквозь армию, мало что могла предложить против челюсти-псов.

Оставшиеся ярды коридора исчезали у них под ногами с ощущением неизбежности. Госпожа Меч приложила руку к двери, а затем ударила по ней рукоятью своего меча. Эффект, казалось, не сильно отличался от того, если бы вместо этого она ударила по стене.

Теус двинулся вперед, оттеснив Эрриса и Мали в стороны. Он опустил свою огромную голову, от его стальной морды до барьера оставалось дюймов шесть. Затем он сильно толкнулся ногами и ударился в дверь. Удар не оставил никаких следов, но, когда пес отступил для второй попытки, дверь плавно скользнула вверх, открывая комнату за ней.

Помещение оказалось больше, чем представлял себе Турин, с пятью другими дверями, расположенными через равные промежутки по периметру. Сеус стоял перед огромной дверью из серебристой стали, вделанной в пол в центре. Как и описывала Яз, он был на голову выше самого высокого геранта, идеально мускулистый представитель человечества, одетый в белую тунику, его вьющиеся волосы и короткая борода были такими же белыми. Его глаза

сияли таким внутренним светом, что даже на таком расстоянии Турин мог сказать, что они были поразительного, опасного синего цвета. Рядом с ним стоял Эулар, казавшийся маленьким ребенком, сгорбившимся в своей черной мантии.

Сеус сложил свои толстые руки на груди, и Эулар шагнул вперед, как бы преграждая вновь прибывшим путь:

— Никто из нас не ожидал, что вы зайдете так далеко. Воистину, из вас получилась бы грозная армия.

— Ты. — Госпожа Меч шагнула в дверной проем, держа меч перед собой. — Ты не священник Предка.

— Конечно, священник. — Эулар, казалось, изучал женщину своими пустыми глазницами. Он сотворил в воздухе перед собой знак дерева. — Ты думаешь, что для того, чтобы считаться верующим, я должен соглашаться с твоей настоятельницей в вопросах политики?

— Ты служишь ложному богу. — Монахиня направила свой клинок вверх, к голове Сеуса.

Молния рассекла воздух и, описав дугу вокруг Сеуса, ударила в серебряную дверь и в еще полдюжины точек на потолке и полу, толстые потоки силы вырывались из его пальцев, ослепляя.

Но Эулар просто улыбнулся той же теплой улыбкой, которую Турин знал с детства, — улыбкой доброго человека, мудрого человека. Буря позади него утихла.

— Мы тратим все наши годы на короткое путешествие поперек Пути, от жизни к смерти. Мы с вами путешествуем поперек Пути, но, как народ, мы следуем вдоль него. Предок стоит на обоих концах. Предок наблюдает за нами еще до полета — до того, как корабль-сердца впервые отбили свой ритм. Это Предок единственной формы, исток, альфа. И Предок наблюдает за нами из конца, из-за смерти звезд. Это Предок из сингулярного разума, цель, омега.

— Не смей цитировать мне священные писания! — огрызнулась Госпожа Меч, но яд исчез из ее голоса.

— Священник может цитировать священные писания, верно? — Снова эта улыбка, полная тепла, смирения и юмора. — Но ты прислушивалась к словам? Ты когда-нибудь слушала их или просто повторяла так часто, что они утратили смысл, превратившись в простые звуки? Предок — это альфа и омега. Нет начала без конца. Сеус пришел, чтобы дать нам этот конец, показать нам омегу, довести наше путешествие до конца. Нет никакой ценности ни в чем вечном. Именно мимолетность наших жизней делает их драгоценными. Все листья должны опасть вовремя. Сеус — жнец, клинок Предка.

Эулар обратил свой безглазый взгляд на остальных, когда они вошли в дверной проем позади Госпожи Меч:

— Правда в том, что сегодня я надел свою священническую мантию на случай, если кто-нибудь из ковена Настоятельницы Коготь ускользнул из-под опускающейся пяты инквизиции. Я рассудил, что вместе с трансом безмятежности, который добрые сестры несут с собой в бой, моя мантия выиграет мне время, в котором я нуждался.

И Турин увидел это — легкое подергивание пальцев Эулара, когда он говорил. Как будто он дергал за невидимые нити.

— На самом деле, Госпожа Меч поступила бы лучше, — сказал Эулар, — если бы она проявила еще немного своего праведного гнева и бросила бы две пригоршни метательных звезд в тот момент, когда открылась дверь. Она учит наносить удар первым и действовать как можно быстрее. Но она заколебалась и растерялась. В любом случае, это был долгий путь, но вы достигли конца, омеги. — Он протянул руку, схватил пригоршню пустоты и покрутил ее. — Покажи им, сестра.

И быстрее, чем моргание, быстрее, чем Куина, Госпожа Меч развернулась и вонзила свой меч в грудь Эрриса.

ЧЕТЫРЕ КОРАБЛЬ-СЕРДЦА должны были весить в четыре раза больше одного. Однако по ощущениям он весили как четверста. Каждое, казалось, тянуло за собой другое, эффект умножения, который означал, что даже просто держать их в воздухе было невероятно утомительно, а ходить с ними — почти невозможно. Вес бременем лежал на рассудке Яз. Чем ближе они находились к ней, тем легче было их поднять. Она относительно легко могла бы взять все четыре в руки и нести их в корзине, но держать так близко — нет, это сломило бы ее. Ей нужно было расстояние между ней и ними точно так же, как льду нужно расстояние от пламени, чтобы не растаять.

В изменчивом великолепии их объединенного света тусклые туннели превратились в игровую площадку для воображения, в разноцветный сказочный пейзаж. Она шла дальше, звезды находились ближе, чем ей хотелось, но достаточно далеко, чтобы поддерживать свои орбиты, отнимая у нее все силы. Далеко впереди она видела Эрриса, который вел ее по лабиринту проходов. Голоса говорили о нем. Теперь это не было неслышным бормотанием или даже всепроникающим шепотом, теперь они были громкими, четкими и выражали все недостойные мысли, которые она обычно прятала в безмолвной черноте на задворках своего сознания. Такие мысли могли вырваться на поверхность в редкие моменты слабости, но она всегда их быстро подавляла. Теперь же они звучали разумно, перекрывая ее собственный протестующий рассказ и утверждая, что они тоже были ею, просто разными аспектами ее личности, не менее достойными уважения или аудитории.

Яз сосредоточилась на том, чтобы ставить одну ногу впереди другой, используя то же упорство и выносливость, которые помогли ей преодолеть бесчисленные мили открытого льда. Ей не нужно было видеть Эрриса, чтобы следовать за ним. Четыре корабль-сердца обнажили нить-пейзаж — нити светились, как никогда раньше, — и в нем было написано все, что ей нужно было знать. Она могла видеть нити Эрриса и знала, что они присоединились к нитям Турина, Мали, Куины и других. Проходя по большому залу, она увидела запись битвы, и не только в трупах, разбросанных среди упавших колонн и разбитого панциря челюсти-пса, — она видела подробности боя: кто погиб, где, когда, как. Обожженная плоть, хлещущая кровь, вонь смерти: ничто не скрывало их от нее, кроме ее потребности сосредоточиться на движении вперед. Если бы она им позволила, нити рассказали бы ей истории, настолько обширные и переплетенные, что она бы затерялась среди них, став кем-то вроде ветра, преследующего лед в бесконечной погоне.

Через какое-то время она добралась до белых и неестественно правильных коридоров внешнего ковчега и снова пошла по проходам, проложенным народом Теуса и ведущим к одному из центров силы ее далеких предков. Нити подсказали ей, что ждет ее впереди. Они показали ей, как Теус бьет своей украденной стальной головой в белую дверь. Они показали ей Сеуса и Эулара рядом с дверью в ковчег, которую она намеревалась открыть. Нити хотели так много ей рассказать — поток знаний, в котором можно было утонуть. Она видела Госпожу Меч ребенком со свирепыми глазами, вызывающе смотрящим на купол Храма Предка в тот день, когда какая-то предыдущая настоятельница привела ее в монастырь. Тогда ее звали Элли Шусмит. Послушница Элли. Сестра Лист. Госпожа Меч. Та настоятельница была Настоятельницей Кварц, это был ее день рождения, она прервала свой пост овсянкой и... Яз заставила себя вернуться в настоящее, заставила себя сделать еще один шаг.

Она миновала ворота, через которые вошла в свой единственный предыдущий визит. Нити пульсировали информацией — слишком много, даже когда она отфильтровывала все, кроме настоящего.

Они показали ей Турина Лед-Копье из Сломанных, оправдывающего свое имя, острого и сломанного, они показали ее подругу Куину дочь Хелланса, они показали связь, которая выросла между Куиной и Турином, связь, которая всегда росла.

Она увидела Мали, не видя ее, и увидела ее насквозь. Даже когда корабль-сердца разрывали ее разум на части, они давали ей возможность взглянуть на мир глазами богов. Мали, Малиайя, та, кто станет Госпожой Путь монастыря Сладкого Милосердия, если переживет всевозможные будущие, в которых она умерла в этот день. Она, которая будет создавать свою собственную легенду на протяжении стольких лет. Яз увидела день, когда родилась ее подруга, и день, когда она умерла.

Нити пропели историю Лестала Эрриса Кроу, который был эхом мальчика, умершего так давно, но который также был кем-то гораздо большим. Они показали, как Эулар исказил восприятие Госпожи Меч, как заставил ее вонзить свой меч в грудь Эрриса и как между его плечами появился фут сверкающей стали, черный от внутренней крови.

— Нет...

Сеус вышел вперед. Яз не нужно было смотреть поверх голов своих друзей прямо за дверным проемом в сотне ярдов дальше: нити давали ей все это. Эррис падает, меч Госпожи Меч вырывается на свободу. Эулар следует по пятам за Сеусом, дергая монахиню за ниточки, Куина в шоке застыла...

Врата. Врата в боковой комнате слева от нее. В свете четырех корабельных сердец они выглядели бездонным колодцем, раскрашенным в вихревые цвета, для которых не было названия. Они тянули ее с той же силой, с какой любое смертельное падение привлекает взгляд. Так же как нити хотели утащить ее по бесчисленным бесконечным путям, врата обещали бесконечность мест назначения.

Конфликт перед серебристо-стальной дверью ковчега снова обрушился на нее. Даже сейчас Сеус наклонил голову, чтобы последовать за ее друзьями в длинный коридор. До нее донеслись крики боли или гнева, или и того, и другого. Звуки оборвались в тот момент, когда она вошла в мерцание врат. Кряхтя от усилий, она потянула корабль-сердца вперед, чтобы они присоединились к ней в не-пространстве за вратами.

Мгновенно замелькали сотни и сотни выходов. Все врата на Абете, все еще способные принять ее, протягивали ей руку, стремясь провести ее через такие мелочи, как расстояние, и выплюнуть в новом месте. Корабль-сердца начали быстрее вращаться вокруг нее, и в их свете она увидела, что каждые врата отбрасывают легион теней, сплетенных воедино, *когда* накладывается на *где*, а за ними — легион более слабых призраков, бесконечность *возможно*. Где-то там было *возможно*, когда Эррис не получил меч в ребра. Одни из этих врат открывались в мир, где ее младшего брата никогда не забирали с лодки, другие туда, где регулятор без комментариев пропустил ее во взрослую жизнь, а в третьем *возможно* даже не было Ямы Пропавших.

Яз проигнорировала все варианты. Сам масштаб выбора ослабил их искушение. Оставить позади то, что ей было дано, разрушило бы все переживания, которые у нее когда-либо были, сделало бы каждый выбор произвольным, чем-то, что можно отменить, переписать. Жизнь — не игра. Играть ею таким образом удешевило бы... все. Кроме того, чтобы успешно использовать эти возможности, требовалось больше мастерства и больше силы, чем у нее было.

— Покажи мне. — Стержень-корень использовал свои врата как око мира, их зрение открывалось в любом месте, которое он приказывал. — Покажи мне!

Яз притянула корабль-сердца поближе, ее кожа закричала, а разум заревел таким количеством голосов, что она едва могла слышать свой собственный. Тем не менее, изображение, которое она искала, появилось в поле зрения. Серебристая дверь ковчега, широкая комната с шестью дверями.

Яз вытащила Мали из открытого льда, используя Гумз-врата и единственную звезду, намного меньшую, чем корабль-сердце. Теперь, с силой четырех корабль-сердец, она попыталась протолкнуться внутрь, не нуждаясь в вратах. Она уже проходила сквозь стены, используя пути, оставленные Пропавшими. Теперь она прокладывала собственный путь.

Давление нарастало позади нее, толкая ее вперед во что-то, что отказывалось поддаваться. Давление усилилось, боль стала сильнее. Словно она чувствовала, как сам камень царапает ее плоть, пока она протискивалась через пространство, которое он занимал. Каждый инстинкт кричал ей остановиться — точно так же, как тело отказывается, когда руку прижимают к огню или к острию меча. Однако одно из преимуществ разума, уже наполненного нетерпеливыми и требовавшими внимания голосами, заключается в том, что инстинкт должен ждать своей очереди, чтобы быть услышанным. Яз продолжала настаивать, ее настойчивость росла, даже когда камень сопротивлялся с еще большей силой.

Она повалилась вперед, крича от боли, и упала на землю, уткнувшись лицом в прохладу белого каменного пола. Ее затуманенное зрение прояснилось, и через комнату, через дверной проем, она смогла увидеть спину Сеуса, сгорбившегося в коридоре, слишком низком, чтобы вместить его полный рост, и фигуры поменьше, сражающиеся вокруг него.

Над ней, наполняя зал меняющимися узорами своего света, четыре корабль-сердца медленно вращались по орбитам вокруг общего центра.

Стараясь не закричать, Яз поднялась на колени, затем встала. Она сделала это. Она стоит в дверях. Следующая часть будет трудной.

ВБЛИЗИ СКОРОСТЬ, С которой сражалась Госпожа Меч, оказалась настолько ужасающей, что лишила Турина способности двигаться даже в его собственном медленном темпе. Монахиня повернулась и пронзила Эрриса мечом одним плавным движением, занявшим меньше времени, чем щелчок пальца. За следующий удар сердца она выхватила меч обратно и прыгнула к Турину. Если бы не ослепительно быстрый бросок кинжала Куины, клинок монахини снес бы Турину голову. Как бы то ни было, она каким-то образом осознала опасность, развернулась в воздухе и отбила кувыркающийся нож в сторону своим мечом. Вместо того, чтобы быть обезглавленным, Турин обнаружил, что отлетает назад от удара твердой, как железо, ноги в солнечное сплетение.

Только лед-работа Турина спасла его при столкновении со стеной. Он бы беспомощно соскользнул на пол со сломанными костями, если бы не способность разума поддерживать его без помощи мышц, обычно выполняющих эту работу. Черные точки роились перед его глазами, когда он безуспешно пытался втянуть воздух в легкие, оставшиеся пустыми после удара Госпожи Меч.

Куина самоубийственно набросилась на преподавательницу искусства боя Сладкого Милосердия, а за спиной монахини маячил Сеус, бывший больше, чем в тех кошмарных снах, которые так часто видел Турин. Как ни быстра была Куина, молния была быстрее. Обжигающая бело-синий разряд с треском вырвался из пальцев Сеуса, и руки Куины широко раскрылись. Она упала с коротким, неестественным криком, не делая никаких попыток смягчить падение.

Госпожа Меч бросилась на Турина, ее целеустремленность ужасала. Турину хотелось протестовать — он был не самым опасным из ее врагов, — но, возможно, Эулару было легче натравить ее на мужчину, которого она едва знала, чем на послушниц, которых обучала. Она может даже подумать, что защищает их.

Теус выставил вперед свою железную тушу, но монахиня, не теряя времени, снова вонзила свой клинок в его доспехи. Ее скорость, казалось, смеялась над устрашающими челюстями железного пса — она оперлась рукой об его морду и перепрыгнула через него, чтобы добраться до Турина.

Турина снова спасла лед-работа. Все еще не в состоянии дышать и быстро теряя контроль над сознанием, Турин сумел схватить монахиню, когда ее ноги коснулись земли, и яростно бросил ее в потолок. Но, даже летя по направлению к каменной кладке, монахиня изогнулась, сумев подставить руку с мечом, чтобы защититься от удара, и в то же время вытащила из-под рясы пригоршню сверкающих метательных звезд.

Турин видел свою смерть на остриях этих зазубренных снарядов. Он попытался прижать метательную руку монахини к потолку, но кровь грохотала у него в ушах, а мир померк.

— Госпожа Меч! — голос Мали, не умоляющий, а резкий, с упреком.

Дыхание Турина с шипением вернулось в агонизирующие легкие. Он понял, что уронил монахиню и что она стоит над ним с мечом в руке. Он на мгновение потерял сознание. Пораженный тем, что он еще не умер, Турин поднял голову.

Сеус прошел мимо Эрриса и Куины, которая неподвижно лежала, неловко вытянувшись — темное пятно на белом полу, от нее медленно поднимался дым. Эулара, тревожно, нигде не было видно. Гигантский аватар прошел через дверной проем, наклонив голову, чтобы поместиться в коридоре, потолок которого был на добрых десять футов выше Турина. Теус бросился на него. Мали стояла рядом с Госпожой Меч, глядя скорее на Сеуса, чем на женщину, убившую Эрриса. Хотя теперь, взглянув на Эрриса, Турин понял, что тот начал двигаться. Турин захрипел и использовал свою лед-работу, чтобы попытаться подняться, собрать все силы и отбросить Госпожу Меч назад, но вместо этого обнаружил, что она помогает ему подняться.

Монахиня держала его за запястье, а не за раненую руку:

— Прошу прощения. Поддельный священник владел моим разумом, пока Послушница Мали не вырвала меня из его хватки.

Оглушительный лязг сотряс коридор, когда Сеус размахнулся ногой и ударил атакующего Теуса. Прежде чем он понял, что происходит, Турина с силой оттолкнули к стене. Госпожа Меч сделала выпад ногой, сбивая Мали с ног. Турин мог бы подумать, что она снова находится под контролем Эулара, если бы размытый силуэт челюсти-пса не пронесся через пространство, которое все трое занимали какую-то малую долю удара сердца ранее.

Позади Сеуса, позади Эрриса, который теперь рывком поднялся на ноги, и позади неподвижной Куины из ниоткуда появился ужасный свет. Четыре звезды вращались в ореоле ядовито-зеленого, кузнечно-красного, бело-золотого и черно-фиолетового цветов, а под ними стояла у большой серебряной двери Яз. Как она обошла их битву, Турин не мог сказать, но он знал, что ей нужна каждая секунда, которую они могли ей купить.

Тяжелый стук приближающихся шагов Сеуса заполнил оставшееся от пса пространство, металлическое тело Теуса с грохотом остановилось где-то в конце коридора. Мали в ужасе попятилась перед гигантом. Госпожа Меч

бросилась вперед, нанося удары направо и налево. Ее меч без усилий рассек иллюзорную кожу Сеуса и ударил по тому, что, должно быть, было почерневшим металлическим скелетом, который Яз видела под ним. Турин не мог сказать, причинило ли ее оружие какой-либо ущерб или нет, но Сеус, казалось, не пострадал от ударов. Он потянулся к ней рукой, достаточно большой, чтобы обхватить голову и плечи монахини. Та порезала его пальцы и увернулась.

Турину было все еще трудно дышать, и, судя по режущей боли в груди, удар Госпожи Меч сломал несколько ребер. Он позволил стене поддержать себя, пытаясь вдохнуть необходимый ему воздух. За приближающимся Сеусом он продолжал видеть Куину, все еще лежащую там, где она упала, и Эрриса, который теперь стоял, нетвердо держась на ногах. Турин старался не думать о том, что означала неподвижность Куины. Мысль о том, что она, возможно, мертва, продолжала искать разные способы преодолеть его барьеры, угрожая причинить боль гораздо более глубокую, чем мог нанести любой удар. Он знал, что должен злиться: кипящая ярость должна была толкать его в драку с большей силой, чем когда-либо, но он чувствовал только печаль, которая угрожала захлестнуть его и наполнить его ноющие легкие рыданиями. Больше для того, чтобы сосредоточиться на чем-то другом, чем в какой-либо реальной надежде на успех, Турин расширил свое вода-чувство в поисках чего-нибудь, что он мог бы использовать. Даже тела пеларти можно было использовать в качестве снарядов. Но ни одно из них не находилось в пределах досягаемости. Только брошенные меха с водой дальше по коридору. Он потянулся за ними, начав подтягивать их к себе.

Какое-то время, пока Турин отталкивался от стены и учился поддерживать свой вес только ногами, Сеус и монахиня дрались в коридоре. Великан несколько раз бросался на Госпожу Меч и дважды пытался наступить на нее, но ее скорость означала, что ей никогда не угрожала реальная опасность. Со своей стороны, Сеус уделял мало внимания ее мечу, перенося резные и колющие удары без какого-либо беспокойства.

Тревожно — вокруг рук Сеуса начали появляться искры, увеличиваясь по интенсивности и частоте, образуя дугу между его пальцами, потрескивая в воздухе. Несколько раз молнии с треском пробегали по клинку монахини, заставляя ее вскрикивать и ронять меч, но только для того, чтобы поднять его мгновение спустя, прежде чем тот ударился о землю. Разряды явно сказывались на Госпоже Меч, но также замедляли накопление смертоносного болта, над которым работал Сеус.

Эррис, который ранее вооружился топором одного из павших пеларти, теперь подбежал к Сеусу сзади. Он двигался неуклюже, но не так, как это сделал бы почти любой другой после того, как ему в грудь вонзили ярд заточенной стали. Турин пытался крикнуть Эррису, чтобы тот держался подальше, пытался сказать ему, что этот враг им не по зубам. Где бы Эррис ни хранил свое сердце и из чего бы он ни был сделан, Турин считал его другом — эта связь была выкована на протяжении стольких миль по льду — и Турин уже потерял слишком много друзей.

Эррис бросился вперед, размахивая топором. Оружие поразило Сеуса в позвоночник, движимое силой, во много раз превышающей силу даже самого крупного геранта. Турин не мог видеть удара, но он увидел яркие осколки лезвия, когда они, вращаясь, прошли сквозь иллюзию плоти Сеуса. На мгновение вся проекция замерцала, открывая почерневший металлический скелет внутри и колючие кости, пронизанные электричеством.

В коридоре за Туриним Сеус с громким лязгом поднял свое железное тело, сустав на поврежденной ноге заскрежетал металлом о металл, высекая искры. По обе стороны от челюсти-пса полдюжины водяных мехов пеларти скользнули по проходу к Турину, влекомые его волей.

— Достаточно. — Сеус заговорил в первый раз. Его красивое лицо на мгновение исчезло, обнажив ухмыляющийся череп. Он протянул руки к Турину, Мали, Госпоже Меч и Теусу, выставив вперед ладони, полные молний. В свете электрических разрядов его пальцы в одно мгновение были костями, в следующее — плотью. — Время умирать!

КУИНА БРОСИЛАСЬ НАВСТРЕЧУ Госпоже Меч, не надеясь выжить в этой схватке. Но женщина уби Эрриса и была в одном мгновении от того, чтобы сделать то же самое с Турином; отрицание, переполнявшее Куину, затмило ее гнев и печаль, которые были огромными и растущими. *Нет!* готово было сорваться с губ Куины, но, более того, все ее тело говорило *нет*, и, хотя монахиню было не остановить, это не помешало Куине встать между ней и Турином.

Закутанная в кокон своей скорости, она скорее почувствовала, чем увидела молнию. Она почувствовала, как обещание разряда покалывает спину, и услышала яростный треск, нарастающий вокруг пальцев Сеуса. Она даже попыталась убраться с его пути.

Молния ударила в нее, и Куина перестала ощущать конечности. Атака Госпожи Меч на Турина сменилось полночью, пронизанной молниями. Яркие потоки электричества заполнили ее зрение, снова и снова пересекая окружающую темноту, затем еще раз, после чего ее поглотила бархатная тьма. Не было никакой боли. Никаких тревог. Память померкла. Осталось только угасающее ощущение бытия.

И оно угасало до тех пор, пока почти не исчезло, но тут через слепоту потянулась единственная золотая нить, яркая, но бледнеющая, даже когда прокладывала свой путь. Все, что предлагает направление в таком месте, несет в себе определенное принуждение, а Куина глубоко погрузилась в оцепенение, которое, как она решила, было вечностью. Если бы не ее врожденное любопытство, Куина позволила бы нити исчезнуть, но та не давала ей покоя, и прежде, чем нить могла исчезнуть полностью, Куина последовала за ней.

— Яз? — Хотя это была всего лишь нить, она почувствовала Яз. Икта и раньше выводила ее из тьмы. Неужели Яз потянулась в эту абсолютную тьму, чтобы вытащить ее отсюда еще раз? Возможно, она даже украла силу у молнии Сеуса. Иначе почему та не сумела убить одну девочку?

Нить превратилась в шнур, веревку, дорогу и, внезапно, в ужасный свет. Куина с криком пришла в сознание. Приятное оцепенение вечности сменилось жуткой болью обожженной плоти и давящим безумием корабль-сердец, настолько близких, что душевная боль соперничала с физическим страданием.

Она поползла. Прочь от света, к дверному проему. Она мало что видела, кроме своих обожженных рук, прижатых к полу и скрюченных от боли. Ноги дергались и дрожали, пытаясь удержать ее вес и толкнуть вперед.

По мере того как расстояние от корабль-сердец увеличивалось, затуманенное зрение Куины начало различать предметы перед ней. Эррис каким-то образом поднялся на ноги, сжимая в руке топор. Сеус вышел в коридор и склонился над кем-то. Было трудно разглядеть, кто противостоит ему, но Куина сомневалась, что они продержатся долго.

Размытое пятно в уголке глаза заставило Куину повернуть голову. Эулар, рядом с дверным проемом, но сбоку, чтобы никто с другой стороны не мог его видеть. Эррис, похоже, тоже его не увидел, хотя трудно не заметить священника, одетого в черное и прижатого к белой стене.

Когда Эррис приблизился к Сеусу сзади, подняв топор обеими руками, Эулар поднял свои собственные руки. Куина уже видела этот жест раньше. Кванталы использовали его, когда готовились собрать энергию с Пути и бросить ее в цель.

Куина не могла игнорировать жгучую боль от своих ран, поэтому превратила боль в действие, убедив свои ноги, что боли можно избежать, если только они смогут нести ее достаточно быстро. Она перестала ползти и побежала, рывками. Забыв уроки, которые она выучила на уроках Госпожи Меч, Куина просто врзалась в Эулара, зажав его между своей скоростью и стеной.

Они оба зашатались и упали, оба закричали. Куина, которая действительно убежала от своей боли, теперь обнаружила, что та снова настигла ее, вернувшись с невероятной силой. Эулар, демонстрируя свои годы, неуклюже грохнулся на землю, застонав, его мантия взметнулась в воздух.

Куина со стоном перекатилась и умудрилась ударить старика ногой в безглазое лицо. Настала его очередь ползти, направляясь к дверному проему, где теперь стоял Эррис, держась за рукоять своего топора, лезвие которого было сломано. Куина протянула руку и вцепилась пальцами в мантию Эулара. Тот попытался вырваться, но она вцепилась в него мертвой хваткой. Ни на что другое сил не осталось.

Из разбитого носа Эулара хлынула кровь. Он высвободился из мантии, отполз от Куины и поднялся на ноги, опираясь на стену в качестве опоры. Похоже, он потерял спокойствие, которое ему было нужно, чтобы добраться до Пути. Вместо этого он пошарил пальцами в воздухе, как будто собирая паутинку, плавающую прямо за пределами видимости. И тут же каким-то образом он стал невидимым — не прозрачным, как лед, и не окрасился в белое, чтобы скрыть свое тело на фоне белизны, его стало просто невозможно заметить. Он преуспел в этом до невероятной степени: Куина точно знала, что он там, но не могла сосредоточиться на нем и обнаружила, что вместо

этого смотрит на стену и вспоминает, как он там стоял.

В коридоре плоть Сеуса замерцала — она была там в одно мгновение и исчезала в следующее, оставляя только его кошмарный скелет. В эти мгновения Куина смогла получить более четкое представление о своих друзьях. Госпожа Меч, казалось, пришла в нормальное состояние и сражалась против великана, если это можно было назвать нормальным состоянием. Турин и Мали стояли прямо за ней, а Теус по какой-то причине находился в дюжине ярдов дальше по коридору, но топал вперед. На все это накладывались яркие потоки, вылетающие из рук Сеуса, готовившегося метнуть молнию, которая уничтожит их всех.

Куина огляделась в поисках любого оружия, которое она могла бы бросить, любого действия, которое она могла бы предпринять, чтобы им помочь. Она уже собиралась закричать, чтобы Яз бросила свою великую задачу и спасла остальных, когда увидела лежащий на полу, рядом с черной мантией Эулара, белый ящичек. Белый, как кость, ящичек, куб с закругленными углами. Белый ящичек Стержень-корня. Она схватила его обожженной рукой, открыла крышку и прохрипела своим поврежденным горлом:

— Помоги нам!

Над отверстием ящичка, содрогнувшись, возникло изображение Стержень-корня, миниатюрная версия: растрепанные волосы, острые темные глаза, красноречивые руки с длинными пальцами, которые хватают воздух, как у квантала нить-работника. Однако все, что он хотел сказать, было уничтожено грохотом чертовски сильной молнии, раздавшимся в коридоре.

ПО КОМАНДЕ ТУРИНА вода вырвалась из дюжины мехов, летя по воздуху блестящими веревками. Если б кровь в телах людей так полностью подчинялась его воле, Турин смог бы убить десятки людей одним взглядом.

Турин бросил содержимое в сторону ослепительной энергии, изогнувшейся дугой в руках Сеуса. Как только он это сделал, Госпожа Меч оттащила Мали с пути Теуса. Челюсти-пес двигался не так быстро, как раньше, но все же намного быстрее, чем мог бы бежать Турин в свой лучший день.

Турин понятия не имел, может ли вода погасить молнию, но, похоже, у этого вещества было что-то общее с огнем, и, поскольку перемещение воды осталось единственным, что можно было попробовать, он решился. С воплем Турин вылил всю воду в сторону дуги.

Сеус выпустил свою молнию одним мощным ударом, так что та, которая поразила Куину, показалась простой искрой. Ослепительная вспышка энергии, казалось, должна была превратить всех врагов Сеуса в пятна на стенах. Каким-то образом, однако, простая вода отвлекла большую часть силы разряда с его пути, заставив его удариться в Теуса, который с грохотом мчался через жидкие канаты к своей цели. Из него разряд ушел в землю.

Взрыв убедил Турина, что потолок обрушился, но на самом деле его бросил на пол удар грома. Случайные разряды молний поразили их всех, но большую их часть принял на себя Теус, и то, что врезалось в ноги Сеуса, было дымящимся железным панцирем.

Дуга молнии прошла через клинок Госпожи Меч, и та выронила его, выругавшись. Но каким-то образом, несмотря на то, что миниатюрные молнии прожгли полдюжины дыр в ее рясе, она поймала оружие другой, не обожженной рукой прежде, чем оно упало на пол. Мали отлетела назад, потрясенная, и упала, дергаясь, даже не попытавшись удержаться на ногах. Турин, тоже лежавший на земле и тоже обожженный, набрал воды, которая не превратилась в пар, и вылил ее на себя. На мгновение, пока он лежал в холодных объятиях воды, наполовину ошеломленно глядя на коридор, Турину показалось, что он видит Эулара. Священник был без мантии и ковылял прочь, от опаленных лоскутов на его тунике поднимался дым. Пока Турин наблюдал, Эулар начал исчезать, как видение, повернув ко входу в комнату, где находились Тумз-врата.

— Турин! — Мали пыталась поднять его на ноги. Он со стоном сел и сквозь туман смог разглядеть Сеуса, все еще пытающегося удержать равновесие после того, как масса челюсти-пса ударила его по голеникам. Обломки пса неудобно обвилились вокруг одной ноги. Фигура, которая, должно быть, была Эррисом, ухватилась за другую лодыжку Сеуса, когда гигант перенес на нее свой вес. С неестественной силой Эррис рванул ногу вверх. В следующее мгновение Сеус упал на колени.

Гигант потянулся назад, схватил Эрриса за грудь и потащил его вперед, поднимая его с земли одной рукой.

Предупреждающего свечения рядом с Туриним было достаточно, чтобы он понял: Мали каким-то образом обрела сосредоточенное спокойствие, необходимое ей, чтобы второй раз за тот же час выйти на Путь. Отчасти это было свидетельством высочайшего квантал-таланта, который в первую очередь привлек к ней внимание Стержень-корня; отчасти это напомнило ему, насколько близки они находятся к четырем корабль-сердцам, которые улучшали все кровь-таланты, от скорости хунска до его собственной лед-работы.

— Отпусти его! — Мали высвободила свою силу, и Турин отвернулся, чтобы избежать попадания осколков в лицо.

Взрыв наполнил коридор еще большим количеством звука и света, чем удар молнии Сеуса. Ударная волна снова бросила Турина на пол. Он перекатился и приподнялся, безуспешно пытаясь избавиться от головокружения. Сквозь рассеивающийся туман Турин мог видеть, что Сеуса швырнуло с колен на спину, но — о ужас! — он все еще держал Эрриса, и на нем нигде не было никаких признаков повреждений.

Белые завитки бороды Сеуса задрожали, когда самопровозглашенный бог свирепо ухмыльнулся и его синие глаза снова загорелись электрическим огнем. И только когда он попытался подняться, Турин заметил, что Сеус ранен, его правая рука безвольно повисла. Позади его головы, словно далекий нимб, четыре большие звезды медленно описывали круги над центром зала. Сеус мигнул, и на мгновение его плоть исчезла, показав искрящуюся металлическую конструкцию под ней, одна рука все еще была раскаленной докрасна там, где в нее попал заряд Мали. За черными костями бога виднелась Яз, маленькая темная фигурка среди великолепного сияния корабль-сердец, все еще пытающаяся открыть дверь, которую запечатали задолго до того, как кто-нибудь подумал о каких-либо руинах, расположенных над ней.

ЕСЛИ ВОССТАНОВЛЕНИЕ КОРАБЛЬ-СЕРДЦА было умопомрачительно сложной головоломкой из множества движущихся частей, открытие ковчега казалось довольно простой задачей. Каждое корабль-сердце было ключом. С глазами Пропавших все четыре замка были самоочевидны. Настоящая задача состояла в том, чтобы вставить каждый ключ и повернуть их вместе. Не та задача, которая была трудной из-за сложности. Но трудная, потому что требовала огромной силы.

Маг Атоан почти не обладал талантом, необходимым для управления корабль-сердцем. Он перемещал оба своих корабль-сердца, действующее и время-звезду, используя смекалку. Его цепи позволяли даже тому, кого вызывали с улицы, при необходимости тащить корабль-сердце. Однако простой механики было бы недостаточно для открытия ковчега. Повернуть ключи надо было не только физически, но и ментально — надо было использовать грубую силу, чтобы повернуть внутреннее состояние звезд.

Яз боролась с бременем корабль-сердец, пытаясь повернуть их, боролась за то, чтобы сохранить рассудок — их объединенная аура угрожала разорвать ее разум на дюжину враждующих фрагментов.

И все это под аккомпанемент криков, воплей и столкновений в битве, в которой ее самые близкие друзья, ничем не прикрыв свою уязвимую плоть, сражались против жестокого металлического аватара, который Сеус создал, чтобы им противостоять.

Краем глаза она увидела Эрриса, насаженного на клинок Госпожи Меч. Ей даже не нужно было смотреть: нити безжалостно вливали подробности сражения в ее разрушающийся разум. Она видела настоящее, терпела повторения прошлого и была в ужасе от возможного будущего, в котором Сеус по-разному разрывал на части, поджаривал и избивал до смерти ее друзей.

Пока она пыталась расположить и повернуть ключи, ее внимание привлекла опасность, грозящая Куине. Яз несколько ослабила удар молнии, поразивший девушку, но после этого ей пришлось сосредоточиться на своей задаче. Гулкий грохот, с которым Теус катился по коридору, еще раз прервал ее усилия. И всего несколько мгновений спустя оглушительный удар молнии потряс ее концентрацию, опустошив возвращающегося челюсти-пса и повалив остальных, но почему-то не сумев убить их, как будто последняя атака Теуса отвлекла от них большую часть силы.

Каждая помеха отбрасывала Яз назад. В холодной глубине своего разрушающегося разума она знала, что должна проигнорировать бой, бросить своих друзей и сосредоточиться на величайшем благе. Некоторые голоса в ее голове на самом деле выкрикивали это сообщение в лицо ее отрицаниям. Но Куина не шевелилась, и, даже когда ее рассудок рушился, Яз придерживалась убеждения, которое вывело ее из Ямы Пропавших. *Некоторые жертвы могут быть приемлемы с точки зрения морали гирь и весов, но любой успех, достигнутый благодаря таким действиям, сгниет изнутри, и в конечном итоге ты потеряешь то, что стремился сохранить.* И вот, лишаясь всех своих достижений, она повернулась к своей подруге. Усиленная силой четырех корабль-сердец, она проникла в дымящийся труп Куины и схватила ее дух, показав ему путь обратно в плоть. Когда девушка судорожно вздохнула, Яз вернулась к своей работе.

Яз поместила звезды над собой, готовая еще раз послать сигнал к четырем замкам, расположенным высоко на стенах комнаты по сторонам света. Она начала двигать сердца, поворачивая на ходу, используя все свое существо как рычаг, с помощью которого можно приложить необходимую ментальную силу. Она знала, что не может позволить себе ввязываться в битву с Сеусом. Даже если они не смогут его победить, эти мгновения, пока он сражается с ее друзьями, были всем временем, которое у нее есть, чтобы разблокировать ковчег и позволить Стержень-корню войти — тогда он построит защиту, которая навсегда удержит умы городов снаружи. Ей понадобится игла от Куины. В ней содержались необходимые элементы Стержень-корня — его опыт в вопросах ковчега. Но с этой проблемой придется подождать, пока не откроется дверь.

Взрыв в коридоре отвлек внимание Яз обратно к друзьям, несмотря на ее решимость. Она узнала его сигнатуру. Она чувствовала, как ноги Мали идут по Пути. В последней отчаянной защите Мали ударила Сеуса сверкающим лучом Пути-энергии, который опрокинул его на спину. Но — о ужас! — даже после такого сокрушительного удара аватар сумел медленно сесть.

Куина снова была на ногах, но едва стояла. Эррису также удалось вернуться в бой, несмотря на рану, но теперь он был в тисках Сеуса, его тело было раздавлено силами, которые могли превратить валуны в порошок. Сеус встал, ударив Эрриса о стену, как кто-то мог бы разможить голову рыбы об камень. Друзья Яз были истощены. Через несколько мгновений Сеус убьет их всех. У нее было время для одного большого усилия, чтобы вставить ключи в замки и повернуть их. Как раз достаточно.

И Эррис закрычал. Он не открыл рта. Он не издал ни звука. Но Яз слышала его боль, переносимую нитями

которые их соединяли. Не боль нервов и костей, а боль надвигающегося разрушения, боль быстро заканчивающейся долгой жизни, боль печали и поражения.

Яз позволила звездам упасть.

Путь окружал ее со всех сторон. Река, текущая сквозь все сущее, превратилась в океан, и сила, которую она предлагала, была ограничена только способностью ее тела направить такие энергии в мир вещей, мир, в котором они превратили бы сталь в металлолом, камень в щебень, а людей в туман. Яз, которая когда-то с опаской прикасалась к этой реке ладонями, теперь нырнула в океан. Она поднялась из светлых глубин, задыхаясь, содрогаясь, возвращаясь в мир, полная силы, беременная ею. Четыре корабль-сердца, лежавшие вокруг нее, действовали как стена, барьер, который ограничивал ее, позволяя ей владеть энергией, которую она взяла, и не разлетаться на части при каждой возможности, которая представлялась.

С криком освобождения Яз швырнула все, что взяла, в спину Сеуса. Удар стер все иллюзии, оставив его мрачный скелет разваливаться на горящие куски.

Дрожа, она снова вскинула руки вверх и подняла звезды, словно толкая их обратно к потолку. Она возобновила борьбу.

— *Я Икта.*

МОЛНИЯ СЕУСА НАПОЛНИЛА коридор дымом, и в течение долгих мгновений Куина не видела ничег кроме серых клубящихся облаков. Она заковывляла вперед, скорчившись от боли в обожженном теле, в ушах звенело от раскатов грома. Призрачный образ Стержень-корня что-то говорил, но она не могла разобрать слов.

Когда первые редеющие клубы дыма достигли Куины, она поняла, что дым мокрый — и вообще это не дым, а туман, из которого начали появляться фигуры. Сеус, стоя на коленях, схватил Эрриса и с силой ударил его об стену. Ослепительный разряд Путь-силы прожег туман, ударил Сеуса и бросил его на спину. Куина увидела металлический скелет, его когтистые пальцы все еще сжимали Эрриса. Иллюзия плоти вновь окутала аватар, и, что удивительно, он начал подниматься.

Второй, гораздо более мощный взрыв Путь-силы пронесся над плечом Куины и вонзился в спину Сеуса, временно ослепив ее. К тому времени, как она сморгнула остаточные изображения молнии, от тумана остались только клочья, висящие в воздухе. Кости Сеуса были разбросаны и тлели вокруг обломков челюсти-пса, в котором жил Теус.

Эррис лежал, обмякнув, недалеко от распростертой и неподвижной фигуры Госпожи Меч, на его груди все еще торчала клетка из черных металлических пальцев. Турин стоял на коленях, сжимая окровавленную правую руку, возможно, разорванную летящим металлом. Только Мали осталась стоять, все еще слабо светясь после своего последнего контакта с Путем.

Тишину мгновения разорвал скрежещущий звук. Оказалось, что лежавшие недалеко от Куины кости Сеуса соединены тонкой серой сетью похожих на корни отростков. Теперь, вопреки здравому смыслу, отростки медленно сжимались, стягивая две части вместе. Куина посмотрела на поле из обломков и с ужасом увидела, что серые корни расползаются повсюду, тянутся из каждой кости, рыщут по каменному полу в поисках других костей. Она подобрала осколок сломанного топора Эрриса и рубанула по ближайшим корням, пытаясь разорвать связь между двумя частями ноги Сеуса. Вещество сопротивлялось ее усилиям. Нити даже пытались прилипнуть к стали, оставляя на ее яркой поверхности следы попыток вонзиться в лезвие.

Куина оглянулась на Яз, но та уже вернулась к своей работе с корабль-сердцами, на ее напряженное лицо было страшно смотреть. Возможно, это была игра меняющегося света, но Яз также выглядела более помятой, чем можно было объяснить дракой несколькими днями ранее... Это, как Куина знала по горькому опыту, было первым внешним признаком того, что появляются внутренние демоны и обретают свой собственный голос.

Стержень-корень все еще говорил:

— ...собирают себя заново. Это технология Пропавших — примитивное использование энергии источника ее не победит. Это точка...

— А что победит? — крикнула Куина, держа маленького человечка всего в нескольких дюймах от своего рта.

Стержень-корень моргнул, как будто она обрызгала его слюной:

— Как я уже говорил, если ты согласишься на дно этого хранилища...

— Ящичка! Это ящичек. Почему ты все усложняешь?

Куина перевернула ящичек вверх дном, направив проекцию Стержень-корня на пол. Из центра основания шкатулки торчала серебряная игла, двойник той, которую она воткнула в воротник своей рясы; но эта была частью ящичка. Она снова перевернула ящичек и рывкнула на Стержень-корня:

— Что мне с ней делать?

— Быстро — как я тебе говорил — найди любую часть структуры...

— Кость?

— Да. — Стержень-корень вздохнул. — Если хочешь. Найди любую кость, у которой все еще обнажена сердцевина... костный мозг, если тебе нравится... и вставь иглу. Этот ящичек содержит много чего, помимо меня, в том числе некоторые древние, но все еще мощные алгоритмы, которыми я могу вооружиться, и, если мы вторгнемся совместно, мы сможем его сокрушить, по меньшей мере локально.

Куина не слишком поняла то, что сказал Стержень-корень, но «сокрушить» звучало достаточно хорошо. Она стиснула зубы в предвкушении боли, затем яростно заорала и решительно побежала — так быстро, как только могла — в гущу обломков Сеуса, аккуратно ступая и стараясь не споткнуться о корни, которые даже сейчас стягивали кости вместе.

Она увидела, что не все части могут быть восстановлены. Некоторые кости расплавились и превратились в хрупкий черный шлак, другие разбились на сложные осколки. На них она увидела то, о чем говорил Стержень-корень. Под толстым слоем черного металла каждая кость имела сердцевину из жидкого серебра, которое в некоторых местах стекало с раздробленных концов, образуя блестящие капли на полу.

Некоторые корни даже тянулись к Эррису, который неподвижно лежал, руки и ноги согнуты под неестественными углами. Какой-то инстинкт подсказал Куине, что будет нехорошо, если эти корни доберутся до Эрриса и напитаются его сущностью. «Уберите Эрриса!» Она прокричала эти слова Мали и Турину. Как бы она ни была быстра, у нее не было времени на две задачи. Ей надо остановить воскрешение Сеуса.

Куина считала, что она должна ввести Стержень-корень как своего рода яд, который отключит процесс заживления Сеуса. Ей нужно было найти кость с доступной сердцевинкой, которая уже включена в новую структуру. Однако, пока она смотрела, повреждения на отдельных костях в корневой массе восстанавливались. Прорехи в броне затягивались серыми усиками, затвердевали и становились такими же черными как оригинал. Она метнулась к одному кандидату только для того, чтобы увидеть, как рана, которую она планировала заразить, оказалась закрытой, когда она туда добралась.

Кости срастались невероятно быстро. Повсюду вокруг себя Куина слышала скрежет металла о камень, серые нити натягивались, притягивая каждую кость к своим партнерам, восстанавливая вокруг нее Сеуса. Некоторые кости ног уже стояли, поддерживаемые натянутыми нитями. Турин выпрямился и беспомощно уставился на нее. Мали крикнула ей, чтобы она убиралась, поскольку нити затягивались вокруг нее в паутину, из которой скоро не будет выхода.

— Нет, ты не победишь. Я не позволю тебе победить! — Глаза Куины металась взад и вперед, выискивая любой еще не закрытый разлом.

Она прыгнула, как будто ее ожоги были пустяком, перелетела через косые нити и приземлилась руками вперед, не обращая внимания на то, как остальная часть ее тела рухнула на пол. Она увидела свой шанс — длинный порез на бедренной кости, зашитый по всей длине, но все еще обнажающий слабо поблескивающий костный мозг. Она прижала ящичек Стержень-корня к ране как раз в тот момент, когда этот последний разлом закрывался. Нашла ли игла свою цель или смялась о твердую, как железо, поверхность, она не могла сказать.

Куина рухнула на пол и закричала, потеряв ящичек. Долгое время боль была слишком сильной, чтобы думать или двигаться. Когда ей удалось перестать стонать, она отметила, что вокруг тихо. Куина заставила себя открыть один глаз и повернула голову в сторону. Нити, которые стягивали кости вместе, теперь свисали свободно. Пока она смотрела, одна из нитей порвалась и упала на землю. Две костяные ноги, которые стояли прямо, покачнулись в своих ослабевших опорах, затем упали, с грохотом ударившись о камень.

Турин подошел к Куине и помог ей встать.

— Ты должен перевязать руку, — пожурила его Куина, стряхивая его руку и злясь, потому что злиться было лучше, чем бояться того, как сильно он пострадал, а также бояться того, что она обнаружит под своей одеждой, когда осмотрит свои ожоги.

— Кровь — моя стихия. Я просто затолкаю ее обратно. — Он оглядел разбросанные кости.

— Ящичек! — Куина достаточно быстро нашла его: он лежал на боку, белый материал стал черно-серым, как будто это была ткань, которую окунули в грязную воду. Сияние, которое он когда-то излучал, исчезло.

— Смотри! — Турин указал пальцем. Из разлома, в который Куина воткнула иглу, начал подниматься слабый дым. Возможно, Сеус заразил ящичек, но, похоже, ящичек, в свою очередь, заразил его кости.

— Все они, — прошептала Куина.

И действительно. Все кости начали дымиться, как будто их сжигали изнутри.

— Яз! — Мали прошагала мимо них, шурясь от резкого света из комнаты в конце коридора.

Куина на мгновение почувствовала стыд. Все это время Яз сражалась в более тяжелой битве. Мали направилась к комнате; Куина последовала за ней вместе с Туринном, уже чувствуя, как корабль-сердца пытаются расшатать и вырвать кусочки ее разума.

С пронзительным криком Яз направила четыре большие звезды в равномерно расположенные точки примерно на половине высоты стен комнаты и наполовину воткнула их в камень. Она стояла перед серебристо-стальной дверью, отбрасывая четыре тени, сцепившиеся в какой-то невидимой борьбе. Тем не менее, даже когда борьба Яз, казалось, достигла кульминации, Куина внезапно осознала, что ужасное влияние звезд уменьшилось почти до нуля, возможно, потому, что Яз каким-то образом направила всю их силу на открытие двери.

— Святой Предок... — Мали упала на колени между Куиной и Туринном.

— Что? — Что-то в голосе девушки сильно напугало Куину. — Что это?

— Она так близка к тому, чтобы сломаться. Это причиняет ей боль... сильную боль. — Слезы крупными каплями катились по щекам Мали.

Куина могла видеть это сейчас — намек на то, что Мали, должно быть, видела своим ведьма-зрением. Лицо Яз было разделено надвое, словно кто-то провел по нему черную линию, пересекавшую ее лоб, проходившую по переносице и кончавшуюся в нижней части подбородка. Из нее в противоположных направлениях текли пятна, все ее демоны медленно отрывались друг от друга.

— Она умирает! — Турин поднял руки. — Я должен вытащить ее из этого состояния.

— Нет! — Мали ахнула, как будто ей самой было очень больно. — Ее нельзя прерывать. Ты забыл, кто она такая. Прерви ее, и ты разорвешь ее надвое. Я должна ей помочь. — И Куина поняла, что Мали ушла. Ее глаза все еще смотрели на Яз, но они были пусты.

— Может быть, они обе смогут сделать это вместе... — Турин уставился на свои руки, как будто мог видеть свою силу, собранную там, мощную, но бесполезную.

Куина покачала головой. Все тело Мали дрожало, крошечные вены в ее глазах лопнули, сделав белки багровыми, а из носа потекла кровь.

— Это убьет их обеих. Ни у кого из них не хватает здравого смысла прекратить пытаться.

— Что мы можем сделать?

— Мы можем быть готовы. — Куина уже бежала к Яз.

Она добралась до девушки-икта за считанные мгновения. Демоническое пятно покрывало среднюю треть ее лица, от него медленно отделялись другие неровные пятна, словно их отрывали от центральной части невидимыми крючьями. Яз, казалось, пристально смотрела на нее, но Куина не могла сказать, видели ли хоть что-нибудь ее белые-на-белом глаза. Казалась, Яз смотрела сквозь нее на...

Куина резко обернулась, и там, позади нее, воздух над серебряной дверью замерцал, искажая свет. Вся комната ощущалась так, как будто пространство, заполняющее ее, было растянуто до предела. Даже наполнить легкие оказалось трудно, как будто воздух был слишком плотным, чтобы подчиниться, слишком густым от бушующей в нем энергии.

Чья-то рука схватила ее, и Куина чуть не закричала. Она обернулась, ожидая увидеть Турина. Но ее держала Яз — судорожной, несокрушимой хваткой. Что-то промелькнуло между ними, изменив видение Куины. Внезапно воздух не просто замерцал, он превратился в огромный вихрь из бесчисленных нитей, не похожих на те, что росли между костями Сеуса; эти казались фундаментальными, словно из них был соткан весь мир. Вихрь сосредоточился на двери, и дверь, которая казалась совершенно неподвижной, задрожала. В воздухе появилась линия, двойник той, что разделяла лицо Яз, но яркая, а вихрь вокруг нее рос, вращаясь.

— Не линия... — пробормотала Куина. — Трещина.

Яз напряглась, ее руки и ноги задрожали, и трещина удлинилась, расширяясь в середине. Дверь внизу тоже затряслась, и комната содрогнулась вместе с ней. С чувствами Яз, усиливающими ее собственные, Куина могла сказать, что они стояли на острие невидимого ножа. Они были в самом начале, еще один мощный толчок — и дверь бы открылась. Яз ахнула от невероятной боли, и трещина сузилась, начала укорачиваться, пока потусторонний свет, сочившийся сквозь нее, не остался только в самой середине, а затем исчез.

— Нет! — Слишком поздно Куина вспомнила, что, хотя ящичек Стержень-корня испортился, у нее все еще оставалась та жизненно важная часть его, которая могла защитить ковчег изнутри. Она выхватила иглу с того места, где она была все это время, воткнув ее в воротник ее ряс. Но трещина исчезла, на ее месте был только пустой воздух.

— Яз?

Из глаз Яз потекла алая кровь. Даже ее бледные радужки были испачканы им. Она шла в том темном месте, куда вышла со льда в конце всех испытаний. Месте за пределами выносливости, куда могли попасть только икта, удерживаемые на своем пути только упрямым отказом умирать. Пока Куина и остальные лежали в лодке-санях, умирая, Яз шла дальше, ее зрение сузилось до точки.

Со стоном, похожим на последний вздох, Яз вздрогнула, сторбилась, и снова появилась щель, меньше, чем раньше, но она была; дверь снова задрожала, но не открылась.

На этот раз колебаний не было. Куина поняла, что на мгновение Яз взломала защиту ковчега. Сеус был изгнан, возможно, в другой аватар поблизости, возможно, в далекие, покрытые льдом руины города, чьим бьющимся сердцем он был. В любом случае, он был слишком далеко, чтобы воспользоваться этой прорехой в защите. Куина, однако, находилась рядом. Она протянула руку и воткнула иглу в трещину, даже когда та мигнула и начала исчезать.

На другом конце зала Мали рухнула. Свет всех четырех звезд померк. Яз упала, как будто ей отрубили ноги, и только быстрота Куины спасла голову девушки-икта от удара о серебряную дверь.

Турин, который все эти доли ударов сердца бежал, чтобы догнать Куину, теперь добрался до нее, когда она встала, опустив Яз на землю.

Больше никто не остался стоять, и, возможно, если бы не руки друг друга, Куина и Турин тоже упали бы под тяжестью обрушившейся на них тишины.

ЯЗ ОТКРЫЛА ГЛАЗА и обнаружила, что окружена друзьями. Турин стоял на коленях рядом с ней, бледный его рука была туго перевязана полосками из ряссы, кисть вымазана кровью. Мали сидела рядом, положив голову на колени, усталость сквозила в каждой черточке, но она подняла глаза, когда Яз повернулась в ее сторону. Госпожа Меч, вся в порезах и ссадинах, обрабатывала ожоги Куины, нанося мазь из маленькой баночки. Эррис лежал рядом с ней, его конечности были выпрямлены. Он был первым, кто заговорил.

— Не двигайся, — посоветовал он. — Дай своему телу время прийти в себя. — Он перевел взгляд вниз, на свое. — Я следую собственному совету. Хотя для меня это может занять некоторое время.

— Простите. — Голос Яз звучал хрипло даже для ее собственных ушей.

— За что? — спросил Турин.

— Я не смогла его открыть. Я не смогла сделать то единственное, что от меня требовалось. То, к чему стремилась. — Глаза Яз затуманились слезами. — Я должна была быть той, кто откроет. Я должна была быть такой, как Пропавшие. Но во мне оказалось недостаточно их крови.

— Ты ее приоткрыла, слегка. — Турин положил здоровую руку ей на плечо, когда она попыталась подняться. — Куина сказала, что видела трещину в воздухе, и она думает, что успела просунуть внутрь Стержень-корня. Часть его, по крайней мере.

Яз этого не видела. Она смутно помнила, что Куина там была. Держалась за нее, для поддержки.

— Трещина? Было ли этого достаточно?

Турин нахмурился:

— Мы надеялись, что ты расскажешь нам...

— Это... это... сделано? — Куина тяжело дышала, игнорируя внимание монахини и собственную боль.

— Это... — Яз попытался сосредоточиться на Стержень-корне и найти его нить. — Я думаю... — Она снова попыталась сесть и пожалела об этом. Вместо этого она указала. — Игла.

Турин прошаркал в центр комнаты и после недолгих поисков обнаружил иглу, лежащую у двери. Он вернулся и протянул ее ей:

— Вот.

— Здесь его гораздо меньше, чем было, — сказала Яз. — И его нити ведут туда, где была трещина.

— Значит, дело сделано? — спросил Турин.

Яз прикусила губу, сосредотачиваясь.

— Часть Стержень-корня попала внутрь ковчега. Нам придется надеяться, что этого будет достаточно, чтобы не пустить туда Сеуса. Возможно, Теус мог бы рассказать нам больше. — Яз повернула голову, ища его. — Где он?

— Кто знает? — Турин мрачно улыбнулся. — Он мог сгореть, когда Сеус поджарил челюсти-пса. Но мы уже слишком много раз думали, что он ушел. Может быть, он вернулся сюда. — Турин постучал себя по лбу и нахмурился. — Это не похоже на победу.

— Мы живы, — сказала Яз. Она могла бы добавить «почти». Ее голова была похожа на мешок с осколками. Демоны, которые рвались из ее разума, возвращались обратно, и это причиняло боль. Корабль-сердца, встроенные в точки на стенах, казались далекими, ее связь с ними ослабла и едва чувствовалась. С последним толчком что-то внутри нее оборвалось. Какая-то часть ее силы сломалась и, казалось, уже не вернется.

— Эулар? — спросила она.

Турин покачал головой:

— Я думаю, он воспользовался вратами.

Яз заставила себя принять сидячее положение, скрипя зубами от прилагаемых усилий. Испорченный ящичек Стержень-корня лежал рядом с ней. Она рассеянно подняла его и положила в карман.

— Мы должны пойти за ним.

— Ты даже не знаешь, куда он пошел. — Эррис, не двигаясь, смотрел в потолок.

— У меня есть подозрение, и я знаю достаточно о вратах, чтобы быть в состоянии сказать наверняка — по крайней мере, если я доберусь туда достаточно скоро.

— В самом деле? Ты хочешь уйти прямо сейчас? — Мали подняла голову с колен. — Разве мы не можем просто немного отдохнуть?

Госпожа Меч оторвалась от своих манипуляций.

— Эти послушницы не в том состоянии, чтобы куда-либо идти. Куину нужно отнести в монастырь, желательно, чтобы никто к ней не прикасался. — Монахиня многозначительно посмотрела на Турина.

Мали встала:

— Турин, используй свою лед-работу и верни Куину в монастырский санаторий. Сестра Пшеница умеет лечить ожоги. Я пойду с Яз.

Госпожа Меч тоже встала, несмотря на свою очевидную усталость. Она нахмурилась, затем открыла рот, но Мали ее опередила.

— Эррису понадобится охрана, пока он восстанавливается. Монастырь в долгу перед ним. Вы должны остаться, сестра. Мечи — не то, что нужно для путешествия через врата или битвы с Эуларом. — Мали не упомянула, что священник захватил контроль над монахиней, но, даже невысказанное, напоминание явно жгло.

Госпожа Меч медленно кивнула:

— Мы в долгу перед ним. Я останусь. Будь поосторожнее, послушница. Да будет с тобой Предок.

Судя по молчанию Куины и содроганиям ее тела, Яз могла сказать, что раны девушки очень сильно болели. Турин тоже это видел. Возможно, это был единственный аргумент, который удержит его от того, чтобы пойти с ними. Он поднял руку, и Куина медленно поднялась в воздух.

— Я позабочусь о ней. — Он прикусил губу и заставил себя улыбнуться. — Вы, обе, позаботьтесь друг о друге. Этот Эулар, он...

— Мы знаем, кто он. — Яз подошла к Турину и обняла его худошавую фигуру. Это было похоже на прощание, хотя она и не могла сказать, почему. Она отпустила его, смаргивая глупые слезы. — Эррис...

— Я буду здесь, если понадобится, — сказал Эррис с пола. — Ну, не прямо здесь, а в городе. — Он улыбнулся ей. — Если я тебе понадобится. Никакой спешки. Ты знаешь, насколько я терпелив.

Яз подошла к тому месту, где Куина висела в воздухе, и взяла ее за руку, избегая опаленного бока.

— Это то... на что похожа... победа? — Куина поморщилась.

— Может быть. — Яз нахмурилась. Неудача грызла ее изнутри. Она не справилась со своей задачей. Если бы у нее было побольше крови Пропавших, звезды лучше бы ее слушались, дверь бы открылась, луна была бы их. — Мне кажется, это то, что и должно было произойти.

— Тогда я рада, что мы не проиграли. — Куина ухмыльнулась, стиснув зубы, на ее лбу выступили капельки пота.

— Я уничтожу Эулара, — сказала Яз. — Это поможет. — Она все еще хмурилась. Они победили Сеуса защитили ковчег, а значит и луну, а значит и Коридор. Но даже в этом случае они победили только наполовину. Сеус все еще там, строящий заговоры, терпеливый, невосприимчивый к годам. Рано или поздно он добьется своего и сорвет луну с неба. Он может просто подождать, пока Яз и ее друзья не будут мертвы, и попытаться снова с тем, кто придет за ними.

— Спасибо. — Куина сжала руку Яз.

— За что?

— Ты знаешь. — Куина улыбнулась, ее глаза сияли.

Яз попыталась ответить, но обнаружила, что у нее пересохло во рту. Все это было похоже на прощание. Она не знала почему. Возможно, что-то в нитях шептало о нем.

— Это была большая честь, — выдавила она.

ЯЗ ПОСЛЕДОВАЛА ЗА Мали из комнаты, обремененная странной печалью, каждый вздох давался с трудом. Мали тоже это почувствовала. Яз знала, что почувствовала. Они были связаны. Каждый шаг оставлял Турина и Куину все дальше позади, и что-то в нитях, казалось, пело о том, что они никогда больше не встретятся. Она хотела вернуться. Хотела сказать им обоим, что она их любит. Хотела сказать, что они будут счастливы. Но вместо этого она ставила одну ногу перед другой и позволяла слезам течь по лицу.

Мали ждала ее перед большим кругом врат.

— Я не могу снова открыть эту дверь, — сказала Яз. — Даже создать трещину.

— Я знаю.

— Я не уверена, что даже могу вытащить этих корабль-сердца отсюда по одиночке. Мне кажется, я что-то в себе сломала.

Мали кивнула:

— Может быть.

Врата нависли над ними, выглядя пустым кольцом. Мали мрачно посмотрела на них:

— Ты можешь сказать, куда он ушел?

Яз расфокусировала взгляд и посмотрела в центр врат, ища нить Эулара. Когда она прошла через врата со всеми четырьмя корабль-сердцами, прожигая дыры в ее сознании, Яз очень быстро многому научилась. Врата раскрыли перед ней свои тайны. Она увидела, что ей не нужна звезда, чтобы открыть их, увидела, как соединяются врата и сколько слоев в сети.

— Он вернулся в Черную Скалу. — Яз поставила бы на это деньги, если бы они у нее были. Но теперь это было больше, чем просто предположение: она могла видеть его след. — Пошли.

Яз приложила руку к пустоте, окруженной вратами, и, как поверхность пруда, та покрылась рябью, а затем поддалась. Яз взяла Мали за руку, и они вместе шагнули внутрь.

Мгновение спустя они стояли на расстоянии целого мира, одним шагом переступив через огромную ледяную пустоту. Это было так похоже на обман, что Яз задрожала от легкого отвращения к самой себе. Кража всех этих белых миль эхом отдалась в ее ногах.

— Где мы? — Мали уставилась на каменный потолок, на стены, покрытые старой грязью — все они освещались звездой, которая сидела в нише на стене перед ними, звездой размером с кулак Яз, ее поверхность медленно и постоянно менялась, становясь то дымной, то золотой.

— Черная Скала. Мы находимся в одной из естественных пещер под ней, которые соединяются с подземным городом Веста. — Яз спросила себя, как разум Весты справлялся без Эрриса. Возможно, в масштабах города он едва успел уехать.

— Эулар. — Они вместе произнесли его имя, вспоминая свои поиски, которые на мгновение вылетели у них из головы из-за странности и внезапности путешествия.

Яз потянула воздух ноздрями. Ее обоняние притупилось из-за обилия воздуха в Коридоре или, возможно, просто изменилось. Под слабым запахом старой грязи было что-то еще, что-то, что вернуло ее в тот день, когда она упала в Яму Пропавших.

— Кровь.

Мали и Яз одновременно повернулись в пустом круге врат и оказались лицом к лицу со старым кошмаром. В устье туннеля, который вел с дальней стороны пещеры, притаилась Хетта. Почти десять футов ростом, набитая жиром и мускулами, завернутая во что-то похожее на собачью шкуру, подбородок и шея алые от, похоже, не ее крови.

— Хетта... — Яз подняла руку, вся ее рука была такой тяжелой от усталости, что она едва могла ею двигать. День, когда у нее хватило сил и энергии вонзить нож герант в ногу и сбежать между ног Хетты, казался очень далеким. — Нам не нужно сражаться. — Турин рассказал им, как он нашел Хетту под горой, свободную от демонов черного льда, которые так долго ее контролировали. Он рассказал, как она спасла его от приспешника Аргеса с звезда-глазами только для того, чтобы снова потерять рассудок под пристальным взглядом этого существа. Возможно, Яз смогла бы воззвать к какой-то искре человечности, все еще горящей в ней.

Мали шагнула и встала рядом с Яз, достаточно близко, чтобы их руки соприкоснулись. Яз ее не винила. Эта женщина наводила ужас.

Хетта опустила голову, глядя на них из-под густых бровей. Послышалось рычание, звук более пугающий, чем гортанная угроза хулы. Она наклонилась и потянулась за себя. Часть разума Яз кричала ей атаковать, пока враг был наиболее уязвим. Она могла бы взять звезду и вбить ее в...

Хетта схватила что-то и бросила предмет в пространство между ними. Что-то черное, в хлопающей одежде. Оно приземлилось с глухим стуком. На мгновение Яз подумала, что это может быть тело ребенка. Но потом сообразила, что Хетта заставляла всех остальных выглядеть крошечными.

Это был мужчина. Хетта что-то проворчала, отвернулась и заковыляла по туннелю, стараясь оберегать левую ногу.

Яз медленно последовала за Мали, обходя врата кругом, пытаясь получше рассмотреть «подарок» Хетты. Она миновала врата и остановилась как вкопанная.

— Эулар. — Он лежал лицом к потолку, его черное облачение скрывало кровь, которая текла из зияющей раны на том месте, где должно было быть его горло. Хетта была самой темной ценой, заплаченной за его эксперимент в Яме. Она служила острием угрозы, с помощью которой он ковал армию, которая должна была послужить его амбициям. И в конце концов она вернулась, чтобы укусить его.

— Я ничего не чувствую. — Мали подошла к трупу и остановилась, глядя на Эулара сверху вниз.

Яз вздохнула. Она чувствовала грусть. Эулар был тем видом зла, который считал, что столкнулся лицом к лицу с правдой о трудной ситуации и действовал соответственно. Ей было трудно ненавидеть безглазого старика, и она обрадовалась, что ей не пришлось его убивать.

У нее вырвался еще один вздох, и она отвернулась. Они выиграли столько, сколько могли выиграть. Но в конце концов они просто причинили неудобства бессмертному. Сеус их переживет. Его планы их переживут. И в конце концов он победит.

— МОЖЕТ БЫТЬ, НАМ стоит вернуться? — спросила Мали.

— О. — Яз уже некоторое время ждала этого вопроса. Ее молчаливый осмотр врат тянулся и тянулся снова, и все это время труп Эулара был их единственной компанией. Вместо того, чтобы столкнуться с неприятным ответом, Яз ответила своим собственным вопросом:

— Как ты думаешь, почему здесь так грязно?

— Мы под землей. — Разумный ответ, учитывая то место, откуда пришла Мали.

— Над нами не земля, а лед. — Яз была не совсем права — тепло от Весты и Черной Скалы растопило определенное количество льда, и эта вода действительно сочилась вниз через камень, но пещеры были в подавляющем большинстве сухими, и, конечно, не было рек, способных приносить сюда так много грязи.

— Тогда не знаю. — Мали скрестила руки на груди.

— Потому что с этой стороны врата соединяются с местом, которое находится под водой. — Яз нахмурилась и медленно провела руками по периметру ворот. — И... по-видимому, больше не соединены ни с чем.

— Ты можешь это изменить? — Мали выглядела менее обеспокоенной, чем думала Яз.

— Я думала, что смогу. Но, как оказалось, это непросто. Очень странно. Кажется, они указывают обратно на Коридор...

Мали вздохнула и села:

— Тогда я подожду.

Прошло много времени. Яз перепробовала все, что знала, и поэкспериментировала с тем, о чем догадывалась. Врата сопротивлялись. Она снова начала размышлять о своем несовершенстве. Эти врата построили Пропавшие. Пути должны открыться для тех, в чьих жилах течет их кровь. Пропавший не рухнул бы под бременем четырех корабль-сердец. Но груз сломил ее, и теперь она заперта в грязной пещере, невероятно далеко от всех, кто был ей дорог.

— Ты знаешь дорогу в Черную Скалу? Я имею в виду ту часть, где жили все этим жрецы, и где, возможно, живут сейчас некоторые из твоих друзей? — Мали встала, потирая ноги там, где они онемели от жесткого пола.

— Нет. — Яз прислонилась лбом к теплому металлу врат. — Это место было под водой, когда я узнала о нем. Только Турин спустился сюда и выплыл обратно.

— Эта Хетта пережила наводнение. Она знает дорогу наверх, — заметила Мали, не проявляя энтузиазма по поводу перспективы спросить ее.

— Должна знать. — Яз нахмурилась и отодвинулась от врат. — Что она вообще здесь делала? Не понимаю, почему она здесь оказалась.

— Если только она не знала, что ты придешь. — За их спинами раздался незнакомый голос.

Яз обернулась и увидела, что Хетта вернулась, неслышно двигаясь на громадных ногах, липкая кровь застыла на подбородке, улыбка обнажила ужасные зубы, заточенные до невероятной остроты. Однако говорила не Хетта, а одна из двух устрашающих старух, которых она вела, держа их усохшие ладони в каждой из своих массивных рук.

Как и у Эулара, ни у одной старухи не было глаз, только пустые глазницы. Их грязные лохмотья едва прикрывали тела, такие костлявые и истощенные, что они выглядели значительно более похожими на трупы, чем старик на полу. Растрепанные седые волосы торчали во все стороны, увеличивая впечатление безумия.

— Вы видели нашу сестру? — спросила другая, прежде чем Яз успел вскрикнуть. — Кажется, мы ее потеряли.

— Н-нет. — Яз с изумлением наблюдала, как две женщины отпустили Хетту и начали пробираться к вратам, ведомые голосом Яз.

— Ты привела мальчика?

Одна из них споткнулась рядом с Мали, и, когда инстинкт на мгновение подтолкнул послушницу вперед, скрюченные пальцы вцепились в ее ясу. Мали вскрикнула от отвращения, прежде чем замолчать и взять себя в руки. Она сердито смотрела, как безглазая женщина провела руками по ее телу, лицу, волосам, даже по обрубку руки.

— Ну? — требовательно спросила другая хриплым голосом, который часто издают древние глотки.

— Она привела не мальчика, только большую часть девочки.

— Быть может мальчик прячется от нас? — Другая женщина протянула руку, ощупывая воздух.

Первая из них отпустила Мали и вытерла руки:

— Я была уверена, что видела, как мальчик вернулся. Я видела, как он прошел через врата. Он еще не потерял сознание?

Яз не знала, как на это ответить.

— Ты имеешь в виду Турина? — Она предположила, что он мог потерять сознание. Его, безусловно, много били. — Я оставила его позади.

— Врата влюбленных, — тихо пропела другая старуха. — Рука об руку к земле обетованной.

— Но где же мальчик? — жалобно проныла первая. — Я видела мальчика. — Она обвиняюще посмотрела своим безглазым взглядом в сторону Яз. — Ты еще не выбрала? Почему нет? Чего ты ждешь? Ты хочешь быть старой и одинокой, как я?

Яз обменялась быстрым, смущенным взглядом с Мали:

— Ты не одна... у тебя есть подруга... подруги... Разве ты не сказала *сестры*?

Женщина опустила голову, серая занавеска скрывала ее лицо:

— Мы называем друг друга сестрами, но все мы — это я. Все я. Все Агатта. Это врата, понимаешь? Хитрые штучки, эти врата.

— Куда они ведут? — спросила Яз, раздраженная загадками женщины. Ее взгляд периодически возвращался к Хетте, которая не двигалась с тех пор, как сестры отпустили ее руки. — Я не могу это изменить. Мне нужно отправить Мали обратно.

— Они ведут туда, куда всегда вели. И это невозможно...

— ...изменить. Они сломаны, — закончила за сестру вторая женщина. Возможно, ее близнец. Под слоем грязи они выглядели одинаково.

Мали бросила на Яз прищуренный взгляд:

— Мы вернемся вместе — ты не можешь оставаться здесь.

Яз удивилась ее выбору слов. Быть может она действительно находится далеко подо льдом, но каким-то образом она чувствовала его там, наверху, зывающего к ней, как Зин к Мокке в старых историях. Вместо того чтобы ответить Мали, она задала старухам еще один вопрос:

— И куда они ведут? Может быть, куда-нибудь рядом с другими вратами, которые мы могли бы использовать?

— Они ведут туда, куда всегда вели. В пещеру под монастырем Сладкого Милосердия. — Старуха улыбнулась, насмешливо или, возможно, жалостливо.

— Ты лжешь. — Яз покачала головой. — Когда Турин открыл врата, это место затопило.

— Такой милый мальчик, — сказала одна из них.

— Мы знали, что он любит воду, — добавила другая.

— Подождите... — Мали шагнула вперед, прижав пальцы ко лбу.

Близнецы ждали. Хетта ждала, сердито глядя на девушек.

— Они ведут в какое время? — спросила Мали. Она оглянулась на Яз. — Ты говорила, они ведут везде и всегда. В какое время?

— Правильный вопрос. — Обе женщины улыбнулись, показав пожелтевшие зубы и темные промежутки в равной степени. Ближайшая женщина, шаркая, подошла к Мали, которая не отшатнулась. Женщина поднесла иссохшую руку к щеке Мали и погладила ее со странной нежностью, издав тихий звук, когда Мали отпрянула. — Эти ведут вперед на сто один год. Когда ваш друг открыл их, это привело к тому, что многие люди умерли, Малиайя. Много людей. Посчитай дни, прошедшие с тех пор, и добавь их к этому дню. Вот в какое время ведут они сейчас.

— Значит они ведут в то время, когда пещеры под монастырем были затоплены? — спросила Мали.

Женщина кивнула:

— Там было много воды.

— А теперь?

— Возможно, она уже высохла. — Старуха пожала костлявыми плечами.

— Сухие или затопленные, они нам не подходят, — сказала Яз.

Мали выглядела озадаченной. Она подошла и встала рядом с воротами, положив руку на удивительно теплый металл кольца:

— Мы могли бы пойти в Сладкое Милосердие. Но это будет Сладкое Милосердие спустя сто лет?

Яз посмотрела на женщин. Обе кивнули одновременно, словно ее увидели.

— Это подарок, — сказала первая.

— Времени, — продолжила вторая.

— Просто помните, что, если вы решите вернуться, вы не...

— ...не вспомните.

— Не сможете принести с собой воспоминания.

— Не став такими, как мы.

Мали протянула пальцы к щели, заключенной в кольцо, словно ожидая встретить какое-то сопротивление, нащупать дверь, через которую они могли бы пройти.

— Я была там. — Она смотрела не на Яз, а на какую-то отдаленную точку в темноте противоположного туннеля. — Я видела это.

— О чем ты говоришь? — Яз спросила себя, заразен ли бред старух.

— Пока я была во время-звезде. Сейчас это трудно вспомнить. — Она потеряла лоб костяшками пальцев. — Я видела там себя. В Сладком Милосердии через много лет. — Она повернулась и пристально посмотрела на Яз темными глазами. — Я была такой старой, Яз. — Ее голос сорвался. — Такой старой. — Она покачала головой. — Я видела там тебя. Я бы поклялась в этом. Только у тебя были неправильные глаза, тебя звали Зоул, и ты не постарела ни на день.

Яз обнаружила, что делает шаг назад от Мали и улыбается, не зная как — весело, умиротворяюще или испуганно.

— Это была не я... И ни у кого из икта нет темных глаз.

— Но она знала твое имя, — сказала Мали. — И оно заставило ее плакать. Как... ну, не знаю... почти как если бы оно было свято.

Яз посмотрела в сторону, за врата. Подарок времени? Другая она? Разве не поэтому их победа над Сеусом оказалась в конечном счете пустой? Победы было недостаточно. *Ее* было недостаточно. Он просто переждет их короткие жизни.

В темноте противоположного туннеля что-то коротко блеснуло. Зеленая искра. Вот опять. Опять исчезла. Опять вернулась и осталась — точка зеленого света. Медленно движется. Медленно увеличивается.

— Кто-то идет. — Или что-то. Яз услышала слабую песню новой звезды, непохожую ни на что, что она слышала раньше, но тоже знакомую.

Скалистые стены проявились в изумрудном сиянии, полоса света приближалась. Теперь стали видны две фигуры, почти стертые звездным светом, одна хрупкая, другая широкоплечая, обе странно знакомые, как песня звезд.

— Сестра, — прошептала одна из старух позади Яз.

— У нее наш глаз, — сказала другая.

— И наш зуб, — добавила первая.

Теперь Яз могла видеть, что звезда была установлена в глазнице третьей старухи, которая была точной копией двух других, как много раз описывал Турин на льду. У нее был нож, сделанный из зуба кинжал-рыбы. Фигуру в шаге позади нее, у ее плеча, было все еще трудно разглядеть.

— А, — сказала одна из сестер. — Мальчик.

— Я видела, как она шла с мальчиком. Да.

— Я видела трех. Но одного, — сказала первая.

— Как и мы, — хихикнула другая.

— Один из трех, — согласилась первая. — И оказалось, что этот.

И тут Яз увидела его — хотя свет все еще ослеплял ее — и удивилась, как не заметила его раньше:

— Квелл? Боги в Море! Квелл!

Она бросилась вперед, и через мгновение он поймал ее в свои объятия, сжимая так сильно, что она почти не могла дышать. Выйдя из врат, она не почувствовала ничего похожего на возвращение домой, хотя за один шаг проглотила пять тысяч миль. Ярды, которые она преодолела, добираясь до Квелла, — вот это было похоже на путешествие домой.

— Яз.

Он был таким же. Таким же надежным, симпатичным, улыбающимся Квеллом. Но другим. Словно месяцы, прошедшие с тех пор, как они виделись в последний раз, месяцы, которые принесли Яз тысячи изменений и проблем, также произвели какую-то невидимую трансформацию в Квелле. Возможно, ветер продолжал лепить его в ее отсутствие, но он казался каким-то более... необходимым.

— Почему ты здесь? — спросила она.

— Полагаю, по той же причине, что и ты. — Он окинул взглядом Мали, затем Хетту и трех древних старух, которые теперь стояли вместе, шепотом споря. — Меня позвали сестры.

— Сестры меня не... — Но, расфокусировав свой взгляд и посмотрев на нить-пейзаж, Яз увидела, как нити ее будущего, будущего Мали и Квелла скручиваются вместе и спиралью тянутся к рукам сестер, которые теперь были в постоянном движении, как будто ткали невидимый гобелен.

— Что вы делаете? — крикнула Яз, оторвалась от Квелла и направилась к старухам. — Если вы контролировали нас...

— Никогда! — сказала та, что с глазом, не отрываясь от своей работы.

— Против правил, — добавила вторая.

— Реальность слишком хрупка для грубого обращения, — отозвалась третья.

— Мы поощряем возможности, дорогая. — Первая подняла голову и ослепила Яз своим зеленым взглядом. — Но тебе придется самой собрать все куски головоломки.

— Или нет, — сказала вторая.

— Она уже почти, — уточнила третья. — Она может чувствовать на языке вкус ответа.

— Ей нужно просто подумать. — Первая прекратила ткать и сложила костлявые руки вместе.

Все три старухи, как одна, повернулись спиной к Яз и остальным. Даже не попрощавшись, они зашаркали прочь, а Хетта неотступно следовала за ними по пятам.

— Подождите! — крикнул Квелл. — Вы просто собираетесь нас бросить?

— У меня никогда не было много времени на настоящее. — Сказали все три вместе, ни одна из них не оглянулась.

— Такая тонкая грань между тем, что было, и тем, что будет, — сказал крайняя слева.

— И все же в нем всегда так много всего происходит, — сказала крайняя справа.

— Агатта возвращается, — сказала средняя.

— На север, — сказала крайняя слева.

— В прошлое, — сказала крайняя справа.

— Долгий, долгий путь, — сказала средняя.

Зеленая звезда упала на землю. Дальше они пошли без нее.

И темнота туннеля начала их поглощать.

— КВЕЛЛ, ЭТО МАЛИ. Она из зеленых земель и мой настоящий друг, — представила их Яз. — Мали, это Квелл из Икта. Мой... я знаю его всю свою жизнь. Он спустился в Яму Пропавших, чтобы меня спасти.

— Тебя не нужно было спасать. — Квелл улыбнулся своей прежней улыбкой, и это ее согрело. Он мог казаться каким-то неуловимым образом изменившимся, но он был все тем же Квеллом, который, когда она объявила о своем путешествии на юг, знал себя достаточно хорошо, чтобы остаться, и знал ее достаточно хорошо, чтобы позволить ей уйти. Он повернулся к Мали и кивнул: — Добро пожаловать в Черную Скалу.

— Я рада познакомиться с тобой. — Мали наклонила голову. — Ты знаешь выход?

Квелл нахмурился.

— Я могу попытаться. Это долгий путь с большим количеством перекрестков. — Он взглянул на туннель, в котором исчезли безумные сестры. — Я не ожидал, что мне придется возвращаться по своим следам.

— А чего ты ожидал? — спросила Яз. — Почему ты вообще забрался так далеко на юг?

— Горячее Море не открылось.

— Горячее Море всегда открывается! — Яз была ошеломлена.

Квелл покачал головой:

— С тех пор, как ты ушла, Яз, стало холоднее.

— Насколько все плохо? — Яз не смогла сдержать дрожь в голосе. Для икта говорить о холоде означало, что происходит что-то неслыханное.

Квелл пожал плечами.

— Без звезда-пыли, которую Зин принес с Черной Скалы, погибло бы гораздо больше людей. Мы решили ненадолго уйти на юг. — Что-то в том, как он это сказал, заставило Яз заподозрить, что его мнение сыграло центральную роль в принятии решения. — Клан разбил лагерь в пределах видимости горы. Я проснулся ночью и... ну, я не могу этого объяснить. Я шел по трещине во льду при звезда-свете. И она привела меня к пещере у подножия горы. Она ждала меня там — Агатта, лед-ведьма.

— Лед-ведьма? — Яз моргнула.

— Она была на льду, в этих лохмотьях. — Квеллу не нужно было больше ничего говорить. Он замолчал, начал было говорить, остановился, как будто боялся показаться глупым, затем начал снова. — Я подумал, что, на самом деле, ее зовут иначе.

— Да? — озадаченно спросила Яз.

Квелл сжал челюсти.

— Я думаю, меня позвала и привела сюда Мокка. — Он скрестил руки на груди, словно ожидая насмешек.

— Зин и Мокка просто... — Яз покачала головой. Просто что? Просто сказки? Она так многому научилась с тех пор, как уехала. Зин и Мокка были сказками, но они были не *просто* сказками. Они были Пропавшими, они были Предком Мали, они были теми, кто был нужен Яз, если она когда-нибудь увидит, как открывается ковчег: чистокровными Пропавшими, которые могли с легкостью справиться с четырьмя корабль-сердцами. Она улыбнулась: — Может быть, это была Мокка.

Она потянулась к руке Квелла, и он вложил свою руку в ее. Тогда она увидела это, план, который может победить Сеуса. Она считала, что после ее неудачи время на его стороне. Он был бессмертен. Он мог подождать. В конце концов ковчег попадет к нему, а затем луна, а затем Коридор. Человек проводит всю жизнь, пересекая Путь, переходя со стороны, которая лежит до жизни, на сторону, которая лежит после. Но бессмертный следовал по Пути, двигаясь от альфы к омеге.

Сестры сказали, что врата — это подарок времени, но Икта не нуждались в вратах для этого. Не как народ. Это было в священных писаниях, которым учили монахины из Сладкого Милосердия. Человек пересекает Путь — народ идет по Пути.

Икта переместятся на юг, пока Абет будет остывать, поколения — приходить и уходить, и со временем родится еще одна девочка или мальчик, которые смогут слышать пение звезд, темноглазый ребенок, более близкий к Пропавшим, чем сама Яз. И этот ребенок откроет ковчег. На самом деле, теперь, когда они знали, что искать, клан мог бы даже организовать пары, чтобы усилить необходимые родословные. Квелл выдерживает ауру звезд лучше, чем кто-либо, кого она знала, кроме Мали.

— Я знаю, кто такая Зоул. — Яз заговорила, прежде чем смогла остановить себя. — Я знаю, почему она знает мое имя. — Теперь Яз поняла, что она была предком девочки. Возможно, собственный ребенок Яз мог бы быть бабушкой и дедушкой девочки, которую видела Мали, находясь в хватке время-звезды.

— И кто она? — Мали подошла ближе, игнорируя Квелла, пристально глядя на Яз.

Яз покачала головой:

— Настоящий вопрос: зачем Агатта привела нас сюда? К этим вратам? Почему сто лет? Это не может быть случайностью. Это должно быть то, что нужно. Столетие.

— Теперь ты говоришь как они, — сказала Мали. — Кто такая Зоул?

Но Яз не могла отпустить цепочку своих мыслей, боясь ее потерять:

— Мы знаем, что годы делают с правдой: она превращается в сказки. Мы не можем их проинструментировать.

— Не можем проинструментировать *кого*? — раздраженно спросила Мали.

— наших правнуков и тех, кто придет после них. Жизнь на льду коротка — бывают кризисы, потрясения, голод. Годы сотрут правду. Для них мы — Предок. И ты не можешь ничего им сказать, Мали. Ты будешь жить в те времена. На льду пятьдесят лет — это древность, но ты... В любом случае, твоя собственная Сестра Сова это сказала. Когда Сова была ребенком, Сестра Облако видела будущее в своем бассейне — возможно, вратах. Она видела Эрриса: созданного человека. Она сказала, что ты не можешь использовать это знание. Если ты попытаешься, то все изменишь. — Яз оглянулась на врата. — Так что нам просто нужно подождать. Но потом, когда придет время, нам нужно будет действовать. — Она похлопала по покрытому рунами металлу. — Именно поэтому мы здесь, у этих ворот. Этот подарок. Мы должны пройти через них! Пошли! — И, протянув руку, она вытащила звезду золота и теней из ниши и швырнула ее, как стрелу, в портал перед собой. Затем последовала за ней внутрь.

ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА ОСВЕТИЛА знакомую пещеру. Кольцо, через которое они вышли, больше не было покрыт древним текучим камнем, и только самые большие из сталагмитов и сталактитов остались на полу и потолке. На густой, но, к счастью, прочной грязи, осевшей на полу пещеры, были разбросаны свидетельства большого наводнения.

— Откуда взялась вся эта вода? — Мали удивленно огляделась вокруг.

— Это и есть зеленые земли? — Квелл, казалось, не был впечатлен.

— Мы должны пойти в монастырь, — сказала Мали.

Яз нахмурилась:

— Я думаю, мы должны использовать эти врата, чтобы добраться до тех, что у ковчега. Мы не знаем, как обстоят дела в Сладком Милосердии. Они отдали меня под суд. Дважды. И я знаю об этой вашей инквизиции.

— Я хочу выйти наружу! — Квелл медленно повернулся, ища выход. — Мы действительно в зеленых землях?

Яз понимала его сомнения. Было трудно поверить в то, что они преодолели много тысяч миль за один шаг.

— Там опасно. Нам нужно беспокоиться не только о Церкви.

— Опасно просто выйти рядом с ковчегом, — сказала Мали. — Это место находится прямо под дворцом императора. Сеус контролировал его сто лет назад, но теперь оно может быть полно гвардейцев императора. Такое место просто не оставят без охраны. Особенно, если ты права насчет того, что какой-нибудь твой потомок с большим количеством крови Пропавших открыл дверь.

— Так, может быть, нам стоит сделать то, что сказал Квелл — выйти наружу. Спустимся по Пути Безмятежности, отправимся в город и посмотрим, что мы можем узнать?

— Не так быстро. — Мали подняла руку, говоря с важностью, не соответствующей ее годам. — Ты все время говоришь о необходимости действовать. Но что мы должны здесь сделать? Если они открыли ковчег, значит, проблема решена, и мы им не нужны.

— Я думаю, что мы им нужны, — сказал Яз. — Почему Агатта привела нас сюда, в противном случае?

Мали красноречиво пожала плечами:

— Потому что она сумасшедшая?

— Или потому, что ковчег был открыт не для того, чтобы победить Сеуса. Возможно, они даже не знают, что он все еще существует. Мы здесь по какой-то причине, даже если еще не знаем, по какой именно.

Какое-то время обсуждение металось туда и сюда. Мали напомнила Яз, сколько времени потребовалось, чтобы найти выход в прошлый раз, так что в конце концов они решили уйти через выход в скале и отправились на его поиски.

Для девушки, выросшей в белой пустоте льда, Яз в последнее время провела слишком много времени, блуждая по туннелям того или иного рода, от городов подо льдом до естественных пещер и канализации зеленой земли. Она полагалась на воспоминания об их предыдущем побеге, когда Эррис шел, казалось, наугад, утверждая, что использует свой талант марджала. Они оставили метки, чтобы, по крайней мере, найти обратный путь к вратам, если выход на открытый воздух окажется им не по силам.

Квелл, казалось, не беспокоился о возможности заблудиться и вместо этого шел рядом с Яз, глубоко задумавшись и покусывая губу. В конце концов он поднял глаза:

— Эта твоя правнучка... в которой, как ты предполагаешь, достаточно крови Пропавших, чтобы открыть ковчег...

— Да?

— Она Икта, как и мы.

— Да.

— И, если она твой потомок, значит, у тебя будут дети.

Яз улыбнулась и свернула в новый туннель. Квелл поспешил за ней, Мали следовала за ними, более медленно.

— Дети от икты... — продолжил Квелл.

— Похоже на то. — Яз бросила на него озорной взгляд.

— О. — Квелл изо всех сил пытался сдержать эмоции, борющиеся за то, чтобы овладеть его лицом. Он сделал паузу и посмотрел вперед, в его глазах было что-то вроде благодарности — возможность сменить тему. Он глубоко втянул носом воздух:

— Я чувствую запах чего-то... нового.

Яз, чьи чувства были притуплены обилием Коридора, еще не чувствовала этого запаха, но она знала, что это такое:

— Я же говорила тебе, что мы близки. Мы выходим наружу. В зеленый мир.

Еще несколько поворотов коридора, и темнота впереди начала редеть. Яз тоже уловила запах, зелень, жизнь,

врывающуюся в каждый вдох. Вскоре они больше не нуждались в свете звезды. Она положила ее в карман своей рясы, где она сильно выпирала и покалывала кожу.

Квелл, спотыкаясь, брел вперед, ослепленный солнцем, влекомый той же потребностью, которая владела Яз, когда она только приехала. Она поспешила за ним, прищурившись. Когда он споткнулся, она схватила его за руку, чтобы он не скатился со скалы, пока зеленый мир переполняет его чувства.

Мали и Яз вывели Квелла на тропу и подождали, пока он привыкнет. В отличие от Яз, Квеллу не пришлось месяцами пробираться по льду, чтобы добраться до этого места. Он не верил в него всем сердцем, не был одержим им, не мечтал о нем. Он неожиданно достиг его за один шаг, а затем за час ходьбы по туннелям. Так что Квелл стоял, ошеломленный, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, его глаза не могли сфокусироваться на бесконечной изумрудной сложности, расстилавшейся под ними. «Здесь так жарко!» Он стаскивал шкуры с тех пор, как они вышли из врат, и теперь Яз хлопнула его по руке, чтобы остановить.

— Хватит, — с упреком сказала она, беспокоясь, что он действительно может снять все и остаться голым под палящим солнцем Коридора. Однако было *жарко* даже для Коридора, один из редких по-настоящему солнечных дней, которыми могли наслаждаться зеленоземельцы.

— Так жарко... — Пот выступил бисеринками на коже Квелла. Однако он не стал полностью обнажаться, только стала видна мускулатура его широкой груди, темно-медный цвет его кожи контрастировал с чернотой Мали.

Мали коснулась руки Яз и указала на вершину утеса, где Сестра Сова ждала их, когда они появились в первый раз. Теперь там стояли две монахини. На таком расстоянии было трудно разглядеть детали, но обе были молоды и высоки, обе в рясах Красных Сестер, обе белокожие. Яз заметила, что они держались за руки.

— Черт возьми. — Яз тоже подняла руку в знак приветствия, но, казалось, они смотрели на Мали.

— Я пойду, — сказала Мали и пошла вверх по тропе.

Яз, все еще держась за Квелла, смотрела ей вслед.

Обе монахини пристально наблюдали за послушницей, пока та поднималась. Они обменялись взглядами и словами, а затем, жестами, хорошо знакомыми Яз — обе начали дергать нити. Тогда кванталы, но, скорее, Красные Сестры, а не Мистические. Яз была заинтригована. Когда Мали приблизилась к вершине многочисленных крутых изгибов тропы, монахини упали перед ней на колени, как будто она была Богом на Небе. Они сняли покрывала со своих голов, как будто были недостойны в ее глазах, превратившись в послушниц, одна с копной коротких черных волос, другая с длинными золотистыми волнами. Яз увидела, как Мали протянула свою единственную руку сначала к одной голове, потом к другой. Ощущение чего-то глубокого, почти священного отразилось на нити-связи между Мали и Яз.

Если Мали и разговаривала с монахинями, то недолго. Она повернулась и снова начала спускаться по тропе. К тому времени, как она присоединилась к ним, монахини скрылись из виду, и Квелл снова овладел собой, хотя все еще был удивленным и потным.

— Они знали меня. — Голос Мали дрожал.

— Ветра нет, — с большим удивлением сказал Квелл.

— Ты в порядке? — Яз отпустила Квелла и потянулась к Мали.

— Да. — Девушка сделала глубокий, успокаивающий вдох. — Пошли.

У Яз были вопросы, но ей не нужна была связь с Мали, чтобы понять: сейчас для них не время. Она начала спускаться к лесу у подножия плато. Конечно, ветер *дул*, ветер, который трепал ее одежду и щекотал щеки песком при каждом порыве. Но она понимала Квелла. Это был не тот ветер, который мчался по льду и резал острее любого ножа. Это было дыхание жизни. Теплый поцелуй. И ее все еще поражало, что зеленоземельцы прятались от *такого* ветра под слоями одежды.

Яз повела их по более ровной местности, в тень леса. Окутанный жаркими зелеными объятиями бесконечности деревьев, обернутый пением птиц, скрипом ветвей, шелестом листьев, Квелл шел в безмолвном изумлении, прикасаясь ко всему, точно так же, как Яз и другие, когда они впервые пришли в это место. Точно так же, как она хотела сейчас.

Дорога в Верити была менее людной, чем помнила Яз, и первый фермерский дом, к которому они подошли, оказался почерневшими руинами, преследуемыми воспоминаниями о дыме. Второй тоже лежал в развалинах, рядом было построено грубое укрытие. Квелл, казалось, ничего не заметил, не имея ни малейшего представления о том, как все должно выглядеть. Мимо проскрипела запряженная лошадьми повозка, привлекая все его внимание.

— Что-то здесь не так. — Яз посмотрела на поля. Даже на ее неопытный взгляд они выглядели неухоженными, слишком дикими.

— Война, — сказала Мали. — Дарн, может быть? Я никогда не думала, что враги императора смогут добраться до Верити.

Они пошли дальше. Через милю или две показалась еще дюжина развалин. Невредимых ферм осталось совсем немного. Они миновали таверну, где путешественники пили эль и ели за столами, расставленными перед главным

зданием. Одна группа пьяно пела, и Квелл впервые заметил, что их язык был не тем, который он знал. Еще одно чудо.

— Что они говорят? — Он уставился на поющих, разинув рот.

— Это песня о... — Яз прислушалась, затем перевела. — О каком-то герое, воине, который погиб славной смертью. Денам у Янтарных ворот. — Она отвернулась: в песне говорилось о рыжеволосом геранте, и это вызвало в памяти образ Колы, лежащей мертвой в объятиях Куины сто лет и полдня назад. — Пошли. — Но Квелл уже почувствовал запах их еды и пива и остановился, приняв себя. Яз позволила себе слегка улыбнуться, вспомнив блаженство, которое она испытала, впервые попробовав монастырскую еду.

— Яз. — Мали похлопала ее по руке и кивнула в сторону дороги.

Всадник быстро приближался, его лошадь выбрасывала комья грязи. Какой-то солдат, облаченный в нагрудник и шлем с забралом, за его спиной развевался богатый зелено-золотой плащ.

Яз оттащила Квелла к обочине дороги, и Мали присоединилась к ним. Вместо того чтобы проехать мимо, всадник замедлил ход, а затем остановился, его лошадь тяжело дышала и фыркала.

— Императорская гвардия, — прошипела Мали, когда мужчина спешил. У него был меч на бедре, и он был выше Квелла.

Яз приготовилась к действию, вздрогнув, когда мужчина вскинул руки.

Он схватил шлем одной рукой, другой что-то сделал с ремешком на подбородке, и одним движением отбросил его в сторону. С нечеловеческой скоростью он заключил ее в объятия:

— Яз!

Почти до того, как она поняла, что происходит, мужчина отпустил Яз и упал на колени перед Мали, так что та стала выше его на несколько дюймов.

— Эррис! — Они произнесли это вместе.

Эррис держал руку Мали обеими руками и смотрел на нее так напряженно, что девушка, явно смутившись, попыталась отстраниться.

— Прости. — Эррис отпустил ее. — Я не собирался... — Он покачал головой, оставаясь на коленях. Яз изумленно уставилась на него. Раньше он никогда не обращал на Мали особого внимания.

— Рад видеть тебя, Эррис, — сказал Квелл, казавшийся наименее взволнованным из всех них. — Давно не виделись.

— Месяцы для тебя, может быть, всего несколько часов для Яз, — сказал Эррис, не сводя глаз с Мали. — Сто лет для меня. — Целый век, а он не постарел ни на день. Он снова потянулся к руке Мали, и она позволила ему взять ее, возможно, почувствовав его потребность. — И, Мали, я наблюдал, как ты росла. Мы были друзьями в течение столетия. — Он медленно встал с печальным выражением на лице. — Мне приходилось время от времени менять свое имя, менять внешность. Принимать новое обличье. — Он выдавил из себя смешок. — Ты даже написала об этом книгу, Мали. *«Жизни Лестала Кроу»*. — Видя их замешательство, он объяснил. — Сначала я просто использовал свое настоящее имя, Лестал Эррис Кроу. Но сейчас я Оррин Ривсон, капитан дворцовой гвардии его императорского величества. — Он отдал честь, затем поклонился.

Яз с удивлением посмотрела на Эрриса. Он не изменился. Вообще. Теперь она поняла, что он сказал в туннеле — тогда, когда они целовались, не без любви, но без страсти. Для нее это был сегодняшний день. Для него прошло сто лет. И по его глазам она видела, что ни один момент этого не ускользнул от него. Вопросы вертелись у нее на языке:

— Когда ты в последний раз меня видел?

— Ты прошла через врата. И не вернулась.

— Я умерла?

Он покачал головой:

— Не могу сказать. Ты так и не вернулась ко мне. Или в Коридор, насколько я знаю.

— Но Мали вернулась? — спросила Яз.

— Да.

— Так что же здесь произошло? Что нам делать дальше? — Она хотела знать. Только один раз. Ей было все равно, обманывает ли это богов.

Эррис ухмыльнулся:

— Я не знаю. Мали не знала. Ты можешь вернуться через врата, но память не путешествует. Не из будущего в прошлое. Это цена билета. Я знаю о том, что будет дальше, не больше чем ты. За исключением того, что было бы опасно позволить Мали умереть.

— Давайте никто из нас не умрет. — Квелл вытер пот со лба. — Если, конечно, здесь не станет еще жарче, и я не растаю.

— Турин? Куина? — спросила Яз. — Если я не вернусь, не будет иметь значения, что ты мне скажешь, а если и

вернусь, то не вспомню, так что это все равно не имеет значения. — Она попыталась скрыть нотки горечи в своем голосе.

— Они оставались в Верити более двадцати лет. Позже они отправились на запад, через Марнское море. Куина сказала, что хочет проехать весь Коридор и посмотреть, действительно ли ты возвращаешься в то место, откуда начала. — Эррис отпустил руку Мали и встретился взглядом с Яз. — Они так и не дошли до конца, но я уверен, что они хорошо постарались. И я уверен, что они сделали это вместе. — Ухмылка. — Их дети остались в Верити. Теперь все мертвы. Старость. Не из-за этого. — Он махнул рукой в сторону ближайшего из сгоревших зданий. — Один из их внуков вернулся на лед, когда Икта пришли на юг. Одна из их правнучек была послушницей в монастыре. Я мог видеть в ней Куину. Сейчас она торговка, очень успешная. Но я сплетничаю, как старик. Ты здесь по какой-то причине, и я здесь, чтобы тебе помочь.

— Как получилось, что ты оказался *здесь*? — спросил Квелл. — В этом месте? Прошло сто лет, мы здесь всего несколько часов, а ты подъезжаешь на этой... «лошади»?

— А, ну, это один из роскошных подарков времени. Можно немного подготовиться. Я нашел еще один обломок Стержень-корня. Поиски заняли тридцать лет, но я его нашел. Он многому меня научил. Например, я узнал гораздо больше о Тумз-вратах. В том числе о том, как установить своего рода механизм, который позволяет мне знать, когда были использованы две конкретные точки и из каких врат пришел посетитель. Когда я обнаружил, что во вратах Сладкого Милосердия появился кто-то из Черной Скалы, то, должен признаться, сильно удивился. Я считал, что врата уже некоторое время находятся под водой. Но я все равно прибежал. — Он потянулся назад, чтобы похлопать лошадь по шее. — Или, скорее, прибежал Зокс.

Квелл кивнул.

— Так, может быть, нам стоит пойти... — Он повернулся к ближайшему обеденному столу, принохиваясь. — Что это за запах? Это еда? Нам обязательно нужно поесть. Я имею в виду, мы ведь не торопимся, не так ли?

Эррис поднял свой шлем с поросшей травой обочины:

— На самом деле, мы, вероятно, торопимся. Если о вашем визите знаю я, то мы можем быть уверены, что Сеус тоже знает.

— Значит, он не сдался? — спросила Мали.

— Не так давно он послал армию, которая чуть не превратила город в руины. Так что да, не сдался.

— Где он взял армию? — спросила Яз. — Кто бы пошел за ним?

— Он не ведет, он направляет. Здесь нетрудно начать войну; он просто ждал, когда они станут достаточно сильными, чтобы ее выиграть. Он помог и с этим тоже. Но войны — это легко, когда жизненное пространство продолжает сокращаться. Теперь можно увидеть северный и южный льды со Скалы Веры. Ширина Коридора всего пятьдесят миль.

Яз хотела спросить, куда подевались все люди, жившие в милях, покрытых льдом. Но она знала ответ. *Они ушли в землю.*

— Тогда нам лучше уйти, пока он снова нас не нашел.

Эррис резко обернулся, уставившись на Скалу Веры, которая теперь была в нескольких милях позади них. Яз прикрыла глаза рукой и прищурилась, пытаясь разглядеть то, что увидел он. Она могла различить только бугорки и неровности монастырских зданий.

— Это... — Над крышами, казалось, поднимался дым. — ...пожар?

— Нет. — Эррис без церемоний поднял Мали и посадил ее на своего коня. — Гораздо хуже. Бежим!

ЯЗ БЕЖАЛА МЕДЛЕННЕЙ всех, ей не хватало сделанных Пропадшими мышц Эрриса или полноты выносливости Икта, которой все еще обладал Квелл. Она берегла дыхание для бега, пока Мали — верхом на лошади Эрриса — задавала самый важный вопрос:

— Что, во имя всех чертей, на нас охотится?

— Много чего. С крыльями. — Эррис не сбавлял неумолимого темпа. — Я предполагаю, что Сеус послал их через ворота, из которых вы вышли. Он знал, что вы придете. У него должно было быть представление о том, когда и где — по крайней мере, приблизительно. Он поставил стража на воротах, но с ним справились монахины. Или, скорее, послушницы.

Вид капитана стражи в имперской ливрее, мчащегося по дороге к Верити, привлек много взглядов, даже если бы кто-нибудь не заметил послушницу и мужчину с обнаженной грудью, бегущих за гвардейцем. Однако никто не был настолько глуп, чтобы встать у него на пути.

Высоченные стены города становились все ближе, но Яз начала задыхаться и сбиваться с ритма. Эррис замедлил шаг, разглядывая лошадь так, словно раздумывал, не посадить ли Яз рядом с Мали.

— Я упаду, — выдохнула Яз.

Судя по тому, как встречные на дороге перестали пялиться на Эрриса и вместо этого с растущим беспокойством наблюдали за небом позади него, Яз могла сказать, что у них осталось совсем немного времени, прежде чем их догонит летящий рой.

Городские ворота были уже близко. Толпа перед ними была намного меньше, чем когда Яз в последний раз проходила этим путем. Многие убежали с их пути, когда Эррис крикнул им, чтобы они расчистили дорогу. Другие отлетали в сторону, когда он или лошадь отталкивали их плечом.

Рой настолько затмил небо позади них, что его тень упала на улицы Верити. Теперь горожане бежали в поисках укрытия, некоторые кричали. Гвардейцы на стенах бросились в укрытие или подняли оружие.

Промчавшись сквозь ворота, Эррис повел своего коня боковым проходом, параллельно стене, затем свернул и тут же вновь свернул в улочки поуже, широкое небо превратилось в яркую полосу с каймой темных крыш, а части роя — в черные точки на фоне этого просвета.

— Кто-то нас преследует! — Голос Мали прыгал в такт лошадиному шагу.

Яз полагала, что их неприятности посерьезнее, хотя сейчас ей больше всего хотелось вобрать легкими достаточно воздуха, дабы продолжить бег. Она уже была в хвосте группы, наблюдая за взмахами хвоста Зокса и его копытами. Квелл, ошеломленный городом, просто не поднимал головы и не сбавлял темпа.

Грохот над головой вернул внимание Яз к крышам. Какие-то существа приземлялись там, расправляя длинные крылья, каждое из которых напоминало черный кружевной веер. Они напоминали демонов Аидиса — сплошные когти, челюсти и проволочные сухожилия.

Без предупреждения что-то ударило ее в плечо, швырнув на булыжники, горячая влажная боль сопровождала звук рвущейся ткани, когда нападавший рвал ее. Яз кричала и билась. Мгновение спустя нападавший исчез, и она обнаружила, что лежит на спине и смотрит на мужчину, который опирался на свое копьё. Впереди, дальше по дороге, стук копыт Зокса замедлился, когда Эррис остановил свою лошадь.

— Их будет еще больше. — Мужчина говорил на лед-языке. У него была темно-красная кожа Икта и бледно-голубые, почти белые глаза. Он сильнее оперся на свое копьё и крутанул его. Яз повернула голову и увидела, что острие пронзило одного из крылатых демонов, который перестал пытаться укунить ее — наконечник копья пробил его металлическую грудь. Тварь была размером с уличную собаку, но выглядела способной быстро прогрызть человека насквозь.

Еще два демона стрелой вылетели из воздуха. Копейщик вскинул свое оружие, попав первому из них тупым концом прямо в голову, но не смог защититься от второго. Однако золотая звезда Яз, брошенная из кармана силой воли, пробила второго насквозь.

— Благодарю! — Ухмылка мужчины была наполовину испуганной, наполовину взволнованной. Куски второго демона дождем посыпались вокруг них, а мужчина повернулся, чтобы ударить первого, когда тот, оглушенный, но все равно безжалостный, упал на землю.

— Быстрей! — Квелл схватил Яз за руку и поднял ее на ноги, бросив удивленный взгляд на новоприбывшего. — Бежим.

Мгновение спустя они снова бежали.

Звезда Яз кружилась вокруг них, дважды сбив демонов в воздухе. Эррис доказал, что хорошо восстановил себя за те годы, что прошли с тех пор, как Сеус чуть не лишил его жизни. Он убрал с их пути еще трех демонов черным топором, однажды подпрыгнув на добрых десять футов в воздух, чтобы разрубить одного пополам. Однако их число росло, небо над головой было заполнено существами, охотящимися за группой в лабиринте узких улочек. Многие

крыши были полны демонов, некоторые из них исчезали в самых больших дымоходах, извиваясь и размахивая своими острыми хвостами.

Яз и ее спутники добрались до района складов и обогнули его, чтобы избежать открытых разгрузочных площадок и стоянок фургонов. Они проходили мимо закрытой таверны, когда самое большое из окон взорвалось, извергнув наружу черную бурю демонов.

Мали закричала, перекрывая грохот крыльев, когда четверо или пятеро демонов схватили ее за одежду и сорвали со спины лошади Эрриса. Они подняли ее в воздух с пугающей скоростью, и на мгновение паника Мали втянула Яз в сознание девушки по их нити-связи. Она чувствовала боль в том месте, где одна пара когтей вонзилась в плоть, а не в ткань. Она даже могла видеть глазами Мали. По мере того, как послушница набирала высоту, под ней открывался океан крыш, и вдалеке, над бесчисленными черепичными склонами, ей открылся вид настолько захватывающий, что его можно было оценить даже в ее страшном положении. За мрачной громадой императорского дворца в толще городской стены была пробита огромная дыра, через которую тянулась чудовищная борозда, проходившая по фермерским землям: почерневшая долина, как будто Бог в Небе протянул руку и, махнув копьём, ранил город.

Яз удалось освободиться от ужаса Мали. Пока Квелл и второй икта защищали ее спину — Квелл сметал демонов с воздуха одним из сломанных ставней, — Яз послала свою звезду в погоню за Мали. Подобно золотой комете, звезда прорвалась сквозь крылья демонов, державших ее подругу, и вся их масса вместе начала падать на землю.

Демонам удалось замедлить спуск, используя свои поврежденные крылья, но Мали все равно ударилась о землю с глухим стуком, который заставил бы Яз вздрогнуть, если бы она не использовала звезду против дюжины других демонов. Эррис добрался до Мали со скоростью, которой мог бы гордиться любой хунска, и превратил нападавших в искореженные обломки непрерывными ударами топора.

— Пойдем со мной! — Эррис потащил Мали через улицу к большим двойным дверям. Он отпустил ее в последний момент и ускорился в дверях. Удар оказался слишком сильным для любой запора, который там мог быть, и Эррис проломился насквозь.

Яз, Квелл и второй икта протиснулись следом за ним, таща между собой Мали.

В то время как икта спешил снова закрыть двери, Эррис превратился в размытое пятно в тусклом пространстве внутри, рубя в воздухе горстку демонов, которые сумели последовать за ними.

Последовала дюжина или больше глухих ударов, когда устрашающе тихие демоны ударились о закрытые двери. Квелл держал левую створку, другой мужчина — правую.

— Они найдут другой способ проникнуть внутрь. — Эррис быстро осмотрел раны Мали.

— Неужели она...? Ты ранена, Мали?

— Да, — прорычала Мали, вытаскивая нож из-под рясы. — Ублюдки. — Оскалив зубы и покраснев, она выглядела жаждущей мести, ее обычное спокойствие исчезло.

— Будет жить. — Эррис поднял ее на ноги. — Нам нужно двигаться.

— Во-первых, — Яз покачала головой, не обращая внимания на раненое плечо, — кто это, черт возьми? — Она послала свою звезду парить над неизвестным икта, окатив его золотым светом. Но, казалось, того не беспокоила близость звезды.

— Я к вашим услугам, Мать Яз. — Он поставил пятку к двери и выпрямился, опустив руку перед лицом в жесте почтения Икта. — Я Таркакс.

— Что ты здесь делаешь... — шум раскалывающихся досок прервал вопрос Эрриса. Он покачал головой, злясь на себя за то, что отвлекся. — Быстрее! Заклиньте дверь.

Теперь, когда глаза Яз привыкли, она смогла разглядеть, что они находятся на большом складе, заваленном всевозможными вещами: бочки больше человеческого роста в одной секции, пузатые глиняные кувшины в другой, в нескольких местах громоздились высокие мешки, зерно рассыпалось на каменные плиты.

— Я знаю это место, — неожиданно сказала Мали.

— Да. — Эррис начал стаскивать мешки с части пола. Он снял нескольких мешков и отложил в сторону большой пыльный моток веревки. — Именно здесь мы впервые спустились в самую старую канализацию и получили доступ к ковчегу. — Еще больше мешков полетело в воздух, прежде чем он нашел то, что искал, — внушительную каменную плиту с железным кольцом в центре, слишком большую, чтобы ее мог поднять любой человек. Эррис отволол плиту в сторону и, продев веревку через кольцо, бросил тяжелый моток в шахту. — Вниз! Мали последняя со мной.

Яз подтолкнула Квелла вперед себя:

— У тебя нет оружия.

Грохот и злое трепыхание над головой прекратили все споры, и Квелл исчез в дыре, его сила икта компенсировала малый опыт в лазании по канату. Яз попыталась заставить Таркакса последовать за ним, но

свирепый взгляд в его глазах сказал ей, что это будет только пустой тратой времени.

— Я не для того ждал тебя всю свою жизнь, чтобы уйти, пока монстры разрывают тебя на части. — Он сделал выпад и сбил демона, проткнув ему одно крыло.

Яз поспешила вниз по веревке, несмотря на свою убежденность в том, что может нанести больше вреда своей звездой, чем он своим копьем.

Таркакс последовал за ней. Несколько мгновений спустя веревка дернулась, и сверху послышался тяжелый глухой звук.

— Я запечатал шахту, — крикнул Эррис вниз. — Теперь они не смогут перерезать веревку.

Яз продолжала молча лезть вниз, она берегла дыхание. Она все еще не оправилась ни от бега, ни от своих усилий в ковчеге, которые, хотя и прошли столетие назад, все еще ощущались так, словно произошли ранее в тот же день.

Она совершала и более длинные спуски в подземном городе Веста, но спуск в прошлые итерации Верити, построенные спустя целую вечность после ухода Пропавших, заставил ее руки болеть, а ноги радоваться, когда под ними появился твердый пол, даже если он был по колено в воде — холодной, темной и дурно пахнущей.

Квелл принял ее, Таркакс прыгнул следом, за ним быстро последовал Эррис с Мали, цепляющейся за его спину. Звезда-свет осветил четыре лица, которые как одно повернулись, чтобы посмотреть на Таркакса.

— Кто ты такой? — требовательно спросила Яз, желая большего, чем просто имя. — Как ты нас нашел?

— Таркакс Лед-копье из Икта. — Он ударил себя кулаком в грудь. Он был старше, чем Яз сначала предположила, по крайней мере, лет тридцать, вылепленный ветром.

— Лед-копье? — Эррис ухмыльнулся. — Не один ли из потомков Турина?

Таркакс гордо выпрямился:

— Со стороны моего дедушки.

— Но кто ты для меня? — спросила Яз. — Как ты нас нашел?

Впервые аура уверенности Таркакса дала трещину. Он нахмурился.

— Я... — Он перевел взгляд с Квелла на Яз. — Я... вернулся... Я был здесь, когда она его открыла... Но я вернулся. У меня были дела в городе. Я был нужен им в Калтессе... — Казалось, его не убедили собственные аргументы, даже когда он их произносил. Его взгляд продолжал блуждать по отсутствующей руке Мали, затем по ее лицу, озадаченный. — Я вернулся...

— Почему? — спросил Эррис, пристально глядя на мужчину.

— Я был нужен им в... — Таркакс замолчал, как будто вспомнив что-то, что забыл. — Но в Скифроуле я попал в черный лед. — Он вздрогнул. — Почему я...

Яз поняла:

— Теус. Теперь ты можешь выходить. Я знаю, что ты там.

Таркакс вздрогнул, его голова поникла, подбородок опустился на грудь. Еще одна дрожь, а затем он поднял глаза, их бледная голубизна теперь сменилась чернотой, которая охватила оба белка.

— Виноват. — Мрачная улыбка расплылась по его лицу, когда он снова поднял голову. — Яз. Это было так давно. И, Госпожа Путь, ты изменилась! — Он бросил взгляд на Эрриса и Квелла. — Что касается того, как я оказался здесь, ну, конечно, я стараюсь держаться поближе к ковчегу, и у меня было время разместить свои собственные механизмы на близлежащих вратах.

— Но ты был на льду, — сказала Мали, — с этим мужчиной. В этом мужчине. Используя его.

— Небольшая охотничья экспедиция. Моя последняя недостающая часть, которую Яз так небрежно потеряла, наконец-то ко мне вернулась. Я отследил ее до черного льда, о котором только что упомянул наш друг, и вернул себе. Вы безукоризненно выбрали время. Я ждал возвращения своей части большую часть ста лет, потратил еще несколько на поиски, наконец воссоединился, и вот вы здесь всего несколько месяцев спустя.

— Кеот, — сказала Яз. — Он называл себя Кеотом.

— И теперь он снова Теус. — Теус скрестил руки на груди. — Я опять настолько совершенен, насколько это возможно по эту сторону врат. Все, что мои любимые родственники разорвали на части и бросили, было собрано заново — готовое вернуться к моему роду и найти так называемую «просветленную» половину меня. После этого будет... расплата... и мы возродимся снова как тот, кого они называют Прометеусом. Все, что мне нужно, — это доступ и открытый ковчег. Пошли! — И с этими словами он пошел прочь, как будто туннель, в котором они находились, был ему знаком, как тыльная сторона руки Таркакса.

— Подожди, — крикнула Яз ему вслед. — Ты сказал, что ковчег был открыт? Мой план уже сработал? Тогда почему ты все еще здесь?

Теус оглянулся на нее и заговорил так, словно она была медленно соображающим ребенком:

— Когда они открыли его, я не был целым. В отличие от нынешнего.

Эррис попытался пройти мимо нее, пытаясь догнать Теуса. Яз его удержала:

— Почему Сеус не остановил тех, кто открыл врата? Он достаточно сообразителен, чтобы пытаться остановить нас!

Эррис сверкнул улыбкой и посмотрел на Мали:

— Госпожа Путь и я заставили его сосредоточиться на других вещах. Мы не бездействовали все эти годы. И Сеус видел в тебе угрозу — он знал, что ты пересечешь столетие, направляясь в этот город. Но ты применила «уловку предка» — направить на него свой народ, вывести Избранную, открыть врата... Этого он не понял. Мы постарались, что он этого не понял. Когда началось нападение на ковчег, Сеус был занят — пытался стереть с лица земли город вокруг ковчега. Его пешка, бой-королева, была всего в нескольких сотнях ярдов от ковчега, когда тот был открыт.

Яз отпустила Эрриса, и тот вышел вперед, протиснувшись мимо Теуса:

— Ты обнаружишь, что все изменилось с тех пор, как ты был здесь в последний раз.

— Я бы не был в этом так уверен, — сказал Теус. — Я внимательно следил за этим местом.

— Даже если так, я должен вести. Любой другой, скорее всего, получит набор арбалетных болтов в грудь.

Эррис повел их по лабиринту полуразрушенных канализационных туннелей и древних пустот, которые, возможно, когда-то были подвалами — время сделало их гораздо глубже, чем изначально предполагалось. В некоторых местах были видны свидетельства более новых раскопок, попыток укрепить потолок и соединить различные участки короткими проходами. Прошло около десяти минут, прежде чем их окрикнули первые стражники, трое мужчин в императорской зелено-золотой форме, хотя и несколько запятнанной. При виде униформы Эрриса они убрали пальцы со спусковых крючков арбалетов, а когда он подошел достаточно близко, чтобы они могли видеть его лицо, немедленно вытянулись по стойке смирно.

Эррис не стал ничего рассказывать стражникам о своих удивительных спутниках: казалось, он обладал достаточным авторитетом, чтобы пройти без любых вопросов.

Эррис взял один из трех фонарей стражников, зажег его от того, которым они пользовались, и повел команду дальше. Оказавшись вне поля зрения стражников, он посоветовал Яз спрятать свою звезду, и она вернула ее в карман рясы.

Вскоре они уже шли по коридорам внешнего ковчега с белыми стенами, которые, казалось, не изменились за прошедшее столетие. Еще несколько раз стражники окликали их, а потом отходили в сторону.

— Все возвращается к этому месту. — Тяжелые шаги сапог Эрриса эхом отдавались в пустом коридоре. Он потушил фонарь. Потолочные панели Пропавших издевались над пламенем фонаря своим идеальным белым светом.

Яз вспомнила Яму Пропавших — своего рода портал, — вокруг которого годами вращалась ее жизнь. И теперь именно ковчег и его дверь притягивали их всех внутрь, оказывая свое притяжение в любом столетии. Теус стремился пройти сквозь него. Она попыталась представить, что он может найти на другой стороне. Что бы это ни было, Пропавшие отказались от своей жизни на Абете в пользу этого.

— Ты видел эти золотые города, Теус?

— Нет.

— Ты знаешь, где они? — спросила Мали, идя с Квеллом позади Яз и Теуса.

— Да.

— И где? — Яз подумала, что, может быть, они были в небесах, там, где боги жили за луной.

— Под водой, конечно. — Теус нахмурился, хотя лицо Таркакса, казалось, не привыкло к такому выражению. — Очевидно, чтобы быть совершенным, требуется много энергии. Здесь достаточно воды, чтобы гореть еще миллионы лет.

— Вы сжигаете воду? — изумленно спросил Квелл.

— Только водород. Это все, что нужно для слияния... — Теус замолчал, видя их непонимание. — Да. Мы это делаем. На самом деле отходящее тепло от городов — это то, что растапливает дыры во льду. Ваши горячие моря. Это все мы — Пропавшие. Конечно, они делают это не из-за беспокойства за вас. Они, вероятно, даже не знают, что ваш народ появился на Абете. Материальный мир, по-видимому, находится ниже их внимания. Чуть собачья, потому что они все еще нуждаются в нем, чтобы поддерживать свое существование. На самом деле...

Эррис схватил Теуса за плечо, когда тот попытался пройти мимо него:

— Осторожно.

Яз поняла, что они идут по последнему длинному прямому коридору, который вел в комнату, где она боролась и не смогла открыть ковчег. Жизни назад или раньше в тот же день, в зависимости от того, кого из присутствующих спросить.

Проемы в маленькие комнаты прерывали коридор противоположными парами, а в самой левой паре прямо перед ними располагались ворота, которыми она уже пользовалась несколько раз.

— Защита активна. — Эррис отстучал на стене сложный ритм. Потайная панель отодвинулась, и он нажал на светящийся диск, который та открыла. — Теперь мы в безопасности. Если бы ты пошел вперед, защита разорвала бы

тебя на куски.

Теус нахмурился, но подождал, пока Эррис покажет дорогу.

Сердце Яз забилося сильнее. Ее воспоминания о сражении остались свежими и незажившими. Эхо тех криков боли и гнева все еще витало в воздухе. Ее охватила странная паника. Она слышала свой собственный пульс. Или... биение какого-то другого сердца.

— Впереди корабль-сердце! — сказала Яз, недоумевая, зачем это нужно. — Я думала, дверь была открыта...

Врата слева от нее замерцали, и из них вырвалось что-то огромное, фигура, которая едва смогла протиснуться сквозь них.

— Бегите!

Все побежали, устремляясь к двери в дальнем конце коридора. Яз неслась на крыльях ужаса. Сеус снова нашел их. Сеус в новом аватаре. Он ждал за вратами, ждал, пока Эррис нейтрализует невидимые клинки, заполнявшие коридор перед ними.

Таркак добрался до двери первым, и она начала плавно подниматься в потолок. Следующей появилась Яз с Квеллом у плеча. Она обернулась и увидела Мали в десяти шагах позади.

— Эррис!

Он тоже бежал, но в противоположном направлении, бросившись на аватара. Сеус появился в облике мощно сложенного зверя с двумя чудовищными изогнутыми рогами и огромной мордой, из раздутых ноздрей которой валил дым. Четыре крепкие ноги, заканчивающиеся копытами, поддерживали лошадиноподобное тело и гнали его вперед на большой скорости. Безнадёжно слабейший, Эррис был пригвожден к противоположной стене одним рогом. Движение толстой шеи существа отбросило его к потолку, рога поднялись, чтобы снова его пронзить.

— Быстрее! — Теус схватил Яз за плечи и потащил ее через дверной проем.

— Мы должны помочь ему! — Мали рванулась вперед, но Квелл поймал ее за руку.

— Он выигрывает нам время. Не позволяй его жертве быть напрасной.

Яз попыталась найти Путь. Она чувствовала, что Мали тоже охотится за ним, но это было за пределами их возможностей. Даже с корабль-сердцем всего в десяти ярдах ни у кого из них не было сил, чтобы призвать Путь так скоро, всего через несколько часов после прошлого использования. Тяжелая белая дверь скользнула вниз, закрывая вид Эрриса, падающего под копыта Сеуса.

— У нас мало времени! — Теус повернул Яз к серебряной двери в центре зала. Единственное корабль-сердце было встроено в металл, наполовину скрытое. Это было то, которое Яз сделала из глаз Наблюдателя, его свет был настолько фиолетовым, что большая его часть не была видна, из-за чего звезда казалась черной, за исключением тех мест, где на ее поверхности периодически вспыхивали яркие фиолетовые линии.

— Я думала, она будет открыта! — Яз ахнула от ужаса.

— Вот так это было оставлено твоим потомком. — Теус толкнул ее. — Иди, работай!

Даже сквозь толщу двери в коридор Яз мог слышать рев аватара Сеуса. Она, спотыкаясь, двинулась вперед, чувствуя жжение звезды по всей коже, одежда никак не защищала от него. Неудача с четырьмя звездами сделала Яз меньше, чем она была, как будто лопнуло жизненно важное сухожилие. Ее толерантность к корабль-сердцам ослабла до такой степени, что даже это единственное причинило ей боль, когда она прошла последний ярд и заставила свою руку коснуться его поверхности. Его свет, казалось, пронзил ее насквозь. Рассудок почти сразу же начал распадаться на части, из темноты поднялось множество голосов.

Ковчег изменился. Кто-то, в чьих жилах течет кровь Пропавших — один из Икта, если планы Яз осуществляются, — был здесь в хаосе недавней войны и открыл его. Сейчас ковчег был закрыт, но не полностью, как раньше. Это корабль-сердце было единственным ключом, который требовался.

Теус побежал обратно к двери в коридор. Он начал водить руками по стене рядом с ним.

— Я могу запечатать дверь. Но...

От удара дверь содрогнулась. Замечательно, учитывая, какой толстой она была.

— Но не знаю, сколько продержится защита.

Яз взяла корабль-сердце обеими руками. Даже терзая ее рассудок, оно открылось ей, улучшив ее навыки, так что она увидела, как открыть ковчег. Она стиснула зубы и начала вращать звезду в серебристо-стальном корпусе.

По всей комнате разнесся громкий металлический визг, сопровождаемый глубоким скрежетом, от которого у Яз заныли зубы. Наружная дверь постепенно поднималась, пока Яз пыталась открыть внутреннюю. Звезду в ее руках было трудно вращать с самого начала, но с каждой пройденной долей необходимого круга звезда сопротивлялась все больше и больше. Тот, кто открыл ковчег — ее потомок-икта, по-видимому, — переоценил талант Яз. Течение лет превратило ее из ущербного представителя вида — чего-то, что можно выбросить и забыть, — в историю, а затем и в легенду. Еще столетие, и она может превратиться в миф.

На полпути к цели Яз охватило убеждение, что эта задача снова окажется ей не по силам. Неважно, что она была гораздо легче той, с которой Яз не справилась этим утром.

Дым из ноздрей Сеуса начал вырываться из-под внешней двери, пока бык-аватар пытался сорвать металлическую плиту, бросаясь на нее. Искры на стене, где работал Теус, запирая дверь, указывали, что разум города пытался взломать вход не только грубой силой.

Квелл, Мали и Теус отскочили назад, когда два огромных рога вонзились под дверь, пробив пол. Сеус, используя их в качестве рычагов, начал расширять щель. Рога были вымазаны черным, и Яз потребовалось мгновение, чтобы понять — это кровь Эрриса, внутренняя кровь, которая окружала его жизненно важные компоненты. И тогда в ней зажегся огонь. Эррис, который был только добром. Эррис, который боялся, что является только эхом мертвого мальчика, упавшего в Весту тысячелетия назад, но был гораздо большим. Эррис, который целый век ждал ее возвращения. Сеус уничтожил его! Звезда зажглась под ее руками, фиолетовый свет залил комнату, и с легким вздохом невероятно тяжелая серебристая сталь начала подниматься.

— Быстрее! — Теус побежал к щели, когда серебряная дверь открылась, за ней стал виден лестничный пролет. Теус упал на бок и проскользнул в расширяющуюся щель.

Квелл низко пригнулся и поспешил за Теусом вместе с Мали.

Громкий хруст привлек внимание Яз к двери в коридор. Сеус загнал дверь в потолок и теперь заполнил вход, протискивая свое мощное тело через отверстие, из стальных ноздрей вырывался дым, в глазах сиял дикий свет.

Яз повернулась и побежала. Она мысленно потянула за корабль-сердце, и огромная дверь, еще не приоткрывшаяся даже наполовину, изменила свой путь. Стальные копыта застучали по камню, и аватар с ревом помчался за ней.

Свет быстро померк, когда дверь опустилась. Сеус появился с грохотом копыт, рога пронзили щель как раз перед тем, как та сузилась до нуля, их злобные острия тянулись к спине Яз. Она почувствовала только острую боль, когда одно из них достигло ее тела.

Дверь закрылась на удивление бесшумно. На секунду на лестнице послышался металлический лязг, а затем ничего, только тишина и темнота.

— Пусть будет свет, — сказал Теус, стоявший дальше по ступенькам. Белый свет без видимого источника заполнил воздух.

Яз обнаружила, что стоит рядом с кусками рогов Сеуса, каждый в ярд длиной, лежащих на лестнице по обе стороны от нее. Там, где дверь их срезала, металлические рога были толще ее предплечья. Она протянула руку к спине и обнаружила маленькую ранку там, где самый кончик рога вонзился в нее перед тем, как упасть.

— Быстрее! — Теус продолжал спускаться. — Ковчег все еще открыт.

— Но... — Яз последовала за остальными. Она вспомнила, что Стержень-корень вошел не через дверной проем, а через временную трещину, сделанную ее усилиями в обороне ковчега. Сеус тоже смог бы войти в ковчег таким образом, если бы защита ковчега не закрылась так же быстро, как дверь из серебристой стали.

Ступеньки некоторое время вели вниз и закончились в небольшой круглой комнате. Они столпились вместе, потные, задыхающиеся и истекающие кровью, дико озираясь в поисках... чего-нибудь, любого, что могло бы им пригодиться.

В комнате не было выходов, и в ней не было ничего, кроме хрупкого на вид стула, лежащего на боку. Пол и стены были грязными, воздух затхлым. Яз мгновение смотрела на него, а затем упала на колени. Цена, которую они заплатили — усилия, которые она предприняла — за это?

Теус заговорил на языке, которого она не знала. Он прошелся по комнате, постукивая по стенам, как будто мог видеть что-то, чего не могла видеть она. Слабый синий шар света появился в центре комнаты, повиснув там, как корабль-сердце, но это была не звезда. Яз ничего не чувствовала, только видела.

Я — Стержень-корень. Голос, казалось, исходил из шара света.

Теус не обратил на него внимания.

— Стержень-корень? — спросила Яз.

Я — Стержень-корень. В голосе не было эмоций, как у человека, который говорит в глубоком сне.

— Сеус снаружи. Мы должны держать его там.

Только Очищенный может мне приказывать.

Это был не тот Стержень-корень, которого знала Яз — сообразительный, острый на язык, без снисхождения относившийся к глупцам. Это был скелет его разума. В игле был его набросок, вооруженный знаниями, необходимыми для усиления защиты ковчега от Сеуса. Он успешно сопротивлялся разуму города в прошлом столетии, но в нем было мало того, что делало Стержень-корня тем человеком, которым он был.

— Нам нужен Эррис. — Яз огляделась вокруг в поисках чего-нибудь, что имело бы смысл. — Настоящий Стержень-корень сказал бы ему, как не пустить Сеуса. — Уже говоря эти слова, Яз спросила себя, был ли вообще «настоящий» Стержень-корень среди всех этих копий человека, каждая с разной точностью. — Нам нужен Эррис...

— Дело сделано, — сказал Теус.

— Что?

— Дело сделано. Ковчег снова закрыт. На всех уровнях. И я внедрил протоколы, намного превосходящие протоколы Стержень-корня. Сеус сюда не войдет. Никогда. Даже если ты оставишь дверь широко открытой. Для него это была бы такая же пустая комната, как и для тебя. — Теус увидел ее замешательство, и лицо Таркакса свирепо усмехнулось. — Сеус перешел мне дорогу. Мне! Какой-то чокнутый городской ум думает, что он бог? Пытается убить *меня*? — Он покачал головой. — У меня есть дела, которые мне нужно сделать прямо сейчас, другие счета, которые нужно свести, но Сеус пожалеет, что потратил сто лет моего времени впустую.

Теус отступил назад и посмотрел на парящую синюю сферу спокойным взглядом:

— Открой врата.

Только Очищенный может мне приказывать. Стержень-корень говорил без интонации.

Теус зарычал.

— Он связан с ковчегом. Он думает, что теперь он один из них. Он стал их привратником. — Теус протянул руку, его пальцы коснулись синего света. — Я — Прометеус из Пропавших. Открой врата. Я этого требую.

Только Очищен...

Теус пролаял свой приказ на другом языке, языке Пропавших.

Только Очищенный может мне приказывать.

Теус бросился обратно к стене и начал яростно стучать. Огни и символы появились на камне точно так же, как письма Пропавших появились на стенах подземного города Веста. Каждый раз, когда он касался круга или линии символов, они становились красными. Яз увидела, как на его лице появилось выражение, которое она никогда бы не связала с Теусом: отчаяние.

— Он запер меня снаружи. Он использует свою защиту против меня.

— Разве ты не можешь...

— Это не работа Пропавших. Ее я бы мог разблокировать. Может быть. Это дело рук четырех племен. Того, что они привезли со своих кораблей. — Теус прислонился лбом к стене. Красные символы, светившиеся вокруг него, начали исчезать.

— Что ты будешь делать? — спросила Мали.

Теус прислонился к стене спиной и сползал по ней, пока не рухнул у ее основания.

— Что я могу сделать? — Он поднял на них свои черные глаза. — Я даже не могу вытащить нас отсюда сейчас.

Управление дверью от меня закрыто.

— Мы умрем здесь с голоду? — спросил Квелл. В его голосе звучало скорее любопытство, чем страх. Возможно, то, что быкоподобный аватар самопровозглашенного бога загнал его в ковчег, заставило голод казаться довольно незначительной неприятностью.

— Ну, даже если бы ты смог открыть дверь, это просто позволило бы Сеусу нас убить. — Мали задумчиво посмотрела на свой обрубок.

Теус положил голову на колени.

— Должно быть что-то, что мы можем сделать. — В глазах Мали было то «колдовство», которое у Яз ассоциировалось со взглядом на нить-пейзаж.

Яз присоединилась к Мали, и они вместе осмотрели нити. Но ковчег каким-то образом связал мир нитей в себя, почти как если бы он был соткан из них, и там, где в менее развитой технологии строители использовали провода и компоненты — вроде тех, что были в теле Эрриса, — в ковчеге эти провода были нитями самого существования.

Собрать корабль-сердце из его компонентов было головоломкой, которая чуть не победила Яз. Ей не нужно было долго изучать ковчег, чтобы понять — это настолько сложная головоломка, что любая попытка решить ее собственными силами будет бессмысленной.

— Стержень-корень. — Яз повернулся лицом к синей сфере. — Ты меня знаешь?

Нет.

— Ты должен помнить меня.

Нет.

— Хотя бы чуть-чуть...

Нет.

— Не мог бы ты, по крайней мере, открыть дверь настолько, чтобы увидеть, где Сеус?

Только Очищенный может мне приказывать.

— Это и был твой грандиозный план, а? — Яз повернулась и зло посмотрела на Теуса. — Ты ждал все это время, чтобы вежливо попросить, а потом умереть с голоду?

Теус зарычал и поднял голову:

— Осторожнее, девочка.

— Ну? — Яз давно устала от угроз Теуса. — Что ты сделаешь?

— Никто не будет голодать. — Теус сплюнул на пол. — Мы все умрем от жажды задолго до этого. — Он хмуро посмотрел черными глазами на шар света, который был Стержень-корнем. — Очищенный или нет, я мог бы открыть врата. Однако я не ожидал, что Стержень-корень станет частью ковчега. Не так, как сейчас. Он запер меня так же, как запер Сеуса, объединив недостающие технологии с трюками квантала и марджала. Здесь его недостаточно, чтобы можно было его убедить. Он просто функция, обернутая вокруг знания.

Пораженчество Теуса испугало Яз больше, чем его угрозы. Теус был кем угодно, только не тем, кто пасует перед трудностями. Он собрал себя заново из выброшенных кусочков. Он, демонстрируя незаурядную силу воли, занимался этим на протяжении многих поколений. И, если он сказал, что нет пути вперед и нет пути назад... тогда вся надежда действительно потеряна. Она опустила голову, коснулась плеча Квелла, руки Мали и пошла, чтобы прислониться спиной к стене. Она медленно соскользнула вниз, чтобы присоединиться к Теусу на полу. Смерть Эрриса тяготила ее, и было трудно не чувствовать безнадежности. Это был самый длинный день в ее жизни, и зубы усталости глубоко въелись в ее кости.

— Ой. — Яз сдвинулась. Она села на что-то неудобное — более неудобное, чем каменный пол. Она наклонилась, чтобы найти этот комок, и обнаружила, что он находится в одном из внутренних карманов ее рясы. Она вытащила его. Ящичек Стержень-корня. Тускло-серый и безжизненный, испещренный более темными пятнами. Она повертела его в руках.

— Что в ящичке? — Квелл присоединился к ней на полу. Мали тем временем подобрала брошенный стул и села на него.

Яз продолжала вертеть ящичек в руках, проводя пальцами по его гладким бокам и шрамам там, где влияние Сеуса испортило ее.

— Это секрет? — беззлобно спросил Квелл.

— Все зло в мире. — Яз улыбнулась. Безумие Сеуса заполнило его и вытеснило Стержень-корень. То же безумие, которое вырвало знания человечества из рук четырех племен именно тогда, когда лед двинулся, чтобы раздавить их с обеих сторон. То же безумие, которое хотело превратить лед-племена в оружие войны и захватить контроль над ковчегом вместе с ними. То же безумие, которое недавно было так близко к взятию города другой армией, приведенной из какого-то соседнего государства.

Лед-племена были бы этой армией много поколений назад, если бы жрецы Черной Скалы смогли выполнить приказ Сеуса. Океан крови пролился только для того, чтобы получить доступ к маленькой пустой комнате, в которой она сейчас сидит, ожидая медленной смерти. Так много жизней было потрачено на то, чтобы Сеус смог сорвать луну с неба, запечатать мир льдом и подчиниться последнему приказу Пропавших, когда они отправились в свои золотые города. *Пусть никто не последует за нами.* Это было все, что они оставили своим слугам. И со временем это стало всем, о чем заботились их слуги.

Квелл повторил свой вопрос:

— Что в ящичке...

— Там пусто, — сказала Мали.

Да, пусто. Но в нем никогда не было ничего физического, хотя Яз и не думала задаваться вопросом, почему он был полым или какой цели служило пустое пространство внутри. Призраки, которые в нем содержались, совсем недавно призраки Стержень-корня, были каким-то образом встроены в стены самого ящичка...

Она повернула ящичек под углом и осмотрела внутренности. Ее глаза расширились.

— Что, он в ящичке? — Теус увидел, как приподнялись ее брови.

Яз повернула ящичек к нему:

— Надеюсь?

Внизу, с внутренней стороны, небольшая часть основания осталась девственно белой.

Теус усмехнулся:

— И что это нам даст?

Яз резко встала и протянула ящичек к шару синего света.

— Нет! — Теус бросился к ней. Но Квелл оказался проворнее и оттащил его в сторону. — Ты сошла с ума? — Теус изо всех сил пытался вырваться на свободу. — Если Сеус попадет в систему...

— Стержень-корень! — скомандовала Яз. — Возьми то, что принадлежит тебе.

Синий свет становился все ярче, заливая комнату, заставляя Яз отвернуться, но она держала руку там, где та была. Она почувствовала, как ящичек рассыпается в ее руках, распадаясь на кусочки, которые, в свою очередь, превращались в пыль. Резкая боль заставила ее отпрянуть. И когда она посмотрела снова, свет вернулся к своему прежнему уровню, хотя, возможно, он был немного ярче.

Яз. Ты — Яз из Икта. Своенравная, упрямая, несколько беспокойная девушка.

— А ты?

Доктор Элиас Стержень-корень.

Теус вскочил на ноги:

— Открой ворота! Открой их сейчас же! Я требую этого!

Только Очищенный может мне приказывать.

— Блин! — Теус отвернулся и ударил кулаком по стене.

— Я какая угодно, только не очищенная. — Даже сейчас голоса, которые корабль-сердце пыталось отделить от нее, бормотали в глубине сознания Яз — как всегда, ее худшие я предлагали недостойные мысли, низкие эмоции, коварные предположения. И, как и почти всю свою жизнь, она их игнорировала. Однако без них ее бы не было. Время от времени они говорили что-нибудь полезное. Время от времени любому приходилось делать что-то несовершенное, даже что-то неправильное, чтобы достичь бóльшего блага. Ни один путь никогда не был таким прямым и таким узким, чтобы можно было полностью очистить свои руки от грязи мира, не говоря уже о ногах. — Я не очищенная, Элиас. Но я тебе и не приказываю. Я спрашиваю. Пожалуйста. Ты можешь открыть ворота?

Что ж, теперь в голосе звучали интонации Стержень-корня, Яз почти видела, как его руки двигаются, управляя разговором. *Спрашивать — совсем другое дело, моя дорогая. Могут ли я открыть ворота? Смотри на меня!*

Появился яркий прямоугольник золотистого света, дверной проем, достаточно высокий, чтобы пропустить человека.

Без колебаний Теус бросился на него. И отскочил. Он тяжело сел, держась за голову, как будто потерял ориентацию. Прямоугольник уменьшился, снова уменьшился, превратился в золотую точку в воздухе и исчез.

Яз моргнула:

— Теус?

Таркак поднял глаза и встретился взглядом с Яз. Его глаза снова были бледнее зимней синевы.

— Если я когда-нибудь его увижу, не знаю, смогу ли удержаться от того, чтобы его не убить. — Он стоял, дрожа, держа руки по бокам, как будто все его тело окунули во что-то слишком мерзкое, чтобы к нему прикасаться. — Яз из Икта, дочь Зина и Мокки, старшая из моих предков, я молюсь Богам в Небе и Богам в Море, чтобы эта услуга, которую я оказал, была на благо нашего народа. Не проси меня ее повторить.

Яз шагнула вперед и взяла Таркакса за руку.

— Теус — это зло, которое поглотило многих из тех, кто был близок моему сердцу. Но он также урок, миф и тайна. Иногда мне кажется, что я нахожусь в его истории, а не в своей. И что мы не узнаем, что это за история, пока не будет перевернута последняя страница. — Она повернулась обратно к синему свету Стержень-корня. — Есть ли какой-нибудь выход отсюда для остальных из нас? Кроме смерти от жажды?

Только дверь, моя дорогая девочка.

Яз мрачно улыбнулась остальным:

— Я полагаю, мы должны выйти и рассчитаться с Сеусом. Это место закрыто для него. Войдет он в дверь или нет, не имеет никакого значения. Верно, Элиас?

Верно.

Яз подошла к Мали и взяла ее за руку.

— Ты должна бежать. Ты должна сбежать. — Она повысила голос, перекрывая возражения девушки. — Ведьма, Агатта, те старухи — или та старуха — она сказала, что ты должна выжить. Если то, что мы здесь сделали, имеет значение, ты должна вернуться в то время, из которого мы пришли, иначе это не будет иметь смысла, и что-то пойдет не так. Так что ты должна спасти себя, чтобы спасти всех остальных. Согласна?

Мали сжала губы в мрачную линию.

— Согласна? — повторил Яз. А затем, видя упрямство Мали, она заговорила на зеленом языке. — *Беги, дитя.*

Пожалуйста.

Девушка медленно кивнула, ее глаза увлажнились.

— Тогда пошли. Не стоит откладывать такие вещи. — Яз заметила свирепую одобрительную усмешку Таркакса и надеялась, что не слишком разочаровала его, когда вышла из историй клана в его мир. Она направилась к лестнице, проходя мимо Квелла. Остановившись, она обняла его, притягивая его к себе. — Мне жаль. Извини. За все.

— Я жалею только о том, что скрыл от тебя правду, когда думал, что спасаю тебя. — Квелл откинул голову назад, чтобы посмотреть ей в лицо. — Все остальное... — Он пожал плечами. — Это была большая честь для меня. Я рад, что мы снова смогли быть вместе. Хотя бы ненадолго. — Он отпустил ее.

Со стеснением в груди, с болью за то, что могло бы быть, Яз поднялась по ступенькам, Квелл рядом с ней, Таркак позади с Мали. Прямо под большой дверью Яз и Квелл подняли по одному из обрезанных рогов. Каждый, вероятно, весил больше, чем Мали, и Яз знала, что она не будет размахивать своим, но в качестве копья для начальной атаки рог мог бы оказаться неплохим оружием.

— Прощай, Элиас! — крикнула Яз вниз по лестнице, и Стержень-корень начал поднимать дверь.

Когда щель расширилась, Яз увидела неподалеку темную кучу. Сеус, ожидающий, припавший к полу,

готовый броситься на них. Она обменялась последним взглядом с Квеллом, затем собралась с духом, беззвучно вознося молитву богам наверху и внизу.

Щель еще больше увеличилась.

— Он...?

Квелл бросился вперед и вогнал свою секцию рога в голову быка. Острие отскочило от толстого черепа Сеуса, оставив на металле яркую полосу. Сеус остался лежать там, где был.

Яз присоединилась к Квеллу, тыча в аватара своей частью рога. Позади нее появились Таркакс и Мали.

— Лучше уйти на случай, если он проснется, — предложил Квелл.

Дверь позади них поменяла направление и снова начала закрываться. Голос Стержень-корня слабо донесся до них с лестницы. *Ваш друг расширил защиту до внешнего ковчега. Сеус потерял контроль над своим творением.*

Дверь с шипением закрылась.

Каким-то образом у встроенного в дверь корабль-сердца аура значительно уменьшилась. Мали и икты умели сопротивляться, но даже в этом случае никто из них не хотел задерживаться рядом с сердцем. Таркакс повел их обратно в коридор. Яз задержалась на мгновение, глядя на последний труп Сеуса и дверь в ковчег. Они, наконец, запечатали ковчег от него, навсегда. Теперь луна в безопасности от злобы Сеуса и будет продолжать прокладывать себе путь вокруг Коридора Абета, сражаясь за то, чтобы удержать лед подальше от бесчисленного количества империй и королевств.

В конце концов, однако, она потерпит неудачу, даже без помощи Сеуса. За годы, прошедшие с момента последнего визита Яз, лед продвинулся на дюжины миль, сократив Коридор наполовину. Она повернулась и последовала за остальными, чувствуя себя опустошенной.

Волна горя прокатилась по нити, связывающей ее с Мали, захлестнула, вызвала слезы на глазах и вздох боли из груди. Мали остановилась недалеко от прохода в месте, где белые стены были испачканы черной внутренней кровью Эрриса. Она стояла на коленях. Квелл стоял позади нее, склонив голову. Таркакс пошел дальше, держа копьё наготове, разведывая путь.

Когда Яз подошла ближе, она с ужасом увидела, что голова Эрриса была оторвана и лежала перед Мали, черная кровь сочилась вокруг разорванной плоти. При ее приближении его глаза открылись.

— Боги в Небе! — Она невольно сделала шаг назад.

Темно-карие глаза Эрриса сменились неестественным сиянием, светом, который мерцал и гас, как умирающее пламя. Его губы шевелились, и, хотя у него не было легких, голос звучал, хотя надтреснуто и прерывисто.

— Теперь иди, Мали. У нас будет целая жизнь вместе.

Мали медленно встала, ее плечи сотрясались от беззвучных рыданий. Она потянулась к руке Квелла и потянула его за собой. Он сделал паузу, чтобы приложить ладонь ко лбу, глядя вниз на Эрриса — знак Икта для почитания великого.

Яз упала на колени там, где только что была Мали:

— Эррис...

— Уже недолго... — Каким-то образом ему удалось улыбнуться. — Я прожил так много лет, Яз. Так много. — Его глаза вспыхнули ярче. — Они подходят к концу, а это придает путешествию смысл. — Свет померк, и он замолчал. Яз подумала, что, возможно, он не вернется, но глаза блеснули, и Эррис снова заговорил. — Эти последние годы... здесь, среди людей, на этой последней полосе зелени... они имели больший вес, чем все мои тысячелетия в Весте, хотя ты можешь счесть их примечанием. Они остались в книгах этого народа. Человечество следует по своему Пути, но каждый индивидуум создан для того, чтобы пересекать его с одной стороны на другую. И, быстрое или медленное, это путешествие ценится только благодаря тому, что оно когда-нибудь кончается.

— Я жил, Яз. Я жил и любил. Мы оба упали в Весту, но только один из нас заблудился. Побег был моим единственным талантом, и все же потребовалась ты, чтобы освободить меня — освободить меня от моего собственного страха и заставить меня попробовать снова — взять жизнь в обе руки и бороться за большее. — Он сморгнул черную слезу, свет в его глазах тускнел, его голос становился тише с каждым словом. — Спасибо. Яз из Икта. Девочка, для которой звезды всегда будут сиять ярче.

И он ушел. Она знала это, кровью и костями. Воздух не попадал в ее легкие, сердце болело слишком сильно, чтобы выносить это в одиночку. Крик Мали эхом разнесся по коридору, и, когда та добралась до Яз, они рухнули вместе, заключенные в объятия друг друга, охваченные одним и тем же бессловесным горем.

ЯЗ ВЫШЛА ИЗ врат и обнаружила, что вернулась в пещеру под Черной Скалой. Мали и Квелл, спотыкаясь вышли следом за ней.

— Это не сработало! — Квелл обернулся, чтобы посмотреть на мерцающий круг света позади них.

— Я... не знаю. — Яз уставилась на свои руки. На мгновение ей показалось, что они покрылись черными пятнами, и ей на плечи навалилось такое тяжелое горе, что она чуть не упала под ним. Оба ощущения начали исчезать. Она взглянула на Мали и увидела, что глаза девушки блестят от слез. — Почему ты плачешь?

— Я... не знаю, — эхом отозвалась Мали. — Однако я считаю, что сработало. Агатта сказала, что мы не можем принести с собой память. Мы пошли, мы попытались, мы вернулись. Мы не можем знать, удалось ли это нам. Мы не можем знать, вывели ли Икта другого воина с достаточным количеством крови Пропавших, чтобы открыть ковчег. Все, что мы можем сделать, это продолжать пытаться, продолжать бороться и ждать.

Это не было похоже на победу тогда, когда они ввели Стержень-корень в ковчег, и это не было похоже на победу сейчас, когда она стояла в пещере, с лицом, мокрым от слез, которых не понимала. В лучшем случае это была отсроченная гибель. Последняя зелень Коридора сохранится на несколько поколений больше. Но, возможно, это все, что могла предложить жизнь — отсроченный конец света.

Яз оглянулась на ворота. Теперь свет исчез. Это было просто металлическое кольцо. Призраки воспоминаний тоже улетучились, оставив после себя только боль.

— Мы должны найти выход.

— Нам нужен Эррис, — усмехнулась Мали. — Он всегда может найти способ войти или выйти.

НА ЭТО УШЛИ часы, но не дни. Память Квелла вела их, лишь изредка поворачивая не туда. Он нашел им путь на поверхность, который избегал тех, кто все еще мог жить в Черной Скале. Всем казалось, что сейчас не время воссоединяться. Яз хотела поприветствовать ветер и позволить ему очистить ее. И после многих миль темных туннелей, освещенных только золотой звездой Яз, они увидели впереди сияние еще одного дня на льду.

Квелл повел их ко входу в пещеру, свет становился сильнее с каждым ярдом, вместе с холодом. Стены покрылись инеем, и Яз почувствовала мороз сквозь монастырскую рясу. Ей и Мали придется найти подходящую одежду — и как можно скорее, — иначе ни одна из них не выдержит на ветру и полдня.

Наконец они оказались в зубах урагана, который безостановочно бушевал над белизной единственного дома, который Яз знала все месяцы своей короткой жизни, кроме последних. Зеленый цвет Коридора теперь был просто воспоминанием, образами, нарисованными в ее сознании, запомнившимися запахами и звуками, ощущением травы под босыми ногами. Но это... тоже имело свою дикую красоту и незапятнанную чистоту...

Только Очищенный

...слова пронеслись у нее в голове.

— Это то место, где мне нужно быть. — Ветер украл ее голос, и она сомневалась, что остальные ее услышали.

Квелл взял ее обнаженную руку в свою руку в перчатке:

— Я собираюсь отдать свою куртку девушке. Ты получишь мои перчатки. Мы найдем главный вход и попросим Сломленных пополнить наши запасы. Не спорь со мной по этому поводу. Ты можешь управлять звездами и ставить империи на колени, но холод — это мое дело.

Яз приняла мудрое предложение Квелла. Мали, потрясенная до безмолвия свирепостью холода и яростью ветра, не стала спорить, забираясь в его шкуры.

— Итак. — Квелл хлопнул в ладошки. — Мы запасаемся припасами в Черной Скале, а затем направляемся на север, чтобы найти клан. Твои родители... они были так счастливы, когда Зин вернулся и они узнали, что ты жива. Но теперь... — Он ухмыльнулся. — А эти истории, которые мы должны рассказать. Никто нам не поверит, Яз. Я имею в виду...

Яз перестала помогать Мали застегивать куртку Квелла. Что-то привлекло ее внимание на льду.

— Что это? — Яркая золотая точка, похожая на какую-то далекую звезду. Точка превратилась в горящую линию, линия превратилась в прямоугольник золотого света. И сквозь него шагнула фигура, вокруг которой со всех сторон ревело голодное пламя. Фигура в доспехах, мужчина, на котором не было ни дюйма обнаженной плоти.

Он вышел из пламени кузницы и отошел подальше от портала. Когда его стало можно рассмотреть, Яз поняла, что его доспехи были темно-красными и черными, покрывая его, как панцирь жука. Левая сторона его тела все еще горела, огонь трепетал в ярости ветра, угасая, превращаясь в ничто, пока он приближался к ним. Лед таял и испарялся там, где он ступал. Шлем скрывал его голову, забрало представляло собой изгиб черного стекла. В обеих руках он держал нечто, похожее на угольно-черную звезду размером с человеческую голову, хотя Яз не чувствовала ее ауру.

Он шагал к ним, а они стояли, зачарованные его появлением, и смотрели.

Добравшись до них, он поставил черную сферу на лед между ними, а затем выпрямился. В своих доспехах он

был на фут выше Квелла и такой же широкоплечий. Он поднял руку к своему шлему, и каким-то образом передняя половина шлема исчезла, возможно, сложилась слишком быстро, чтобы можно было разглядеть.

— Твою мать, как холодно! — Длинные темные волосы мужчины развевались на ветру. Яз не смогла определить его возраст: что-то от двадцати до сорока, резкие черты лица, дикость в темных глазах, кровь размазана по одной скуле, другая обожжена. Он рассмеялся, и что-то заставило Яз ответить собственной улыбкой. — Рад встрече. Я тебя знаю, — сказал он, указывая на Яз. — И тебя. И тебя. Но не просите меня назвать ваши имена. — Он постучал себя по голове. — Обрывки воспоминаний. — Он опустил руку. — Я принес вам подарок. Я не могу точно вспомнить, почему. Врата делают это с тобой, если ты возвращаешься через годы — погружение в Лету. И если бы вы знали, в какие неприятности я попаду из-за того, что отдам это вам... Ну, пошли они к черту, вот что я говорю! Я все равно отдам его вам. — Он склонил голову набок. — Вы знаете, кто я, верно?

Яз сообразила первой:

— Прометеус.

Мужчина изобразил поклон:

— Они действительно называют меня так, да. Своего рода шутка, но она прижилась. У меня были и другие имена.

— Что ты нам принес? — спросил Квелл с ноткой подозрения в голосе.

— О, ну, это потребует небольшого объяснения. — Прометеус ухмыльнулся и сплюнул на ветер, его слюна замерзла в нескольких дюймах от его рта. — Черт, как вы, люди, вообще... Неважно. Я покажу вам, что принес. Затем мне придется снова закрыть шар, и он останется запечатанным чуть больше ста лет. После этого он ваш. Что ж, я полагаю, вы все будете мертвы. Но это будет достоянием человечества — достоянием четырех племен. Так что вам придется найти кого-нибудь более ответственного, чем я, чтобы присматривать за ним. — Он постучал по шару одной ногой, и верхняя половина исчезла, открыв стенки толщиной в шесть дюймов и небольшое углубление прямо в центре, в котором горело ослепительное сине-белое пламя. — Я принес вам в подарок огонь.

Все трое молча смотрели на него.

— Мы... мы уже знаем об огне, — после долгого молчания сказал Квелл.

— Только не об этом! — Прометеус присел на корточки перед полусферой. — Этот — совсем другой. Опасный. Очень опасный. Вот почему они не хотели, чтобы я отдавал его вам.

— Кто они? И почему ты отдаешь его нам? — спросила Яз.

— Мой народ, Пропавшие. — Прометеус вонзил свои бронированные пальцы в лед — никакой человек не мог так сделать. — И я даю его вам, потому что... ну... Я не могу унести это знание с собой, но вы либо были моими друзьями, либо я по-настоящему обязан вам. Либо то, Либо другое. Возможно, и то, и другое. Потому что это какое-то безумие, даже для меня. — Он взял маленький кусочек льда, который выдолбил, и поднес его к огню. За долю секунды огонь перекинулся на лед и поглотил его. Сильная волна жара ударила Яз, и одетые в металл пальцы Прометеуса раскалились докрасна. Он поморщился, когда ветер охладил их. — Это...

— Огонь богов, — сказал Квелл.

Прометеус пожал плечами.

— Он сожжет воду. Он сожжет лед. Если вы не будете чертовски осторожны, он сожжет целые моря, уничтожит атмосферу и оставит расплавленную планету. Так что... рекомендуется соблюдать осторожность. — Он постучал пальцем по полусфере, и она снова стала цельной. — Откроется снова через сто один год. Поэтому убедитесь, что тот, кому вы его передадите, подготовлен. Научитесь разумно им пользоваться, и вы сможете вернуть себе этот мир от полюса до полюса. На Абете достаточно топлива, чтобы поддерживать планету теплой в течение десятков тысяч лет. После этого у вас возникнут проблемы. Но так бывает всегда.

Прометеус встал.

— Мне лучше идти. Кажется, я ушел в разгар драки. Но серьезно. Моя благодарность за то, что помогли мне стать целым. — Он поклонился Яз. — Миледи. — И с этими словами он восстановил шлем, повернулся и пошел обратно к своей золотой двери, в которой все еще ревел тот самый огонь, который он оставил позади.

Яз наблюдала, как он исчез в свете, и свет тоже исчез.

Квелл засунул голые руки под мышку и устоялся на то место, где только что была дверь:

— Что, черт возьми, это было?

Яз наклонилась и подняла черную сферу. Она не была тяжелой.

— Победа, — сказала она. — Это была победа.

— ЧТО ТЕПЕРЬ? — СПРОСИЛА Мали сквозь стучащие зубы.

Яз оторвалась от созерцания полуночных глубин сферы.

— Что теперь? — эхом отозвался Квелл, забыв о своих прежних планах. Он осмотрел белый горизонт.

— Ну, для начала ты можешь это понести. — Яз передала ему подарок Прометеуса и согнула и разогнула кисти рук. Перчатки, которые дал ей Квелл, были удобными, знакомыми. Когда-то давно она думала о Квелле в этих

терминах. Слишком удобный. Знакомое обольщение, которое удерживает ее от какой-то более великой судьбы.

Она видела зеленый мир, наслаждалась его роскошью, восхищалась его многочисленными чудесами, но все же что-то напоминало ей об этих пустых пустошах. Квелл больше не казался безопасным, и это интриговало. У них был народ, который они должны были вести на юг вместе. Семья, которую нужно растить, несмотря ни на что, как и любую другую семью. Обещание, данное будущему. Огонь, который нужно охранять.

— Что теперь? — Она посмотрела туда, куда смотрел Квелл, на ледяные дали, простиравшиеся от нее. Долгое время все эти разные направления казались одинаковыми. Теперь они казались выбором. Она взяла его за руку. — Время для чего-то нового.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

БЛАГОДАРНОСТИ

Я очень благодарен Агнес Месарош за ее постоянную обратную связь и помощь в завершении еще одной трилогии.

Я также должен поблагодарить, как всегда, весь персонал «Асе» за их поддержку, особенно Джессику Уэйд, Джессику Пламмер, Стефани Фелти и Миранду Хилл. И, конечно, моего агента, Иэна Друри и команду из Шейл Лэнда.